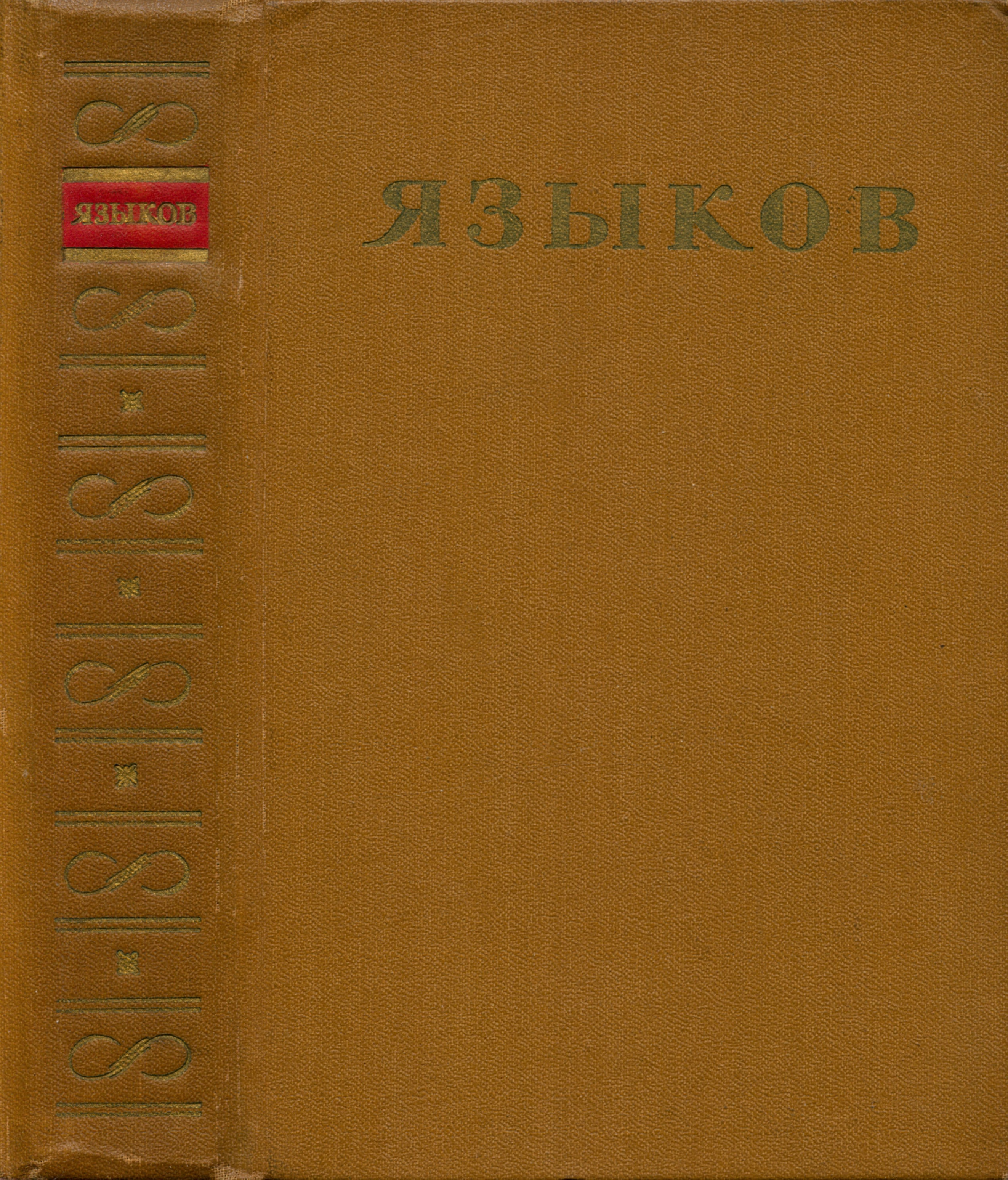

ЯЗЫКОВ
ЯЗЫКОВ

Н. М. ЯЗЫКОВ

Н. М.

ЯЗЫКОВ

Стихотворения

Сказки

Поэмы

Драматические сцены

Письма

Государственное Издательство
Художественной Литературы
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1959

Составление, подготовка текста,
вступительная статья и примечания
И. Д. Гликмана.

Оформление художника
А. А. Красовского

Н. М. ЯЗЫКОВ

Когда Пушкин прочел стихотворение Николая Языкова «Тригорское», он с доброжелательностью гения восторженно воскликнул: «Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать... Он всех нас, стариков, за пояс заткнет». [1]

Это было в 1826 году. Двадцатитрехлетний автор «Тригорского» обучался в Дерптском (Тартуском) университете и любил называть свою музу «студенческой». Это определение было для него синонимом юности, вольнолюбия и оптимизма. Он ощущал в себе неуемную, бьющую через край творческую энергию:

И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!

Эти горделивые слова весьма точно характеризуют «самочувствие» молодого Языкова, который был действительно исполнен огромных и неистраченных сил; вот почему Пушкин сулил ему необыкновенное будущее. Да и сам поэт-студент, обворожививший своими стихами и песнями читающую Россию, рассматривал их как залог будущего. Он упорно и горячо стремился овладеть большой поэтической формой для объективного и широкого изображения действительности, но этим стремлениям не суждено было осуществиться. Языков остался по преимуществу поэтом-лириком, создавшим именно в лирических жанрах наиболее замечательные произведения, вошедшие в золотой фонд русской поэзии, а студенческие годы были самой цветущей порой его творчества.

30-е и первая половина 40-х годов отмечены взлетами и падениями языковского таланта, отчасти обусловленными драматически сложившейся биографией поэта.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XIII. Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 305.

I

Николай Михайлович Языков родился в Симбирске 4 марта 1803 года. Его отец был богатым помещиком, гвардейским прапорщиком в отставке.

Детство Языкова протекало в родовом имении и Симбирске, где царили духовный застой, апатия, сонная одурь. По свидетельству мемуариста, в городе главным образом «...ели, пили, спали и играли», там «не было никакого движения, ни театра, ни концертов, ни даже книжной лавки».[1] Семья Языковых принадлежала к тому небольшому кругу дворянской интеллигенции, из которого вышли Н. М. Карамзин и поэт И. И. Дмитриев, братья Тургеневы, декабрист В. П. Ивашев. Однако домашнее образование будущего поэта было весьма скудным; видимо, все внимание родителей было уделено старшим сыновьям, Петру и Александру, поступившим в петербургский Горный кадетский корпус, куда в 1814 году был отдан и одиннадцатилетний Николай.

Корпус, готовивший специалистов по горнозаводскому делу, имел так называемые «кадетские классы», воспитанники которых получали общее гимназическое образование, по тому времени довольно основательное. В корпусе поощрялись литературные и театральные интересы, занятия музыкой, рисованием, танцами. Само собой разумеется, что Языков проявлял особый интерес к литературе, и именно в корпусе начались его первые поэтические опыты, замеченные и одобренные талантливым преподавателем А. Д. Марковым, памяти которого он впоследствии посвятил глубоко прочувствованные строки.

Юный поэт, бредивший Ломоносовым, Державиным, Жуковским, с увлечением писал стихотворения, подражая своим любимым учителям, а в 1819 году в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности» было напечатано языковское «Послание к Кулибину». Этот дебют не то чтоб вскружил голову шестнадцатилетнему кадету, но помог ему разрешить сомнения насчет будущего. Уверовав в свое истинное призвание, он в этом же 1819 году покинул Горный кадетский корпус. Однако по настоянию братьев поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения, откуда был вскоре «выключен за нехождение».

Было бы неверно объяснять столь «легкомысленное» поведение Языкова только лишь антипатией к чуждой ему инженерной спе-

---

[1] Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799—1826), т. I. М., 1899, стр. 198.

циальности. Дело обстояло несколько иначе: ему глубоко претил казарменный дух, царивший в институте. В одном из писем к родным он с тревогой сообщает: «Нас хотят держать в ежовых рукавицах», а насилие над личностью, раболепство и угодливость вызывали в Языкове чувство отвращения. Характерно, что, живя в Петербурге, он с величайшей неохотой посещал своего сановного родственника, статс-секретаря при Александре I — П. А. Кикина, который со снисходительной насмешкой относился к его стихотворству. Друг семьи Языковых, Д. Н. Свербеев 6 апреля 1820 года с огорчением сообщал в Симбирск, что Николай «ни постом, ни на праздниках... не был у Петра Андреевича ⟨Кикина⟩». Хотя Свербеев был человеком довольно проницательным, но он не мог себе представить, как может затерянный в столице, одинокий студент пренебрегать столь могущественным покровителем.

Внешне конфузливый и застенчивый юноша жил интенсивной внутренней жизнью; он настойчиво постигал ту «му́зыку мыслей», о которой говорится в стихотворении, посвященном А. Д. Маркову.

О живом уме и острой наблюдательности семнадцатилетнего Языкова свидетельствуют сохранившиеся отрывки его писем из Симбирска, куда он приехал осенью 1820 года. Хорошо знакомая с детства картина провинциальной помещичьей жизни предстала перед ним во всей ее неприглядности и убожестве. Город показался ему «болотом человеческих глупостей». Надо было обладать не только чувством юмора, но и умной зоркостью глаза, чтобы написать такие строки: «Ив. Дм. Апраксин скончался и оставил весь город в недоумении, кто без него будет начинать польские ⟨танцы⟩ в здешнем благородном собрании... Назарьев, может быть вам и известный, женился на своей девке. Слава богу, это обыкновение входит в моду, и права супругов распространяются; то ли дело, как жена крепостная: муж может ее продать, заложить и отказать в наследство». [1]

Языков с большим сочувствием приводит афоризм своего родственника А. Д. Валуева, характеризующий симбирский помещичий

---

[1] Языковский архив. Выпуск 1-й. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. СПб., 1913, стр. 407. В дальнейшем для краткости этот источник будет называться «Языковский архив».

Не дошедшие до нас письма Языкова (до 1822 г.) воспроизведены в незначительных отрывках в статье Д. Н. Садовникова, составлявшего биографию поэта. Рукопись статьи Садовникова, хранящаяся в архиве ИРЛИ, частично напечатана в «Языковском архиве».

быт: «Если бы я должен был вечно жить в Симбирске, то скорее согласился бы быть лошадью, чем симбирским дворянином».[1] Языкову по душе этот злой сарказм, ибо у него складывались новые представления о жизни с ее умственными запросами и идеалами, резко враждебными немудреному «лошадиному» существованию.

От юноши не ускользнули и случаи крепостнического произвола, которые ему приходилось наблюдать. Он с негодованием пишет: «Мужиков бесчеловечно грабят... губернатор спит и ничего не видит; в его глазах обдирают мужиков в правлении».[2]

Вернувшись в начале 1821 года в Петербург для поступления в университет, Языков почувствовал аракчеевский гнет, нависший черной тучей над общественной жизнью. Все живое, благородное, талантливое бралось под подозрение, насильственно подавлялось. Предоставленный самому себе, пока еще не связанный с литературными кругами столицы, он глубоко прятал свои думы и тайные помыслы: «Я живу как лягушка в безвоздушном пространстве: дышать нечем, а бытие поддерживается только во внутренности ее заключенным воздухом...»[3]

Осенью 1821 г. Языков был свидетелем разгрома университета, учиненного мракобесом Д. П. Руничем — попечителем Петербургского учебного округа (по примеру пресловутого М. Л. Магницкого, начавшего в 1819 году свирепую «чистку» Казанского университета).

Лучшие петербургские профессора — К. И. Арсеньев, А. И. Галич, К. Ф. Герман, Э. Раупах были обвинены в безбожии, «противухристианской проповеди» и уволены из университета. Несколько раньше произошла расправа с профессором А. П. Куницыным.

Языков с интересом следил за этими событиями и писал о них в Симбирск: «Восемь человек профессоров, разумеется лучших, назначены к выгону... Что ж после этого останется в университете, и зачем будет в оный определяться? Слышно, что великий инквизитор Каз⟨анского⟩ университета занимается теперь составлением устава для здешнего».[4] В другом письме Языков с отвращением рассказывает о ночном налете директора университета Д. А. Кавелина, потребовавшего от студентов конспекты крамольных лекций, «стращая Сибирью». Языков опасался наступления «тьмы кромешной».

---

[1] Языковский архив, стр. 408.
[2] Там же, стр. 409.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 410.

Во всем этом ярко сказались благородная независимость, умение критически мыслить. Замечательно, что неопытный юноша, который, по собственному признанию, «о политических науках» знал «меньше, нежели о китайском императоре», все же решительно не принял официальной правительственной версии университетских событий. Он увидел их подлинную сущность, которая его взволновала, уязвила и оскорбила. «Дело» университетских профессоров стало его собственным делом. Глумление над человеческим достоинством и элементарной свободой вызвало в нем взрыв негодования, возмутило до глубины души, сделало невозможным поступление в университет, опозоренный изуверскими «подвигами» современных инквизиторов.

За время своего сравнительно короткого пребывания в Петербурге (до ноября 1822 г.) Языков в письмах к родным продолжает сообщать столичные новости, имеющие определенную политическую окраску. Он с возмущением рассказывает о грубых фельдфебельских замашках будущего царя, великого князя Николая, бесчинствующего в гвардейских полках и военных школах «...в припадке безумной ревности к солдатским обрядам»,[1] о том, что петербургский генерал-губернатор Милорадович посадил в Петропавловскую крепость известного актера В. А. Каратыгина «за несоблюдение, будто бы, приличий благопристойности»,[2] об аресте драматурга Н. В. Сушкова, который «...публично ...разбранил в театре одного чиновника министерства инквизиции и ц⟨арскую⟩ фамилию».[3]

Живя в Петербурге, Языков сильно пристрастился к театру; он «восхищался» знаменитой трагической актрисой Екатериной Семеновой, ценил, хотя и критиковал, Каратыгина, был хорошо осведомлен о борьбе стилей и направлений на современной ему сцене; но важнее другое: театр был для Языкова своеобразной школой вольнодумства, ибо, по справедливому замечанию исследователя, в зрительном зале этих лет «кипели политические страсти, здесь свободнее говорили, здесь язвительнее клеймили власть Александра и Аракчеева».[4]

В Петербурге Языков много писал, кое-что печатал. Журнал «Новости литературы», публикуя «Посвящение А. М. Языкову», сопроводил его следующим примечанием: «Сердечно благодарим молодого поэта за сей прекрасный подарок отечественной публике. Предсказываем ему блистательные успехи на поприще словесности». Это

---

[1] Языковский архив, стр. 7.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 9.
[4] Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая (1813—1824). М. — Л., изд. АН СССР, 1956, стр. 287.

счастливое напутствие было сделано издателем журнала, поэтом А. Ф. Воейковым. Одним из первых уверовавших в большой талант Языкова был также А. А. Дельвиг, посвятивший ему сонет («Младой певец, дорогою прекрасной»). Через Дельвига о новом поэте с чувством симпатии узнал и Пушкин, находившийся в южной ссылке. По всей видимости, некоторые стихотворения Языкова, даже не предназначенные по цензурным причинам к печати, пользовались популярностью. Так, например, в октябре 1822 года Пушкин в письме из Кишинева к брату Льву Сергеевичу цитирует крылатый сатирический стих Языкова «Наш Август смотрит сентябрем». Под Августом подразумевался Александр I.

Художественное мастерство Языкова быстро мужает и крепнет, но молодой поэт испытывал не только страстную жажду творчества, но и жажду знаний, недостаточность которых он остро ощущал. По совету братьев, Языков в начале ноября 1822 года отправился в Дерпт для поступления на философский факультет университета. Здесь ему суждено было провести целых семь лет.

В патриархальном Дерпте дышалось свободнее и легче, чем в Петербурге. Рука изувера Магницкого не успела дотянуться до университета. Традиция предписывала уважать старинные студенческие обычаи. Языков с наслаждением окунулся в новый для него мир. Вскоре после приезда в Дерпт он радостно воскликнул: «Здесь человеку нет цепей, здесь ум божественный не скован».

Давным-давно опровергнута бытовавшая в литературоведении легенда о крайнем легкомыслии, лени и невежестве студента Языкова, который, якобы, только и делал, что совершал возлияния в честь Бахуса. Он, конечно, отдал дань, и, быть может, неумеренную, проказам юности, но пребывание в Дерпте было отмечено упорной и неутомимой умственной работой. Осуществление своих творческих замыслов Языков связывал с необходимостью овладения знаниями: «В голове моей собирается много надежд и мыслей, смею сказать новых, но вся эта милиция смиренно ожидает искусного генерала — Науки, чтобы уповательнее выступить на поприще славы».[1] Он в совершенстве овладел немецким и французским языками, изучал английский, греческий и латынь, штудировал университетские курсы, не только обязательные, но и факультативные, а главное — с ненасытной жадностью читал. Его интересовали русская и всемирная история, эстетика, политическая экономия, изобразительные искусства

[1] Языковский архив, стр. 43.

и архитектура. В западноевропейской литературе он с особенной любовью выделял имена Шекспира, Кальдерона, Шиллера, Гете, Байрона и немецких романтиков, причем его суждения о многих прочитанных книгах отличались глубиной и свежестью мысли.

Уже в начале дерптского периода поэтическое творчество становится для Языкова высшим смыслом, счастьем и целью жизни. Когда статс-секретарь П. А. Кикин высокомерно посоветовал ему «бросить» писать стихи, он запальчиво ответил: «Вздор! Я скорее брошу в жизни все, что можно бросить, чем стихи. Хороши ли, худы ли они — только я счастлив, когда пишу их, пишу много — следственно, часто бываю счастлив, а этого и довольно для меня» [1]. Этим искренним словам он был верен до конца своих дней. Языков действительно много писал; в столичных журналах и альманахах печатались его стихи, пользовавшиеся любовью и читателей и поэтов.

*
*   *

Семилетнее пребывание в Дерпте не сделало Языкова провинциалом. Он с неослабным вниманием следил за общественно-политическими событиями, он жил всеми интересами своего времени, разделяя идеи и взгляды передовых людей 20-х годов. Его волнует судьба поэта П. А. Катенина, высланного из Петербурга за политическую неблагонадежность; его тревожат вести из Казани, где в начале 1823 года происходил суд над профессором университета Г. И. Солнцевым, обвинявшимся в «безбожном направлении»; Языков задает саркастический вопрос: в чью пользу произошла перемена: «Библии или наук»? Его интересует положение в Польше после Венского конгресса 1814—1815 годов. В сентябре 1823 года ему удается прочесть на французском языке запрещенную книжку о заговоре против наместника Польши великого князя Константина Павловича. Языков с негодованием говорит о тупости и бессмысленной жестокости цензуры, принуждающей писателей «молчать или говорить вяло и пусто»; [2] он резюмирует свои горестные размышления по этому поводу цитатой из басни Крылова «Кошка и соловей»: «Худые песни соловью в когтях у кошки».

Антимонархические взгляды Языкова, отчетливо выразившиеся в его творчестве, пугали профессора университета Перевощикова,

---

[1] Языковский архив, стр. 124.
[2] Там же, стр. 118.

который, по словам поэта, стремился обратить его «на дорогу прославления Христовой и монархической крови». Но эта попытка была тщетной. Языков решительно не испытывал никакой симпатии к «монархической крови» не только в переносном, но и в буквальном смысле. Об этом свидетельствует хотя бы такой характерный случай. Летом 1825 года Дерпт посетила великая княгиня Мария Павловна. Студент Языков был назначен в ее свиту, но лестная обязанность сопровождать «августейшую особу» показалась ему унизительной и противной. Об этом эпизоде он пишет брату с плохо скрытой иронией: «Я... не буду иметь удовольствия или, лучше, случая видеть вблизи кровь царскую: болезнь зубов, очень кстати меня посетившая, этому препятствует». [1]

Чувство собственного достоинства, эмансипация личности от какого бы то ни было принуждения, гнета, насилия — вот девиз молодого Языкова, девиз, в основе своей враждебный духу полицейского государства. В письме к брату Петру Михайловичу от 27 августа 1825 года он пишет: «Будем как можно свободнее во всех смыслах: одно желание кого-нибудь, к чему-нибудь, чем бы то ни было принуждать не должно никогда иметь место в голове человека свободного». [2]

Восстание декабристов было тем пробным камнем, на котором проверялись общественно-политические и нравственные позиции людей 20-х годов. Никто, кроме тупых благонамеренных филистеров, не мог оставаться равнодушным к великим событиям декабрьских дней. Отъявленные реакционеры торжествовали, мнимые «либералисты» сразу же отреклись от своих временных «заблуждений», а подлинные приверженцы свободы, формально и не состоявшие в тайных обществах, переживали крах восстания как личную драму. К последним принадлежал и двадцатидвухлетний Языков. Он сочувствовал идеям декабристов, преклонялся перед их мужеством, осуждал венценосного палача. Само собой разумеется, что в своих письмах этого периода он, как правило, соблюдал крайнюю осторожность. Опасаясь перлюстрации, он скрытничал, отделывался туманными фразами, полунамеками, а иногда и символами. Так, например, письмо сестре из Петербурга от 30 декабря 1825 года, вполне невинное по содержанию, написано на траурной бумаге. Замечателен по своему глубокому смыслу постскриптум к письму от 21 мая 1826 года: «Не пугайтесь черною печатью на моих письмах: в декабре прошлого года, *во дни плача России* (подчеркнуто мною. —

---

[1] Языковский архив, стр. 194.
[2] Там же, стр. 200.

И. Г.), я сгоряча купил его ⟨сургуч⟩ так много, что, вероятно, и до конца текущего года буду им печатать».[1] Следовательно, по убеждению Языкова, лучшие люди России оплакивали побежденных декабристов и весь 1826 год будет траурным и черным, как черен сургуч, которым он запечатывает свои письма.

В напряженные дни следствия и суда по делу декабристов Языков просит доставить ему ходивший по рукам список ненапечатанной оды Рылеева «Гражданское мужество». Письма его пестрят упоминаниями и вопросами по поводу осужденных и осуждаемых повстанцев. Казнь пяти декабристов и массовые ссылки в Сибирь потрясли Языкова, сравнившего этот террор с зверствами Бирона и библейского Ирода. (Заметим, что среди осужденных на каторгу был декабрист В. П. Ивашев, на сестре которого был женат Петр Михайлович Языков.)

В начале царствования Николая I Языкова в какой-то мере обнадежили намеки на перемены, содержавшиеся в манифесте 1826 года, отставка ненавистного Аракчеева, слухи о составлении свода законов. В письмах этого периода некоторые языковские высказывания о новом царе прямо перекликаются с пушкинскими «Стансами» («В надежде славы и добра»). Но вместе с тем Языков уличает Николая в жестокости и лицемерии, он предупреждает его о возмездии: политика «велит быть осторожною даже голове венценосной и руке, по манию которой судят, осуждают, пытают и вешают! А нечего сказать: смягчение наказаний из отсечения головы на вечную или 20-летнюю, что равно, каторгу напомнило было равномерно милосердные поступки императрицы Анны Ивановны».[2] Это письмо таит в себе мысли об исторической неизбежности и закономерности 14 декабря; над такого рода событиями не властны никакие царские «указы»: «пора увериться всякому, что дух времени не слушает указов и всегда пойдет своей дорогой и построит, что ему надобно! Ирод может истребить множество людей... но Христос ему недоступен: вера чистейшая и прекрасная осветит вселенную, и божественное всегда восторжествует».[3]

Не может быть никаких сомнений в том, что под словами «Христос» и «божественное» индифферентный к религии поэт подразумевает *справедливость*, которая и восторжествует вопреки всему.

---

[1] Языковский архив, стр. 253.
[2] Там же, стр. 260.
[3] Там же.

В течение всего 1826 года Языков проявляет острый интерес к судьбе декабристов. В октябре ему удалось получить копии писем Рылеева и А. И. Якубовича, написанных в тюрьме. Вот с какой просьбой он обращается к брату Александру Михайловичу: «Сделай милость, пришли мне, если можешь достать, писем казненных и в Сибирь отправленных несчастных: это любопытно и в политическом и в психологическом отношении».[1] Само собой разумеется, что эта просьба была вызвана не праздным любопытством. Есть основание предполагать, что Языков мечтал о поэтическом воплощении подвига декабристов, но он понимал неосуществимость такого замысла; новый цензурный устав, опубликованный в 1826 году, ужаснул его своей свирепостью; он назвал его «совершенной инквизицией», произволом, достойным турецких янычар. В несохранившихся языковских письмах к Пушкину, относящихся к 1826 году, было, по всей вероятности, немало политически острых суждений о декабристах и о николаевском режиме. Не случайно Языков опасался за свою корреспонденцию: «У меня завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное, дай бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась!»[2] Не может быть двух мнений насчет того, что Языков был единомышленником Пушкина, по настоянию которого он приехал в село Тригорское в июне 1826 года. Оба поэта были неразлучны в течение двух месяцев, и их беседы носили самый откровенный и злободневный характер. Они не могли не говорить о своих, по выражению Языкова, «литературных товарищах», томившихся в крепости и ожидавших приговора суда. «Зовем свободу в нашу Русь», — так определил Языков тематику дружеских собеседований в Тригорском.

Поражение декабристов, тяжело пережитое Языковым, не привело его к безысходному пессимизму. Пытаясь объяснить минувшие события и уяснить себе будущее, ибо современная действительность представлялась ему «досадной и несносной», он искал ответы на «проклятые» вопросы и в истории народов. Его внимание привлекали революционные движения. В январе 1828 года он с восторженным чувством читал двухтомную «Историю американской революции» Давида Рамзая. В победоносной революционно-освободительной войне американского народа за свою независимость Языков видел поучительный и вдохновляющий пример для настоящего и будущего. Вот какими словами он характеризует труд Рамзая: «Книга золотая, священная книга народов, главная, необходимая, дополнение настоя-

[1] Языковский архив, стр. 266.
[2] Там же, стр. 261.

щего и пример будущего!»[1] (Нетрудно заметить, что эти слова Языкова представляют собой перифразу начальных строк Н. М. Карамзина из предисловия к «Истории государства Российского», но ими характеризуется не история вообще, а история американской революции.)

II

Под влиянием декабризма складывались и литературные воззрения молодого Языкова, принятого в 1824 году, по рекомендации Рылеева, в члены «Вольного общества любителей российской словесности». В литературной программе декабристов Языкова привлекали важнейшие тезисы о национальной самобытности русской культуры, о новом, гражданском осмыслении истории и поэтических преданий народа. По примеру писателей-декабристов он проникся особым интересом к вечевому строю Новгорода и Пскова, к теме освободительной борьбы против татарского ига. Он усвоил у декабристов прием сознательной модернизации исторического прошлого для обличения современности, а также для того, чтобы «возбуждать доблести сограждан подвигами предков». С этой известной формулой Александра Бестужева перекликаются многочисленные высказывания Языкова, легшие в основу целого ряда его стихотворений.

Языков с оптимизмом смотрел на современную ему русскую литературу, предвещая ей еще более блестящую будущность, которая поставит ее вровень с «золотым веком» испанского Возрождения. Он преклонялся перед Крыловым, «которого нельзя довольно хвалить». В 1827 году он упрекал Вяземского за недооценку великого баснописца, удивляясь тому, как можно предпочитать «чисто написанные басни ⟨Дмитриева⟩ несравненным, гениальным и классическим басням Крылова».[2] Языков восхищался личностью Грибоедова и его творчеством. Будучи хорошо осведомленным о ходе работы над «Горе от ума», он с нетерпением ожидал присылки в Дерпт списка комедии, которая была им провозглашена произведением, делающим «честь нашему времени и уму русскому». В письме к сестре от 27 августа 1825 года он советует ей смотреть на жизнь глазами Грибоедова: «Читай ее ⟨комедию⟩ чаще и учись смотреть на свет глазами Грибоедова: тогда только ты увидишь его, как он есть».[3] В письме к брату Петру Михайловичу от 4 октября 1825 года он снова воз-

---

[1] Языковский архив, стр. 348.
[2] Там же, стр. 122.
[3] Там же, стр. 203.

вращается к Грибоедову: «Я не могу перестать читать его комедию и удивляться величине его сатирического таланта». [1]

Языков высоко ценил исторические «Думы» Рылеева и в особенности его поэму «Войнаровский», в которой находил «места восхитительные». Строгий и придирчивый, Языков одобрительно отзывался о трагедии Кюхельбекера «Аргивяне», в которой ему импонировал ее республиканский дух. После 14 декабря он проявлял интерес к романтической трагедии Кюхельбекера «Ижорский», фрагменты которой ему довелось слушать из уст автора летом 1825 года. В творчестве Катенина Языков, подобно Пушкину, ценил яркий национальный колорит и силу, хотя упрекал поэта за «слог топорной работы».

Он отрицательно отзывался о Плетневе, В. Туманском, И. Козлове, упрекая их за недостаточную самостоятельность; высмеивал чувствительных элегиков-карамзинистов и, полемизируя с ними, демонстративно называл многие свои стихотворения — самые разные по содержанию, форме и настроению — «элегиями».

Языков с большой симпатией относился к поэзии Баратынского, Дельвига, Дениса Давыдова. Осенью 1831 года он с радостным изумлением прочел только что вышедшие «Вечера на хуторе близ Диканьки» и предсказал незнакомому молодому писателю большое будущее: «Если не ошибаюсь, то Гоголь пойдет гоголем в нашей литературе: в нем очень много поэзии, смысла, юмора». [2] Таким образом, по своим литературным взглядам, привязанностям и вкусам Языков был на стороне декабристов и пушкинского лагеря. Однако отношение к самому Пушкину отмечено сложностью и противоречивостью.

Имя гениального поэта всегда волновало воображение и мысли Языкова, притягивало, как магнит. Он ловил на лету различные сведения и слухи о жизни Пушкина, о его планах и намерениях, воспроизводил в письмах его остроты и каламбуры. Он искренне считал его «человеком необыкновенным» и «бессмертным поэтом». Пребывание в селе Тригорском (летом 1826 г.), оставившее неизгладимый след в душе Языкова, положило начало неоднократным дружеским встречам в Москве и Симбирске. Языков прекрасно понимал значение и величие Пушкина, для которого одинаково оскорбительны и царский гнев и царская милость. Когда Николай I выразил желание стать монопольным цензором Пушкина, Языков воспринял эту «монаршую милость» с явным сарказмом. Вот что он писал по этому поводу 3 ноября 1826 года: «Государь сказал Пушкину, чтоб он писал больше, зане он сам его цензор! Лет за пятьдесят в России про-

---

[1] Языковский архив, стр. 208.
[2] «Русская старина», 1903, № 3, стр. 530—531.

даже соли принадлежала исключительно одному графу Шувалову! Какие великие предметы для рассуждений, какая пышная игра фантазии! Какие mores и tempora! ⟨нравы и времена⟩».[1] В этих сатирических строчках звучит не только злая насмешка над Николаем I, но и соболезнование великому поэту, чьи творения будут отныне подвластны августейшему фельдфебелю-цензору.

Пушкин считал Языкова своим единомышленником и литературным соратником. Так, например, свое участие в журнале «Московский вестник» он связывал с непременным сотрудничеством Языкова, которому писал 21 декабря 1826 года: «Вы знаете по газетам, что я участвую в *Моск⟨овском⟩ вестнике*, следственно и вы также... Непременно будьте же наш».[2] Осенью 1834 года Пушкин спрашивал Языкова, согласится ли он участвовать в новом журнале, чтобы совместно дать «порядочный отпор» рептильной и беспринципной критике. В 1836 году вышел журнал «Современник» под редакцией Пушкина. Он обратился к Языкову с такими словами: «Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая... мы ею окатим «Современник»; опрысните его Вашими кипучими каплями».[3]

Однако преклонение перед Пушкиным самым причудливым образом сочеталось с резкой, хотя и непоследовательной критикой его творчества. Языковские письма полны нападок на первые главы «Евгения Онегина», на «Руслана и Людмилу» и «Сказки». Само собой разумеется, что невозможно заподозрить Языкова ни в отсутствии художественного вкуса, ни, тем более, в зависти, но чем же объяснить эту полемику со своим величайшим современником? Во-первых, следует заметить, что и Баратынский был так же необъективен в оценке Пушкина; таким образом, два наиболее ярких таланта пушкинского созвездия бунтовали против властителя их собственных дум, чья притягательная сила была и обаятельной и неотразимой. Эта полемика, не выходившая, конечно, за пределы частной переписки, родилась из стремления сохранить художественную индивидуальность, избежать печальной участи эпигонов, найти для своей музы собственную дорогу.

Языков гордился творческой самобытностью, «неподдельной природой»: «Свое добро, свои грехи», но он, конечно, испытал на себе

---

[1] Языковский архив, стр. 269.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XIII, Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 314.

[3] Там же, т. XVI, 1949, стр. 105.

влияние Пушкина, и это ясно ощущается и в стилистике и в самом звучании многих его стихотворений. Языков боялся «передразнивать» Пушкина. Из этих побуждений, естественных для настоящего художника, возникли, однако, нарочитая полемичность, преувеличенная резкость и противоречивость некоторых суждений о пушкинских творениях. Так, например, прочтя в списке «Бахчисарайский фонтан», Языков назвал эту поэму «едва ли не худшей из всех прежних», но эстетическое чувство восстало против собственного приговора: через месяц он снова прочел поэму и воскликнул: «Какая красота в описаниях, какая живость красок!» [1]

Сложная проблема отношений Языкова к Пушкину имеет и другой аспект. В отрицательной оценке первых глав «Евгения Онегина» Языков перекликался с писателями-декабристами, упрекавшими Пушкина за отсутствие сатирического пафоса в изображении великосветского общества. Помимо того, реализм романа оказался чуждым романтической эстетике декабристских литераторов. 10 марта 1825 года Рылеев писал Пушкину: «он ⟨«Онегин»⟩ ниже «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника». Я готов спорить об этом до второго пришествия». Такого же мнения придерживался Александр Бестужев. К ним примыкал и Языков, разделявший основные положения литературной программы декабризма.

Начало поэтической деятельности Языкова совпало с расцветом романтизма в русской литературе. Романтическая эстетика декабристов была созвучна художественному мировоззрению Языкова. В новом литературном направлении ему импонировали героическая возвышенность чувств, гражданская тенденциозность, интерес к историческому прошлому и фольклору, творческая свобода художника, смело ломающего установившиеся каноны и правила. Языков провозгласил право поэта на раскрытие своего лирического «я», за которым стоит объективный мир в его сложном многообразии. Этот важный принцип романтической поэзии определил характер языковской лирики, в которой очень силен автобиографический элемент. Пушкин, обращаясь к Языкову, писал в «Евгении Онегине»:

И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

Но судьба подлинного поэта тесно связана с общественной жизнью, которая находит отображение в его лирике.

---

[1] Языковский архив, стр. 128.

В поэзии Языкова, питавшейся соками живой действительности, легко обнаружить элементы реализма, органически вплетающиеся в художественную ткань любовной и пейзажной лирики, заграничных стихотворений, «пушкинского цикла». Но эти элементы созревали внутри романтического стиля, который был господствующим в языковском творчестве. Поисками иного художественного метода, сознательной эволюцией в сторону реализма отмечена предсмертная поэма Языкова «Липы» (1846). Но она стоит особняком в его литературном наследии и как бы возвещает о новых тенденциях поэта-романтика в эпоху становления и расцвета гоголевской школы.

III

Шел седьмой год университетской жизни Языкова, а ему никак не удавалось сдать экзамен и получить диплом. Было что-то несуразное в том, что известный поэт, умный, широко образованный человек, все еще оставался «вечным» студентом. Языков понимал это, досадовал на себя, предавался самобичеванию, но так и не смог окончить курс. Весной 1829 года он покинул Дерпт и переехал в Москву, чтобы начать новую жизнь, обогатиться свежими впечатлениями, осуществить большие художественные планы, теснившиеся в его голове: он мечтал о создании трагедии и цикла поэм.

В Москве Языков по-дружески встречался с Пушкиным и Баратынским, завязал новые литературные знакомства и особенно сблизился с братьями Киреевскими, будущими славянофилами, — людьми незаурядными и талантливыми. Вместе с Петром Киреевским он начал собирать материалы по русской народной поэзии, страстная любовь к которой у него зародилась еще в Дерпте. Этому предприятию он посвятил много сил и энергии, став, таким образом, одним из пионеров русской фольклористики. В народном творчестве он видел «сокровище неоцененное... чистое, верное, золотое зеркало всего русского».[1]

Языков с большим энтузиазмом помогал Ивану Киреевскому организовать издание журнала «Европеец», который, по мысли его создателей, должен был противостоять продажной и реакционной публицистике Булгарина — Греча. Журнал, вышедший под новый, 1832 год, вызвал сочувственный отклик Пушкина; А. И. Герцен в «Былом и думах» назвал этот журнал «превосходным». Однако

---

[1] Об этом см. подробнее: Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. Л., 1935.

статья И. Киреевского «Девятнадцатый век», напечатанная в первом номере «Европейца», обратила на себя внимание самого Николая I, по приказанию которого журнал был закрыт. Запрещение журнала глубоко огорчило Языкова, недаром говорившего, что в современной ему России «все отличное претыкается».

Критическое отношение к современности уживалось в Языкове с идеализацией прошлого, но если в дерптский период новгородская и псковская старина была для него идеалом республиканской вольности, то в 30-х годах, под влиянием П. Киреевского, он начал возводить в культ историческое прошлое вообще.

В 1832 году Языков начал готовить свой первый сборник стихотворений. Опасаясь цензуры, «рассвирепевшей здесь до безумия», он, видимо, поэтому не включил в сборник целый ряд вольнолюбивых стихотворений 20-х годов. Книга вышла в 1833 году, когда Языков уже находился в своем симбирском поместье. Он надеялся в деревенском уединении много написать, но за четырехлетнее пребывание в Симбирске создал около десятка стихотворений, «Сказку о пастухе и диком вепре» и «Жар-птицу».

В этот период появились грозные признаки болезни спинного мозга, исковеркавшей жизнь Языкова, надломившей его душевные силы и безвременно унесшей его в могилу. В 1837 году он отправился для лечения за границу, где провел около шести лет на курортах Австрии, Германии, Франции, Италии; но болезнь прогрессировала и постепенно разрушала его могучий организм.

В 1839 году произошло знакомство с Гоголем, вскоре перешедшее в тесную дружбу: «Наши мысли и вкусы были почти сходны... Как он ⟨Языков⟩ был добр ко мне и как любил меня!»[1] Гоголь, в свою очередь, любил в Языкове и поэта и человека. В этой дружбе не было абсолютного равенства: одному из друзей должна была принадлежать доминирующая роль. И эту роль взял на себя Гоголь; ему на это давали право его гений и громадный авторитет. Гоголь в своих письмах выказывал нежную заботу о больном Языкове, но он был еще более озабочен духовно-нравственным здоровьем своего друга (не забудем, что переписка падает на период идейного кризиса великого писателя). Гоголь разговаривал с Языковым как учитель, наставник, проповедник, чьи слова непререкаемы и святы: «О, верь словам моим!.. Ничего не в силах я тебе более сказать, как только: верь словам моим. Я сам не смею не верить словам моим».[2] В боль-

---

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. XIII. Л., изд. АН СССР, 1952, стр. 213.
[2] Там же, т. XI. 1952, стр. 347.

шом письме-наставлении от 4 ноября 1843 года Гоголь говорит о могуществе веры и молитвы, приносящих исцеление от всех страданий. В другом письме он рекомендует в качестве панацеи от всех бед ежедневное чтение ⟨в одни и те же часы⟩ библии и других священных книг. Хотя Языков с ученической покорностью воспринимал религиозную проповедь Гоголя, но она не оставила сколько-нибудь заметных следов в его творчестве: он ограничился обработкой церковной легенды о константинопольском землетрясении; Жуковский и Гоголь провозгласили это стихотворение-притчу одним из лучших в русской поэзии. Нет ничего удивительного в том, что автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» восторженно отозвался о послании «К не нашим», которое запятнало поэтическое и гражданское имя Языкова. Вот что Гоголь писал в начале февраля 1845 года: «Сам бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи «К не нашим». Душа твоя была орга́н, а бряцали на нем другие персты».[1] Однако примерно через месяц (5 апреля 1845 г.) Гоголь упрекал поэта за оскорбительный тон его посланий против западников, говоря при этом, что «нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастью, не совсем без основания их некоторые выводы».[2] Была и другая сторона во взаимоотношениях обоих писателей. Гоголь неоднократно писал Языкову о высоком предназначении литературы, об особой миссии лирического поэта, который не может быть «покойным созерцателем жизни»; он призывал Языкова на материале библии или «коренной русской старины» рисовать такие картины, которые бы «пришлись именно к нашему веку», чтобы в них были «или упрек или одобренье ему». Эти взгляды совпадали с концепцией самого Языкова, искавшего в истории «примеры настоящего и будущего», но жизнь поэта уже была на исходе, и он не нашел в себе сил для осуществления больших художественных замыслов.

В 1843 году Языков, смертельно истосковавшийся по родине, вернулся в Москву, где провел последние, но отнюдь не безбурные, три года жизни.

Из переписки поэта мы узнаем о возникшем у него исключительно остром интересе к отечественной живописи и архитектуре, к русским художникам, к проблеме художественного образования в России. Видимо, не без влияния Гоголя, он проникается особенной

---

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. XII. Л., изд. АН СССР, 1952, стр. 455.

[2] Там же, стр. 476.

любовью к великому художнику Александру Иванову, оказывает ему материальную и духовную поддержку, тревожится за судьбу знаменитой картины «Явление Христа народу». Языкова возмущает лицемерие Николая I, этого фальшивого мецената, который при встрече с Ивановым «обласкал» его, но «эта ласка не принесла ему ни на грош пользы. Ему отказали в вспоможении, и ему просто нечего есть. Такой неожиданный «пример будущего» есть самое красноречивое свидетельство в пользу Иванова, и как живописца и как человека».[1] В этих словах — весь Языков, еще с молодых лет постигший ту простую истину, что в самодержавном государстве человеческая гордость и талант должны рассчитывать или на враждебность, или на ледяное равнодушие.

Тяжелобольной Языков не остался в стороне от общественной борьбы, принявшей к середине 40-х годов более острую форму в связи с кризисом феодально-крепостнической системы; отчетливей и резче выступили противоречия между революционной демократией и идеологами «официальной народности» и славянофильства.

Языков примкнул к славянофилам, с которыми он был связан личной дружбой. На него оказали большое влияние А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, семья Аксаковых. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что Хомяков, которого А. И. Герцен в «Былом и думах» назвал «Ильей Муромцем, разившим всех со стороны православия и славянизма», был женат на сестре Языкова — Екатерине Михайловне. Не случайно Герцен говорил, что «некогда любимый поэт» сделался «святошей от болезни и славянофилом по родству». Больше того, Герцен рассматривал возмутившие его языковские послания против «западников» как «произведение славянофильских наущений Хомякова».[2] Эти авторитетные утверждения свидетельствуют о том, что Языков не имел твердых славянофильских убеждений и пресловутые полемические послания были скорее всего случайным эпизодом в его биографии. Небезынтересно отметить, что подобной точки зрения придерживался и Д. Н. Свербеев, друживший с Языковым, Гоголем, Чаадаевым, Герценом. Вот что пишет этот, заслуживающий доверия, мемуарист: «Корифеи доктрины подучили одного самого незлобивого московского поэта ⟨Языкова⟩ разразиться на него ⟨Чаадаева⟩ проклятиями в стихах... В из-

---

[1] «Русская старина», 1903, № 3, стр. 538.

[2] А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. II. М., изд. АН СССР, 1954, стр. 396.

винение поэта скажем, что он почти не знал Чаадаева и восстал против него, раздраженный своими друзьями».[1]

При всем этом влияние Хомякова и его единомышленников было столь сильным потому, что оно было созвучно патриархальным иллюзиям Языкова.

Герцен в 1844 году назвал Языкова человеком «отсталым». Именно вследствие этой идейной отсталости Языков увидел в славянофильских теориях выражение истинного патриотизма, любовь «ко всему отечественному», защиту национальной независимости русской культуры, враждебность к слепым «чужеземным» влияниям, то есть то, что, по его мнению, соответствовало тем декабристским формулам, которые были им усвоены в 20-х годах. Вот почему он в одном из предсмертных писем к А. Н. Вульфу убежденно говорил о верности идеалам своей молодости. Языков глубоко заблуждался, ибо под воздействием славянофилов он в своих посланиях ополчился против самой идеи революционного переустройства общества, против прогрессивных явлений духовной культуры Западной Европы, против петровских реформ, то есть против того, что было им воспето в годы молодости. Свое отношение к России он выразил в форме альтернативы: любовь к родине несовместима с уважением к западной цивилизации. Совершенно очевидно, что все эти реакционные положения ничего общего не имеют с декабристскими лозунгами, приверженцем которых он был в 20-х годах. Тем не менее Языков не стал фанатиком православия и монархизма. Весьма знаменательно, что он, в противоположность С. П. Шевыреву, отрицательно отнесся к «фантастическому», по выражению Белинского, предисловию Гоголя ко второму изданию «Мертвых душ», исполненному христианского смирения и самоотрицания. Языков, назвавший это предисловие «престранным», с глубоким убеждением заявляет: «Будь я на месте Шевырева, заведующего этим изданием, я бы не напечатал такого предисловия».[2] Характерно и то, что Языков даже не пытался опубликовать послания «К не нашим», «К Чаадаеву» и другие (они были известны только в списках). Д. Н. Свербеев рассказывает в своих «Записках», что поэт в личных беседах с ним никогда не касался своих «задорных стихов»: он их стеснялся. Эти «смягчающие» обстоятельства говорят лишь о непоследовательности и противоречивости во взглядах Языкова последнего периода жизни. Он пытался примирить идеалы патриота и гуманиста с фальшивым народолю-

---

[1] Записки Дмитрия Николаевича Свербеева, т. II. М., 1899, стр. 402.

[2] «Литературное наследство», т. 58. М., 1952, стр. 691.

бием, косностью и реакционностью славянофильских теорий. Это привело к идейному грехопадению поэта, выразившемуся в тех полемических посланиях, которые бросили тень на его гражданскую репутацию. Судьба не позволила Языкову пересмотреть свои взгляды, искать новые пути: он умер 26 декабря 1846 года.

IV

В первых стихотворных опытах Языкова легко обнаружить заимствования из любимых поэтов: Ломоносова и Державина, Жуковского и Батюшкова. Традиционные приемы, обороты и фразеология в духе классицизма XVIII века скрещиваются с мотивами предромантической поэзии. Но бросается в глаза и другое: ранние, подражательные стихотворения Языкова проникнуты лирическими элементами. Так, например, сквозь торжественную архаику и риторические фигуры обоих посланий к Кулибину (1819) проступают живые, индивидуальные черты шестнадцатилетнего поэта. В его «душе обвороженной» возникает героическая тема Оссиановых поэм — «Фингал непобедимый»; для него нет ничего «милей бесценного родного края», которому он посвящает нежные и ласковые строки, и риторическое послание согревается изнутри теплой лирической интонацией; юношу привлекает жизнь, исполненная свободы и радости, «где все друзья и братья» (послание «К брату», 1821). Пусть эта картина сельского приволья, нарисованная под влиянием «Моих пенатов» Батюшкова, носит в целом условный, идиллический характер, но молодой поэт искренне выразил в ней свою неприязнь к жеманству, скуке, фальши и горячую симпатию к безыскусственной простоте и равенству в человеческих отношениях. Тема родины, героики, дружбы, братства и радости, едва намеченная в первых стихотворениях Языкова, станет главной и ведущей в его творчестве.

Период ученичества был кратким, он продолжался каких-нибудь два-три года. Поэтический голос Языкова быстро окреп, налился звенящей силой, приобрел гибкость и богатство красок. Это остро ощущается уже в стихотворениях 1822 года. В «Посвящении А. М. Языкову» поэт в ярко выраженной декларативной форме определяет свою художественную программу и тематику будущих произведений. Воодушевленный любовью к родине,

Он станет петь дела отцов,
. . . .
Святые битвы за свободу.

В этом девизе обобщены мысли Языкова, неоднократно высказанные в письмах. 20 декабря 1822 года он писал брату Александру Михайловичу: «Где же искать вдохновения, как не в тех веках, когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером?» [1] Нетрудно заметить смысловое и даже текстуальное совпадение этих строк с декларациями писателей-декабристов. Национально-исторической теме, истолкованной в соответствии с политической проблематикой современности, Языков посвящает цикл стихотворений. Прошлое предстает в них в романтическом ореоле величия и славы. Поэт в дифирамбических тонах воспевает народ за его неистребимую жажду свободы, во имя которой он сражался, проливал кровь, терпел поражения и одерживал победы. В некоторых стихотворениях слышится тоска по героическому подвигу, звучат призывы к борьбе, мужеству и отваге. В этом смысле характерна «Песня короля Регнера» (1822), полная воинственности, мрачной и неистовой энергии. В стремительных и упругих ритмах стиха мастерски передано упоение битвой, пусть жестокой и беспощадной, но рождающей героев. Денис Давыдов в 1833 году писал Языкову: «В обеих последних войнах стихи ваши (песнь короля Регнера)... возились мною за пазухой, как волшебная ладонка, имеющая свойства возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе». [2] Одновременно с «Песней короля Регнера» была написана «Моя родина», которая тоже обладала свойством «возвышать душу». В этом замечательном стихотворении выражена страстная и беззаветная любовь к родной стране, «где пелися песни войны и свободы»; непосредственность и лиризм задушевной беседы сочетаются в нем с декламационной выразительностью и ораторским пафосом. Это сочетание вообще характерно для многих произведений Языкова «гражданского состава»; голос поэта открыто вторгается в повествование, комментирует его, окрашивает в радостные или скорбные тона.

Языков воодушевлен высокими гражданскими идеалами: «Оракулы веков душе передадут и жар отважных дум и смелость упованья». Он беседует с «минувшими веками», и в его воображении оживают героические картины:

Героев призраки из мрака старины
Встают передо мной шумящими рядами...

(«В. М. Княжевичу»)

---

[1] Языковский архив, стр. 29.
[2] Сочинения Д. В. Давыдова, т. III, СПб., 1893, стр. 182.

Подобно литераторам-декабристам, Языков видит в легендарном древнерусском певце Баяне поэта-гражданина. В целом ряде языковских стихотворений изображен романтизированный образ Баяна, сражающегося за свободу и мечом и зажигательным поэтическим словом. Он призывает к мщению угнетателям; слова его полны страстной убежденности, душевного жара, мужественных, маршевых интонаций.

Драматизмом и скорбью проникнута «Песнь барда во время владычества татар в России». Татарское иго получает здесь расширительное значение, оно становится символом несломленной и неповерженной тирании. Напоминая о минувших временах «вольности, и славы, и побед», поэт с укоризной обращается к своим современникам, влачащим цепи рабства: «Жестоких бедствий ураган рабов полмертвых оглашает». Эта формула, вложенная в уста древнерусского барда, сохраняет свою зловещую силу и для начала 20-х годов XIX столетия. Поэт с мрачным пафосом библейского пророка предсказывает народные бедствия, вызванные покорностью тиранам:

И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.

Все стихотворение, несмотря на его трагический колорит, является не только укором, но и призывом к действию и борьбе.

Теме татарского нашествия посвящено и стихотворение «Евпатий», в котором Языков стремился воспеть героику подвига. Поэт рисует картину гибели Рязани под натиском хана Батыя. Взволнованный, экспрессивный рассказ гонца, вопросительные и восклицательные конструкции вносят в художественную ткань стихотворения атмосферу тревоги, большую эмоциональную возбужденность. «Воитель свободы» — рязанский витязь Евпатий, потрясенный победой «насилия над честью», не покоряется торжествующим врагам, вступает с ними в схватку и героически гибнет.

Языкову, так же как и декабристам, была присуща идеализация древнерусских республик — Новгорода и Пскова. В вечевом строе он видел идеал народоправства и противопоставлял его самодержавному произволу. «Веча Новгорода и Пскова», «шум народных мятежей» волновали его как гражданина и художника. Люди, сражавшиеся за свою независимость, становятся для него собирательным, коллективным героем, достойным подражания. Это нашло выражение в «Новгородской песне», представляющей собою яркий образец политической лирики с ее высоким одическим строем, призывными, звучащими, как боевая фанфара, интонациями:

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцов Ярослава!
Не выдадим чести родной —
Свободы наследного права.

«Новгородская песнь» навлекла на себя гонения правительства, почуявшего в ней злободневный, политический смысл, но она, естественно, была встречена с большим одобрением в декабристских кругах и, в частности, Рылеевым, хорошо понимавшим агитационную силу такого рода произведений.

Пафосом вольнолюбия овеян фрагмент из незаконченной поэмы «Ала» (1824), посвященной борьбе ливонского дворянства против шведского короля Карла XII. Старый воин (отец Алы) произносит горячую патриотическую тираду, пользуясь формулами и лозунгами, заимствованными из арсенала гражданской поэзии декабризма. Поэт с воодушевлением говорит о том, что война за честь и свободу окрыляет людей, удесятеряет их силы, молодит, наполняет «грудь восторгом». «Глас родины» пробуждает от «сна позорного» и ведет на битву с насильниками. Таким образом, тема сопротивления угнетателям, активность, воля к победе — все это приобретает для молодого поэта первостепенное и актуальнейшее значение.

Характерно, что в истории Ливонии Языкова главным образом привлекал драматизм борьбы за национальную независимость (и в этом он перекликался с Кюхельбекером, написавшим в 1824 г. эстонскую повесть «Адо»). В наброске неоконченной романтической поэмы «Меченосец Аран» Языков рисует вторжение в Ливонию средневековых рыцарей-меченосцев, свирепых фанатиков, проливающих потоки крови под сенью креста. Общее впечатление разбойничьего набега на мирных жителей Латвии и Эстонии не меняется от того, что меченосец Аран сочетает в себе кровожадное «усердие к законам Ватикана» с повадками «мятущегося» байронического героя, снедаемого какой-то беспредметной тоской.

В отрывке «Ливония» Языков, совершая явную историческую погрешность, идеализирует рыцарей Ливонского ордена, оказавших яростное сопротивление Ивану Грозному в Ливонской войне (1558—1583). В этом поэт видит «доблести возвышенной дела». Таким образом, феодально-католические агрессоры, прошедшие с огнем и мечом по прибалтийским странам, ошибочно отожествляются с народами Прибалтики и приобретают не свойственные им черты борцов за независимость. Это заблуждение следует объяснить не только недостаточной научной осведомленностью Языкова, но его резко враждебным отношением к русскому самодержавию вообще и к лич-

ности Ивана Грозного в частности. Тем не менее Языков, видимо, сам ощущал противоречивость и неясность идейного замысла «Ливонии», и именно по этой причине он прервал работу над ней.

V

В годы, предшествующие декабрьскому восстанию, Языков много размышлял о судьбе личности в полицейском государстве, о проблеме: царь и народ. В его письмах и стихах звучит протест против самодержавного гнета и произвола. Ему были чужды какие бы то ни было монархические иллюзии. Воплощение антинародной и мертвящей силы он видел в образе царя, который и становится мишенью его сатирических выпадов. Языков вместе с Пушкиным и поэтами-декабристами скорбел о том, что угнетенный народ не смог освободиться от укоренившейся в нем патриархальной веры в царя, и, таким образом, развенчание, дискредитация «помазанника божьего» были делом чрезвычайно важным.

В послании к Н. Д. Киселеву (1823), написанному в традициях обличительной поэзии XVIII века, Языков считает своим гражданским долгом «презрительно шутить над знатью и царем». Он смеется над фрунтоманией, солдафонством, крепостническими замашками «невеликого царя», клеймит самодержавно-феодальные порядки, при которых сановное невежество может глумиться над разумом и просвещением. Вместе с тем Языков с большим подъемом и оптимизмом говорит о пробуждении национального самосознания, о чувстве гражданственности, личного достоинства и свободы, которыми проникнута новая Россия (после 1812 г.), больше не верящая в то,

Что головы царей не могут быть пустые,
И будто создала благая длань творца
Народы тысячи для одного глупца;
. . . .
Для нас закон царя — не есть закон судьбы,
Прошли те времена — и мы уж не рабы!

В этих горделивых словах — сознание огромной силы, таящейся в народе, способном отстоять свои права. В послании к Н. Д. Киселеву звучит еще один важный мотив: никакими насилиями и преследованиями нельзя подавить искусство; его голос будет еще громче раздаваться под гнетом «цензуры и попов». Больше того, Языков в рылеевском духе бросает вызов тирану-самодержцу: он готов на «изгнания позор за смелые стихи», ибо истинный поэт «нерабскою

душой... умеет презирать неправые гоненья». Само собой разумеется, что это замечательное стихотворение не могло быть напечатано. Герцен и Огарев поместили его среди других бесцензурных произведений Языкова в лондонской «Полярной звезде на 1859 год», откуда оно перешло в нелегальные сборники.

В другом послании к Н. Д. Киселеву Александр I уподобляется чуме («царь и глупость — две чумы»). В стихотворении «К халату» (1823), широко распространявшемся в рукописных копиях, имеются язвительные, эпиграмматические строки о «проказах и приказах» царя, «живущего некстати». Цикл песен 1823 года, из которых бьют ключом радость бытия, юношеская бравада, презренье к предрассудкам, также пестрит сатирическими насмешками над царем. Достаточно вспомнить «святотатственную» пародию на гимн «Боже царя храни» или каламбуристический припев: «Наш Август смотрит сентябрем — нам до него какое дело!», или «царь, политик близорукий, иль осмеян, иль смешон».

Антимонархическая тенденция сочеталась в поэзии Языкова с выпадами против церковников, мистицизма и ханжества, воцарившихся при дворе особенно в последние годы жизни Александра I. Не случайно поэт нередко использует в отрицательном смысле двуединную формулу: «поп и государь». В цикле эротических элегий (1824) он зло насмехается над служителями церкви, лицемерно проповедующими аскетизм и предающихся тайному разврату. Языков с юношеским задором провозглашает себя питомцем Эпикура, для которого «богородица Амура любезней матери Христа». Богохульничающий поэт выражает свое религиозное вольнодумство в хлестком афоризме: «Мне святцы — бредни, а ектинья — галиматья».

Языков не мог примириться с аракчеевским режимом, подавляющим свободную личность. В послании М. Н. Дириной (1823), шуточном по тону, написанном легким, разговорным стихом, слышатся жалобы на тяжелую долю поэта-вольнолюбца, вынужденного глубоко прятать свои сокровенные помыслы: «Восторгов пламенной свободы любить не должно и во сне»; цепи надеты и на язык поэта и на его мысли. Эти горестные размышления порой омрачали жизнерадостную музу Языкова. В стихотворении «Катеньке Мойер» (1824) звучат ноты разочарования и безнадежности. Поэт с горечью ощущает дисгармонию мира, где торжествуют зло, насилие, глупость, где беды реальны, а счастье несбыточно и иллюзорно.

В атмосфере общественного гнета Языкова привлекали сильные, мятежные характеры. Он искал их в историческом прошлом или в приволжских преданиях и легендах. В 1824 году он задумал, возможно не без влияния «Братьев разбойников» Пушкина, поэму «Раз-

бойники». В превосходном отрывке незавершенной поэмы изображены люди, вступившие в конфликт с обществом, порвавшие с ним, стихийные бунтари, презирающие «закон и казни». Они полны удали и бесстрашия; в их сердцах «кипит отвага». Какой-то удивительной мощью веет от их воинственной, громоподобной песни.

Своеобразными бунтарскими настроениями проникнуты многочисленные застольные песни Языкова, создавшие ему славу «певца радости и хмеля». Они восходят к старинной традиции студенческих песен, украшенных именами Лессинга и Гете. В русской поэзии они созвучны анакреонтическим стихотворениям Дениса Давыдова, Пушкина, Баратынского. В языковские песни органически вплетены и сатирические и вольнолюбивые мотивы: «Сердца — на жертвенник свободы!» Но дело не только в этом. Самая студенческая пирушка, по убеждению поэта, не что иное, как демонстративный вызов казарменному порядку, регламентированному аракчеевскому быту, это некая экстерриториальность, обособление, полная независимость от властей предержащих. У пирующих студентов «ум кипит в гражданской смуте», они распрямляются, сбрасывают с себя ветхого Адама, раскрепощают скованную страхом душу, в которой ярко вспыхивают искры свободы, «жажда вольности». Но Языков понимал, что эту «жажду вольности» можно утолить лишь в народном возмущении против поработителей. Он обращает свой взор к закабаленному народу и преисполняется мрачными раздумьями о судьбе отчизны. В поразительной по своей силе и драматическому пафосу элегии «Свободы гордой вдохновенье» (1824) поэт изображает «рабскую Россию», закованную в цепи и склонившуюся в молитве за царя. Это зрелище вызывает в нем боль и скорбь. Исторический оптимизм, пронизывающий послание к «Н. Д. Киселеву», сменяется здесь безнадежностью, неверием в скорое возмездие: «Оно молчит, святое мщение, и на царя не восстает». В этой элегии, которая в течение долгого времени приписывалась Рылееву, нашла поэтическое отображение трагедия дворянских революционеров, вышедших на Сенатскую площадь без поддержки народа. В. И. Ленин писал: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа». [1]

В элегии «Еще молчит гроза народа» (1824), также принадлежащей к ярким образцам политической лирики 20-х годов, Языков отчетливо осознает, какие исполинские мятежные силы таятся в народе; они подобны сокрушительной грозе, готовой каждую минуту

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 294—295.

разразиться; «угнетенная свобода таит порывы смелых дум», но все же поэт с горестным чувством восклицает:

О! Долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут, —
И не пробудится Россия!

Это безотрадное пророчество, звучащее как похоронный колокол, выстрадано Языковым, оно родилось из горячей любви к порабощенной России, и вместе с тем оно является жестом отчаяния «пред адской силой самовластья». По своей идейной направленности, страстному, патетическому тону эти две элегии прямо перекликаются с произведениями поэтов-декабристов — Владимира Раевского («Певец в темнице») и Александра Одоевского («Дева. 1610 г.»).

В стихотворении «Вторая присяга», в котором отразились события, связанные с междуцарствием, вызванным внезапной смертью Александра I, Языков резкими сатирическими штрихами показал, какая непроходимая пропасть лежит между народом и монархией. С одной стороны, «печальная от страха» Россия, приносящая «присягу рабства», а с другой стороны, зловещая комедия царевенчанья, при которой «непонятная судьбина не допустила Константина с седла на царство пересесть», а сенат, «не много рассуждая, царем поставил Николая». Такая язвительно-насмешливая характеристика начисто снимает тот торжественный ореол, которым монархическая легенда окружала «помазание на царство».

Непосредственные отзвуки декабрьской катастрофы слышны в «Извинении», написанном 20 декабря 1825 года. Стихотворение полно озлобленной тоски и бессильного гнева. Языков негодует на рабскую покорность тех людей, которые сбегаются к «позолоченному ярму», подобострастно «слушаются указки» и «не беспокоят седока». После разгрома восстания будущее представляется беспросветным и мрачным:

Жестоки наши времена,
На троне глупость боевая!
Прощай, поэзия святая,
И здравствуй, рабства тишина!

Такие строки, напоминающие тяжкий и мучительный вздох, вовсе не означают, что Языков сложил оружие перед насильниками, одержавшими победу. Напротив, он в глубине души по-декабристски верил в грядущее торжество свободы, чьи «искры огневые» разгорятся в пламя. Это с огромной силой выражено в стихотворении, посвященном памяти Рылеева «Не вы ль, убранство наших дней» (1826), предвосхищающем знаменитое пушкинское послание «В Сибирь»

и ответ А. Одоевского («Струн вещих пламенные звуки»). Языков не только оплакивает казненного Рылеева, он завещает его героическое имя будущим борцам за свободу. Скорбно-траурная интонация эпитафии перерастает в мужественный, мятежно-гимнический финал:

О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

Языков разделял декабристское представление о поэте как о трибуне и пророке. Его муза наделяется постоянными эпитетами: «свободная», «святая», «пророческая», «вольнодумная», «гордая», «вольная». Мысль о гражданском назначении поэзии, неоднократно варьируемая во многих произведениях Языкова, нашла образное воплощение в раннем стихотворении «Муза» (1823). Это маленький шедевр по строгости формы, чеканности стиха, идейной насыщенности. Муза прекрасна и величава в своем целомудрии, незапятнанной чистоте, героическом свободолюбии. История ниспослала ей тяжелые испытания, но «она прекрасных рук в оковы не дала векам тиранства и разврата». Злая, раскованная сила разбивала «алтарь изящного», но из праха и опустошенья поднималась вечно молодая и бессмертная поэзия.

Истинный поэт, по убеждению Языкова, всегда ощущает в себе ту высокую общественную миссию, которая на него возложена; он ответствен перед будущим и творит «в виду грядущих лет». Вот почему гражданские мотивы так или иначе вторгаются и в мир интимных переживаний поэта. Общественное и личное вступают в конфликт или нерасторжимое единство. Это обнаруживается в любовной лирике Языкова, очень темпераментной и взволнованной и вместе с тем исполненной изящества и грации. Она в лучших своих образцах ничего общего не имеет с альбомными, мадригальными стихами: в ней бурлит горячая кровь, она проникнута юношеской мечтой и неутолимой жаждой счастья. В стихотворениях, посвященных А. А. Воейковой, любовная страсть изображается как очистительная, вдохновляющая сила, как могучий стимул поэтического творчества и нравственного подвига. «Жреца изящного» нельзя прельстить только плотской красотой; он ищет в женщине идеал высокой любви. Поэт осуждает мещанское самодовольство, посредственность, вялость чувств. Он прославляет яркость и интенсивность переживаний, являющихся выражением настоящего полноценного характера.

В многочисленных элегиях Языков сталкивает своего лирического героя, охваченного страстью, с недостойной его «волшебницей». В нем

происходит внутренняя борьба с самим собой. Его обуревает мучительное желание освободиться от любовного наваждения:

Я задушу мой жар безумный
И снова музе вольнодумной
Стихи и сердце обреку.
(«Воскресенье»)

Экстаз чувственной любви, юношеский восторг часто сменяются горькими жалобами на обманутые надежды, погибшие иллюзии: «И что любовь? Одна волна большого жизненного моря». Лирический герой остро ощущает противоречие между романтической мечтой и действительностью, но он находит выход из этого противоречия в неугасимой любви к жизни, поэзии, природе. Жалобы завершаются радостным, мажорным аккордом: «Я весел снова и пою!»

Природа была источником поэтического вдохновения Языкова. Она, как правило, изображается в органическом слиянии с лирическим героем и становится важнейшим компонентом художественного образа целого ряда произведений. Одухотворенное мастерство пейзажной лирики можно уже обнаружить в отрывке неосуществленной поэмы, носящем заглавие «Две картины» (1825). Раннее утро и лунный вечер на Чудском озере нарисованы с замечательным чувством пространства, красок и света. От этих поэтических картин веет росистой свежестью, в них ощущается аромат прибрежного леса, радостно пробуждающегося по утрам и таинственно оцепеневшего в вечерней мгле. Пейзаж оживлен песней и говором рыбаков, он расцвечен трепетными огоньками на рыбачьих челнах и алмазной россыпью падучей звезды. Очаровательна музыка стиха — певучая, плавная и вместе с тем ритмически упругая.

Шедевром пейзажной лирики молодого Языкова является такая вещь, как «Ручей», пленяющая красотой звуковой инструментовки, исключительной яркостью живописных деталей. В самом звучании стиха слышится обвораживающий гремучий звон ручья, в чьи «серебряные волны» вплетается голос поэта, душа которого смущена печалью:

Бегите, дни, как эти воды,
Бегите, дни, быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

VI

В последекабрьский период, когда, по известным словам Герцена, «людьми овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил», Языков не изменил своим прежним взглядам. Об этом лучше всего

свидетельствует хотя бы стихотворение, посвященное памяти Рылеева («Не вы ль, убранство наших дней»). Он остался верен и тому кругу тем, который был им обозначен в начале 20-х годов.

После 14 декабря, явившегося рубежом в общественной жизни России, было весьма естественно оглянуться на свое прошлое и наметить дальнейшие пути. Так именно и сделал Языков, написав в 1826 году большое послание «К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву». Все оно, от первой до последней строки, проникнуто духом несокрушимого оптимизма, сознанием исполненного долга, верой в будущее. Вспоминая бурные дни юности, поэт говорит, что они «летели как стрела, могучим кинутая луком». В этой смелой метафоре художественно обобщен жизнелюбивый, боевой, мужественный характер его поэзии. Языков с гордостью говорит и о том, что

В те дни, мила, явилась мне
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине:
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей...

В точных, сильных стихах, насыщенных мыслью, Языков объясняет свою приверженность к национально-исторической теме. Он прославляет родину и нравственную стойкость народа:

Народ и смелый и могучий,
Неукротимый во вражде,
В любви и твердый и кипучий.

Что касается будущего, то оно должно быть посвящено делам «чести и добра». Поэт говорит о своем патриотическом и общественном долге словами, звучащими как клятва.

В последекабрьском творчестве Языкова первостепенное значение приобретает тема героя, не сломленного судьбой, смело сопротивляющегося натиску общественного зла и одерживающего моральную победу над врагом. Таким именно предстает Пушкин в цикле стихотворений, связанных с его именем. Языков восхищается не только поэтическим гением Пушкина, но и его душевной силой, независимостью, громадным внутренним превосходством над его гонителями. Дружба Пушкина «святее царской головы». Он «вольномыслящий поэт, наследник мудрости Вольтера» и не может быть «сражен суровою судьбой». Языков гордится тем, что после 14 декабря ни Пушкин, ни он не склонились перед монархическим самовластием: «Зовем свободу в нашу Русь». В облике Пушкина Языкова чрезвычайно

привлекают его неиссякаемый оптимизм, темперамент, влюбленность в жизнь, сочетание пленительной простоты и возвышенности.

Стихотворения, посвященные Пушкину, написаны с большим эмоциональным подъемом, в них талант Языкова раскрылся с особенной полнотой и щедростью.

«Тригорское» (1826) — одно из лучших стихотворений пушкинского цикла. Мирное село Тригорское, расположенное в Псковской губернии, будит в Языкове дорогие для него воспоминания о республиканских доблестях древнего Пскова, отстоявшего в жестоких битвах с внешним врагом свою независимость и свободу. То была страна, «где вольные живали... где сладким именем граждан они друг друга называли». Поэт как бы откликнулся на призыв Рылеева, обращенный в январе 1825 года к Пушкину: «...ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновенья — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы». [1]

Во втором разделе стихотворения Языков с чувством благоговенья и восторга изображает «приют свободного поэта, не побежденного судьбой!», незабываемые дружеские беседы, окрыленные мечтами и смелыми надеждами: «И грудь трепещет молодая, и гордый вспыхивает взгляд!»

В третьем разделе Языков предстает как тончайший живописец природы. Нарисованный им пейзаж Тригорского поражает романтической одухотворенностью и обилием остро схваченных реалистических подробностей. С первоклассным художественным мастерством воссоздана картина предгрозового летнего дня с его пылающим маревом, застывшими в томительной неподвижности рекой и лесом. Гроза подготовляется накоплением едва ощутимых деталей: оцепенелая тишина разрывается тревожным лаем собак, шелестом листвы, робким взмахом птичьих крыльев, скрипом тяжелой телеги, возвращающейся в деревню. А в небе быстро и бесшумно, словно крадучись, сбегаются тучи «в одну громаду непогоды».

О необычайной яркости художественной фантазии Языкова, об образной силе его поэтической речи может дать некоторое представление хотя бы такой фрагмент картины грозы:

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,

---

[1] К. Ф. Рылеев. Стихотворения, статьи, очерки, докладные записки, письма. М., Гослитиздат, 1956, стр. 302.

Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

В послании к «П. А. Осиповой» (1827) Языков вспоминает о своих недавних встречах с Пушкиным как о самой светлой и прекрасной странице своей жизни. Как бы невзначай возникает тонкая акварель тригорского пейзажа, и на его фоне появляется во всей своей жизненной достоверности реальный до осязаемости великий поэт:

На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское один —
Вольтер, и Гете, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый.

В 1827 году Языков обращается с посланием «К няне А. С. Пушкина». Уже первая строка: «Свет Родионовна, забуду ли тебя?» своим простым, безыскусственным тоном и сердечной теплотой сразу вводит в атмосферу ласковой дружбы. Стихотворение лишено какой бы то ни было сусальности или чувства превосходства над своей собеседницей. Само собой разумеется, что образ «изгнанника-поэта» проходит через это замечательное послание, взволновавшее Пушкина и напечатанное по его настоянию.

В стихотворении «На смерть няни А. С. Пушкина» (1830) Языков снова показал, с каким искусством он владел трогательной, хватающей за душу поэтической интонацией: «Я отыщу тот крест смиренный». Обаятельный образ Арины Родионовны светится изнутри, но на нем словно играет отблеск личности самого Пушкина, обессмертившего ее своими стихами. Языков беглыми, но точными штрихами нарисовал домик в селе Михайловском во всей его неприкрашенной, «прозаической» реальности, как бы предчувствуя, что он станет реликвией для грядущих поколений:

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу,
Да пара стульев...

Именно здесь творил, страдал и радовался ссыльный поэт. Весьма существенно и другое: Языков великолепно понимал гигантские масштабы пушкинского гения. Ведь он писал свой цикл не к

юбилею Пушкина; автор «Евгения Онегина» еще не был бронзовым памятником. То были годы, когда вокруг Пушкина кипела борьба разных мнений и некоторые критики-педанты, не говоря уже о булгаринской клике, всерьез утверждали о падении его таланта.

В студенческих песнях Языкова второй половины 20-х годов пленяет мощно звучащая жизнеутверждающая нота. От полноты гуманных чувств поэт произносит «заздравный» тост «всему человечеству... свободе божественной». Патриотическим пафосом, задушевными лирическими интонациями проникнута знаменитая песня «Из страны, страны далекой», положенная на музыку композитором Алябьевым и ставшая своеобразным гимном демократического студенчества.

В 1828 году, в связи с русско-турецкой войной, в Языкове пробуждаются грекофильские настроения, характерные для гражданской поэзии 20-х годов. Как боевой призыв и лозунг звучат слова из послания к «А. Н. Вульфу»: «За Русь, товарищ, за свободу Эллады пламенных сынов». В этом стихотворении прославляются активные, волевые натуры, бросающие вызов самой смерти: «Блажен, кто гневом упоенный гулял на празднике мечей».

Тема нравственной стойкости и мужественной отваги, тема торжества бесстрашного человека над злыми силами воплощена в гениальном стихотворении «Пловец» (1829). В нем использован получивший широкое распространение в русской поэзии романтический образ челнока, на котором гибнет или спасается одинокий герой, потерпевший крушение на жизненном море. К наиболее известным стихотворениям о челноке относятся «Пловец» Жуковского, «Пловец» Кюхельбекера, «Песнь погибающего пловца» Полежаева, не говоря уже о знаменитом пушкинском «Арионе».

Языков по-новому переосмыслил эту выразительную метафору. Его стихотворение, исполненное высокой патетики, чрезвычайно оптимистично и жизнерадостно. Языковский пловец наделен огромной энергией, несгибаемой волей борца, готового вступить в смертельную схватку с опасностью; он уверен в своей победе, ибо его вдохновляет благородная цель. Пловец не одинок; рядом с ним в ладье смелые и надежные люди, которые не дрогнут перед бурей.

В первой строке-запеве возникает образ моря, для которого найден на редкость простой, но необыкновенно выразительный эпитет, передающий ощущение сумрачной враждебности: «Нелюдимо наше море». И такая, казалось бы банальная, фраза, как «день и ночь шумит оно», в контексте строфы приобретает зловещий оттенок. Две заключительные строки, выдержанные в повествовательно-минорном тоне, закрепляют грозную тему моря-душегубца: «В роковом его просторе много бед погребено». Вторая строфа начинается фанфар-

ным мотивом-обращением: «Смело, братья!» Сквозь порывы штормового ветра слышится звонкий голос героя, приготовившего «быстрокрылую ладью» для опасного плавания. В последующих двух строфах читатель ощущает дыхание надвигающегося урагана и снова звучит призыв к борьбе. Светлая, мажорная тема: «Смело, братья!» повторяется трижды, эмоционально ширясь и нарастая. В финале стихотворения голос пловца обретает несокрушимую уверенность и мощь: парус, наполненный бурей, достигнет «блаженной страны», лежащей «за далью непогоды». «Пловец» Языкова представляет собой гимн человеческому мужеству; его поэтическая символика прекрасна и героична.

Гоголь с большой проницательностью писал о Языкове: «Все, что выражает силу молодости, не расслабленной, но могучей, полной будущего, стало вдруг предметом стихов его».[1]

Известно, что поэты декабризма черпали из библии темы и идеи, переосмысляя их на гражданский лад. Декабристских литераторов особенно привлекали величавые образы ветхозаветных пророков-обличителей. Языков был также увлечен поэтичностью и пафосом библейских псалмов. Его «Подражание псалму 136» принадлежит к выдающимся образцам гражданской лирики 20-х годов. В нем с захватывающей художественной силой раскрыта тема поверженных, но внутренне не покорившихся борцов, сохранивших и в невольничьих оковах чувство человеческого достоинства, неподкупность, верность своим убеждениям. В отличие от Федора Глинки, обработавшего 136-й псалом («Плач пленных иудеев»), Языков вносит в свое стихотворение, трагическое по колориту, мотив возмездия тиранам:

Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит!
Кто в дом тирана меч и пламень
И смерть ужасную внесет! и т. д.

К концу дерптского периода двадцатисемилетний Языков занимал после Пушкина одно из первых мест в русской поэзии. Выдающимся поэтическим мастерством отмечены его лучшие произведения в жанрах гражданской, любовной и пейзажной лирики. Блеск и виртуозность стиха Языкова, художественная свобода, с которой он владел словом, смелость эпитетов и сравнений производили огромное впечатление на современников. Иван Киреевский восторженно писал

---

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VIII, Л., изд. АН СССР, 1952, стр. 387.

о стихах Языкова: «Давно известно, что их куют черти в аду на бриллиантовой наковальне». Денис Давыдов называл первый сборник стихотворений Языкова «золотым ковчегом», наполненным «драгоценными нитями перлов». Баратынский говорил об их «бессмертной свежести».

Пушкин, чрезвычайно высоко ценивший Языкова, писал о нем в «Литературной газете»: «С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силой языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостию, ему свойственною... слог Языкова твердый, точный и полный смысла».[1] Эти драгоценные слова, датированные 1830 годом, предвосхищают позднейшую характеристику Языкова, данную Гоголем: «Имя Языков пришлось ему не даром. Владеет он языком, как араб диким конем своим, и еще как бы хвастается своею властью. Откуда ни начнет период, с головы ли, с хвоста, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что остановишься, пораженный».[2] Белинский, оценивая творчество молодого Языкова, также отмечал, что «все были поражены оригинальною формою и оригинальным содержанием поэзии г. Языкова, звучностью, яркостью, блеском и энергиею его стиха».[3]

Таким образом, на рубеже 30-х годов Языков был во всеоружии художественного мастерства и таланта; перед ним открывались громадные возможности для дальнейшего движения и развития. Но случилось так, что как раз 30-е годы были периодом творческого спада: мучительная болезнь, поразившая поэта, лишала его возможности браться за перо в течение нескольких лет подряд. Покидая в 1829 году Дерпт, Языков был полон радужных планов. Он привез в Москву почти созревший замысел трагедии «Саул», в которой, по всей вероятности, была затронута волновавшая его проблема взаимоотношений царя и народа, ибо не случайно декабристы в агитационно-пропагандистских целях использовали библейское предание об избрании на царство Саула.[4] По-прежнему не приемля современную действительность, Языков обратил свой взор к историческому прошлому, намереваясь создать произведения большой формы на сюжет из эпохи «Смутного времени», изобилующей драматическими

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XI, Л., изд. АН СССР, 1949, стр. 117.

[2] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VIII, Л., изд. АН СССР, 1952, стр. 387.

[3] В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. II, М., Гослитиздат, стр. 667.

[4] См. об этом в книге В. Г. Базанова «Вольное общество любителей российской словесности». Петрозаводск, 1949, стр. 199.

событиями, в которых решались судьбы русского государства. Осуществлению этих планов помешал не только тяжелый недуг, но и другие причины: лирическому дарованию Языкова не давались произведения повествовательной и драматической формы, об этом свидетельствуют хотя бы незавершенные поэмы или неудачные пьесы («Встреча Нового года», 1840 и «Странный случай», 1841); немаловажную роль сыграли опасения перед цензурой, на «свирепство» которой Языков неоднократно жаловался в начале 30-х годов.

Для творчества московского периода характерно программное стихотворение «Поэту» (1831), которым открывается первый сборник Языкова. Оно выдержано в торжественно-величавом, библейском стиле и во многом перекликается с пушкинским «Пророком». Поэт, по убеждению Языкова, это пророк, несущий в мир «могучей мысли свет и огнедышащее слово». Он неподкупен, душевно чист, «как голубица», но по-орлиному смел и отважен, когда его всевидящее «пламенное око» замечает «венчанный произвол». Таким образом, Языков не изменяет гражданскому знамени поэзии, декабристская формула «поэт-пророк» сохраняет свое былое значение.

Нет ничего удивительного в том, что цензура изуродовала стихотворение «Поэту». Министр народного просвещения К. А. Ливен, прочтя его в рукописи, воскликнул: «Уж этот Яз⟨ыков⟩ допишется до беды и себе и Дерпт⟨скому⟩ универ⟨ситету⟩, в котором студировал!» [1] Однако в этом замечательном стихотворении негромко, но достаточно внятно звучит новый для Языкова мотив: поэт не только обличитель общественных пороков, он способен своим искусством усладить муки раба и смягчить сердце жестокого тирана, выступающего здесь под псевдонимом царя Саула. Этот примирительный аккорд предвещает ослабление того боевого гражданского пафоса, которым отмечена языковская лирика 20-х годов.

В стихотворении «Ау» (1831) также декларируется новая творческая программа Языкова. Поэт демонстративно прощается с хмельной дерптской юностью и воспевает Москву — вечно живой памятник отечественной славы, народных бедствий и народного героизма: «Здесь наших бед и нашей славы хранится повесть». Не современная николаевская Москва, а Москва времен татарского ига, польской интервенции, наполеоновского нашествия — вот источник «песнопений... своенародных вдохновений» для настоящего поэта, ибо в эти переломные исторические моменты раскрылся во всей полноте характер народа. Неприязнь к настоящему и воспоминания о героическом прошлом — один из лейтмотивов творчества Языкова, и думается,

---

[1] «Литературное наследство», № 19/21, М., 1935, стр. 65.

что именно эта антитеза лежит в основе двусмысленных строк из стихотворения «Ау»:

> О! проклят будь, кто потревожит
> Великолепье старины;
> Кто на нее печать наложит
> Мимоходящей новизны!

В сознании Языкова «старина» обязательно связывается с понятием величия, свободолюбия, героики. Весьма знаменательно, что цензура усмотрела в этом четверостишии выпад против николаевского режима и вычеркнула его из стихотворения.

В реакционные 30-е годы зажила новой жизнью героическая тема Отечественной войны. Ее разрабатывал Пушкин («Перед гробницею святой», «Бородинская годовщина», «Полководец») и Лермонтов («Бородино»). Языков, подобно Пушкину и Лермонтову, рассматривал победу над Наполеоном как величайший народный подвиг. Эта концепция нашла отражение в послании к «Д. В. Давыдову» (1835). Строфы, посвященные 1812-му году, полны необычайного патриотического воодушевления и энергии. В изображенной картине войны отсутствуют и царь и полководцы; в центре обобщенный образ «Руси», сзывающей на битву своих сынов.

Острой иронией пронизаны строфы, в которых изображается поражение французской армии.

Связывая в единое целое поэтическую славу Дениса Давыдова с его партизанскими подвигами, Языков дает великолепную характеристику давыдовской музы. Гоголь рассказывает, что это стихотворение произвело очень сильное впечатление на Пушкина: «Живо помню восторг его в то время, когда прочитал он стихотворение Языкова к Давыдову, напечатанное в журнале. В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина». [1]

30-е годы были для Языкова периодом творческих поисков. Он стремился перейти от лирических самовысказываний к более объективному изображению мира. В этом смысле характерно его письмо к А. Н. Вульфу от 28 марта 1836 года: «Читаешь ли ты хотя стихи мои? Заметил ли, что я стал объективнее — это к лучшему». Видимо, Языков имел здесь в виду такие произведения, как «Поэту», «Д. В. Давыдову», «Сказку о пастухе и диком вепре» и только что законченную «Жар-птицу».

Языков, как известно, был собирателем, знатоком и восторженным ценителем фольклора, но он занимал своеобразную позицию

---

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VIII. Л., изд. АН СССР, 1952, стр. 387—388.

в отношении его литературной обработки. Он разделял мнение Баратынского о свободном и смелом обращении с памятниками народного творчества, о роли художественного вымысла. В 1832 году, в письме к И. Киреевскому, Баратынский запальчиво восклицает: «Что за поэзия — слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-птицу? И что это прибавляет к литературному нашему богатству? Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде».[1] (Небезынтересно отметить, что четырнадцать лет спустя Белинский в последней статье о Пушкине выскажет почти аналогичное суждение о сказках.)

Как бы в подтверждение слов Баратынского, Языков пишет «Сказку о пастухе и диком вепре» (1835), где он с полемическим умыслом перекладывает белым стихом одноименную сказку из лубочного сборника «Дедушкины прогулки» (1819). Правда, поэт от себя вносит ироническую интонацию в характеристику придворных охотников, отправившихся на поимку вепря: они всего лишь шумливые хвастуны и пьяницы, гарцующие на конях и топчущие луга и нивы. Этот штрих понадобился для того, чтобы подчеркнуть подвиг простого пастуха, победившего вепря благодаря народной сметке и находчивости. Сказка получилась живой и занимательной, но она не решала никаких проблем. К этому как будто и стремился Языков. Во вступлении к «Сказке о пастухе и диком вепре», написанном в легком, шутливо-разговорном стиле, внешне напоминающем «богатырскую сказку» Н. М. Карамзина «Илья Муромец», поэт посмеивается над вошедшим в моду сказочным жанром, имея, быть может, в виду Пушкина, Жуковского, Ершова и их эпигонов; он подтрунивает над критикой, толкующей на все лады о народности, воплощением которой, якобы, является сказка: «От критики не будет нам погрома: народность ей приятнее всего».

Если в «Сказке о пастухе и диком вепре» Языков намеренно дал образец пассивного воспроизведения сказочного сюжета, то в «Жар-птице» (1836) он стремился экспериментировать и написал романтическую сказку в форме драмы с монологами, диалогами и ремарками. Оставив в неприкосновенности фабульную основу первоисточника, Языков создал оригинальное литературное произведение, в котором сказочные персонажи, сохраняя свои традиционные функции, внешнее обличье и повадки, предстали в новом ракурсе. Материал волшебной сказки вступил в соприкосновение с элементами пародии, сатиры и патетики. Старательно воссоздавая иллюзию сказочного правдоподобия, поэт то и дело разрушает ее взрывами иронической

---

[1] Татевский сборник С. А. Рачинского, СПб., 1899, стр. 48.

насмешки. Речь действующих лиц строится по принципу юмористического контраста с их характерами и психическим складом. В повествование вплетаются нарочитые анахронизмы, словесные каламбуры, непрестанно нарушающие и сбивающие сказочную тональность. Серый волк щеголяет античными поговорками: «Ты сердишься, Юпитер», — говорит он Ивану-царевичу; его приятель — медведь Кузьма Иваныч стал «преопытным и мудрым, как Уллис»; Долмат, живущий в «тридевятом царстве», говорит о публикации в газетах проступка Ивана-царевича, и т. д., и т. п. Этот стилистический прием сближает «Жар-птицу» с русскими сказочно-богатырскими поэмами, вплоть до «Бовы» Пушкина; вместе с тем, в ней ощущается влияние комедии-сказки «Кот в сапогах» немецкого романтика Людвига Тика, творчество которого Языков хорошо знал и любил.

В «Жар-птицу» свободно вторгаются современные и исторические мотивы, волновавшие Языкова. Вот какими красками рисует царь Выслав картину народного мятежа:

Ты знаешь чернь?
Она всегда глупа и легковерна,
Особенно в решительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвон
Расскажет ей бессмысленную сказку,
В набат ударит, кликнет клич: толпа
Взволнуется кровавой суматохой
И, дикая, неистовая, хлынет
Мятежничать.

Это, конечно, не речь сказочного царя. Здесь слышится голос самого Языкова, усвоившего стилистику пушкинского «Бориса Годунова».

В сцене с царем Долматом Языков вкладывает в уста сказочника свою оценку исторической роли Петра I, оценку, во многом близкую взглядам Пушкина. Еще в 1824 году (в отрывке поэмы «Ала») Языков нарисовал в пушкинской манере героический портрет «полуночного царя», чья «железная воля» преобразила Россию. В 1836 году Языков остался верен своим воззрениям на Петра. В «Жар-птице» он предстает во всем величии своей преобразовательной деятельности, направленной на благо страны. Характеристика личности Петра представляет собой парафразу знаменитого четверостишия из пушкинских «Стансов» («То академик, то герой...»)

...Равно знаком
С вожденьем царств и звездным чертежом,
С порядком битв и стрелкой морехода,
С ножом врача, с киркой и долотом!

По остроумному замыслу Языкова образ Петра I контрастно сопоставляется с Долматом, слушающим сказочника. Этот придурковатый царь-лежебока как раз олицетворяет косность, неподвижность и лень, столь ненавистные Петру.

На протяжении всей сказки Языков посылает пародийные стрелы в сторону сентиментальных элегиков с их «пеной словокружений» (рассказ Серого волка о пребывании у влюбленного царя Афрона). С острым юмором и блеском написана сцена в трактире, куда приезжают странствующие царевичи Дмитрий и Василий. Эти распутники и кутилы, якобы делающие «ученые разыскания о птицах», становятся жертвами великосветских шулеров и проходимцев.

Положительным героем «Жар-птицы» является Иван-царевич. Он наделен всеми традиционными атрибутами сказочного героя, но ему также приданы черты порывистого, пылкого, романтически настроенного юноши. Ивану «душно... в чертогах безопасных», он жаждет простора, подвигов, борьбы, жизненных впечатлений, «необычайных, резких, роковых». Жар-птица представляется ему не только символом славы, «большая бронзовая повесть чудесного ловления Жар-птицы», но и символом искомого счастья, которое будет разделено и «ликующим народом».

Пушкин ценил «Жар-птицу» и поместил отрывки из нее в своем журнале «Современник». Характерно, что Белинский, холодно относившийся к пушкинским сказкам, с большим одобрением отзывался о «Жар-птице», считая ее «прекрасной» и лучшей вещью во всем творчестве Языкова.

VII

Пока Языков писал «Жар-птицу», его болезнь приняла чрезвычайно тяжелый характер. Завершив сказку, он в течение трех лет не написал ни одного стихотворения. Только в 1839 году, будучи на излечении за границей, он снова взялся за перо. По выражению Вяземского «...сквозь слезы снова улыбнулась ему его задушевная муза». Лучшие стихотворения заграничного цикла (1839—1843) свидетельствуют о неувядающей свежести и художественной силе языковского таланта, хотя по установившейся еще со времен Белинского традиции почему-то принято говорить об его полном упадке. Лирика Языкова приобретает новые оттенки: в мир интимных переживаний органически вплетаются мотивы реального, неприкрашенного быта. Так, например, в элегии «Толпа ли девочек крикливая, живая» внимание поэта привлекают простые люди, взятые в их прозаической

повседневности и трудовых буднях: молодые работницы табачной фабрики, спешащие «сучить сигары», кузнец, подшивающий подковы, служанки и возчики, марширующие солдаты, мирные обыватели и провинциальные щеголихи. Пестроцветная жанровая картина насыщена движением, веселой и бесконечной суетой, заботами, тревогами и радостями. А по контрасту с этим энергично пульсирующим повседневным бытием встает образ лирического героя, надломленного душевными и физическими страданиями, одинокого и тоскующего. Такого рода контраст лежит в основе элегий «День ненастный, темный», «Поденщик, навьюченный дровами».

Большой интерес представляет стихотворение «Морская тоня». Здесь традиционный южный пейзаж показан в двух аспектах: нарядно-праздничном и буднично-трудовом. Сверкающее красками Средиземное море, которым любуются праздные туристы, приносит огорчения нищим рыбакам, тянущим невод; море обделило их уловом: «беднякам из бездны вод сети длинные выносят непитательный доход». В некоторых стихотворениях заграничного цикла лирический герой изображен гонимым судьбой странником, чувствующим себя одиноко и неуютно в обществе, где царят «и российский князь... и немецкий фон, и английский милорд». Его не радуют ни лимонные рощи, ни лазурное море, ни «воздух, сладостный, как мед». Наяву и во сне ему мерещится любимая родина в волшебном убранстве русской зимы с ее трескучими морозами и «голосистыми вьюгами». В глубоко драматической элегии «Бог весть, не втуне ли скитался», напоминающей стихотворения позднего Тютчева, у поэта вырываются такие выстраданные строки:

Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

Сумеречными настроениями проникнуты многие пейзажные стихотворения, в которых природа соединяется по принципу эмоционального созвучия с душевным состоянием лирического героя. Так, например, первая строфа элегии «День ненастный, темный», построенная на тягучем, мучительно раскачивающемся ритме, на медлительной, как бы запинающейся стиховой речи, создает поразительное по своей остроте ощущение безнадежного ненастья и безнадежной грусти. Величественные горные пейзажи, романтически преломляясь через сознание мятущегося героя, приобретают враждебно-гнетущий характер. Горы и скалы становятся угрюмыми узилищами, откуда нет выхода; усыпительный шум водопада навевает горькие, «кручинные»

думы («и тесно и душно мне в области гор», «в тени громад снеговершинных»).

Это встревоженное душевное состояние, выраженное с предельной искренностью и эмоциональностью, было господствующим, но им отнюдь не исчерпывается лирика заграничного периода. Языков создал целый ряд стихотворений, напоенных восторгом перед лицом природы и человеческим мужеством. Такие элегии, как «На горы и леса легла ночная тень», «Вечер», «Взойди вон на эту безлесную гору», проникнуты душевным покоем, радостным мироощущением в духе пейзажных стихотворений Гете. С покоряющей поэтической силой передано могучее чувство весеннего обновления, счастье человека, постигшего красоту природы, в стихотворении «Весна». Свежестью, бодростью и энергией веет от стихотворения «Морское купанье». Оно представляет собой подлинный шедевр звуковой организации стиха.

В русской поэзии Языков был одним из вдохновеннейших живописцев моря. К его лучшим маринистским пейзажам принадлежит и стихотворение заграничного цикла «Буря». Особенно прекрасно языковское море, охваченное ураганом. Бушующая пучина наделяется живой, сознательной жизнью; она ропщет, негодует, рвется к свету, строит полки из водяных громад.

В стихотворении «Пловец» («Еще разыгрывались воды») Языков возвращается к своему излюбленному образу героя, олицетворяющего жизненную силу, стойкость, побеждающего слепую, враждебную стихию. Пловец перехитрил бурю и умчался от ее сокрушительных ударов. Эта мысль варьируется в замечательных стихотворениях «Море» и «Корабль», пронизанных верой в могущество человека. Романтическая символика лежит в основе стихотворения «Маяк». Одинокий маяк, стоящий «меж морем и небом, на горной вершине», одушевляется поэтом, наделяется благой волей, приобретает черты гордого, светоносного исполина, на которого обрушивается ярость урагана, но он непоколебимо стоит на страже жизни: «И бурное море тебе рукоплещет!»

Патриотическим пафосом овеяна ода «К Рейну».[1] Вяземский справедливо писал, что «Языков был влюблен в Россию. Он воспевал ее, как пламенный любовник воспевает свою красавицу ненаглядную, несравненную». Именно этим трогательно-волнующим, восторженным чувством пропитана языковская ода. Любуясь красотой и величием Рейна, поэт вспоминает Волгу с ее притоками, и перед чи-

---

[1] В ней звучат отдельные мотивы из оды К. Батюшкова «Переход через Рейн», рисующей эпизоды военной кампании 1814 года, но Языков оригинально, по-своему, разработал тему встречи русских с немецким Рейном.

тателем открываются гигантские просторы России, возникает картина могущественной и прекрасной страны. Прославляя свою родину, Языков с уважением и любовью говорит о славном историческом прошлом Германии и о ее светлом будущем: «Мир благословенный твои покоит брега!» В стихотворении воплощена гуманная и благородная тема дружбы двух рек, двух народов, двух стран; оно заканчивается здравицей в честь Рейна: «Блистай, красуйся, Рейн!»

Идейная концепция оды «К Рейну» прямо противоположна славянофильским стихотворениям Языкова, написанным несколько лет спустя, в которых раздаются громкие проклятия «неметчине лукавой». Но кричащими противоречиями вообще отмечен последний, московский период творчества Языкова (1844—1846).

Острым диссонансом ко всему заграничному циклу стихотворений прозвучало послание к «Н. В. Гоголю», на котором лежит печать ретроградства и национальной ограниченности. Следует заметить, что в некоторых произведениях молодого Языкова изредка встречаются отдельные бестактные формулы по отношению к немцам, но они не оскорбляли достоинства немецкой нации; поэт осуждал лишь «бескрамольных» дерптских филистеров за их верноподданнические настроения, мещанскую безмятежность и благонамеренность. Что касается послания к «Н. В. Гоголю», то трудно поверить, что плоские шутки над «жидконогим» немцем, падающим на «гололедь», принадлежат автору оды «К Рейну». Правда, славянофил С. П. Шевырев, пытаясь защитить Языкова, возводит эти строки к старинной традиции, «к русским поговоркам и шуткам о неметчине». Фальшивая идея, лежащая в основе послания, определила его художественную слабость. Белинский едко высмеял те вычурные, псевдонародные обороты, которыми здесь пользуется Языков.

От послания к «Н. В. Гоголю» протягивается нить к реакционно-националистическим стихотворениям («Константину Аксакову», «К не нашим», «К Чаадаеву», «А. С. Хомякову», «С. П. Шевыреву», «П. В. Киреевскому»), вызвавшим гневную отповедь революционно-демократического лагеря. Надо думать, что тягостное впечатление, произведенное этими посланиями, сказалось и в чрезмерно суровой оценке творчества Языкова, данной Белинским в обзоре «Русская литература в 1844 году». (Анализ Белинского, при всей его остроте, не может считаться исчерпывающим, ибо великому критику не было известно большое количество бесцензурных стихотворений, вошедших в нелегальные издания только в 50—60-х годах.)

Весь пафос славянофильских посланий Языкова направлен против Чаадаева, Грановского, Герцена, которым, якобы, чужды, непонятны и ненавистны родные предания, которые стремятся «обнеме-

чить Русь». Поэт противопоставляет современности патриархальную «долефортовскую» Русь. В идейно-политической борьбе 40-х годов эта слепая приверженность к старине была объективно реакционной и обскурантской. Несмотря на крайнюю запальчивость и бранчливость своих посланий, Языков в глубине души сознавал неустойчивость, шаткость и путанность своих идейных позиций. Это подтверждается не только тем, что поэт не решился опубликовать послания; интереснее другое: в «оправдательном» стихотворении, адресованном поэтессе Каролине Павловой (1846), он пытался объяснить подлинный смысл своей полемики с «западниками». Оказывается, что его «русский стих» восстает на «нехристь злую», защищает «родную старину» потому, что поэт любит «долефортовскую Русь». При всем этом Языков не отрекается от своей свободолюбивой молодости. В послании к «Баронессе Е. Н. Вревской» (1845) он снова, как двадцать лет тому назад, восторженно вспоминает свои встречи с «опальным» Пушкиным, который остается для него и поныне «пророком свободы».

Преисполненный патриархально-консервативных иллюзий, Языков продолжал искать в «старине» идеал общественного устройства России. Так, например, в драматической сцене «Отрок Вячко» (1844) старый воин Руальд видит главное достоинство князя Святослава в том, что он живет одной жизнью с народом, что он связан узами товарищества и боевого братства со своей дружиной. Тот же Руальд свободно и смело осуждает князя Игоря и намекает на правомерность свержения «негодного» царя или князя: «Ведь люди терпят, терпят, — наконец терпенье лопнет». Языков противопоставляет прозаическую, бескрылую современность «старине», воспитывавшей сильные и яркие характеры. Этот давнишний, устойчивый мотив воплощен в сцене Бермяты и Руальда, кстати говоря, написанной под прямым влиянием пушкинской «Кельи в Чудовом монастыре».

Однако и в идеализированной допетровской Руси Языков видел проявления монархической тирании, против которой он ополчался. В оде памяти Карамзина («Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину», 1845) поэт с большой силой обличает деспотизм Ивана Грозного — «дикий произвол державного злодея», которому противостоял народ, «в страданиях смертельных цепенея». При всей неполноте и односторонности характеристики Грозного (идущей не только от Карамзина, но и от декабристов), в ней захватывает страстный протест против беззакония и насилия. Языков посвоему, с афористической меткостью определяет роль Грозного: «Трех мусульманских царств счастливый покоритель — и кровопийца своего!» Белинский, критиковавший эту оду за старомодность и ри-

торичность стиля, с одобрением выделил в ней места, посвященные Грозному.

Славянофильские настроения Языкова не привели его к примирению с николаевским режимом. Так же, как в молодости, для него осталось непреложной истиной, что русское самодержавие глубоко чуждо и враждебно народу. В письме к А. Н. Вульфу от 23 августа 1845 года он писал: «Наполеон называл людей кормом для пушек; об нашем народе сказать этого мало: его истребляет целое собрание орудий смерти: и пушки, и кнут, и указы, и распоряжения».[1] Узнав о голоде, постигшем Псковскую губернию, Языков обвинил в народных бедствиях царское правительство — эту «огромную, тяжелую, скрыпучую махину», действия которого он рассматривает как наказание божие. За несколько месяцев до смерти, 22 апреля 1846 года, Языков снова возвращается к вопросу о голоде и с негодованием восклицает: «О проклятые и смердящие власти!!»[2]

Тема «смердящих властей» лежит в основе одного из последних произведений Языкова — стихотворной повести «Липы» (1846). Эта драматическая, по своей сути, тема облечена в комедийную форму. В шутливо рассказанном трагикомическом анекдоте об устройстве городского бульвара тем не менее отразились характерные черты насильнического режима, жестоко подавляющего беззащитных и бесправных людей. Языков показывает, как в условиях государственного произвола даже самые благие намерения, приходящие в голову сановнику-помпадуру, становятся источником страданий для разночинного люда.

«Смердящие власти» воплощены в образах князя Хрулева, которого поэт уподобляет турецкому паше, бесчинствующему в своем пашалыке («невыносимо дик его большой бузанский пашалык»), полицмейстера Крумахера и квартального Калинкина с их культом грубой силы и кулачного права. Внесценическим персонажем поэмы является министр, чьи «вельможные глаза» как бы с одобрением взирают на произвол бузанских чиновников. Полицмейстер и его подручные воскрешают в памяти зловещие фигуры Сквозник-Дмухановского и Держиморды. В третьей главе поэмы Языков рисует сценку между Крумахером и «купчишкой» Жерновым, прямо-таки выхваченную из повседневной жизни полицейского государства:

Лип не дает! Нет, это, брат, пустое!
Ты лип нам дашь, ты мало, знать, учен:
Буянить вздумал . . . .

---

[1] ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собрание автографов, К. 29, л. 67.
[2] Там же, К. 29, л. 73.

Ах ты разбойник! Мы тебя уймем.
(И ну его гордовым чубуком!)
В тюрьму его! Там будет он смирнее —
В тюрьму его! Да насчитать ему... и т. д.

Совершенно очевидно, что современный материал, положенный в основу «Лип», предопределил метод его литературного воплощения. Поэма написана в новой для Языкова реалистической манере, дающей о себе знать и в стремлении к типизации, и в обрисовке быта, и в индивидуализации речи действующих лиц. Языков сделал объектом художественного изображения конкретный быт представителей «третьего сословия», и в этом выразилась демократическая тенденция поэмы. Некоторые жанровые сценки в доме аптекаря Кнара по своему колориту напоминают «серебряную свадьбу» сапожника Готлиба Шульца в пушкинском «Гробовщике». Что касается социальных мотивов, отчетливо звучащих в поэме, то они, несомненно, восходят к гоголевской сатире. Ни внешне шутливый тон повествования, ни эпиграф из Карамзина, как бы уведомляющий читателя о вымышленности весьма реального сюжета «Лип», не обманули цензуру: она безошибочно разгадала главную идею произведения, направленную против насильников, облеченных всей полнотой власти в самодержавном государстве. Вот что писал Языков 21 апреля 1846 года: «Московская цензура не только что не пропустила моих «Лип», но и сказала, что сочинений подобного духа не должно и представлять в нее».[1]

Этот обличительный «дух», овевающий предсмертную поэму Языкова, сближает ее с произведениями гоголевской школы, она, в частности, сродни некрасовскому «Чиновнику» (1845), высоко оцененному Белинским за верное воспроизведение явлений действительной жизни.

Знаменательно, что поэма «Липы» была написана Языковым после печально знаменитых славянофильских стихотворений, занимающих в конечном счете самое незначительное место в его творческом наследии. Они были выражением предрассудков Языкова, а его художественный разум раскрылся с блистательной силой в произведениях, проникнутых свободолюбием, жизнерадостностью и гуманизмом. Именно эти произведения выдержали суровое испытание временем и сохранили до наших дней неувядаемую свежесть.

И. Гликман

---

[1] «Русская старина», 1903, III, стр. 538.

Стихотворения

ПОСЛАНИЕ К КУЛИБИНУ

Не часто ли поверхность моря
Волнует грозных бурь приход
И с валом вал ужасный споря
Кремнистые брега трясет?
Не часто ль день прелестный, ясный
Скрывает мрак густой?
Не часто ль человек, среди весны прекрасной,
Смущается тоской,
И радость быстро отлетает?
Страшись печали, милый друг!
Да счастье всюду провожает
Тебя чрез жизни луг!
Люби, но укрощай в душе любви стремленья:
Ее опасен яд,
И часто средь цветов прелестных наслажденья
Змеи ужасные шипят!
Будь верен, не страшись обмана;
Страшись, чтобы коварный бог
Не превратился вдруг в тирана
И тщетныя в тебе любови не возжег.
Быть может, там, мой друг любезный,
Где медяной Рифей
Чело к стране возносит звездной
И, крепостью гордясь своей,
Полет Сатурна презирает,
Где хлад свирепый обитает,
Ты, друг мой, в тот ужасный час,
Как ветром мчится прах летучий,
Когда луч солнечный погас,

Покрытый мрачной тучей,
Когда леса дубов скрыпят,
Пред бурей страшной преклоненны,
Когда по челам гор скользят
Перуны разъяренны,
Быть может, друг любезный мой,
В сей бури час ужасный
Красу, застигнуту грозой,
Увидишь ты. — И взор прекрасной
В плененном сердце нежну страсть
Воспламенит мгновенно,
И милая твоя любови власть
В душе познает восхищенной
И для тебя лишь будет жить.
Тогда, под сенью мирной,
Ты станешь радости с подругою делить;
Тогда твой голос лирный
Любовь благую воспоет!
И песнь твоя молвой к друзьям домчится!
Тогда во мне, о милый мой поэт,
Воспоминание протекшего родится;
Тогда я полечу душой
К дням резвым юности беспечной,
Когда я, увлечен мечтой,
Почувствовал огонь поэзии сердечной,
Тебе вверять восторги приходил
И слышал суд твой справедливый,
О, сколь тогда приятен был
Мне дружеский совет нельстивый!
С каким весельем я с тобой
Поэтов красотой пленялся!
И, зря в мечтах их тени пред собой,
Восторгам пылким предавался.
Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан!
И мысль моя тогда летала
По холмам тех счастливых стран,
Где арфа стройная героев воспевала.
Тогда я пред собою зрел

Тебя, Фингал непобедимый,
В тот час, как небосклон горел,
Зарею утренней златимый,
Как ветерки игривые кругом
Героя тихо пролетали
И солнце блещущим лучом
Сверкало на ужасной стали.
Я зрел его: он, на копье склонясь,
Стоял в очах своих с грозою —
И вдруг, на воинство противных устремясь,
Все повергал своей рукою.
Я зрел, как, подвиг свой свершив,
Он восходил на холм зеленый
И, на равнину взор печальный обратив,
Где враг упал, им низложенный,
Стоял с поникшею главой,
В доспехах, кровию омытых.
Я шлемы зрел, его рассечены рукой,
Зрел горы им щитов разбитых!..
Но, друг, позволь мне удержать
Мечты волшебной обольщенья:
Ты наделен талантом песнопенья,
Тебе героев воспевать!
В восторге устреми к превыспреннему миру
Быстротекущий свой полет,
А мне позволь, мой друг-поэт,
Теперь на время бросить лиру!

1819

А. И. КУЛИБИНУ

Итак, поэт унылый мой!
Тот скоро час примчится,
Когда тебе с родной страной,
С друзьями должно разлучиться;
Лететь туда, куда ведет
Рука судеб неумолимых;
Туда, где страшный гор хребет
Среди степей необозримых,
Чело скрывая в облаках,

Стоит, снегами увенчанный;
Где лютая зима на грозных высотах
Поставила свои чертоги льдяны;
Туда, туда, поэт — друг мой!
Там скалы дикие, и пропасти ужасны,
И мрак дубов чужой
Услышат лиры глас прекрасный!
Туда и музы прилетят,
В Сибирь, в жилище хлада.
Поэт! богинь не устрашат
Ни даль, ни мраз, ни льдов громада:
Они, оставивши Парнас,
В твою смиренную обитель
Придут внимать твой мирный глас,
Любимец их и их любитель!
Тогда ты лиры золотой
Ударишь в звонки струны,
И с них блестящею струей
Польется звук перунный!
Тогда ты будешь вспоминать
О родине своей, о тех местах священных,
Где дней твоих не смели возмущать
Страстей порывы разъяренных;
Где верных ты имел друзей,
Как с ними время протекало,
Как златострунной их твоей
Бряцанье лиры восхищало,
Как с ними радость разделял,
Мечты и тягость скуки,
Как их печальный оставлял,
Как простирал к ним руки,
Чтобы в последний раз обнять,
Сказать *прости* и удалиться.
Ах, как приятно вспоминать
О том, с чем тяжко разлучиться!
Мой друг! Что может быть милей
Бесценного родного края?
Там солнце кажется светлей,
Там радостней весна златая,
Прохладней легкий ветерок,
Душистее цветы, там холмы зеленее,
Там сладостней журчит поток,

Там соловей поет звучнее,
Там все нас может восхищать,
Там все прекрасно, там все мило,
Там дни как молния летят,
Там нет тоски унылой,
Там наше счастие живет,
Там только жизнью наслаждаться!
А ты, любезный мой поэт,
Ты должен с родиной расстаться!
Дай руку! Милый друг, прощай!
Но там, в стране той отдаленной,
Твоих друзей не забывай;
Живи надеждой озаренный,
Что некогда увидишь их,
Что грозный рок к тебе смягчится
И что блаженство возвратится
И позлатит ток дней твоих!

1819

К БРАТУ

Столицы мирный житель,
Враг лени и сует,
Мой ангел-покровитель,
Мой друг и мой учитель
И в мраке жизни свет,
От музы небогатой
Ты требуешь стихов;
Но мне, мой философ,
Твое желанье свято,
И вот тебе от брата
Дар скудный — пук стихов.

С того златого дня,
Как благотворный гений
В родительские сени
Вновь перенес меня, —
Я счастлив стал душою;
Здесь радость с тишиною,
Здесь все, что в жизни сей
Мне дорого и мило;

И прелесть юных дней
С свободой легкокрылой,
И дружеская сень,
И лень уединенья.
И светит наслажденья
Незаходимый день.
Творцу благодаренья!
Там, мой любезный брат,
Прошедшие мученья
Меня не посетят;
И радость, слава богу,
Дружится вновь со мной!
На ровную дорогу
Я выброшен судьбой
Из той темницы скучной,
Где жил всегда с одной
Подругою докучной;
Ты знаешь, кто она:
И гордая и злая,
Как мертвая бледна,
Как мумия сухая;
Так я, любезный брат,
Терпел от ней недавно,
А ныне очень рад,
Прогнал ее — и славно,
И не придет назад.

С тех пор бегут игриво
Мои младые дни —
И, друг мой, извини:
Я музой говорливой
Насильно увлечен;
Некстати разболтался;
Но я в грехах признался —
И менее грешён.

Когда лучи рассвета
Покроют небосклон
И твоего поэта
Прервется сладкий сон,
Я, помня долг священный
Свой разум просвещать,

Сажусь уединенный
Науки повторять;
На время отгоняю
И муз и лень свою,
Читаю и читаю,
Пока не устаю;
Потом, как утомляться
Начнет рассудок мой
И весело раздастся
Часов полдневных бой, —
Оставивши занятья,
Лечу на сельский пир,
Где искренность — кумир,
Где все — друзья и братья!
И, право, милый мой,
Обед семьи простой,
И скромный и радушный,
Мне во сто крат милей,
Чем долгий и бездушный
Пир гордых богачей,
Где не могу свободно,
Что мыслю, говорить,
Смеяться и шутить,
И есть, что мне угодно;
Где модный *этикет*
Гостями управляет,
Где скука обитает,
Где искренности нет.
Но дружеский обед
Мне лучше и вкуснее:
Здесь мысли веселее,
Здесь всякий, как привык,
Все говорит, что знает,
Здесь скука не бывает
И волен мой язык.

Расставшись со столом,
Я радости вкушаю,
Каких не обретаю
В Петрополе ни в чем.
Прочь купленного счастья
Румянец накладной

И розы сладострастья
С порочной красотой!
Семейства в мирной сени
Жилище наслаждений,
А не в шуму градском.
Там мы, друзья родные,
Веселые, младые,
Садимся все кружком,
Там говорим без смены:
Там шутки, остроты,
И смех непринужденный,
И вольные мечты!

Потом, как утомится
Аий [1] наш удалой
И тихо водворится
В собрании покой, —
В сей сладкий час досуга
Прибегнем к музам мы,
И радость — их подруга —
Вновь оживит умы;

Часы как легки тени
Мелькают мимо нас;
Когда ж их звон вечерний
Ударит десять раз,
Опять все гастрономы
На благовест знакомый
Явятся за столом
Для жертвоприношенья
Тебе, великий Ком,
Бог мирный объеденья!..
Окончив ужин свой,
С зевотою протяжной,
Я отправляюсь важно
К Морфею — на покой;
Весь свет позабываю,
Не мыслю ни о чем —
И богатырским сном
До утра просыпаю.

1821 (?)

---

[1] Аий Локуций — бог речи у римлян. *(Прим. Н. Языкова.)*

ПОСЛАНИЕ К А. Н. ОЧКИНУ

О ты, с которым я, от юношеских лет,
Привык позабывать непостоянный свет,
Привык делить мечты, надежды, наслажденья,
И музы девственной простые песнопенья,
И тихие часы досугов золотых!
Друг сердца моего и друг стихов моих!
Завидую тебе: умеренным счастливый,
Твой дух не возмущен мечтой славолюбивой;
Ты, гордо позабыв мятежный света шум,
В уединении, жилище смелых дум,
Ведешь с науками невидимые годы,
И жизнь твоя, как ход торжественный природы,
Покорна мудрости законам вековым.
Ты счастья не искал за рубежом родным;
Но, верный сам себе и от страстей свободный,
Нашел его в душе, простой и благородной;
А я, поверивший надежде молодой,
Обманут счастием, один, в стране чужой,
Пою мою печаль — певец, душою сирый, —
Как струны хладные Арминиевой лиры,
И в тишине учусь душою тосковать.
Но я еще люблю былое вспоминать;
Люблю в страну отцов в мечтах переселяться,
И всем утраченным, всем милым наслаждаться,
И с вами быть душой, родимые друзья!
О, незабвенный край, о, родина моя!
Страна, где я любил лишь прелести природы;
Где юности моей пленительные годы
Катились весело незримою струей;
Где вечно царствуют с отрадной тишиной
Миролюбивых душ живые наслажденья;
Страна, где в первый раз богиня песнопенья
Стыдливою рукой цевницу мне дала,
Огонь поэзии в душе моей зажгла, —
И я, божественным восторгом оживленный,
Воспел мои мечты и мой удел смиренный
И непритворною, свободною душой
Благодарил богов за песни и покой!
Тогда, не знав людей, застенчивый мой гений
Не знал и зависти коварных оскорблений.

Суд ветреной толпы его не занимал;
Он пел для дружества и славы не искал.
Но вы сокрылись, дни счастливого незнанья!
И чувства новые и новые желанья
Сменили навсегда покой души моей.
Отдайте мне, Судьбы, блаженство прошлых дней,
Отдайте мирные отеческие сени
И сердце без любви и ум без заблуждений!
Не тщетно ль радости минувшие зову?
Уж бремя суеты тягчит мою главу;
Унылая душа невольно холодеет
И на грядущее надеяться не смеет;
И гаснет жизнь моя! — Лишь ты, хранитель мой,
Одна отрада мне, забытому судьбой!
Ты можешь, верный жрец богини вдохновенья,
Родить в моей душе и жажду просвещенья
И твердость на пути спасительных трудов
И оживить мой ум и жар моих стихов.
Когда ж, от бремени сует освобожденный,
С собою помирясь и дружбой ободренный,
Я полечу в страну, где молодость моя
Узнает мир души и цену бытия?
О! сбудутся ль мои последние желанья?
Клянусь, собрав умом плоды образованья,
Провесть в кругу родных, на родине моей,
Остаток счастливый тобой спасенных дней!
Тогда души моей воскреснут наслажденья.
Забыв коварный свет, в тиши уединенья,
Я буду воспевать мой радостный удел,
Родимые поля, простые нравы сел
И прадедовских лет дела и небылицы —
И посвящать тебе дары моей цевницы!

1822

А. Н. ОЧКИНУ

Было время, мой приятель,
Как, прельщенный суетой,
Муз неверных обожатель,
Я им жертвовал собой;

Часто резвые мечтанья
И младых восторгов сны
На усердные призванья
Из эфирной стороны
Ниспускалися к поэту
Легкокрылою толпой;
Но теперь их нет со мной:
Мой челнок несется в Лету
Лени сонною волной,
И ничтожество немое
На корме его сидит!
Ты, которому в покое
Дни свобода золотит,
Пой, певец уединенный,
Радость юношеских лет,
А товарищ твой забвенный
Пусть молчит — он не поэт!

1822

ПОСВЯЩЕНИЕ А. М. ЯЗЫКОВУ

Faciam ut mei memineris. [1]

Тебе, который с юных дней
Меня хранил от бури света,
Тебе усердный дар беспечного поэта —
Певца забавы и друзей.
Тобою жизни обученный,
Младой питомец тишины,
Я пел на лире вдохновенной
Мои пророческие сны, —
И дружба кроткая с улыбкою внимала
Струнам, настроенным свободною мечтой;
Умом разборчивым их звуки поверяла
И просвещала гений мой!
Она мне мир очарованья
В живых восторгах создала,
К свободе вечный огнь в душе моей зажгла,
Облагородила желанья,
Учила презирать нелепый суд невежд

[1] Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил (*лат.*).

И лести суд несправедливый;
Смиряла пылкий жар надежд
И сердца ранние порывы!
И я душой не изменил
Ее спасительным стараньям:
Мой гений чести верен был
И цену знал благодеяньям!

Быть может, некогда твой счастливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И, вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани,
И гибель греческих полков,
Святые битвы за свободу,
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар.

И оживит он — в песнях славы —
Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины,
Торжественный и величавый!!

А ныне — песни юных лет,
Богини скромной и веселой,
Тебе дарит рукой несмелой
Тобой воспитанный поэт!
Пускай сии листы, в часы уединенья,
Представят памяти твоей
Живую радость прошлых дней,
Неверной жизни обольщенья
И страсти ветреных друзей;
Здесь все, чем занят был счастливый дар поэта,
Когда он тишину боготворил душой,
Не рабствовал молве обманчивого света
И пел для дружбы молодой!

1822

МОЯ РОДИНА

«Где твоя родина, певец молодой?
Там ли, где льется лазурная Рона;
Там ли, где пели певцы Альбиона;
Там ли, где бился Арминий-герой?»
— Не там, где сражался герой Туискона
За честь и свободу отчизны драгой;
Не там, где носился глас барда живой;
Не там, где струится лазурная Рона.

«Где твоя родина, певец молодой?»
— Где берег уставлен рядами курганов;
Где бились славяне при песнях баянов;
Где Волга, как море, волнами шумит...
Там память героев, там край вдохновений,
Там все, что мне мило, чем сердце горит;
Туда горделивый певец полетит,
И струны пробудят минувшего гений!

«Кого же прославит певец молодой?»
— Певца восхищают могучие деды:
Он любит славянских героев победы,
Их нравы простые, их жар боевой;
Он любит долины, где бились народы,
Пылая к отчизне любовью святой;
Где падали силы Орды Золотой;
Где пелися песни войны и свободы.

«Кого же прославит певец молодой?»
— От звука родного, с их бранною славой,
Как звезды, блистая красой величавой,
Восстанут герои из мрака теней:
Вы, страшные грекам, и ты, наш Арминий,
Младый, но ужасный средь вражьих мечей,
И ты, сокрушитель татарских цепей,
И ты, победивший врагов и пустыни!

«Но кто же младого певца наградит?»
— Пылает он жаждой награды высокой,
Он борется смело с судьбою жестокой
И, гордый, всесильной судьбы не винит...

Так, бурей гонимый, средь мрака ночного,
Пловец по ревущим пучинам летит,
На грозное небо спокойно глядит
И взорами ищет светила родного!

«Но кто же младого певца наградит?»
— Потомок героев, как предки свободный,
Певец не унизит души благородной
От почестей света и пышных даров.
Он славит отчизну — и в гордости смелой
Не занят молвою, не терпит оков:
Он ждет себе славы — за далью веков,
И взоры сверкают надеждой веселой!

1822

ПЕСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

Мы бились мечами на чуждых полях,
Когда, горделивый и смелый, как деды,
С дружиной героев искал я победы
И чести жить славой в грядущих веках.
Мы бились жестоко: враги перед нами,
Как нива пред бурей, ложилися в прах;
Мы грады и села губили огнями,
И скальды нас пели на чуждых полях.

Мы бились мечами в тот день роковой,
Когда, победивши морские пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины
И, встречены грозной, нежданной войной,
Мы бились жестоко: как мы, удалые,
Враги нас теснили толпа за толпой;
Их кровью намокли поля боевые,
И мы победили в тот день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомок Одина,
Принес ему в жертву врага-исполина,
При громе оружий, при свете луны.
Мы бились жестоко: секирой стальною

Разил меня дикий питомец войны;
Но я разрубил ему шлем с головою, —
И мы победили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынам
Оставил я броню, и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,
И меч мой, ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развесят кольчуги с щитами, с мечами
В чертогах отцовских на память сынам.

1822

РОК

(На смерть М. А. Мойер)

Смотрите: он летит над бедною вселенной.
    Во прах, невинные, во прах!
Смотрите, вон кинжал в руке окровавленной
    И пламень тартара в очах!
Увы! сия рука не знает состраданья,
    Не знает промаха удар!
Кто он, сей враг людей, сей ангел злодеянья,
    Посол неправых неба кар?

Всего прекрасного безжалостный губитель,
    Любимый сын владыки тьмы,
Всемощный, вековой — и наш мироправитель!
    Он — рок; его добыча — мы.
Злодейству он дает торжественные силы
    И гений творческий для бед
И медленно его по крови до могилы
    Проводит в лаврах через свет.

Но ты, минутное творца изображенье,
    Невинность, век твой не цветет:
Полюбишь ты добро — и рок в остервененье
    С земли небесное сорвет
Иль бросит бледную в бунтующее море,

Закроет небо с края в край,
На парусе твоем напишет: горе! горе!
И ты при молниях читай!

1823

ЧУЖБИНА

Там, где в блеске горделивом
Меж зеленых берегов
Волга вторит их отзывом
Песне радостных пловцов
И, как Нил-благотворитель,
На поля богатство льет, —
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой
Не слетит со струн поэта
Голос, родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда брега и воды
Под туманами заснут
И, как щит перед сраженьем,
Светел месяц золотой, —
С благотворным вдохновеньем
Легкокрылою толпой
Из страны очарованья
В их эфирной тишине
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
    Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!
    Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
    Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
    Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
    Скаты злачных берегов
И старинные курганы —
    Память смелых праотцов —
Сохраненные веками,
    Как свидетели побед,
Непритворными струнами
    Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
    И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
    Песен волжских рыбарей.
Долго, грустный, проблуждает
    Он по дальным сторонам;
Долго арфа не сыграет
    Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
    Огнь божественный в сердца
И цветами убираешь
    Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
    Муза лиры, прилетай
И утраченные годы
    Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры, ты прекрасна,
    Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
    Буря света и страстей.

Я горжусь твоим участьем;
Ты чаруешь жизнь мою, —
И, забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

1823

МОЕ УЕДИНЕНИЕ

От света вдалеке,
Я моему Пенату
Нашел простую хату
В пустынном чердаке;
Здесь лестница крутая,
Со всхода по стене
Улиткой завитая,
Впотьмах ведет ко мне:
Годов угрюмый гений
С нее перилы снял
И тяжкие ступени
Избил и раскачал;
Но, зная путь парнасской
От колыбельных лет,
С ее вершины тряской
Не падает поэт;
Под ним дрожат ступени,
И тьма со всех сторон,
Но верно ходит он
К своей любимой сени.

Благодарю богов!
В моем уединенье
Свобода — рай певцов,
Живое размышленье
И тишина трудов.
Умеренность благая
Приют мой убрала,
Здесь роскошь выписная
Приема не нашла;
Завесою богатой
Не занавешен свет;
Пол шаткий и покатый

Коврами не одет;
Ни бронзы драгоценной,
Ни зеркал, ни картин:
Все бедно и смиренно,
Как сирый Фебов сын.
У стенки некрасивой
Стоит мой стол простой,
Хранитель молчаливый
Всего, что гений мой,
Мечтатель говорливый,
Досужною порой
Певцу-анахорету
Наедине внушил
И строго запретил
Казать слепому свету.
Пред ним моя рука,
Широкими рядами,
Из полок, меж стенами
И вверх до потолка,
Приют уединенный
Соорудила вам,
О русские Камены,
Священные векам!

Ты здесь, во славе зримый,
Снегов полярных сын,
Певец непобедимый
И гений-исполин,
Отважный, как свобода,
И быстрый, как перун,
Ты строен, как природа,
Как небо, вечно юн!

И ты, кумир поэта,
С высокою душой,
Как яркая комета,
Горящей полосой
На русском небосклоне
Возникший в дни побед
И мудрую на троне
Прославивший поэт!
Твой голос величавый

Гремит из рода в род
И вечно не замрет
В устах полночной славы.

И ты, любимый сын
Фантазии чудесной,
Певец любви небесной
И северных дружин,
То нежный и прекрасный,
Как сердца первый жар,
То смелый и ужасный,
Как мщения удар!
Твой глас душе унылой,
Как ангела привет,
Внушает тайной силой
Надежду в море бед;
В страдальце оживляет
Покорность небесам, —
И грустный забывает,
Что он еще не там!

Питомцы вдохновенья!
Вы здесь, — и гений мой
Мирские наслажденья
С мирскою суетой
Презрительно бросает
Пред музою во прах
И, зря, как вас венчает
Бессмертие в веках,
Приподнимает крылы,
И чувствует в крылах
Торжественные силы.

Счастлив, кто жребий свой
Из урны роковой
Сам избирал и вынул
И шумный свет покинул
Для неизменных благ!
Умеренным богатый,
В тиши укромной хаты,
В спасительных трудах
Он дни свои проводит
С волшебницей-мечтой;

За славою не ходит
И не знаком с молвой.
Безвестность золотая
Хранит его от бед,
И ласковая стая
Докучливых сует
Ненужного для света
Не вызовет на свет.
О боги! кров поэта
Да будет вечно тих!
Я не ищу фортуны,
Ни почестей мирских:
Труды, безвестность, струны —
Блаженство дней моих!

А ты, моя свобода,
Храни души покой,
Мне музы и природа
Прекраснее с тобой;
С тобой мечты живее,
Отважней дум полет,
И песнь моя звучнее;
С тобою — я поэт!

1823

В. М. КНЯЖЕВИЧУ

Они прошли и не придут,
Лета неверных наслаждений,
Когда, презрев высокий труд,
Искал я счастия во мраке заблуждений.
Младый поклонник суеты,
На лире, дружбой ободренный,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пел беспечность и мечты;
Но гордость пламенного нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшего душа моя ждала:
Хвалы друзей — еще не слава!
Я здесь, я променял на сей безвестный кров
Безумной младости забавы,

Веселый света шум на тишину трудов
И жажду нег — на жажду славы.
Моих желаний не займут
Толпы невежд рукоплесканья,
Оракулы веков душе передадут
И жар отважных дум и смелость упованья.
Когда на своде голубом
Выходит месяц величавый
И вечер пасмурным крылом
Оденет дерптские дубравы,
Один, под кровом тишины,
Я здесь беседую с минувшими веками:
Героев призраки из мрака старины
Встают передо мной шумящими рядами,
И я приветствую родных богатырей
И слышу силу их ударов;
Пред взорами — холмы разорванных цепей
И море бурное пожаров!
Какой роскошный пир восторгам и мечтам!
Как быстро грудь моя трепещет,
В очах огонь поэта блещет,
И рвется длань моя к струнам!

Очистив юный ум в горниле просвещенья,
Я стану петь дела воинственных славян,
И яркие лучи святого вдохновенья
Прорежут древности туман.
Ты, радуясь душой, услышишь песнь свободы
В живой гармонии стихов,
Как с горной высоты внимает сын природы
Победоносный крик орлов.

1823

ПЕСНЬ БАЯНА

Война, война! Прощай, Сиана!
Бойцы шумят, бойцы идут;
Они товарища-баяна
В страну далекую зовут.

Туда, где бранные пожары
Дунайски волны озарят,

Где смертоносные удары
О шлемы греков зазвенят.

С врагом сражаяся, как деды,
Рукой и сердцем славянин,
Я наши стану петь победы
И смелость князя и дружин.

И, твой баян, пируя славу,
Под медью лат дыша тобой,
Там повторю я Святославу,
Что пел Сиане молодой.

Промчится буря боевая,
Войдет в ножны булат бойца —
И дева, сердцем оживая,
Обнимет верного певца.

1823

ПЕСНЬ БАРДА ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАР В РОССИИ

О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвых князей.

Слово о полку Игореве.

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певицы вольности, и славы, и побед,
Народу русскому родные?

Бывало: ратники лежат вокруг огней
По брегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним, грозна,
Как щит, в бою окровавленный,
Восходит полная луна!

И тихий сон во вражьем стане;
Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поет деянья праотцов —
И персты вещие летают

По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам!
Наутро солнце лишь восстало,
Проснулся дерзостный булат:
Валятся греки — ряд на ряд,
И их полков как не бывало!

И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца величавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восстанет...
А мы... нам долго цепи влечь:
Столетья протекут — и русский меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще младый баян
На голос предков запевает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглашает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слезы,
С неисцелимою тоской!

1823

БАЯН К РУССКОМУ ВОИНУ

ПРИ ДМИТРИИ ДОНСКОМ, ПРЕЖДЕ ЗНАМЕНИТОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ НЕПРЯДВЕ

(Посвящено А. А. Воейковой)

Стоит за олтари святые,
За богом венчанных царей,
За гробы праотцов родные,
За жен, отцов и за детей.

Лобанов.

О бранный витязь! ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь мрачный и немой,

Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырасть на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом:
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее;
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножон:
За честь, за веру грянет он
В твоей опомнившейся длани —
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, на бой! — И жар Баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:

«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русский меч его убил!»

1823

ПЕСНИ

I

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином благоговенье:
Ему торжественный виват,
Ему — коленопреклоненье!

Герой, вином разгорячен,
На смерть отважнее стремится;
Певец поет, как Аполлон,
Умея Бахусу молиться;

Любовник, глядя на стакан,
Измену милой забывает.
И счастлив он, покуда пьян,
Затем, что трезвый он страдает.

Скажу короче: в жизни сей
Без Вакха людям все досада:
Анакреон твердит нам: пей!
А мы прибавим: до упада.

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином благоговенье:
Ему торжественный виват,
Ему — коленопреклоненье!

1823

II

Страшна дорога через свет:
Непьяный вижу я дорогу,
А пьян, до ней мне дела нет,
Я как слепой — и слава богу!

Мечта и сон — наш век земной;
Мечта? — Я с Бахусом мечтаю.
И сон? — За чашей круговой
Я не скорее ль засыпаю?

Что шаг — то грех: как не почтить
Совета веры неподложной?
Напьемся так, чтобы ходить
Нам было вовсе невозможно.

Известно всем, что в наши дни
За речи многие страдали;
Напьемся так, чтобы они
Во рту же нашем умирали.

Что было, есть, что впереди,
Об этом трезвый рассуждает,
А пьяный — мир хоть пропади,
Его ничто не занимает.

Собой довольному — не страх
Ему судьбы непостоянство,
И он в чувствительных слезах
Благодарит святое пьянство.

1823

III

Кто за покалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает.

Слова святые: «пей и пой!»
Необходимы для пирушки.
Друзья! где арфа подле кружки,
Там бога два — и пир двойной!

Так ночью краше небеса
При ярком месяца сиянье;
Так в миловидном одеянье
Очаровательней краса.

Кто за покалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает!

1823

IV

Душа героев и певцов,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цветов
Ведет к ученому патенту.

Проснувшись вместе с петухом,
Он в тишине читает Канта;
Но день прошел — и вечерком
Он за вино от фолианта.

И каждый день его, как сон,
Пленяя чувства, пролетает:
За книгой не скучает он,
А за покалом кто ж скучает?

Свободой жизнь его красна,
Ее питомец просвещенный —
Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной!

1823

V

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они так не певали:
Их бранный дух, их грубый вкус
От чаши гнали милых муз.

Веселость пасынков Рорбаха [1]
Была безумна и неряха:

---

[1] Винно фон Рорбах, первый гроссмейстер лифляндских рыцарей. *(Прим. Н. Языкова.)*

Бывало, в замке за столом
Сидят в бронях перед вином.

И всякий в буйности природной
Кричит, что пьяному угодно,
И непристойность глупых слов
Слетает нагло с языков.

Но мы, друзья, не то, что деды:
Мы песни призвали в беседы,
Когда веселье — наш кумир —
Сзывает нас на шумный пир.

Великолепными рядами
Сидим за длинными столами,
И всякий, глядя на покал,
Поет, как Гете приказал.

Слова: отрада и свобода
В устах у пьяного народа
При звуке чоканья гремят,
И всяк друг другу — друг и брат!

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они не так певали.

1823

VI

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим.
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от покалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от покалов не привстанем.

Друзья! покалы к небесам,
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! покалы к небесам,
Обет правителю природы.

Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

1823

VII

Счастлив, кому судьбою дан
Неиссякаемый стакан:
Он бога ни о чем не просит,
Не поклоняется молве
И думы тягостной не носит
В своей нетрезвой голове.

С утра до вечера ему
Не скучно — даже одному:
Не занятый газетной скукой,

Сидя с вином, не знает он,
Как царь, политик близорукой,
Или осмеян, иль смешон.

Пускай святой триумвират
Европу судит невпопад,
Пускай в Испании воюют
За гордой вольности права —
Виновных дел не критикуют
Его невинные слова.

Вином и весел и счастлив,
Он — для одних восторгов жив,
И меж его и царской долей
Не много разницы найдем:
Царь почивает на престоле,
А он — забывшись — под столом.

1823

VIII

Налей и мне, товарищ мой,
И я, как ты, студент лихой;
Я пью вино, не заикаясь,
И верен Вакху мой обет:
Пройду беспечно через свет,
От хмеля радости качаясь.

Свобода, песни и вино —
Вот что на радость нам дано,
Вот наша троица святая!
Любовь — но что любовь? Она
Без Вакха слишком холодна,
А с Вакхом слишком удалая.

Вчера я знал с Лилетой рай,
Сегодня та и тот — прощай:
Она другого полюбила;
Но я не раб любви моей,
Налейте мой стакан полней;
Не за твое здоровье, Лила!

А то ли Бахус, о друзья,
Он усладитель бытия,
Он никогда не изменяет:
Вчера, сегодня, завтра — наш!
Любите звон веселых чаш:
Он глас печали заглушает!

1823

IX

От сердца дружные с вином,
Мы вольно, весело живем:
Указов царских не читаем,
Права студентские поем,
Права людские твердо знаем;
И, жадны радости земной,
Мы ей — и телом и душой!

Когда рогатая луна
На тверди пасмурной видна, —
Обнявши деву молодую,
Лежим — и чувствует она
Студента бодрость удалую,
И, суеверие людей,
Не ожидай от нас мощей!

Наш ум свободен: и когда,
Как не гремит карет езда
И молчаливы пешеходы
Глядят, как вечера звезда
Сребрит стихающие воды,
Бродя по городу гурьбой,
Поем и вольность и покой!

От сердца дружные с вином,
Мы шумно, весело живем,
Добро и славу обожаем,
Чинов мы ищем не ползком,
О том, что будет, не мечтаем;
Но радость верную любя,
Пока мы живы — для себя!

1823

X. ГИМН

Боже! Вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
Пьяному рай!

Жизнь мне прелестную
И неизвестную,
Чашу ж не тесную,
Боже, подай!

Пьянства любителей,
Мира презрителей,
Боже, храни!

Души свободные,
С Вакховой сходные,
Вина безводные
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие,
Боже, храни!

Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж нехмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже, спасай!

Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим
Ты не мешай!

1823

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

В стране, где я забыл мирские наслажденья,
Где улыбается мне дева песнопенья,
Где немец поселил свой просвещенный вкус,

Где поп и государь не оковали муз;
Где вовсе не видать позора чести русской,
Где доктор и студент обедают закуской,
Желудок приучив за книгами говеть;
Где часто, не любя всегда благоговеть
Перед законами железа и державы,
Младый воспитанник науки и забавы,
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность и покой, которыми живет, —
Ты первый подал мне приятельскую руку,
Внимал моих стихов студенческому звуку,
Делил со мной мечты надежды золотой
И в просвещении мне был пример живой.
Ты удивил меня: ты и богат и знатен,
А вовсе не дурак, не подл и не развратен!
Порода — первый чин в отечестве твоем —
Тебе позволила б остаться и глупцом:
Она дала тебе вельможеское право —
По-царски век прожить, не занимаясь славой,
На лоне роскоши для одного себя;
Или, занятия державных полюбя,
Стеснивши юный стан ливреею тирана,
Ходить и действовать по звуку барабана
И мыслить, как велит, рассудка не спросясь,
Иль невеликий царь или великий князь,
Которым у людей отеческого края
По сердцу лишь ружье да голова пустая.
Ты мог бы, с двадцать лет помучивши солдат,
Блистать и мишурой воинственных наград
И, даже азбуки не зная просвещенья,
Потом принять бразды верховного правленья,
Которых на Руси, как почтовых коней,
Скорее тем дают, кто чаще бьет людей
Но ты, не веруя неправедному праву,
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что одни б достоинства должны
Давать не только скиптр, но самые чины,
Что некогда наук животворящий гений —
Отец народных благ и царских огорчений —
Поставит, разумом обезоружив трон,
Под наши небеса свой истинный закон...
Мы вместе, милый мой, о родине судили,

Царя и русское правительство бранили, —
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вот — тебя судьба зовет на путь иной,
И скоро будут мне, в тиши уединенья,
Отрадою одни былые наслажденья.
Дай руку! Да тебе на поприще сует
Не встретится удар обыкновенных бед!
А я — останусь здесь, и в тишине свободной
Научится летать мой гений благородный,
Научится богов высоким языком
Презрительно шутить над знатью и царем:
Не уважающий дурачеств и в короне,
Он, верно, их найдет близ трона и на троне!
Пускай пугливого тиранства приговор
Готовит мне в удел изгнания позор
За смелые стихи, внушенные поэту
Делами низкими и вредными полсвету, —
Я не унижуся нерабскою душой
Перед могущею, но глупою рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умеет презирать неправые гоненья, —
И все усилия цензуры и попов
Не сильны истребить возвышенных стихов.
Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть пустые,
И будто создала благая длань творца
Народы тысячи — для одного глупца;
У нас свободный ум, у нас другие нравы:
Поэзия не льстит правительству без славы;
Для нас закон царя — не есть закон судьбы.
Прошли те времена — и мы уж не рабы!

1823

ПЕСНЬ БАЯНА

Люблю смотреть на месяц ясный.
Когда встает он из-за гор;
Но мне милее светлый взор
Сианы резвой и прекрасной.

Люблю, задумавшись, с кургана
Напевы слушать соловья;
Но веселей душа моя,
Когда поет моя Сиана.

Люблю, как, песнь мою внимая,
Боец хватает свой булат;
Но слаще струны говорят
С тобой, красавица младая!

Люблю на шумном сборе стана
Приветы ратных и вождей;
Но я счастливее царей,
Как улыбнется мне Сиана.

1823

ПОСВЯЩЕНИЕ А. А. ВОЕЙКОВОЙ
ПЕСНИ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

Прошу стихи мои простить!
Я на Парнасе школьник юный:
Вас не сумели похвалить
Мои застенчивые струны;
Но если праведным богам
Приятней сердца дар убогий,
Чем драгоценный фимиам,
То вы поступите как боги, —
И сей листок чрез много дней
Напомнит вам певца младого,
Который не жил для людей,
В стране чужой не пел чужого,
Не звал и славы в свой приют
И за фортуной быстроногой
Мирскою пыльною дорогой
Не побежал, хоть все бегут.
Зато в душе его смиренной
Огонь свободы пламенел;
Он кое-что не худо пел,
Но, божеством не вдохновенный,
Перед божественным немел.

1823

‹М. Н. ДИРИНОЙ›

Моя богиня молодая
Законам света не верна,
И часто говорит она,
Что́ умолчала бы другая;
А это в наши времена,
Как вам известно, против моды;
Певцу, и особливо мне,
Восторгов пламенной свободы
Любить не должно б и во сне,
А я свой век позабываю
И даже в русские стихи
Рукой небрежною вмещаю
Мечты, ведущие не к раю,
И вольнодумные грехи.
Что делать? Гордыми очами
Поэт не смотрит никогда
С горы божественной туда,
Где быть... но догадайтесь сами!
Клянусь вам славой и стихами,
Что много, много мог бы я
С моею музою счастливой,
И перед вами не ленивой,
Как перед ней рука моя, —
Вам принести усердной дани
На сих листках воспоминаний.
Вас похвалить не мудрено,
Но похвалы за похвалами
Все будут то же и одно,
Какими б ни было стихами;
А это наскучает вам
(Так слышал я и знаю сам).
Притом: написанное выше
Велит мне изъясняться тише,
Чтоб за болтливость укорять
Мою поэзию не стали.
И мне... позволите ль сказать?
Мне хочется, чтоб вы не знали,
Что́ я хотел вам написать.

1823

А. С. ДИРИНОЙ
(ОТВЕТ НА ПРИСЛАННЫЙ ТАБАК)

Скучает воин — без войны,
Скучает дева — без наряда,
Супруг счастливый — без жены,
И государь — без вахтпарада.

А я, презритель суеты,
Питомец музы, что скучаю?
Веселой нет со мной мечты,
И вдохновенье забываю.

Как без души — без табаку
Студент, его любитель верный,
За часом час едва влеку
С моей тоской нелицемерной.

Как часто, в грустной тишине,
Хожу в карман рукой несмелой:
Там пусто, пусто — как в стране
Где пламя брани пролетело.

Бывало: с трубки дым летит,
Свиваясь кольцами густыми,
И муза пылкая дарит
Меня стихами золотыми.

Но все прошло — и все не так!
Восторги — были сон приятный.
Ох, не призвать мне, о табак,
Твоей отрады ароматной!

Сижу один — и вслух дышу,
Собой и всеми недоволен,
Я не читаю, не пишу,
Вполне здоровый, будто болен.

Так, вечно жадная забав,
Давно прошедшая Леила
Сидит печально, потеряв
Свои румяна и белила.

Ничто ее не веселит,
Не милы пышные наряды,
И взор потупленный блестит
Слезами горькими досады.

1823

МУЗА

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
В венце раскованная сила;
Ее бессовестная длань
Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.

1823

УСЛАД

Не стонет дол от топота коней,
Не брызжет кровь от русского удара:
По берегу Дуная, близ огней,
Лежат бойцы — смирители Болгара;
Там юноша, соратник их мечей,
Исполненный божественного дара,
Пленяет слух дружины удалой
Военных струн волшебною игрой.
Баян поет могучих праотцов,
Их смелый нрав, их бурные сраженья,
И силу рук, не знающих оков,
И быстроту их пламенного мщенья.
Как звук щита, и ратным и вождям
Отрадна песнь любимца вдохновенья:
Их взор горит, их мысль блуждает там,

Где билась рать отважного Олега,
Где Игорев булат торжествовал —
И гордый грек бледнел и трепетал,
Послыша гром славянского набега.

Баян воспел минувших лет дела.
Баян умолк; но рать еще внимает.
Так плаватель, когда ночная мгла
Лазурь небес и море застилает,
Еще глядит на сумрачный закат,
Где скрылося великое светило;
Так сладостно расставшемуся с милой
Издалека еще взирать назад!
Луна плывет в спокойных небесах;
Молчит Дунай, чернеет лес дремучий,
И тень его, как тень широкой тучи,
Мрачна лежит на стихнувших водах.

ПЕСНЬ БАЯНА

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!

Цимиский! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит.
Цимиский! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?

Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят,
И не ускачет от мечей.
Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят.

Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне:
Удар наш меток и тяжел.

Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне:

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы,
Проснися, ужас боевой!
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы!

Но кто, певец, любви не воспевал?
Какой баян, плененный красотою,
Мечты бойца с прекрасною мечтою
О родине и милой не сливал?

Двойной огонь в душе певца младого,
Когда поет он деву и войну:
Так две струи Дуная голубого
Блестят живей, сливаяся в одну.

ПЕСНЬ БАЯНА

Бойцы садятся на коней,
Баяна дева обнимает:
Она молчит, она вздыхает,
И слезы градом из очей.

«Прощай, прощай! иду на битву!
Люби меня, моя краса!
Молись — услышат небеса
Твою невинную молитву!

Щита, врученного тобой,
Булат врага не перерубит;
Тебя певец твой не разлюбит
И не изменится душой».

Они расстались. Пыль густая
Поля покрыла, как туман.
Враги! вам полно ждать славян!
Вам полно спать, брега Дуная!

Взошла денница; вспыхнул бой;
Дрожит широкая долина.
О грек! страшна твоя судьбина:
Ты не воротишься домой!

Валятся всадники и кони,
Булат дробится о булат —
И пал ужасный сопостат
При шуме яростной погони!

Баян отцам не изменил
На поле гибели и чести:
Могучий враг ударом мести
Его щита не сокрушил.

Гордыня сильного смирилась;
Ему не праздновать войны...
И сталь победная в ножны
По вражьей крови опустилась!

И рать на родину пришла;
Баяна дева обнимает,
Отрадно грудь ее вздыхает,
И девы радость ожила.

Не сталь в груди Услада трепетала,
Не дикий огнь сверкал в его очах:
Он знал любовь; душа его питала
Ее восторг, ее безвестный страх.
Он твой, он твой, красавица Сиана!
Ты помнишь ли его златые дни,
Когда лесов отеческих в тени
Ласкала ты влюбленного баяна?
Ты помнишь ли, как, бросив меч и щит,
Презрев войны высокие награды,
Он пел твои божественные взгляды
И красоту застенчивых ланит?
Ты помнишь ли, как, песнь его внимая,
Молчала ты? — Но как любовь молчит?
То, свеж и чист, как роза молодая,

Твое лицо румянец оживлял;
То вспыхивал твой взор, то угасал,
Как в облаке зарница золотая.
Баян Услад любви не изменял:
С чужих полей, где рыщет ужас битвы,
К тебе его надежды и мечты,
И за тебя сердечные молитвы;
Он всюду твой! А ты — верна ли ты?

1823

К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной:
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом.

Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда иль Лувеля,

И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.

Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

1823

ЭЛЕГИЯ

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда в моем кармане?
Теперь Христово рождество,
И веселятся христиане;
А я один, я чужд всего,
Что мне надежды обещали:
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!
Туда, туда, к Петрову граду
Я полетел бы: мне мила
Страна, где первую награду
Мне муза пылкая дала;
Но что не можно, то не можно!
Без денег — радости людей —
Здесь не дадут мне подорожной,
А на дороге лошадей.

Так ратник в поле боевом
Свою судьбину проклинает,
Когда разбитое врагом
Копье последнее бросает:
Его руке не взять венца,
Ему не славиться войною,
Он смотрит вдаль — и взор бойца
Сверкает первою слезою.

1823

ЭЛЕГИЯ

Скажи, воротишься ли ты,
Моя пленительная радость?
Ужель моя погаснет младость,
Мои не сбудутся мечты?

Еще не ведал я страданий,
Еще я жизнь не разлюбил;
Был чист огонь моих желаний...
И он ли небо оскорбил?

Не укорял бы я судьбины,
Я ждал бы смерти в тишине;
Но трепещу... ужасны мне
Забвенья черные пучины.

Дары поэзии святой!
Ужель вы были сновиденье?
Ты, жажда чести вековой,
И ты, к высокому стремленье?

1824

ЗИМА ПРИШЛА

Как рада девица-краса
Зимы веселому приходу,
Как ей любезны небеса
За их замерзнувшую воду!
С какою радостью она,
Сквозь потемнелого окна,
Глядит на снежную погоду!
И вдруг, жива и весела,
Бежит к подруге своей бальной
И говорит ей триумфально:
Зима пришла! Зима пришла!

Воспитанник лесной Дианы,
Душою радуясь, глядит,
Как помертвелые поляны
Зима роскошно серебрит:
Порою осени унылой

Ходить с ружьем совсем не мило;
И льется дождь, и ветр шумит.
Но выпал снег, — прощай, терпенье!
Его охота ожила,
И говорит он в восхищенье:
Зима пришла! Зима пришла!

Казны служитель не безвинный,
Как рая, зимней ждет поры:
Плохой барыш с продажи винной
Весной и в летние жары:
Крестьяне заняты работой;
Он зрит с печальною зевотой
Цереры добрые дары;
Но вот зима — и непрестанно
Торговля ездить начала —
И он кричит, восторгом пьяный:
Зима пришла! Зима пришла!

Питомцу музы не отрада
И пылкой музе не сладка
Зимы суровая прохлада:
В лесу мороз, стоит река,
Повсюду мрачное молчанье —
И где ж певцу очарованье,
Восторг и мирты для венка?!
Он взглянет нá землю — пустыня,
На небо взглянет — небо спит;
Но, если юноше велит
Душой и разумом богиня
Прославить зимние дела,
В поэте радость оживает,
И вдохновенный восклицает:
Зима пришла! Зима пришла!

1824

ЕЩЕ ЭЛЕГИЯ

Как скучно мне: с утра до ночи
Лежу и думаю: когда
Моя окончится беда,
Мои яснее будут очи.

Бывало: пылкая мечта
Ко мне веселая летала,
И жизни тихой красота
Мою надежду чаровала.
Бывало: позднею порой
Прекрасный ангел песнопений
В тиши беседовал со мной
И ободрял мой юный гений.
Но быстро, быстро пронеслось
Мое веселье золотое:
Теперь что́ вздумаю — пустое,
Теперь стихи мои — хоть брось!
Но все пройдет, как сновиденье;
Я буду счастлив и здоров,
И вновь святое вдохновенье
Проснется для моих стихов.
Такие чувствует печали
Богач, которого казну
Его завистники украли:
Он грустно помнит старину;
Но мысль надежная сверкает
В его печальной голове,
И он — в Управу посылает
Сказать о важном воровстве:
Его сокровища найдутся,
Тоска исчезнет, как мечта, —
И благовидно улыбнутся
Уже спокойные уста.

1824

ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья,
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

1824

ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут, —
И не пробудится Россия!

1824

ЭЛЕГИЯ

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувших дней воспоминанье.

Прошел, прошел их милый сон,
Но все душа за ним стремится
И ждет: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится...

Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури!

1824

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Скажи, как жить мне без тебя?
Чем врачеваться мне от скуки?
Любя немецкие науки
И немцев вовсе не любя,

Кому, собою недовольный,
Поверю я мои стихи,
Мечты души небогомольной
И запрещенные грехи?
В стране, где юность странным жаром
Невольной вольности кипит,
Где жизнь идет, а не летит,
Где любят в долг, дарят не даром,
Где редки русские умы,
Где редки искры вдохновенья, —
Где царь и глупость — две чумы —
Еще не портят просвещенья, —
Любили вместе мы делить
Веселой младости досуги
И страсть правительство бранить
За всероссийские недуги.
Мелькали быстро дни мои:
Я знал некупленное счастье
В раю мечтательной любви
И в идеальном сладострастье;
Но я предвижу, милый мой,
Чтó скоро сбудется со мной.
Живя одним воспоминаньем,
Я лучших дней не призову, —
И отягчит мою главу
Тоска с несбыточным желаньем.
Мои свободные мечты
И песни музы горделивой
Заменит мне покой сонливый;
И жизни глупой суеты
Меня прельстят утехой лживой, —
И прочь прекрасное! Но ты —
Свидетель милой наготы
Моей поэзии шутливой...
Пускай тебе сии мечты
В веселый час представят живо
Лихие шалости любви...
О! вспомни вольного собрата
И важной дланью дипломата
Моих стихов не изорви!

1824

К...

Твоя прелестная стыдливость,
Твой простодушный разговор,
И чувств младенческая живость,
И гибкий стан, и светлый взор —
Они прельстят питомца света,
Ему весь рай твоей любви;
Но горделивого поэта
В твои объятья не зови!

Напрасно, пылкий и свободный,
Душой невинный, он желал
В тебе найти свой идеал
И чувство гордости народной.
Ищи неславного венка —
Ты не достойна вдохновений,
Простая жажда наслаждений
Жрецу изящного — низка.

1824

СЛАВА БОГУ

О, слава богу, слава богу!
Я не влюблен, свободен я;
Я выбрал лучшую дорогу
На скучной степи бытия:
Не занят светом и молвою
Я знаю тихие мечты,
И не поклонник красоты,
И не обманут красотою!

1824

ОСТРОВОК

Далеко, далеко,
Красив, одинок,
На Волге широкой
Лежит островок —

Туда я летаю
На крыльях мечты;
Я помню, я знаю
Его красоты:
Тропинки извивы
Под сводами ивы,
Где слышно: ку-ку,
Ведут к озерку.
Там берег песчаный...
На нем пред водой:
И стол деревянный
С дерновой софой
И темные сени
Старинных дерёв —
Прибежище лени,
Мечтательных снов.
Налево — беседка,
Как радость мила:
Природа-кокетка
Ее убрала
И розой, и маком,
И свежей травой,
Прохладой и мраком,
А ночью — луной.
Туда, как ложится
На Волгу покой
И небо глядится
В утихших водах,
Приходит... садится
С тоскою в очах
И в сердце с тоскою
Девица-краса;
Глядит в небеса,
Чуть-чуть головою
Склонясь на ладонь, —
И взоры прекрасной
То нежны и ясны,
Как божий огонь,
То мрачны и томны,
Как вечер худой,
Безлунный и темный,
Иль сумрак лесной.

Когда же рассветом
Горят небеса
И с птичкой-поэтом
Проснутся леса,
Росистой тропинкой
Девица спешит
С прелестной корзинкой,
Где книга лежит,
В беседку... Вот села,
Тиха и бледна,
А все не без дела:
Читает она
Поэта Светланы,
Вольтера, Парни...
А Скотта романы —
Ей праздник они.
Она отмечает
Идей красоты
И после — в листы
Альбома включает:
Так сушит цветы
Цветов обожатель.
О, счастлив писатель
В руках красоты!

Далеко, далеко,
Красив, одинок,
Лежит островок.
Когда же, о боги!
Поэт и студент
Для дальной дороги
Получит патент?
Когда он, веселый,
Узрит не в мечтах
Знакомые селы
При светлых водах?
Когда он похвалит
Таинственный рок?
Когда он причалит
Свой легкий челнок
Под тенью прохладной
Туда, к островку,

И, с думой отрадной
Взглянув на реку,
«О радость, — воскликнет, —
Я здесь, я живу!»
И снова привыкнет
Там жить наяву?

1824

АЛА

ЛИВОНСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Посвящена М. Н. Дириной)

В стране, любимой небесами,
Где величавая река
Между цветущими брегами
Играет ясными струями;
Там, где Албертова рука
Лишила княжеского права
Неосторожного Всеслава;
Где после Грозный Иоанн,
Пылая местью кровожадной,
Казнил за Магнуса граждан
Неутомимо, беспощадно;
Где добрый гений старины
Над чистым зеркалом Двины
Хранит доселе как святыню
Остатки каменной стены
И кавалерскую твердыню.

В дому отцовском, в тишине,
Как цвет Эдема расцветала
Очаровательная Ала.
Меж тем в соседней стороне,
Устами Паткуля, к войне
Свобода храбрых вызывала;
И удалого короля
Им угнетенная земля
С валов балтийских принимала.
Когда, прославившись мечом,
Он шел с полуночным царем

Изведать силы боевые,
Не зная, дерзкий! как бодра
Железной волею Петра
Преображенная Россия.

Родитель Алы доходил
К пределу жизненной дороги;
Он долго родине служил,
Видал кровавые тревоги,
Бывал решителем побед;
Потом оставил шумный свет,
И, безмятежно догорая,
Прекрасен был, как вечер мая,
Закат его почтенных лет.
Но вдруг — и кто не молодеет?
Своим годам кто помнит счет,
Чей дух не крепнет, не смелеет,
Чья длань железа не берет,
И взор весельем не сверкает,
И грудь восторгом не полна,
Когда знамены развевает
За честь и родину война?
Он вновь надел одежду брани,
Стальную саблю наточил —
Казалось, старца оживил
Священный жар его желаний!
Он позвал дочь и говорил:
«Уже лишен я прежних сил
Неумолимыми годами;
Прошла пора, как твой отец
Был знаменитейший боец
Между ливонскими бойцами,
Свершал геройские дела;
Все старость жадная взяла.
Не все взяла! Еще волнует
Мою хладеющую кровь
К добру и вольности любовь!
Еще отрадно сердце чует
Их благодетельный призыв,
Ему как юноша внимаю,
И снова смел, и снова жив
Служить родительскому краю.

Проснитесь, бранные поля,
Пируйте, мужество и мщенье!
Что нам судьбы определенье?
Опять ли силы короля
Подавят милую свободу?
Или торжественно она
Отдаст ливонскому народу
Ее златые времена?
Победа — смерть ли, — будь что будет!
Лишь бы не стыд! Пускай же нас
К мечтам, хотя в последний раз,
Глас родины, как неба глас,
От сна позорного пробудит!»
Сказал, и взоры старика
Мятежным пламенем сверкали,
И быстро падала рука
На рукоять военной стали:
Так в туче реется огонь,
Когда с готовыми громами
Она плывет под небесами,
Так, слыша битву, ярый конь
Кипит и топает ногами.

Так незастенчивый для вас
Давно я начал мой рассказ,
Давно мечтою вдохновенной
Его я создал в голове,
Ему длина тетради в две,
Предмет — девица, шум военный,
Любовь и редкости людей;
Наш Петр, гигант между царей,
Один великий, несравненный,
И Карл, венчанный дуралей —
Неугомонный, неизменный,
С бродяжной славою своей.

Высоким даром управляя
По вдохновенью, по уму
И ничему и никому
На поле муз не подражая, —
Певец лихих и страшных дел,
Я буду пламенен и смел,

Как наша юность удалая,
И песнь торжественно-живая
Свободна будет и ясна,
Как безмятежная луна!
Как чистый пурпур небосклона,
Стройна, как пальма Ливанона,
И, как душа моя, скромна!

Вчера, как грохот колокольный
Спокойный воздух оглашал,
В священный час, небогомольный
Я долг церковный забывал!
Мечты сменялися мечтами,
Я музу радостную звал
С ее прекрасными дарами —
И не послушалась она!
А я — невольно молчаливый
Смирил душевные порывы
И сел печально у окна.
Придет пора, и недалеко!
Я для Парнаса оживу,
Я песнью нежной и высокой
Утешу русскую молву;
Вам с умилительным поклоном
Представлю важную тетрадь
Стихов, внушенных Аполлоном,
И стану сердцем ликовать!

1824

ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? —
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но все победили Батыевы рати:
Наш град — пепелище, и князь наш убит!» —
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня спрямилось, как буря завыло;
На стогнах смертельный свирепствовал бой,
И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —
Все пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана:
То грозная рать победителя-хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит,
Иль, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
Иль схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» — взывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна! под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвого руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана:
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьем...
И пало геройство под силой Батыя.

Редеет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?

Уста уж не кличут бестрепетных братий,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы — Евпатий!

1824

ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрылила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зеркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной.
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

1824

ЭЛЕГИЯ

Зачем божественной Хариты
В ней расцветает красота?
Зачем так пурпурны ланиты?
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Святых желаний, светлых дум;
При ней безумье не скучает
И пламенный хладеет ум.
Стихов гармония живая

Невнятно, дико ей звучит;
Она, очами не сверкая,
Поэта имя говорит.
Кто хочет, жди ее награды...
Но, гордый славою своей,
Поэт ли склонит перед ней
Свои возвышенные взгляды!
Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает,
Когда могучая волна
Через него перелетает.

1824

РАЗБОЙНИКИ
(ОТРЫВОК)

Синее влажного ветрила
Над Волгой туча проходила;
Ревела буря; ночь была
В пучине зыбкого стекла;
Порой огонь воспламенялся
Во тьме потопленных небес;
Шумел, трещал прибрежный лес
И, словно Волга, волновался.

«Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!
Не чуя страха средь зыбей,
Душой не слушаясь природы,
Мы бьемся как-то веселей
При диком вое непогоды!

В лесах, в ущельях наши дни
Всегда свободны, беззаботны;
Как туча, сумрачны они,
Зато, как туча, быстролетны!

Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!»

Такая песня раздавалась
На скате волжских берегов,
Где своевольных удальцов
Станица буйная скрывалась.
Заране радуясь душой,
Они сбирались на разбой;
Как пчелы, шумно окружали
Продолговатые ладьи
И на ревущие струи
Их дружно с берега сдвигали.

Могучи духом и рукой,
Закон и казни презирая,
Они пленительного края
Давнишний рушили покой:
Не раз пожары зажигала
В соседних селах их рука,
Не раз бурливая река
Погонь за ними не пускала
И жертвы мести роковой
Непобедимою волной
На дно песчаное бросала.

Многоречивая молва
Об них далеко говорила;
Уму несмелому их сила
Казалась даром волшебства;
Их злочестивые слова,
Их непонятные деянья,
Угрозы, битвы, предсказанья
Пугали старцев и младых;
Им жены с трепетом дивились,
И прослезались, и крестились,
Рассказы слушая о них.

1824

КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Как очаровывает взоры
Востока чистая краса,
Сияя розами Авроры!
Быть может, эти небеса

Не целый день проторжествуют;
Быть может, мрак застигнет их.
И ураганы добушуют
До сводов вечно голубых!
Но любит тихое мечтанье
В цветы надежду убирать
И неба в утреннем сиянье
Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческие годы
Полетом ангела летят;
Твои мечты — мечты свободы,
Твоя свобода — мир отрад;
В твоих понятиях нет рока...
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливого ока
Не обратил он на тебя;
Но будет час, он неизбежен,
Твоим очам откроет он
Сей мир, где разум безнадежен,
Где счастье — сон, беда — не сон.

Пусть веры кроткое сиянье
Тебе осветит жизни путь;
Ее даров очарованье
Покоит страждущую грудь;
Она с надеждою отрадной
Велит без ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпеть, смиряться и любить.

1824

К П. Н. ДИРИНУ

Еще ты роком не замечен,
Тебе прекрасен божий свет;
Не зная мук, не зная бед,
Ты всем доволен и беспечен;
Твои безоблачные дни,
Как милый сон, мелькают живо;

Да не закатятся они
С порою младости счастливой!
Она пройдет, — но пусть она
Немрачный путь тебе укажет,
Пробудит силы ото сна
И ум для доблести развяжет;
Научит родину любить,
Добро и честь любить душою,
За них беды переносить
И не бледнеть перед судьбою.

1824

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды —
Все мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов!

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предмёты юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует:
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода, —

Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

1825

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

На петербургскую дорогу
С надеждой милою смотрю
И путешественников богу
Свои молитвы говорю:
Пускай от холода и вора
Он днем и ночью вас хранит;
Пускай пленительного взора
Вьюга́ лихая не гневит;
Пускай зима крутые враги
Засыплет бисером своим
И кони, полные отваги,
По гладким долам снеговым,
Под голубыми небесами,
Быстрей поэтовой мечты,
Служа богине красоты,
Летят с уютными санями!

Клянусь моими божествами!
Я непритворно вас зову!
Уж долго грешными стихами
Я занимал свою молву;
Вы сильны дать огонь и живость

Певцу, молящемуся вам,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтам.
Приму с улыбкой ваши узы;
Не буду петь моих проказ:
Я, видя вас, — любимец музы,
Я только *трубадур* без вас.

1825

А. С. ПУШКИНУ

Не вовсе чуя бога света
В моей неполной голове,
Не веря ветреной молве,
Я благосклонного привета —
Клянусь парнасским божеством,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и вином
И вдохновенными стихами —
В тиши безвестности не ждал
От сына музы своенравной,
Равно торжественной и славной
И высшей рока и похвал.

Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин
И дерптских дев и дерптских вин
И прозелит журнальной славы,

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Так я тебя благодарю.
Бог весть, что́ в мире ожидает
Мои стихи, что́ буду я
На темном поле бытия,
Куда неопытность моя
Меня зачем-то порывает;
Но будь что будет — не боюсь:
В бытописанье русских муз

Меня твое благоволенье
Предаст в другое поколенье,
И сталь плешивого косца,
Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.
Так камень с низменных полей
Носитель Зевсовых огней,
Играя, на гору заносит.

1825

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

ОТЧЕТ О ЛЮБВИ

Я знаю, друг, и в шуме света
Ты помнишь первые дела
И песни русского поэта
При звоне дерптского стекла.
Пора бесценная, святая!
Тогда свобода удалая,
Восторги музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!
Пускай известности прекрасной
И дум высоких я не знал;
Зато учился безопасно,
Зато себя не забывал.
Бывало, кожаной монетой
Куплю таинственных отрад —
И романтически с Лилетой
Часы ночные пролетят.

Теперь, как прежде, своенравно
Я жизнь студентскую веду;
Но было время — и недавно! —
Любви неметкой и неславной
Я был в удушливом чаду;
Я рабствовал; я все оставил
Для безответной красоты;

Простосердечно к ней направил
Мои надежды и мечты;
Я ждал прилежного участья;
Я пел ланиты и уста,
И стан, и тайные места
Моей богини сладострастья;
Мне соблазнительна была
Ее супружеская скромность,
Очей загадочная томность
И ясность белого чела, —
Все нежило, все волновало
Мою неопытную кровь,
Все в юном сердце зажигало
Живую первую любовь.

Ах! сколько грустных сновидений,
Тяжелых вздохов, даже слез,
Алкая полных наслаждений,
В часы полуночных явлений
Я для надменной перенес!
Я думал страстными стихами
Ее принудить угадать,
Куда горячими мечтами
Приятно мне перелетать.
И что ж? Она не разумела,
Кого любил, кому я пел.
Я мучился, а знаком тела
Ей объяснить не захотел,
Чего душа моя хотела.

Так пронеслися дни поста,
И, вольнодумна и свята,
Она усердно причастилась.
Меж тем узнал я, кто она;
Меж тем сердечная война
Во мне помалу усмирилась,
И муза юная моя
Непринужденно отучилась
Мечтать о счастье бытия.
Опять с надеждой горделивой
Гляжу на Шиллеров полет,

Опять и радостно и живо
В моей груди славолюбивой
Огонь поэзии растет.

И признаюся откровенно,
Я сам постигнуть не могу,
Как жар любви ненагражденной
Не превратил меня в брюзгу!
Мои телесные затеи
Отвергла гордая краса, —
А не сержусь на небеса,
А мне все люди — не злодеи;
А романтической тоской
Я не стеснил живую душу
И в честь зазорному Картушу
Не начал песни удалой!

Сия особенность поэта
Некстати нынешним годам,
Когда питомцы бога света
Так мило воспевают нам
Свое невинное мученье,
Так помыкают вдохновенье
И так презрительны к тому,
Что недоступно их уму!
Но как мне быть? На поле славы
Смешаю ль звук моих стихов
С лихими песнями оравы
Всегда отчаянных певцов?
Мне нестерпимы их жеманства,
Их голос буйный и чужой...
Нет, муза вольная со мной!
Прочь, жажда славы мелочной
И легкий демон обезьянства!

Спокоен я: мои стихи
Живит не ложная свобода,
Им не закон — чужая мода,
В них нет заемной чепухи
И перевода с перевода;
В них неподдельная природа,
Свое добро, свои грехи!

Теперь довольно, до свиданья!
Тогда, подробней и ясней
Сего нестройного посланья,
Я расскажу тебе деянья
Любви неконченной моей!

1825

М. Н. ДИРИНОЙ

1 АПРЕЛЯ 1825

An Treue und Gehorsam bin ich der Alte; aber ich habe mir das Schwätzen angewöhnt.

Goethe. «Egmont» [1]

Счастливый милостью судьбины,
Что я и русский и поэт,
Несу на ваши именины
Мой поздравительный привет.
Пускай всегда владеют вами
Подруги чистой красоты:
Свобода, радость и мечты
С их непритворными дарами;
Пускай сияют ваши дни,
Как ваши мысли, ваши взоры
Или пленительной Авроры
Живые, свежие огни.

Где б ни был я — клянусь богами —
В стране родной и неродной,
Любим ли ветреной судьбой,
Иль сирота под небесами,
За фолиантом, за пером,
При громе бранного тимпана,
При звуке лиры и стакана,
Заморским полного вином, —
Всегда услужливый мой гений
Напоминать мне будет вас,
И Дерпт, и славу, и Парнас,
И сада Радсгофского тени.

[1] В верности и послушании я — прежний; но есть у меня привычки поболтать. — Гете, «Эгмонт».

Вот вам пример: в России — там,
Где величавая природа,
Студент-певец, я жил с полгода.
Моим разборчивым очам
Являлись дивные картины:
Я зрел, как ранние снега
Сребром ложились на вершины
И на широкие луга,
Как Волги пенились пучины,
Как трепетали берега,
Как обнаженные дубравы
Осенний ветер волновал
И в пудре по полю гулял;
Я видел сельские забавы,
Я видел свадьбу, видел свет —
И что же чувствовал поэт?
Полна спасительного гнева,
Моя открытая душа
Была скучна, не хороша,
Как непонятливая дева.
Она молила небеса
Исправить воздух и дорогу,
И, слава богу — слава богу,
Я здесь. — Мой рай, моя краса,
Царица вольных наслаждений,
Где ты, богиня песнопений?
Приди! Возвышенный твой дар
Меня наполнит, очарует,
И сердце юношеский жар
К труду прекрасному почует!

Пример не краток: нужды нет,
Я обвиняюсь перед вами,
Что замечтался; но мечтами
Живет и действует поэт, —
И дело: в мире с юных лет,
Богатый творческою силой,
Он пламенеет страстью милой,
Душой следит свой идеал —
И вот нашел... Не тут-то было!
Любимец музы прозевал
(Прощай, пленительное счастье!).

Пред ним — в обертке божества
Одни бездушные слова,
Одно холодное участье.
Кого ж ему любить? Мечты!
Он ими сердце оживляет
И сладко, гордо забывает
Свой плен и райские черты
Лица и мозга красоты.
Ах, я забылся! От предмета
Куда стихи мои летят?
Простите вашего поэта,
Я, право, прав, а виноват,
Что разболтался невпопад.

Так было б лучше во сто крат
В моем таинственном журнале
Об непонятном идеале
Писать, что здесь говорено.
Но будь как есть, мне все равно!
Я знаю вашу благосклонность!
Не удивит, не тронет вас
Мой неодуманный рассказ,
Моей мечты неугомонность!

Пора мне кончить мой привет
И скуку вашего терпенья;
Когда в душе чего-то нет,
Когда не сладки наслажденья,
Когда любимая звезда
Для вдохновенного труда
Неверно, пасмурно сияет,
Певец обманутый скучает
И без отрады Пиэрид,
Без пиитической отваги,
Повеся голову сидит
И томно смотрит на бумаги.

Теперь сердечно признаюсь —
Я для Парнаса не гожусь!
И будь не ваши именины,
Я промолчал бы, как молчу,
Когда без цели и причины
Распространяться не хочу.

Довольно! Нет! еще мой гений
Вас просит, кланяяся вам:
Не скоро ждите объяснений
Его загадочным словам;
Настанет время — после мая
Подробно он расскажет сам,
Какая сила роковая,
Назло Парнасу и уму,
Апрель попортила ему;
Еще он просит: бога ради,
Без Гарпократа никому
Вы не кажите сей тетради.

1825

А. Н. ТЮТЧЕВУ

Каким восторгом ты пылаешь,
Как сладостны твои мечты,
Когда подарок красоты
Устами жадными лобзаешь!
Душа кипит, душа полна
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья,
И возвышается она;
А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называл:
Одну печаль, одну обиду
Мне подарил мой идеал.
Дай руку! с гордостью спокойной
На победителя смотрю
И, стиснув зубы, говорю
Обет, изменницы достойный.

1825

НАСТОЯЩЕЕ

1825, 6 АПРЕЛЯ

ЭЛЕГИЯ

Вчера гуляла непогода,
Сегодня то же, что вчера, —
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.

Не то, не то в душе моей,
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает,
И как сибирская пищуха
Моя поэзия поет.

1825

ДЕРПТ

Моя любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!
Мне милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентов шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнений, удаль рук,
Умов небрежное волненье
И благородное стремленье
На поле славы и наук,
И филистимлянам гоненье.
Здесь мы *творим* свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу.
Приветы вольные, живые
Тебе, любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!

1825

ЭЛЕГИЯ

Она меня очаровала,
Я в ней нашел все красоты,
Все совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
У небожителей просил
И мир души и сердца волю
Как драгоценности хранил.

Любви чарующая сила,
Как искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.

Пускай не мне ее награды;
Она мой рай, моя звезда
В часы вакхической отрады,
В часы покоя и труда.

Я бескорыстно повинуюсь
Порывам страсти молодой
И восхищаюсь и любуюсь
Непобедимою красой...

1825

СОН

Все негой сладостной объемлет
Царица сумрака и сна —
Зачем душа моя не дремлет,
Зачем тревожится она?
Я сам себя не понимаю:
Чего-то жажду, что-то есть,
В чем сердце я разуверяю,
Чего ему не перенесть.
Опять тоска, опять волненье!
Надолго взор ее очей
Зажег мое воображенье
И погасил в груди моей
К любви давнишнее презренье.
Морфей! Слети на трубадура,
Дай мне спасительную ночь,

И богородицу Амура,
И думы тягостные прочь.

NB. Не всякому слуху веруйте; но испытуйте духи; есть бо дух божий и дух льстечь.

Сибирская летопись.

1825

МЕЧТА

Когда петух
Неугомонный,
Природы сонной
Певец и друг,
Пленял просонки
Младой чухонки, —
Вчера я встал;
Смотрели очи,
Как звезды ночи,
На мой журнал;
Вблизи чернила
И тишина!
Меня манила
К мечтам она.
С улыбкой долгой
Перо я взял
И час летал
Над тихой Волгой.
Она текла...
Ах, как мила!
Очарованье
Моих очей!
В стекле зыбей
Зари сиянье,
Как в небесах;
Струи дрожали,
Они играли
В ее лучах...
Вдали дубравы
По берегам, —
И память славы —
Не нашим дням —

Ряды курганов
Из мглы туманов
Вставали там.
Питомец света
Не любит их;
Но для поэта,
Для дум живых —
Их вид старинный,
Их славный прах...
Что за картины
В моих мечтах!
Тоскливей ночи,
Как день, мила;
Потупя очи,
Идет... пришла
И тихо села
Там на курган
И вдаль смотрела:
Вдали туман,
Река яснела...
И в тишине
Девица пела...
И слышно мне!
Она вздыхала,
Порой слеза
В глазах сияла...
Что за глаза!
Они прекрасны,
Как полдень ясный
Или закат:
И голубые,
И неземные,
И говорят!
А голос нежный
Весь дол прибрежный
Очаровал;
Он призывал
Бойца и брата,
Который пал
От сопостата...
И я вздыхал!
Душа стремилась

Туда, туда...
И мне явилась
Красы беда...
«Когда же встанет, —
Подумал я, —
Страна моя
И местью грянет
Тиранам в страх?
Они гуляют
На сих полях
И забывают
О небесах.
Где меч для кары?
Он славен был,
Кто ж притупил
Его удары?»
Так говорил
Язык сердечный;
И вам, конечно,
Мечта — ясна:
Сии тираны —
Моголов ханы
И старина!
Но все молчало...
Конец мечтам,
Однако ж вам
Их будет мало,
И вот начало
Другим стихам:

Ужасен глас военной непогоды
Питомцу нег и деве молодой;
Но мил тому, кто любит край родной,
И доблести возвышенной свободы,
И красоту награды роковой:
Как острый меч, героя взгляд сверкает,
Восторгами живыми грудь кипит,
Когда война знамена развевает
И грозное орудие гремит.

Уже взошла денница золотая
Над берегом широкого Дуная.

Яснеет лес, проснулся соловей,
И песнь его то звучно раздается
По зеркалу серебряных зыбей;
То, тихая и сладостная, льется
В дубравной мгле, как шепчущий ручей;
Но скоро ты умолкнешь, сладкогласный!
Тебе не петь и завтрашнего дня!
Здесь будет бой и долгий и ужасный
При заревах военного огня;
Ты улетишь, как, зашумев листами,
Пойдет пожар трескучий по ветвям,
И черный дым огромными столбами
Поднимется к высоким небесам!

Так я в поэме начинаю
Вторую песню, где должна
Случиться страшная война,
Где многих, многих убиваю.
И признаюсь, хотелось мне
Вам сообщить и продолженье;
Но в петербургской стороне
Меня пугает осужденье!
Итак, пускай в уединенье
Лежат стихи мои; они
Имеют даже и терпенье:
Для них счастливейшие дни
Придут едва ли прежде мая.
Дай бог, чтоб и тогда пришли!
И ждет надежда золотая
Чего-то белого вдали.

1825

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ich kann mich auch verstellen.
Ramler. [1]

Недолго нá небе горела
Мне благосклонная звезда,
Моя любовь мне надоела —
Я не влюблюся никогда!

---

[1] И я могу притворяться. — Рамлер.

Ну, к черту сны воображенья!
Не раз полночною порой
Вы нестерпимые волненья
В душе будили молодой;
Не раз надеждою неясной
Страдал доверчивый певец —
Я зарекаюсь, наконец,
Служить волшебнице прекрасной;
Я прогоню мою тоску,
Я задушу мой жар безумный
И снова музе вольнодумной
Стихи и сердце обреку.
Уже божественная лира
Почти молчит, почти мертва
Для безответного кумира,
И не кипят ее слова;
Так после Бахусова пира
Немеют грудь и голова.

1825

НОВГОРОДСКАЯ ПЕСНЯ

1170 г.

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море:
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Не так ли, о други, к отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за вольность и честь
Смела, и сильна, и победна!

Смотрите, как пышен, блистателен день!
Как наши играют знамена!
Недаром красуется день,
Недаром играют знамена!

Виднее сражаться при свете небес;
Отважней душа и десница,
Когда перед бодрым полком
Хоругви заветные плещут.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцов Ярослава!
Не выдадим чести родной —
Свободы наследного права.

Что вольным соседей завистных вражда
И темные рати Андрея?
К отчизне святая любовь
Смела, и сильна, и победна!

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море:
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

1825

ЭЛЕГИИ

I

Свободен я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подаренных наудачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

II

Я знал живое заблужденье,
Любовь певал я; были дни —
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ее волненье,
Ее блудящие огни.
Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И в сердце стихнул жар опасный,

И не кружится голова:
Гляжу с улыбкою, как прежде,
В глаза кумиру моему;
Но я не верую надежде,
Но я молюся — не ему!

III

Моя Камена ей певала,
Но сила взоров красоты
Не мучала, не услаждала
Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкого, живого —
Любви не знал я: так волна
В лучах светила золотого
Блестит, кипит, — но холодна!

1825

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса!
А вижу лишь мою неволю.

1825

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.

Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!

1825

ПРОЩАНИЕ С ЭЛЕГИЯМИ

Прощайте, миленькие бредни
И мой почтенный идеал!
Не первый я, не я последний
Вас и творил и прославлял,
Но первый я вас разгадал.
Мне будет сладко и утешно
В другие годы вас читать,
Мой жар безумный и безгрешный —
Мою любовь воспоминать;
Тогда с улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: господи помилуй!
И тихо книгу затворю.

1825

НЕЧТО

Мудрец — народов просветитель,
Бывал ли тверд и мудр всегда?

Карамзин.

Теперь мне лучше: я не брежу
Надеждой темной и пустой,
Я не стремлюсь моей мечтой
За узаконенную межу
В эдем подлунный и чужой.
Во мне уснула жажда неги:
Неумолимый идеал
Меня живил и чаровал —
И я десятка с два элегий
Ему во славу написал.

Но тщетны миленькие бредни:
Моя душа огорчена,
Как после горестного сна,
Как после праздничной обедни,
Где речь безумна и длинна!

1825

В АЛЬБОМ Ш. К.

I

Доверчивый, простосердечный,
Безумно следуя мечте,
Дается юноша беспечно
В неволю хитрой красоте;
Кипит, ликует, возвышается
Его надежда; перед ним
Мир очарованный является
Безбрежным, ясным и святым.
Он долго рабствует прекрасной,
Он богом идола зовет;
Но сон проходит сладострастный
И в то же сердце не придет!
Счастлив, когда любви волнение
Он своевольно усмирил
И стыд, и гордость, и презрение
Для ней во нраве сохранил.

II

Не часто ль тягостною мукой
За откровенные слова
Души простой и близорукой
Платил мне слепок божества?
Не часто ль после вдохновенья
Отрад возвышенных я ждал,
Заране чуял наслажденья,
Заране сердцем ликовал —
И только знаки отверженья
В глазах красавицы читал?
Любовь, любовь! я помню живо

Счастливый день, как в первый раз
Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой!
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались;
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!

* * *

Не жив поток под сумраком туманов,
Не ярок взгляд заплаканных очей:
Медлительно в безмолвии ночей
С холма на холм порхает стая вранов,
Не скоро сна тревожного мечты
От юноши денница прогоняет;
Не скоро он волшебные черты
И горькие обиды забывает:
Свободен, быстр, пленителен полет
Часов любви, надеждой окрыленных,
Когда душа кипит, чего-то ждет
И вся полна желаний вдохновенных!

* * *

Теперь мне странны и смешны
Любви безумные припадки,
Не утешительны, не сладки
Ее пророчества и сны.
Теперь по опыту я знаю,
Что́ сердца жар, что́ красота,
И с Соломоном восклицаю:
Все суета, все суета!..

1825

К Г. Д. Е.

Благодарю вас; вы мне дали
Надежды лучшие мои,
Пустые радости любви,
Любви прелестные печали;

Всегда я помнил вас, один среди друзей,
Мечты о вас мне чаровали
Часы бессонницы моей,
Часы трудов и сатурналий,
И редко ль рабствовала вам
Моя богиня молодая,
Все, что́ не вы, позабывая
И сладко радуясь цепям?
Но гордость пламенного нрава
Ее достойное взяла:
Опять меня зовет пленительная слава
На вдохновенные дела;
Опять мне душу оживила
К добру, к высокому любовь,
И поэтическая сила
Во мне владычествует вновь.

Увижу родину моих стихотворений,
Увижу Дерпт, там крылья развернет,
Покинет мир сует мой своевольный гений,
И будет смел его полет.

«Поэт свободен. Что награда
Его торжественных трудов?
Не милость царственного взгляда,
Не восхищение рабов!
Служа не созданному богу,
Он даст ли нашим божествам
Назначить мету и дорогу
Своей душе, своим стихам?»

Я виноват, прошу прощенья!
Быть может, некогда мой глас
Будил холодные сомненья
И мысли, скучные для вас.

Я сердца вашего не знаю,
Но я надеюсь — так и быть —
Вы мне изволите простить
Мечты, летавшие к языческому раю.

Я притворялся, я желал
Любви кипучей, невозможной,
Ее певал неосторожно,
А сам ее не понимал.

Теперь горжусь моим признаньем,
Теперь возвышен мой обет:
Не занимать души бесславным упованьем,
Не забывать, что я поэт!

1825

ЭПИЛОГ

Когда-нибудь, порою скуки,
Бродя очами по листам, —
Где сердца радости и муки
Я бескорыстно славил вам,
Где жаром страсти небывалой
Я песни сонные живил,
Когда мне чувств недоставало,
А ум и в ум не приходил, —

Над безобразными строками
Вы бегло вспомните о мне,
Поэте, созданном лишь вами
В непоэтической стране.
Прошу стихи мои улыбкой,
Их не читая, наградить:
В них музы нет, не может быть.
Они написаны ошибкой.

Теперь прощайте — бог дороги
Пусть вас покоит и хранит
И лошадей чухонских ноги
Проворным бегом одарит;
Не видя туч, не слыша грома
Стрелой неситесь по полям
И будьте веселы, как дома, —
А впрочем, как угодно вам!

1825

ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал, —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет:
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

1825

ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося брега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая,
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь пловучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды;
Или — путем дугообразным —
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленье пропадет.

1825

ПОЭТ

«Искать ли славного венца
На поле рабских состязаний,
Тревожа слабые сердца,
Сбирая нищенские дани?
Сия народная хвала,
Сей говор близкого забвенья
Вознаградит ли музе пенья
Ее священные дела?
Кто их постигнет? Гений вспыхнет —
Толпа любуется на свет,
Шумит, шумит, шумит — затихнет:
И это слава наших лет!»

Так мыслит юноша-поэт,
Пока в душе его желанья

Мелькают, темные как сон,
И твердый глас самосознанья
Не возвестил ему, кто он.
И вдруг, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Беспечный — право иль неправо
Его приветствует молва —
За независимою славой
Пойдет любимец божества;
В нем гордость смелая проснется:
Свободен, весел, полон сил,
Орел великий встрепенется,
Расширит крылья и взовьется
К бессмертной области светил!

1825

ЭЛЕГИЯ

Прощай, красавица моя!
Известен мне любимец неги,
С кем на дороге бытия
Ты делишь тайные ночлеги.
Я верил нежностям пустым,
Я ждал любви и наслаждений,
Я много светлых вдохновений
Означил именем твоим;
Обманут я: иную долю
Мне провидение дает,
Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю...
И я рассею грусть мою,
Мою сердечную неволю:
Я весел снова и пою!

1825

К А. Н. ВУЛЬФУ

Скажу ль тебе, кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То занывая, то ликуя
Среди полночной темноты?

Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но, при очах ее, денница —
Обыкновенная звезда.
На взоры страстные, на слезы
Она бесчувственно глядит;
Но пламенны младые розы
Ее застенчивых ланит.
Ее жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста, —
Чего ж они не заменяют?

1825

К А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мне песни первые внушили,
Мне светлый указали путь
И сердце биться научили?
Я берегу в душе моей
Неизъяснимые, живые
Воспоминанья прошлых дней,
Воспоминанья золотые.
Тогда для вас я призывал,
Для вас любил богиню пенья;
Для вас делами вдохновенья
Я возвеличиться желал;
И ярко — вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный —
Во мне огонь его пылал.
Как волны, высились, мешались,
Играли быстрые мечты;
Как образ волн, их красоты,
Их рост и силы изменялись —
И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала,
И сладкозвучные слова,

Как перлы, память набирала.
Тогда я ждал... но где ж они,
Мои пленительные дни,
Восторгов пламенная сила
И жажда славного труда?
Исчезло все, — меня забыла
Моя высокая звезда.
Взываю к вам: без вдохновений
Мне скучно в поле бытия;
Пускай пробудится мой гений,
Пускай почувствую, кто я!

1825

ЭЛЕГИЯ

Поэту радости и хмеля,
И мне судил могучий рок
Нравоучительного Леля
Полезный вытвердить урок:
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал;
Безумно было ожиданье,
Бездушен был мой идеал.
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —
И все пропали без ответов
Мои влюбленные слова.

Но был во мне — и слава богу! —
Избыток мужественных сил:
Я на прекрасную дорогу
Опять свой ум поворотил;
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
В душе исчезла молодой...
Так с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки.

1825

ЭЛЕГИЯ

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя, — она придет!

* * *

Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!
Одно — и жгучее — желанье,
Одна — и тяжкая — мечта —
Безумных дней воспоминанье —
Краса великого поста —
Меня тревожит непощадно...
Склонивши на руку главу,
Богиню песен я зову,
Хочу писать — и все нескладно!
В моей тоске едва-едва
Я помню мысли и слова,
Какими, пламенный, когда-то
Я оживлял стихи мои —
Дары надежды тороватой —
Гремушки ветреной любви.

Любовь покинул я; но в душу
Не возвращается покой:
Опять бывалого я трушу,
И пустяки — передо мной!
Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!

1825

А. Н. ВУЛЬФУ

Мой брат по вольности и хмелю!
С тобой согласен я: годна
В усладу пламенному Лелю
Твоя Мария Дирина.
Порой горят ее ланиты,
Порой цветут ее уста,
И грудь роскошна и чиста,
И томен взор полузакрытый!
В ней много жизни и огня;
В игре заманчивого танца
Она пленяет и меня
И белобрысого лифляндца;
Она чувствительна, добра
И знает бога песнопений;
Ей не годится и для тени
Вся молодая немчура.
Все хорошо, мой друг, но то ли
Моя красавица? Она —
Завоевательница воли
И для поэтов создана!
Она меня обворожила:
Какая сладость на устах,
Какая царственная сила
В ее блистательных очах!
Она мне все: ее творенья —
Мои живые вдохновенья,
Мой пламень в сердце и стихах.
И я ль один, ездок Пегаса,
Скачу и жду ее наград?

Разнобоярщина Парнаса
Ее поет наперехват —
И тайный Глинка, и Евгений,
И много всяческих имен...
О! слава богу! я влюблен
В звезду любви и вдохновений!

1825

ВИДЕНИЕ

Вчера, как сумраки по небу
Туманный вечер расстилал,
Я в тишине молился Фебу,
Я вдохновенье призывал;
Уже душой, ему покорной,
Неукротимый, животворный
Его огонь овладевал;
Мечты кипели, разгорались,
Росли, блистали и сливались,
И видел я — мой идеал:
Чело, и очи, и ланиты,
Уста, и локоны, и грудь,
И стан божественной хариты
Непринужденно, как-нибудь
Одеждой легкой перевитый.
Как мил и жив мой идеал!
Я млел, я таял, я стыдился,
Я задыхался и дрожал,
И, утомленный, — пробудился!

1825

ДУМА

Одну минуту, много две,
Любви живые упованья
Кипят, ликуют в голове
Богоподобного созданья:
Разгоряченная мечта
Прогонит сон души усталой,
Напомнит время и места,

Где нас ласкала красота,
Где небывалое бывало.
Но сей чувствительный собор
Надежд, восторгов и загадок
Заносит в душу беспорядок
Или меняющийся вздор,
Хоть сам пленителен и сладок,
Хоть сам блестит, как метеор.

1825

ЭЛЕГИЯ

Мечты любви — мечты пустые!
Я верно знаю их: оне
Не раз победы удалые
И рай предсказывали мне.
Я пел ее и ждал чего-то —
Стихам внимала красота, —
И отвечали мне — зевотой
Ее пурпурные уста;
Я произнес любви признанье —
И скучен был наш разговор!
Все суета! Улыбка, взор —
Прекрасно ваше предвещанье;
Но вы, почтеннейшие, вздор!
Мечты любви — не стоят горя:
Прельстят, обманут хуже сна.
И что любовь? Одна волна
Большого жизненного моря.

1825

ПРИСЯГА

Потупя очи, к небесам
Мою десницу поднимаю,
Стою как вкопанный — и вам
Благоговейно присягаю.
Я, ниженазванный, клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь

И помогает ей во многом,
Что я хочу и должен я
На всей дороге бытия
Лишь вам одной повиноваться,
Что будет кровь моя для вас
Во всякий день, во всякий час,
Как повелите, волноваться;
Что ваши милые права,
Самодержавные проказы,
Желанья, прихоти, указы
Мне будут пуще божества,
Святее всякого закона,
И вам живая оборона —
Моя рука и голова.
Когда узнаю стороною,
Что вам на поприще сует
Грозит убыток или вред,
Я охраню и успокою
Мой поэтический предмет.
Когда таинственное дело
Вы мне поверите, — я вам
Уберегу его так цело,
Что будет любо небесам.
Клянусь и должен: сей присяге
Ни на словах, ни на бумаге
И вообще не изменять;
Но православно и повсюду
Душой и телом помнить буду
Мой долг и вашу благодать;
И так под вашею державой
Я дни подданства проведу,
Что даже страшному суду,
Не перепуганный и правый,
Ответы умные найду.

1825

ИЗВИНЕНЬЕ

Я не исполнил обещанья:
Не все и плохо написал;
Но я прекрасного желал,
Но я имею оправданья

Во глубине моей души:
Они довольно хороши.
Я жажду славы и свободы,
А что пророчат мне мечты?
Предвижу царство пустоты
И прозаические годы...
Во имя бога и природы,
Не веря сердцу и уму,
Уже сбегаются народы
К позолоченному ярму;
Награда вам — и корм и ласки,
А служба скромная легка:
Не беспокоить седока
И верно слушаться указки!
Жестоки наши времена,
На троне глупость боевая!
Прощай, поэзия святая,
И здравствуй, рабства тишина!

1825

ВТОРАЯ ПРИСЯГА

Когда, печальная от страха,
Моляся господу-отцу,
Россия шапку Мономаха
Давала князю-удальцу
И, в тишине красноречивой,
Все, кроме женщин и детей,
Клялось хранить благочестиво
Самодержавие царей, —
Тогда, отчизне подражая,
Моя богиня молодая,
Тоской невольною мила,
Беспечна к собственному благу,
Простосердечную присягу
Своей звезде произнесла.
Во мне проснулась жажда неги,
Я стал задумчив, я мечтал,
И нежным именем элегий
Я прозу сердца называл.
Мне было скучно: бог зевоты

Мне заменил и бога сна,
И бога светлого вина,
И духа гордые полеты,
И то, и то. Я был готов
Восстановить моих богов:
Что́ вдохновенье, что́ свобода,
В часы неволи помнил я;
Но скромность милая моя,
Но заразительная мода
Присягу рабства исполнять
И лень — сотрудница поэтов —
Меня успели задержать
В границах низменных предметов, —
И я — неявный либерал —
Моей торжественной присяге
Ни на словах, ни на бумаге
И вообще не изменял.

Когда ж к ушам россиянина
Дошла разительная весть,
Что непонятная судьбина
Не допустила Константина
С седла на царство пересесть;
Когда, не много рассуждая,
Сената русского собор
Царем поставил *Николая*,
А прежняя присяга — вздор,
Благоговейно подражаю
Престола верному столбу:
Я радостно мою судьбу
Другой Харите поверяю,
В душе чувствительной об ней
Молюсь всевидящему богу —
И на житейскую дорогу
Смотрю гораздо веселей.

1826

П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Ты мой приятель задушевный:
Мы поэтически живем,
Мы вольно учимся и пьем,

Мы рассуждаем ежедневно
Об идеальном и благом;
Однако ж дело не о том!
Скажи: кого порою ночи
Твои приветствуют мечты,
Чьи возмутительные очи
Звездами называешь ты?

«Она мила, она далеко,
Она изменит», — так не раз
Тебя встревожит сердца глас
В часы печали одинокой.
Откройся мне; как ты, мой друг,
Любви я знаю самовластье:
Пусть охладит мое участье
Твой соблазнительный недуг;
Знакомый с девами и светом,
Тебя утешу я вполне
Иль романтическим советом,
Или посланьем о вине.

1826

К А. Н. ВУЛЬФУ

Мой друг, учи меня рубиться:
Быть может, некогда и мне,
Во славу Руси, пригодится
Рука, привычная к войне.
Питомец скромных наслаждений,
Доселе в мире ведал я
Одни безделки бытия:
Приволье Бахуса и лени,
Утехи вялой тишины,
Амура приторную сладость,
Да пробудительные сны,
Да усыпительную радость.
Я пел виновные мечты,
Я посвящал рукой безбожной
Дары поэзии подложной
Очам подложной красоты.
Теперь служу иному чувству,

Пылаю жаждою иной:
Учи ж меня, товарищ мой,
Головоломному искусству!
1826

М. Н. ДИРИНОЙ

Не в первый раз мой добрый гений
Кидает суетную лень,
Словами дара песнопений
Спеша приветствовать ваш день;
Не в первый раз восторгом блещет
Сей дар, покорствующий вам,
И сердце сладостно трепещет,
Свободным тесное мечтам.
Всегда вы мило принимали
Мои приветы — и живей,
Смелее, краше ликовали
Надежды юности моей.
И ныне, вами пробужденный,
Я вам по-прежнему несу
Мою любовь, мою красу —
Стихи Камены откровенной.
Но что же петь моим стихам
На праздник вашего рожденья?
Молить ли руку провиденья,
Да покровительствует вам?
И воссылаю к небесам
Благочестивые моленья.
Желать ли, да украсят вас
И ум, и прелесть, и наука;
Да вас пленяет сладость звука
И стихотворческий Парнас?
Да процветают ваши годы
Под кровом милой тишины,
Как мир божественной свободы,
Как поле радостной весны?
И я желаю, но едва ли
Я не наскучу небесам,
Моля, чтоб вам они послали
Уже дарованное вам?
1826

ВОСПОМИНАНИЕ

Я не забуду никогда
Мои студенческие годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатного труда!
В стране, умеренным блаженной,
Вдали блистательных невежд,
Они питали жар священный
Моих желаний и надежд.
Здесь муза песен полюбила
Мои словесные дела;
Здесь духа творческая сила
Во мне мужала и росла...
И слава ей! Не ласки света,
Не взор любви, не блеск наград,
Какими светского поэта
Князья и жены их дарят;
Мечты могучие живили
Певца чувствительную грудь,
И мне яснел высокий путь
Для поэтических усилий.

Но помню я: была пора,
Я обожал уста и очи,
Чего-то ждал с утра до ночи,
О чем-то бредил до утра,
И, страсти веруя залетной,
Впервые лаком до похвал,
Я мой талант словоохотный
Чужим причудам посвящал;
Стихов гармония и сила
Пленяла душу красоты;
Казалось мне — она любила
Мои весенние цветы.
Разнообразные надежды
Я расточительно питал,
Я их в мишурные одежды
И по-заморски одевал;
Она улыбкой награждала
Благовоспитанный мой бред,
Где громким словом идеала

Знаменовал ее поэт.
Любовь возвышенная! ты ли
Давала жизнь моим стихам,
Когда мечты мои служили
Обыкновенным божествам?
Твоя ли действовала воля,
Тобой ли полон был певец,
Когда с общественного поля
Он набирал себе венец?

Теперь не то: я славлю бога!
Она прошла и не придет,
Пора томительных забот,
Моя сердечная тревога;
Как нечто странное, об ней
Хранится в памяти моей
Нравоучительная повесть, —
Она в стихах и не мала;
Но поэтическая совесть
Ее безумством назвала.
И правда, верю, я некстати
Дары-таланты расточал;
Да, впрочем, ea tempestate [1]
Я был влюблен — и так не знал,
Что бредил я, когда писал...
И говорю: любви обеты,
Любви надежды и мечты —
Или живые пустоцветы,
Или поддельные цветы!

1826

К П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

В делах вина и просвещенья,
В делах Амура, мой Орест,
Прощай! Защите провиденья
Я поручаю твой отъезд.
В России, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни.

---

[1] В ту пору *(лат.)*.

Туда с тобою два поклона
Я посылаю — вот они:
Один Москве перводержавной —
Она поэзии мила;
В ней слава Руси благонравной
И прозябала и цвела;
Другой поклон иного рода —
Куда?.. Ты можешь угадать:
Кому работала полгода
Моей Камены благодать;
Кем, незлопамятный, доселе
Я восхищаюсь и горжусь;
О ком три раза на неделе
Святому образу молюсь;
Чья победительная сила,
Давно, и въяве и во сне,
Меня мертвила и живила
И воцарилася во мне.
Ты помнишь, друг, ее певали
Мои элегии: она
Мила, как ангел, но едва ли
Так непритворна и скромна.
Ее чело, ее ланиты,
Ее власы, ее уста
И очи — словно у Хариты,
Все хорошо, все красота...
Ей поклонись, скажи два слова
И мне в усладу напиши,
Как поживает, как здорова
Сия звезда моей души?

1826

ЭПИЛОГ

М. Н. Дириной

Смотрю умильными глазами
На эти скромные листы,
Где я небрежными стихами
Вам рисовал мои мечты.
Мне драгоценные когда-то,
Когда-то милые, оне

С моей надеждою крылатой
В одной живали стороне.
В те дни — светла, как житель рая,
Сильна, как мысли божества,
Свежа, как роза молодая,
Как песня вольности, жива,
Любовь свободно покоряла
Все силы сердца моего.
И, ей подвластная, его
Восторги муза воспевала.
Они прошли, как сон! И вновь
Ни словом ласковым, ни взором
Не подружит меня со вздором
Моя почтенная любовь.
Ее вы знаете. Едва ли
Опять во мне... Сии листы
Хранят, как выше мы сказали,
Мои давнишние мечты:
Они, я знаю, не достойны
Воспоминания: порой
Неясны; дышат суетой,
И многословны, и нестройны,
И говорят о старине,
И часто бредят... не читайте,
Забудьте их — и обо мне
Не по стихам воспоминайте!

1826

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. РАВНОВЕСИЕ

О мирный селянин! в твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра, но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2. УДЕЛ ГЕНИЯ

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3. ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

«Пройдет ли мой недуг?» — лев у осла спросил.
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был».
Два раза два — четыре.

4. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую — что ж? Изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

5. МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

6. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

«Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон, — в народе бунт! повсюду шум и клики!»
«Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну!»
Опасность не страшна для мощного владыки.

7. СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

8. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

9. МАРТЫШКА

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

10. ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И, наконец, увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

11. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

12. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка мила:
Всяк следует своей природе.

1826

ТАТАРИНОВУ

Хвалю тебя, мой спутник новый
На чистом поприще наук!
Славян могущественных внук,
Немецкой вольности в оковы
Ты не отдашь свободных рук.
Не наш удел — ее порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнию мы живы,
Мы славой славимся иной!

Светлее, выше нам дорога!
Не верь же чуждому уму,
Не призывай чужого бога,
Живи и пей по своему!

1826

П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Счастлив, кому дала природа
Непоэтическую грудь,
Кто совершает как-нибудь
Труды земного перехода;
Мирским довольствуется он!
Слегка печаль его печалит,
Полувлюблен — когда влюблен,
Он вечно рад — и бога хвалит!
Ты, друг, иначе сотворен:
Через долину испытанья
Твоя дорога; с юных дней
Душе недремлющей твоей
Знакомы жгучие желанья;
Ты любишь сильно. Знаю я,
Тобою избранная дева
Мила, как радостная Ева
При первом блеске бытия;
Еще в ней ясны выраженья
Великой мысли божества,
Взор полон свежестью творенья,
В устах гармония жива!
И что ж? О друг, какое чувство
Во мне кипит и бесит кровь,
Когда возьмется за любовь
Мое священное искусство?
Мне странно: что я ни начну
На этой области Парнаса —
Всегда летучего Пегаса
С дороги в сторону сверну;
Играю, вольничаю, тешусь,
И вдруг направо перевешусь
И знаменитую жену
Стихом за ж... ущипну!

И здесь готовил я сравненье
Назло красавице моей —
Да нет: твое воображенье
Не терпит шалостей, — бог с ней!
Постигнут холодом измены
И я, как ты, мой милый друг,
Люблю глаза моей Елены,
Люблю мой пагубный недуг.
Мы оба пламенны доныне,
В нас верны мысли и мечты:
Так на лазуревой пучине,
Под океаном темноты,
Пловца порою путеводит
Звезда пустынная; она
Вдали чуть-чуть ему видна,
А он очей с нее не сводит.

1826

* * *

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые!
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

1826

ВИЛЕНСКОМУ

Не робко пей, товарищ мой!
Так наши прадеды пивали;
В боях, за чашей круговой
Они и немцев побеждали.
Счастлив, кто верует в вино
Сердечно, слепо и надежно!
Как утешительно, как нежно,
Как упоительно оно!
Что краше, слаще наслажденья,
Когда играет голова,
Отважны, пламенны движенья,

Отважны, пламенны слова?
Так ум кипит в гражданской смуте,
Так жажда вольности пылка!
О! рай тому, кто pro virtute [1]
Достоин Вакхова венка!

1826

А. С. ПУШКИНУ

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз,
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного! — забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром,
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином
Переработанный, огнем
Лился в стаканы-исполины?
Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе
И славой прадедов горжусь?
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать
Сию поэзию во хмеле,

[1] За доблесть (*лат.*).

Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья, —
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою!

1826

П. А. ОСИПОВОЙ

Аминь, аминь! глаголю вам!
Те дни мне милы и священны,
Когда по Сороти брегам,
То своенравный, то смиренный,
Бродил я вольно там и там;
Когда вся живость наслаждений
Во славу граций и вина,
Свежа, роскошна как весна,
Чиста как звуки вдохновений,
Как лента радуги ясна,
Во мне могучая кипела, —
И я, счастливец, забывал:
Реку, где Разин воевал,
Поля родимого предела,
Симбирск, и кровных, и друзей,
И все, что нравилось когда-то
Моей фантазии крылатой,
Душе неопытной моей.
И та, кого моим светилом
И божеством я называл,
Кому в восторге нежно-милом
Стихи и сердце отдавал;
Та красота, едва земная,
Та знаменитая жена,
Многоученая, святая,
Которой наши времена

Сияют радостнее рая;
Та, для кого не раз, не два
Моя пророчилась молва;
Та красота, которой много
Российский жертвовал Парнас,
Когда туманною дорогой
Брела поэзия у нас;
Та благосклонная... вот чудо!
Под вашим небом и во сне
Она не грезилася мне,
И вообще я помнил худо
О достопамятной весне...
Так луч денницы прогоняет
Пары с проснувшихся полян;
Так возмутительный стакан
Мечты и мысли возвышает!
Благословенная пора!
Она жива мне, как вчера.
Бывало, звезды тихой ночи
Глядятся в зеркало пруда...
Как чаровались мне тогда
Душа и сердце, слух и очи!
Самодовольные, во мне
Желанья пылкие вставали,
Играли весело оне,
И вдаль ни разу не летали
Желанья лучшие мои!
А дом, а сад густо-зеленый,
Пруды и Сороти студеной
Гостеприимные струи!
А вид на долы и на горы
И сень прибережной горы!
А мост, а пышные дары
Помоны, Бахуса и Флоры!
А вольномыслящий поэт,
Наследник мудрости Вольтера!
Ни тени скуки, ни сует,
И с полным жаром юных лет
В свободу сладостная вера!
Все это радует меня,
Все мне пленительно доныне
Здесь, где на жизненной пучине

Нет ни ветрила, ни огня.
О! я молюсь, мой добрый гений!
Да вновь увижу те края,
Где все достойно песнопений,
Где вечный праздник бытия!

1826

К ВУЛЬФУ, ТЮТЧЕВУ И ШЕПЕЛЕВУ

Нам было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего житья
И целый мир позабывали!
Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла;
Как искры, брызжущие с стали
На поединке роковом,
Как очи, светлые вином,
Они пленительно блистали.

В те дни, мила, явилась мне
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине:
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей,
В походе воинства Христова
Противу северных князей;
В те дни, мечтательно-счастливый.
Искал я взглядов красоты,
Ей посвящал я горделиво
Моей поэзии цветы.

Вы помните беседы наши,
Как мы, бывало, за столом
Роскошно нежимся втроем,
И быстро чокаются чаши,
И пьем, и спорим, и поем?
Тогда восторжен перед вами,
Чью душу я боготворил,

Чье имя я произносил
Благоуханными устами?
Она — мой ангел. Где ж она?
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладостью вина
Мы услаждаем жизни бремя;
Теперь не праздничаем мы, —
Богаты важными трудами,
Не долго спим порою тьмы,
Встаем поутру с петухами;
Минувших лет во глубине
Следим великие державы,
Дела их в мире и войне,
Их образованность, их нравы,
Их управление, уставы,
Волненья бурные умов,
Торговлю, силу и богов,
Причины бед, причины славы;
Мы по наукам мудрецов
Свободно хвалим, порицаем,
Не любим, любим, и порой
Скрижали древности седой
О настоящем вопрошаем.
Работа здравая! На ней
Душа прямится, крепнет воля,
И наша собственная доля
Определяется видней!

Так мы готовимся, о други!
На достохвальные заслуги
Великой родине своей!
Нам поле светлое открыто
Для дум и подвигов благих,
Желаний полны мы живых;
В стране мы дышим знаменитой,
Мы ей гордимся. Покажи
В листах чужих бытописаний
Ряд благороднейших деяний!
Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но в них является везде
Народ и смелый и могучий,

Неукротимый во вражде,
В любви и твердый и кипучий.
Так с той годины, как царям
Покорна северная сила,
Веков по льдяным степеням
Россия бодро восходила —
И днесь красуется она
Добром и честию военной:
Давно ли наши знамена
Освободили полвселенной?

О! разучись моя рука
Владеть струнами вдохновений,
Не удостойся я венка
В прекрасном храме песнопений,
Холодный ветер суеты,
Надуй и мчи мои ветрила
Под океаном темноты
По ходу бледного светила,
Когда умалится во мне
Сей неба дар благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь к родимой стороне!

Во прах надежды мелочные,
И дел и мыслей мишура!
У нас надежды золотые
Сердца насытить молодые
Делами чести и добра!
Что́ им обычная тревога
В известном море бытия?
Во имя родины и бога
Они исполнятся, друзья!
Ладьи, гонимые ветрами,
Безвестны гибнут средь зыбей,
Когда станица кораблей,
Шумя широкими крылами,
Ряды бушующих валов
Высокой грудью раздвигает
И в край родимый прилетает
С богатством дальних берегов!

1826

ТРИГОРСКОЕ

(Посвящается П. А. Осиповой)

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густые,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия! —
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы! —
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам;
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зе́ркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трехходмная стоит;

На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом,
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой! —
Благоговею пред тобой, —
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь, и честь, и слава —
Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Все, чем возвышенна свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:
Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;

Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам взывали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная сень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и холмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она

По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства!
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной

Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум изящно просвещенный;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы нас пленяли,
Как персты легкие мелькали
По очарованным ладам:
С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сеней леса над водами,
Волнообразными рядами,
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют холмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листах темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз, тяжелый и скрыпучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост пловучий;
И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, —
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись
Вон грозно тихие слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец, по тучам бурным,
Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным,
Все видно: цепь далеких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и брега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрей
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?

Твои родные красоты
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Все, чем меня ласкала ты!

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира хладной суеты, —
Где многочисленные в Лету
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом
Слабеют силы бытия, —
В прекрасный мир, в сады природы
Себя свободного укрыть,
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

1826

АДЕЛАИДЕ

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей...
О друг! ты альфа и омега
Любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! Мои живые сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся ж мне: любви забавы
Я сладкозвучно воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

1826

К ВИНЮ

Невольный гость Петрова града,
Несчастный друг веселых мест,
Где мы кистями винограда
Разукрашаем жизни крест;
Где так роскошно, так свободно,
Надеждой сладостной горя,
Мы веселились всенародно
Во здравье нового царя,
И праздник наш страннoприимный,
Шумя, по городу гулял;
Стекло звенело, пелись гимны;
Тимпан торжественный бряцал!
Прощай! Когда рука судьбины
Благоволит перед тобой
Стакан поставить пуншевой
Иль утешительные вины,
И вспомнишь юности лихой
Красноречивые картины, —
Как мы пивали, пей до дна;
Пируй по-нашему на диво...
И вновь пленительно и живо
Тебе привидится она!

1826

ВЕЧЕР

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился: темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;
Над берегом, в тени раскидистых ветвей,
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей. —
Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалося, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,

Для них туманами окрестная долина
Скрывалась, — и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

1826

СОМНЕНИЕ

Когда зовут меня поэтом
Уста ровесницы харит
И соблазнительным приветом
Она мечты мои живит;
Когда душе моей опасен
Любви могущественный жар, —
Я молчалив, я не согласен,
Я берегу небесный дар...

Избранник бога песнопенья,
Надменно чувствую, кто я:
Означу ль светом вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навык бытия?
Сей мир поэзии обычной —
Он тесен славе: мир иной,
Свободный, светлый, безграничный,
Как рай, лежит передо мной!

1826

К ПЕЛЬЦЕРУ

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили;
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,
Светились ярко наши ночи...
Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година?

Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Все миновалось!.. На разлуку,
Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моем пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия
И где вчера еще, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдет ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,
Хотя на миг, земное счастье
Украсит жизненный наш путь:
Я обниму тебя, как брата;
Под кровом доброго Пената
С твоим сольется мой досуг, —
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

1826

ОЛЕГ

Не лес завывает, не волны кипят
Под сильным крылом непогоды;
То люди выходят из киевских врат:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужие народы
На берег днепровский, в долину спешат:
Могильным общественным пиром
Отправить Олегу почетный обряд,
Великому бранью и миром.

Пришли — и широко бойцов и граждан
Толпы обступили густые
То место, где черный восстанет курган,
Да Вещего помнит Россия;

Где князь бездыханный, в доспехах златых,
    Лежал средь зеленого луга,
И бурный товарищ трудов боевых,
    Конь белый, стоял, изукрашен и тих,
У ног своего господина и друга.

Все, малый и старый, отрадой своей,
    Отцом опочившего звали;
Горючие слезы текли из очей,
    Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопил и стенал
    Народ, покрывавший долину;
Но вот на средине булат засверкал,
    И бранному в честь властелину
Конь белый, булатом сраженный, упал
    Без жизни к ногам своему господину.
Все стихло... руками бойцов и граждан
    Подвинулись глыбы земные...
И вон на долине огромный курган,
    Да Вещего помнит Россия!

Волнуясь, могилу народ окружал,
    Как волны морские несметный;
Там праздник надгробный сам князь начинал:
    В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
    Он в память Олегу его выпивал;
И, вновь наполняемый медом,
    Из рук молодого владыки славян
С конца до конца меж народом
    Ходил золотой и заветный стакан.

Тогда торопливо, по данному знаку,
    Откинув доспех боевой,
Свершить на могиле потешную драку
    Воители строятся в строй;
Могучи, отваги исполнены жаром,
    От разных выходят сторон.
Сошлися — и бьются.... Удар за ударом,
    Ударом удар отражен!
Сверкают их очи: десницы высокой
    И ловок и меток размах!

Увертливы станом и грудью широкой,
    И тверды бойцы на ногах!
Расходятся, сходятся... сшибка, другая —
    И пала одна сторона!
И громко народ зашумел, повторяя
    Счастливых бойцов имена.

Тут с поприща боя их речью приветной
    Князь Игорь к себе подзывал;
В стакан золотой и заветный
    Он мед наливал искрометный,
    Он сам его бодрым бойцам подавал;
    И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян
    С конца до конца меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Вдруг, — словно мятеж усмиряется шумный
    И чинно дорогу дает,
Когда поседелый в добре и разумный
    Боярин на вече идет, —
Толпы расступились — и стал среди схода
    С гуслями в руках славянин.
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
    Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
    Не славный соратник дружин;
Но все его знают: он людям знаком
    Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода — молчанье кругом,
    И звучная песнь раздалася!

Он пел, как премудр и как мужествен был
    Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
    Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий поход
    Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги под грохотом вод
    По высям днепровского брега;
Как по морю бурному ветер носил
    Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил

И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!

Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отзывался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный
И с ласковым словом ему подавал;
И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян
С конца до конца меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

1826

К МУЗЕ

Мой ангел милый и прекрасный,
Богиня мужественных дум!
Ты занимала сладострастно,
Ты нежила мой юный ум.
Служа тебе, тобою полный,
Не видел я, не слышал я,
Как на пучине бытия
Росли, текли, шумели волны.
Ты мне открыла в тишине
Великий мир уединенья;
Благообразные ко мне
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасной красотой,
Твоим величьем величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, как слава...

И весело мои мечты,
Тобой водимые, играли;
Тебе стихи мои звучали,
Живые, светлые, как ты.
Так разноцветными огнями
Блестит речная глубина,
Когда, торжественно мирна,
В одежде, убранной звездами,
По поднебесью ночь идет
И смотрится в лазури вод.

1827

ПЕСНЯ

Всему человечеству
Заздравный стакан,
Два полных — отечеству
И славе славян;
Свободе божественной,
Лелеющей нас,
Кругом и торжественно
По троице в раз!

Поэзии сладостной
И миру наук,
И буйности радостной,
И удали рук,
Труду и безделию,
Любви пировать,
Вину и веселию
Четыре да пять!

Очам возмутительным
И персям живым,
Красоткам чувствительным,
Красоткам лихим,
С природою пылкою,
С дешевой красой,
Последней бутылкою —
И все из одной!

Кружится, склоняется
Моя голова,
Но дух возвышается,
Но громки слова!
Восторгами пьяными
Разнежился я.
Стучите стаканами
И пойте, друзья!

1827

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Помним холмы, помним долы,
Наши церкви, наши селы,
И в краю, краю чужом,
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.

Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило,
Мы гуляем заодно.

Но с надеждою чудесной
Мы стакан — и полновесный —
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

1827

А. Н. ВУЛЬФУ

Теперь я в Камби, милый мой!
Для поэтических занятий,
Для жизни дельной и простой

Покинул я хмельных собратий
И цепь неволи городской.
Брожу, задумчивости полный, —
И лес шумит над головой,
И светлые играют волны,
И жатвы блещут предо мной!
Здесь муза — нежная подруга
Уединенного досуга —
Под мой отшельнический кров
В прохладе вечера приходит:
Легко потоки дум и слов
Струятся в образы стихов;
Не слышен скорый бег часов —
И луч востока нас находит
В раздолье сладостных трудов!
Здесь миловидная, как роза,
Моя поэзия цветет:
Ей не мешает мир забот,
Ни лень друзей, ни жизни проза.
И ревностно готовлюсь я,
В тиши беспечного житья,
Самостоятельно и смело
Свершить возвышенное дело;
Хотя нередко, милый мой,
Раздумья гордого порой,
Мне говорит богиня слова:
«Себя изведай и смирись!
Взгляни, как Федоров Борис
Срамит Бориса Годунова!»
Но что? Кипит душа моя
И жаждет чести Геликона,
И «жребий брошен», — молвлю я, —
И бух на воды Рубикона!

Поверь, товарищ, сладко мне
О мирной думать стороне,
Где я, разгульный и свободный,
Заветным преданный мечтам,
Бродил реки голубоводной
По величавым берегам.
Мне все пленительно в Тригорском,

Все свято: Пушкин, ты, да я —
Там не в одном вине заморском
Мы пили негу бытия!..
Туда, туда, туда! Но свету
В цари поставлен гневный рок,
Равно досаден и жесток
И не поэту и поэту, —
И он-то шутит надо мной.
Но будь утешен ты, герой,
Питайся медом ожиданий,
Придет пора: моих желаний
Осуществится милый сон:
Покину дерптского Пената,
Возвеселюся, как Сион,
И обниму тебя, как брата!

1827

К ТИХВИНСКОМУ

Любимец музы и науки!
Оставь на время пыльный град
Сует, профессоров и скуки
И прозаических отрад;
От горя жизни коловратной,
От беспокойного труда,
От груды книг уйди сюда,
Где воссияла благодатно
Моей поэзии звезда:
Здесь дремлют темные дубравы
По скатам горных берегов,
Здесь ярко месяц величавый
Играет в зеркале прудов;
Здесь ночь таинственная мирно
Проходит в ясности эфирной;
Здесь пышен солнечный восход
Над благовонными полями,
Над мраком леса, над горами
И над лазурью светлых вод;
Здесь полдня жаркою порою
Мою усталость я покою
На лоне девственных дриад,

И дерева шумят, шумят,
Шумят над вольной головою;
Или по долам и горам
Влачу беспечно там и там
Поэта гордую свободу,
Мечтаю в сладкой тишине
О православной старине,
О музе песен, о вине
И пью железистую воду!

1827

П. А. ОСИПОВОЙ

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты;
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей Каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
И ныне с грустию утешной
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —

Вольтер, и Гете, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И все божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!
Златые дни! златые дни!
Взываю к вам, и где ж они?
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует
Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет, и славы нет!
Скучаю горько, и едва ли
К поре, ко времени пройдут
Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но что бы ни было — оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетных наук, —
И, друг природы, лени друг,
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досуг.
Итак, вперед! Молюся богу,
Да он меня благословит,
Во имя Феба и харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

1827

КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Благословенны те мгновенья,
Когда, в виду грядущих лет,
Пред фимиамом вдохновенья
Священнодействует поэт.

Как мысль о небе, величавы,
Торжественны его слова;
Их принимают крылья славы,
Им изумляется молва!
Но и тогда, как он играет
Своим возвышенным умом,
Он преисполнен, он сияет
Его хранящим божеством,
И часто даром прорицанья —
Творящей прихоти сыны —
Его небрежные созданья,
Его мечты одарены.

Быстрее, легче сновиденья
Пройдут твои младые дни,
Но благодетельно: они,
Служа богине просвещенья,
Игривый ум твой разовьют
И сердце с чувством безмятежным,
Как яркий звук со звуком нежным,
В одну гармонию сольют.

Тебя полюбят мир и счастье;
Не возмутят груди твоей
Порывы буйные страстей,
Не охладит ее бесстрастье;
Прекрасна будет жизнь твоя:
Светла, свободна и спокойна,
Души божественной достойна,
Достойна чести бытия.

1827

К НЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,

Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены, —
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта,
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

1827

Д. Н. СВЕРБЕЕВУ

Во имя Руси, милый брат,
Твою главу благословляю:
Из края немцев, гор и стад
Ты возвращен родному краю!
Позор событий наших лет,
Великих сплетней и сует
Тебя недолго позабавил:
Ты их презрел, ты их оставил —
И на добро, на божий свет
Живые помыслы направил.
Любезный гражданин Москвы,
Теперь ни славы заграничной,
Ни россказней молвы столичной,
Ни государственной молвы

Не слушаешь; отцовским ларам
Твои часы поручены;
Ты пьешь приволье тишины,
Подобно счастливым боярам
Веселонравной старины.
На свежих розах Гименея,
В чело, и очи, и в уста,
То замирая, то краснея,
Тебя лобзает красота.
Кипят, пылают наслажденья,
Их негу верность бережет,
И быстровечный скороход
Уносит легкие мгновенья!

А я, гуляющий поэт,
У врат святилища науки
Брожу — и жду, пройдут иль нет
Мои томительные скуки?
Блеснет ли вновь передо мной
Звезда любви и вдохновений,
И жажда славы песнопений
В груди забьется молодой,
И благозвучными стихами
Означу сладостные дни?
Напрасно! Дни бегут за днями —
И в Лету падают они.
Она прошла — пора златая,
Восторгов пламенных пора!
Владеют мной тщета мирская,
И лень, и грусть, и мишура!

Теперь святому провиденью
Я говорю одну мольбу:
Да не предаст оно забвенью
Мою грядущую судьбу,
Да возвратит мне мир свободы,
Мечты и песни прошлых дней,
Поля, холмы, и непогоды,
И небо родины моей!
Тогда, надеждами богатый,
Спеша от лени и забот,

Я посещу твои палаты
На бреге москворецких вод.
Красноречивые рассказы
Про жизнь альпийских пастухов.
Про горы выше облаков
И про любовные проказы
В виду потоков, скал и льдов
Часы летучего досуга
Нам очаруют в тишине;
Моя веселая подруга,
Камена, улыбнется мне,
И песнью лиры вдохновенной
Тебе радушно воспою
Утехи жизни просвещенной
И долю мирную твою!

1827

НОЧЬ

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там, под горой, едва-едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений,
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да улелеянный тобой
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья

Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

1827

РУЧЕЙ

Под склоном сетчатых ветвей
Чрез груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной,
Скользя на грани водяные,
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.
Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса там и там
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне
Мечта яснеет золотая
О незабвенной стороне...
Бегите, дни, как эти воды,
Бегите, дни, быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

1827

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ

Почтенный старец Аполлона!
Как счастлив ты: давным-давно
В тенистых рощах Геликона
Тебе гулять позволено.
Еще теперь, когда летами
Твоя белеет голова,
Красноречивыми хвалами
Тебя приветствует молва, —
И поздний глас твоей цевницы
Восторгом юным оживлен...
Так блеском утренней зарницы
Вечерний блещет небосклон.

Слуга отечественной славы,
Ты пел победы и забавы
Благословенного царя,
Кубры серебряные воды,
И ужас невской непогоды,
И юга бурные моря.
Ты украшал, разнообразил
Страннопριимный наш Парнас,
И зависти коварный глаз
Твоей поэзии не сглазил.

А я... какая мне дорога
В гурьбе поэтов-удальцов?
Дарами ветреных стихов
Честим блистательного бога;
Безделья вольного сыны,
Томимы грустью безутешной,
Поем задумчивые сны
И грезы молодости грешной;
Браним людей и света шум,
И с чувством гордости ленивой
Питаем, лакомим свой ум
Самодовольный и брюзгливый.

Что слава? Суета сует!
Душой высокой и свободной
Мы презираем благородно

Ее докучливый привет;
Но соблазнительные девы
За наши милые напевы
Дарят нам пару тайных слов,
Иль кошелек хитросплетенный,
Иль скляночку воды бесценной,
Отрады ноющих зубов.
Вот наш венец и вся награда
Текучим сладостным стихам!

Но, люди... горькая досада
На свете ведома и нам!
Нас гонит зависть, нам злодеи —
Все записные грамотеи;
И часто за невинный вздор,
За выраженье удалое,
Нас выставляет на позор
Их остроумие тупое!

О, научи меня, Хвостов,
Отречься буйного союза
Тех утомительных певцов,
Чья — недостойная богов —
У касталийских берегов
Шальная вольничает муза!
Дай мне классический совет
Свой ум настроить величаво:
Да увенчаюсь доброй славой
Я на Парнасе наших лет!

1827

А. М. ЯЗЫКОВУ

Теперь, когда пророчественный дар
Чуждается моих уединенных лар,
Когда чудесный мир мечтательных созданий
На многотрудные затеи мудрований
О ходе царств земных, о суете сует,
На скуку поминать событья наших лет,
Работать для молвы и почести неславной
Я тихо променял, поэт несвоенравный, —

Мои желания отрадные летят
К твоей обители, мой задушевный брат,
Любезный мыслитель и цензор благодатный
Моих парнасских дел и жизни коловратной!
Так я досадую на самого себя,
Что, рано вольности прохладу полюбя
И рано пред судом обычая крамольным,
Я приучил свой ум к деятельности вольной,
К трудам поэзии. Она же — знаешь ты —
Богиня, милая убранством простоты,
Богиня странных дум и жизни самобытной;
Она не блестками заслуги челобитной,
Не звоном золота, не бренною молвой
Нас вызывает в путь свободный и святой.
И юноша, кого небес благословенье
Избрало совершить ее богослуженье,
Всю свежесть, весь огонь, весь пыл души своей,
Все силы бытия он обрекает ей.
Зато, от ранних лет замеченному славой,
Ему даровано властительное право
Пред гордостью царей не уклонять чела
И проповедовать великие дела.
Удел божественный! Но свет неугомонный,
Неверный судия и часто беззаконный,
В бессмертных доблестях на поприще Камен
Он видит не добро, а суету и тлен.

Я знаю, может быть усердием напрасным
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,
Самолюбивая пылает грудь моя,
И славного венка не удостоюсь я.
Но что бы ни было, когда успех недальный
Меня вознаградит наградою похвальной
За прозу моего почтенного труда
И возвратит певца на родину — тогда,
Пленительные дни! Душой и телом вольный
Не стану я носить ни шляпы трехугольной,
Ни грубого ярма приличий городских,
По милости богинь — хранительниц моих:
Природу и любовь и тишину златую
Я славословием стихов ознаменую,
И, светозарные, благословят оне

Мои сказания о русской старине.
Я жду, пройдет оно, томительное время,
Чужбину и забот однообразных бремя
Оставлю скоро я. Родительский Пенат
Соединит меня с тобою, милый брат;
Там безопасные часы уединенья
Мы станем украшать богатством просвещенья
И сладострастием возвышенных трудов;
Ни вялой праздности, ни скуки, ни долгов!
Тогда в поэзии свободу мы возвысим.
Там бодро выполню — счастлив и независим —
И замыслы моей фантазии младой,
Теперь до лучших лет покинутые мной,
И дружеский совет премудрости врачебной:
Беречься Бахуса и неги непотребной.
Мне улыбнется жизнь, и вечный скороход
Ее, прекрасную, покойно понесет.

1827

П. А. ОСИПОВОЙ

Плоды воспетого мной сада,
Благословенные плоды:
Они душе моей отрада,
Как славы светлая награда,
Как вдохновенные труды.
Прекрасных ряд воспоминаний
Они возобновляют мне —
И волны прежних упований
Встают в сердечной глубине!
Скучаю здесь: моя Камена
Оковы умственного плена
Еще носить осуждена;
Мне жизнь горька и холодна,
Как вялый стих, как Мельпомена
Ростовцева иль Княжнина;
С утра до вечера я занят
Мирским и тягостным трудом,
И бог поэтов не помянет
Его во царствии своем.

И долго сонному забвенью
Мой не потухнет фимиам;
Но я покорен провиденью
И жду чего?.. Не знаю сам...

Я утешаюсь горделиво
Мечтой, что в вашей стороне
Самостоятельное живо
Воспоминанье обо мне;
И благодарен вам душою
За ваш подарок, и в ответ,
Из края скуки и сует,
Вы благосклонною рукою
Мои убогие дары
Примите: пару книжек модных
Произведений ежегодных
Словоохотной немчуры;
Мои ж стихи да будут знаком,
Что скоро и легко для вас
Мой пробуждается Парнас
И что поэт Языков лаком
Везде, всегда воспоминать
Свой рай и вашу благодать.

1827

ЭЛЕГИЯ

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенные мечты!
Моя краса, мое светило,
Моя желанная, где ты? —
Давно ль очей твоих лазурных
Я любовался тишиной,
И волны дум крутых и бурных
В душе смирялись молодой?

Далеко ты; но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе...

Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осыпает
Небес красавица, луна.

1827

КУДЕСНИК

На месте священном, где с дедовских дней,
Счастливый правами свободы,
Народ Ярославов, на воле своей,
Себе избирает и ставит князей,
Полкам назначает походы
И жалует миром соседей-врагов, —
Толпятся: кудесник явился из Чуди...
К нему-то с далеких и ближних концов
Стеклись любопытные люди.

И старец кудесник, с соблазном в устах,
В толпу из толпы переходит;
Народу о черных крылатых духах,
О многих и страшных своих чудесах
Твердит и руками разводит;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и пречистую деву поносит;
Он сделает чудо — и добрых людей
На чудо пожаловать просит.

Он сладко, хитро празднословит и лжет,
Смущает умы и морочит:
Уж он-то потешит великий народ,
Уж он-то, кудесник, чрез Волхов пойдет
Водой — и ноги не замочит.
Вот вышел епископ Феодор с крестом
К народу — народ от него отступился;
Лишь князь со своим правоверным полком
К святому кресту приложился.

И вдруг к соблазнителю твердой стопой
Подходит он, грозен и пылок:

«Кудесник! скажи мне, что будет с тобой?»
Замялся кудесник, и — сам он не свой,
И жмется и чешет затылок.
«Я сделаю чудо». — «Безумный старик,
Солгал ты!» — и княжеской дланью своею
Он поднял топор свой тяжелый — и вмиг
Чело раздвоил чародею.

1827

А. М. ЯЗЫКОВУ

Ты прав, мой брат, давно пора
Проститься мне с ученым краем,
Где мы ленимся да зеваем,
Где веселится немчура!
Я помню, здесь надежда славы
Меня пророком назвала,
Мне буйной младости забавы
Во блеск живой и величавый
Она волшебно облекла,
Здесь мне пленительно светила
Любовь, звезда счастливых дней,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
И где ж она и все былое?
Теперь в томительном покое
Текут мои немые дни:
Несносно-тяжки мне они —
Сии подарки жизни шумной,
Летучей, пьяной, удалой,
Высокоумной, полоумной,
Вольнолюбивой и пустой!
Сии широкие досуги,
Где празднословящие други,
Нещадные, как божий гнев,
Кипят и губят, *яко пруги*,
Трудов возвышенных посев!
Досадно мне! Теперь напрасно
Даюсь чарующим мечтам:

Они кружатся несогласно,
Им недоступен вечный храм
Моей владычицы прекрасной;
Так точно, в зимние часы,
Младой студент, окутан ромом,
Вотще кочует перед домом
Недосягаемой красы!

Но — все проходит, все проходит!
Блажен божественный поэт:
Ему в науку мир сует
Разнообразный колобродит!
Надеюсь, жду: мою главу
Покинет лени сон печальный,
И снова жизнью достохвальной
Для музы песен оживу!

1828

А. Н. ВУЛЬФУ

...au moindre revers funeste,
Le masque tombe, l'homme reste;
Et le héros s'évanouit! [1]

Не называй меня поэтом!
Что было — было, милый мой,
Теперь спасительным обетом
Хочу проститься я с молвой,
С моей Каменой молодой,
С бутылкой, чаркой, «Телеграфом»,
С Р. А., канастером, вакштафом
И просвещенной суетой;
Хочу в моем Киммерионе,
В святой семейственной глуши,
Найти счастливый мир души
Родного дружества на лоне!
Не веришь? Знай же: твой певец
Теперь совсем преобразован,

[1] При малейшей зловещей неудаче маска спадает, человек остается, а герой исчезает! *(франц.)*.

Простыл, смирён, разочарован,
Всему конец, всему конец!
Я помню, милый мой, когда-то
Мы веселились заодно,
Любили жизни тороватой
Прохлады, песни и вино;
Я помню, пламенной душою
Ты восхищался, как тогда
Воссиявала надо мною
Надежд возвышенных звезда;
Как, рано славою замечен,
В раздолье вольного житья,
Гулял, студенчески беспечен,
И с лирой мужествовал я!
Ты поверял мои желанья,
Путеводил моей мечты
Первоначальные созданья,
Мою любовь лелеял ты...
Но где ж она, восторгов сладость —
Моя звезда, печаль и радость,
Мой светлый ангел чистоты?
Предмет поэтов самохвальных,
Благопрославленная мной?
Она теперь, товарищ мой,
Одна, одна в пределах дальных,
Мила афинскою красой...
Прошел, прошел мой сон приятный!
— А мир стихов? — Но мир стихов,
Как все земное, коловратный,
Наскучил мне и нездоров!
Его покину я подавно:
Недаром прежний доброхот
Моей богини своенравной
Середь Москвы перводержавной
Меня бранил во весь народ
И возгласил правдиво-смело,
Что муза юности моей
Скучна, блудлива: то и дело
Поет вино, табак, друзей;
Свое, чужое повторяет;
Разнообразна лишь в словах
И мерной прозой восклицает

О выписных профессорах!
Помилуй бог, его я трушу!
Отворотил он навсегда
От вдохновенного труда
Мою заносчивую душу!
Дерзну ли снова я играть
Богов священными дарами?
Кто осенит меня хвалами?
Стихи — куда их мне девать?
Везде им горькая судьбина!
Теперь ведь будут тяжелы
Они заплечью «Славянина»
И крыльям «Северной пчелы».
— Что ж? В Белокаменную с богом! —
В «Московский вестник»? — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, горд, аристократ:
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, парнасским демагогом.
— Ну в «Афеней»? — Что «Афеней»?
Журнал мудрено-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
«Благонамеренный» московский.

Что ж делать мне, товарищ мой?
Итак — в пустыню удаляюсь,
В проказах жизни удалой,
Я сознаюсь, сердечно каюсь,
Не возвращуся к ним. И вот
Моей надежды перемена,
Моей судьбы переворот!
Прощай же, русская Камена,
И здравствуй, милая моя!
Расти, цвети! Желаю я:
Да буйный дух высокомерья
Твоих поклонников бежит;
Да благо родины острит
Их здравомыслящие перья;
Да утвердишь ты правый суд;
Да с Норда, Юга и Востока,
Отвсюду, быстротой потока,
К тебе сокровища текут;

Да сядешь ты с величьем мирным
На свой могущественный трон —
И будет красен твой виссон
Разнообразием всемирным!!!

* * *

Прочь с презренною толпою!
Цыц, схоластики, молчать!
Вам ли черствою душою
Жар поэзии понять?
Дико, бешено стремленье,
Чем поэт одушевлен:
Так в безумном упоенье
Бог поэтов, Аполлон,
С Марсиаса содрал кожу!
Берегись его детей:
Эпиграммой хлопнут в рожу,
Рифмой бешеной своей,
В поэтические плети
Приударят дураков
И позор ваш, мрака дети,
Отдадут на свист веков!

1828

А. Н. СТЕПАНОВУ

Прощай надолго, милый мой,
Да, провидением хранимый,
Ты возвратишься невредимый
На пользу родине святой!
Да жар возвышенных желаний
В тебе мужает и растет
Среди классических работ
На светлом поприще познаний!
Да там, откуда с давних пор
Надежд питомцы дорогие,
России книжники младые,
Вывозят ей лишь тлен и вздор,
Туман шального мудрованья,
Глухую спесь, немилость к нам

И знаменитые прозванья
Своих учителей, — да, там,
В стране наук правдиво-гордой,
Служа Каменам и добру,
Не окрестится в немчуру
Твой дух деятельный и твердый, —
Но, жадный творческих трудов,
Но полный силы своенравной,
Сберет сокровища веков —
И посвятишь их православно
Богам родимых берегов!
Прощай! Когда-то наша младость
Цвела роскошно, милый мой;
Гуляли мы рука с рукой,
Учились вместе, жизни сладость
Мы пили чашею одной.
И что ж? Как призрак сладострастья,
Пора безоблачного счастья,
Всегда любимая душой,
Исчезла вмиг; но ты с собой
Возьмешь под небеса чужие
Воспоминанья золотые
Про мир возвышенных сует,
Про наслажденья удалые,
Про шум и песни прошлых лет.
И в час раздумья и досуга
Мечта волшебною рукой,
Как наяву, перед тобой
В картине пестрой и живой
Поставит недруга и друга;
Тебя восторги обоймут,
И взор филолога угрюмый
Развеселится ясной думой —
И закипит ученый труд!

1828

А. Н. ВУЛЬФУ

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношеской жар,
Сердечный глас вражды и мести
И неизбежный твой удар!

За Русь, товарищ, за свободу
Геллады пламенных сынов,
На гром бойниц, в огонь и в воду
Пойдешь ты, силен и суров!

Блажен, кто, гневом упоенный,
Гулял на празднике мечей
И вырвал дланью вдохновенной
Победу родине своей!
Светла кончина боевая;
Блажен, кто очи затворил,
Последним взором провожая
Побег и казнь противных сил!

Уже зарделась величаво
Высоких подвигов заря,
Шумят суворовскою славой
Знамена русского царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнят наши торжества
Пожар Чесмы, чугун Кагула
И Руси грозные права!

Дай руку мне: во дни былые,
В кругу внимательных друзей,
Я воспевал пиры лихие
Кипучей младости твоей, —
Я стану петь твои победы,
Восторгом весел огневым,
И бурной юности беседы
Наполню именем твоим!

1828

ДЕВА НОЧИ

Как эта ночь, стыдлив и томен
Очаровательный твой взор;
Как эта ночь, прелестно-темен
С тобою нежный разговор;

Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Как пламенны твои уста!
Как безгранично сладострастна
Твоих объятий полнота!

Но успокойся, дева ночи!
Спусти завистливый покров,
Сокрой твои уста и очи
И злато вьющихся власов:
Не на твоей груди перловой
Моя воздремлет голова,
Не ты внушишь мне жизни новой
Родные чувства и слова.

Там, там, где пышный ток Родана,
В виду заоблачных вершин,
Сребром выходит из Лемана
На гладь шелковую долин...
Туда — сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надежд и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.

Смотри! стою перед тобою;
Вдруг освежилась грудь моя;
Торжествен, радостен душою,
И смел, и горд, и светел я!
Прекрасна ты, о дева ночи!
Покинь меня и не зови
Лобзать твои уста и очи,
Истаевать в твоей любви!

1828

РАЗВАЛИНЫ

Ночь; тихи небеса; с восточного их края
Луна, красивый блеск на землю рассыпая,
В пучине воздуха лазурной восстает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод;
Вон там, господствуя над брегом и холмами,

Две башни и стена с высокими зубцами —
Остатки подвигов могучей старины —
Как снег белеются, луной озарены;
Далеко, голых скал чрез каменны ступени
Сошли на свежий луг пробитые их тени
И темны, как молва давно минувших дней,
Лежат пред новыми жилищами людей.
Вон ряд обломков! Там на вышины крутые
Отчаянно толпы взбегали боевые
И гибли!.. Радостный приют моей мечты,
Чернокудрявая красавица, где ты?
Приди: на этот холм, ветвями осененный,
Воссядем; твой певец, младый и вдохновенный,
Поведаю тебе сказанья старины
Про гордых витязей свободы и войны;
И сладостны, как шум таинственный дубравы,
Звучны, как говор волн пустынных, песни славы
Польются... Ясная улыбка оживит
Твои уста и жар на пурпуре ланит,
Светло заискрятся божественные очи;
Приди!.. Но я один; спокойно царство ночи;
Высоко шар луны серебряной встает;
Безмолвен горный лес; чуть вьются зыби вод.

1828

БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ

Иные дни — иное дело!
Бывало, помнишь ты, барон,
Самонадеянно и смело
Я посещал наш Геликон;
Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно верил ей,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!

А ныне? — Миру вдохновений
Далеко недоступен я;
На лоне скуки, сна и лени
Томится молодость моя!

Моей Камены сын ослушный,
Я чужд возвышенных трудов,
Пугаюсь их — и равнодушно
Гляжу на поприще стихов.
Блажен, кто им не соблазнялся!
Блажен, кто от его сует,
Его опасностей и бед
Ушел в себя — и там остался!..
Завидна славы благодать,
Привет завиден многолюдный;
Но часто ль сей наградой чудной
Ласкают нас? И то сказать —
Непроходимо-беспокойно
Служенье Фебу в наши дни:
В раздолье буйной толкотни
Кричат, бранятся непристойно
Жрецы поэзии святой...
Так точно праздничной порой
Кипит торговля площадная;
Так говорливо вторит ей
Разноголосица живая
Старух, индеек и гусей!
Туда ль душе честолюбивой
Нести плоды священных дум?
Да увлекут они счастливо
Простонародный крик и шум!
А ты, прихвостница талантов
И повивальница стихов,
Толпа словесных дур и франтов —
Нецензурованных глупцов:
Не ты ль на подвиг православный
Поэта-юношу зовешь
И вдруг рукой самоуправной
Его же ставишь на правеж?
Не ты ль в судью и господина
Даешь Парнасу кой-кого,
И долго, долго твой детина,
Прищурясь, смотрит на него?
Вот так-то ныне область Феба
Мне представляется, барон.
Ты мирно скажешь: «Это сон,
Дар испытующего неба;

Он легким лётом пролетит;
Так иногда, в жару недуга,
Страдалец сердится на друга
И задушевного бранит!»
Ну так, барон! Поэтов богу
Поставь усердную свечу,
Да вновь на прежнюю дорогу
Мои труды поворочу,
Да снова песнью сладкогласной
Я возвещу, что я поэт, —
И оправдается прекрасно
Мне вдохновенный твой привет!

1828

ОТЪЕЗД

Недолго мне под этим небом,
По здешним долам и горам,
Скитаться, брошенному Фебом
Тоске, и скуке, и друзьям!
Теперь священные желанья
Законно царствуют во мне;
Но я, в сердечной глубине,
Возьму с собой воспоминанья
О сей немецкой стороне.
Здесь я когда-то жизни сладость
И вдохновенье находил,
Играл избытком юных сил
И воспевал любовь и радость.
Как сновиденье, день за днем
И ночь за ночью пролетали...
. . . .
. . . .

Вон лес, и дремлющие воды,
И луг прибрежный, и кругом
Старинных лип густые своды,
И яркий месяц над прудом.
Туда, веселые, бывало,
Ватаги вольницы удалой
Сходились дружным торжеством
Знаменовать свой день великой:

Кипели звуки песни дикой,
Стекло сшибалось со стеклом,
Костер бурлил и разливался,
И лес угрюмый пробуждался,
Хмельным испуганный огнем!
Вон площадь: там, пышна, явилась
Ученых юношей гульба,
Когда в порфиру облачилась
России новая судьба.
Бренчали бубны боевые,
Свистал пронзительный гобой;
Под лад их бурный и живой
На удивленной мостовой
Вертелись пляски круговые;
Подобно лону гневных вод
Пир волновался громогласный,
И любознательный народ
Смотрел с улыбкой сладострастной,
Как Бахус потчевал прекрасный
Свой разгулявшийся приход.

О, юность, юность, сон летучий,
Роскошно-светлая пора!
Приволье радости могучей,
Свободы, шума и добра!..
Мои товарищи и други,
Где вы, мне милые всегда?
Как наслаждаетесь? Куда
Перенесли свои досуги?

Я помню вас. Тебя, герой
Любви, рапиры и бутылки,
Самонадеянный и пылкий
В потехах неги молодой!
С твоим прекрасным идеалом
Тебя Киприда не свела:
Полна любви, чиста была
Твоя душа, но в теле малом
Она, великая, жила!
Теперь волшебницу иную
Боготворишь беспечно ты,
На жизнь решительно-пустую

Ты променял свои мечты
Про славу, Русь и дев Ирана!
И где ж? В Козельске, наконец,
Блуждаешь, дружбы и стакана
И сладкой вольности беглец!..

. . . .

. . . .

И ты!.. Тебя благословляю,
Мой добрый друг, воспетый мной,
Лихой гусар, родному краю
Слуга мечом и головой.
Христолюбивого поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомета
Неумолимо добивай!

А ты, страдалец скуки томной,
Невольник здешнего житья,
Ты, изленившийся, как я,
Как я, свободно бездипломный!
Люблю тебя, проказник мой,
В тиши поющего ночной;
Люблю на празднике за ромом,
В раздумье, в пламенных мечтах,
В ученых спорах и трудах,
С мечом, цевницею и ломом!
Что медлишь ты? Спасайся, брат!
Не здесь твое предназначенье;
Уже нам вреден чуждый град,
И задушает вдохновенье.
Покинь стаканов хмель и стук!
Беги, ищи иной судьбины!
Но да цветут они, мой друг,
Сии ливонские Афины!
Не здесь ли некогда, мила,
Нас юность резвая ласкала,
И наша дружба возросла,
И грудь живая возмужала
На правоверные дела!
О, будь же вам благодаренье,
Вы, коих знанья, вкус и ум
Блюли порядок наших дум,

В нас водворяли просвещенье!
Всем нам! Тебе ж, κατ' ἐξοχήν,[1]
Наставник наш, хвала и слава,
Душой воспитанник Камен,
А телом ровня Болеслава,
Муж государственных наук!
Не удалося мне с тобою
Прощальный праздновать досуг
Вином и песнью круговою!
Там, там, где шумно облегли
Эстонский град морские волны,
В песчаном береге, вдали
Твоей отеческой земли,
Твой прах покоится безмолвный;
Но я как благо лучших дней
Тебя доныне вспоминаю
И здесь, с богинею моей,
Тебе, учитель, воздвигаю
Нерукотворный мавзолей!..
. . . .
. . . .

Так вот мои воспоминанья,
Без торгу купленные мной!
Святого полный упованья,
С преобразившейся душой,
Бегу надолго в край родной,
Спасаю божьи дарованья.
Там, вольный родины певец,
Я просветлею жизнью новой
И гордо брошу мой лавровый,
Вином обрызганный венец!

1829

ПЕСНИ

I

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!
Пейте, братья, пейте, други,
Удалые бурсаки!

---

[1] По преимуществу *(греч.)*.

В честь учености спесивой,
И тяжелой, и пустой,
Сидя мирной чередой,
Пейте шрамовское пиво.

Вся беседа гордо встань!
Бурсе нашей знаменитой
Слава! Лейте пунш сердитый
В богатырскую гортань!

⟨За разгульную красотку,
За свободу наших дней!⟩
Улыбнись, бурсак, и пей
Сокрушительную водку!

Други-братья! вот оно —
Волхов, Тибр и Ипокрена:
В нем огонь, и шум, и пена —
Благодатное вино!

И струи его живые
В честь красавицы своей
Всякий прямо в сердце лей,
И да здравствует София!

II

Дороже почестей и злата
Цени свободу бурсака!
Не бойся вражьего булата,
Отважно стой и мсти за брата
И презирай клеветника!

Люби трудов благую сладость,
Науки, песни и вино;
Одной красавице — всю младость:
С ней мрак и свет, печаль и радость,
Уста и сердце заодно!

Но бодро кинь сей мир прекрасный,
Когда зовет родимый край:

За Русь святую в бой ужасный,
Под меч судьбины самовластной
Иди и живо умирай!

Цвети же, Русь! Добро и слава
Тебе, отчизна бурсака!
Будь честью первая держава,
Всегда грозна и величава,
И просвещенна, и крепка!

III

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где смело юность ваша
Красуется могуществом вина,
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит, свободна и шумна,

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните играющим вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И празднуйте об имени моем.

Все тлен и миг! Блажен, кому судьбою
Свою весну пропировать дано;
Чья грудь полна свободой удалою,
Кто любит жизнь за песни и вино!..

IV

Разгульна, светла и любовна,
Душа веселится моя;
Да здравствует Марья Петровна,
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снеги полей —

Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи,
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

V. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

В последний раз приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди вас;
Сей говор чаш — свободный дружбы глас —
Сей крик и шум — разлив души бурсацкой —
Приветствуют меня в последний раз.

Заутро день засветится мне новый;
Свежо вздохнет младая грудь моя;
Веселыми очами встречу я
Родимые долины и дубровы...
Где ж вы, мои разгульные друзья?

Могучий бог ведет меня далече
От вас, моих сограждан-бурсаков!
Найду ли где поэзию трудов,
Наш дивный быт и пламенное вече,
Живую жизнь и мысли без оков?

О! будь же вам звездою путеводной,
Друзья мои, свобода юных лет!
Да радостно, средь удалых бесед,
Она хранит ваш дух своенародный
И сумрачный вам озаряет свет.

А мне, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта

Про вас и Дерпт, про милые места,
Где я гулял, младый и вдохновенный,
И с вами пел: всё миг и суета!

1829

А. В. ТИХВИНСКОМУ

Как знать, куда моя дорога
На тайном поприще земли?
Навечно ль душу мне зажгли
Огни дельфического бога?
Пройдут ли с младостью певца
И сила чувств и жажда славы,
Иль покорят меня уставы
Жены хромого кузнеца?
Иль рок дела мои прославит,
Меня спокойно переправит
Чрез волны жизненных забот,
И в искушенье не введет,
И от лукавого избавит?
Что будет — будет! Но клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом:
В стране, где нравственно-добра,
Всему покорна, всем довольна,
Живет, мила и бескрамольна,
И процветает немчура;
В стране, где богу просвещенья
Благословенный государь
Для православного служенья
Поставил пламенный алтарь, —
Здесь благодетельные годы
Сияли юности моей,
Здесь я нашел дары свободы,
Богиню песен и друзей;
Здесь поэтическое пьянство
Да мир могущественных дум
Мне заменяли света шум,
Любви восторги и жеманство!

Найду ль богов моих, когда
Сию страну и вас покину
И незнакомая звезда
Определит мою судьбину?
Но я душой не изменюсь:
Священны мне всегда и всюду
Науки, вольность, ум и Русь —
Итак, я вас не позабуду!

1829

ПОСЛАНИЕ К А—ВУ

Прощай, А—в! Я довольно
Без пользы времени убил,
И мертвой скуке произвольно
Почти год целый посвятил.
Ваш мирный круг я оставляю
И вместе с музой молодой
В восторге сердца восклицаю:
«Хвала поэзии святой!»

Давно надежды луч отрадный
Моей души не освещал,
И рок — губитель беспощадный —
Мой челн в реку забвенья мчал;
Но, наконец, гроза промчалась,
Блеснул животворящий свет —
И вновь душа очаровалась,
И вновь, отрада прежних лет,
Веселость резвая со мною.
Я счастлив, друг! Но скоро ль ты
Оставишь, примирясь с судьбою,
Все прихотливые мечты?
Ты получил рассудок здравый
От всеблагой природы в дар,
Ты ревностный любитель славы,
В тебе приметен этот жар,
Который нужен для геройства;
Ты добр, — ты ум свой просветишь:
Итак, зачем же, друг, таить
Свои возвышенные свойства!

Иди с отважностью свободной
Туда, куда тебя зовут
Фортуна и твой нрав природный;
И стань в браннолюбивый строй,
Забыв ученых инженеров,
Под знамя родины драгой,
В толпу армейских офицеров!

1829

К. К. ЯНИШ

В былые дни от музы песнопений
В кругу друзей я смело принимал
Игривых снов, веселых вдохновений
Живительный и сладостный фиал.

Тогда, не знав боязни осуждений
И прелести взыскательных похвал,
Сын вольных дум и ясных впечатлений,
Мой гордый стих торжественно стоял.

Здесь, окружен великих именами,
Он трепетен, падущий перед вами.
Так, с торжища сует возведена

Пред клиросы молебного чертога,
Душа дрожит, таинственно полна
Присутствием созвавшего их бога!

1829

ЭЛЕГИЯ

Тот не поэт, в ком не пробудит
Восторгов нежных, снов и мук
Твоих речей волшебный звук;
Тот не поэт, кто не забудет
Судьбы и вольности своей,
Всех дум и смелых и надменных,
Постигнут искрой сих очей,

Победоносных, вдохновенных!
Блажен, кто грудью молодой,
Кто сладострастными устами...
Но ты смеешься над мольбами,
Воспламененными тобой;
Ты прерываешь грозным взглядом
Сердечный юноши привет, —
И полон мужеством и хладом
Ему нежданный твой ответ.

1829

ЭЛЕГИЯ

Язык души красноречивый,
Восторга пламенный полет,
Стихов и мыслей переливы
И силу их — она поймет;
Но велика ль ее награда
За вдохновение любви?..
Порой два-три небесных взгляда,
И то при вас, друзья мои!

1829

ЭЛЕГИЯ

Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь —
И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
Сапфирами твоих возвышенных очей,
И пурпуром ланит, и золотом кудрей,
И перлами зубов, и грудью лебединой,
И стана полнотой, и поступью павлиной.
Отчаянье подруг и чудо красоты!
Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
Порой, как в тишине благословеньем ночи
Смежаются твои лазоревые очи,
Как тайные мечты не дремлют — и любовь
Воспламеняет их и гасит вновь и вновь?
Я знаю: это он, младый и чернобровый,
Прекрасный девственник, надменный и суровый:

Им соблазнилась ты. Он манием руки
Смиряет конские разбеги и прыжки;
Он метко боевым булатом управляет,
И в час, как хладными лучами осыпает
Полночная луна недвижимый залив,
Он, смелые стопы железом окрилив,
Один, на звонком льду, меж сонными брегами,
Летает с края в край проворными кругами.
О нем мечтаешь ты; твой небезгрешный сон
То нежно скрашен им, то жарко возмущен:
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух — медленно уста твои целуют!

1829

А. И. ГОТОВЦОВОЙ

Влюблен я, дева-красота,
В твой разговор живый и страстный,
В твой голос ангельски прекрасный,
В твои румяные уста!

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих наслушаться речей,
Упиться песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

1829

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ

(ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОТ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА
ТРЕХ ПЕРВЫХ ТОМОВ
ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЕГО ТВОРЕНИЙ)

Итак — мне новая награда
От музы доблестной твоей,
Младых поэтов Петрограда
Среброволосый корифей!
Ее с поклоном принимаю,
Умею чувствовать ее;
Но заслужил ли я — не знаю —
Неоставление твое?

Какими подвигами славы
На свете выказался я?
Уж не стихами ль про забавы,
Про удаль братского житья,
Про негу дружбы вольнодумной,
Про незабвенные края,
Где пролетела шумно, шумно
Лихая молодость моя?
Нет. Но зато, главою трезвой,
На последях моей весны,
От жизни праздничной и резвой
Поникший в лоно тишины,
Теперь, как сердца не тревожит
Мне красота веселых дней,
Достоин буду — бог поможет —
Я благосклонности твоей.
Ведь я недаром же оставил
Потехи лени и гульбу,
На свой обычай переправил
Свою грядущую судьбу
И посвятил уединенью
Мой возраст силы и трудов!
От первых смысленных годов
Знаком и верен вдохновенью,
Лишь всемогуществу его
Обязан вольностью, и счастьем,
И чистым, светлым сладострастьем
Ума и сердца моего;
Его забуду ли я ныне?
Я ль, живо сознанный собой,
В моей любви, в моей святыне
Раскаюсь зрелою душой?

Но, признаюсь, я робким взором
Смотрю на будущность мою,
Хотя не вместе с буйным хором
Бескнижной сволочи пою.
Кого талант мой разобидел?
Кого мой стих оклеветал?
Какой невежда иль нахал
Меня торгующимся видел
На рынке браней и похвал?

Почто же страхом ожиданий
Грудь возмущается моя?
Уберегусь ли мирно я
От криводушных порицаний,
От пошлых козней и обид?
Мне ль предузнать, каким возгла́сом
Мои труды перед Парнасом
Его кричальщик возвестит?
Он чуден: карлу великаном,
Гетеру музой, хмель дурманом
Во всеуслышанье зовет,
Немилосердно-самовластный!
И кто противу, кто несчастный?
Ну, право, дрожь меня берет!
Ты, Феба ревностный поклонник,
Его классический законник!
К тебе с надеждою моей,
С моей неопытною лирой,
К тебе, ужасному сатирой
Главам парнасских бобылей,
Прибегну я: грозою правой
Ты знаменито их пугнешь...
И пощадит меня их ложь,
Твоей заступленного славой!

1829

ПАМЯТИ А. Д. МАРКОВА

Кипят и блещут фински волны
Перед могилою твоей;
Широким пологом над ней
Склонили сосны, мрака полны,
Печальный шум своих ветвей.

Так жизнь пленительным волненьем
В тебе кипела молодом;
Так ты блистал своим умом,
И самобытным просвещеньем,
И поэтическим огнем.

Но рано, рано годы злые
Тебя настигнули толпой
И темны стали над тобой,
Как эти сосны гробовые,
Угрюмой движимы грозой.

Цепями нужд обремененный,
Без друга, в горе и слезах
Погиб ты... При чужих водах
Лежит, безгласный и забвенный,
Многострадальческий твой прах.

О! мне ль забыть тебя! Как сына,
Любил ты, отрока, меня;
Ты предузнал, кто буду я
И что́ прекрасного судьбина
Мне даст на подвиг бытия!

Твои радушные заботы
Живое чувство красоты
Во мне питали; нежно ты
Лелеял первые полеты
Едва проснувшейся мечты.

Лета прошли. Не камню предал
Ты семена благих трудов:
Для светлой жизни я готов,
Я сердцем пламенным уведал
Музыку мыслей и стихов!

Прими ж привет мой благодарный
За много, много красных дней,
Блестящих в памяти моей,
Как образ месяца янтарный
В стекле играющих зыбей!

1829

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней!

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина...

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой!

1829

А. Н. ТАТАРИНОВУ

Здорово, брат! Поставь сюда две чаши:
Наполним их и вместе вознесем
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!
В моей груди есть сердце молодое
Воспоминать и чувствовать былое.
Мне ль разлюбить безоблачные дни
Отважных дум, разгульных вдохновений,
Живых трудов и просвещенной лени?
Волшебные, зачем прошли они?

Так — за него, за этот мир прекрасный!
Все, чем судьба возвышенна моя,
Что в ней земным оковам не подвластно,
Все чистое, святое бытия,
Чем радостно пылают мысли юны,
Чем движутся божественные струны,
Все, чем живет и действует поэт, —
Моей душе явил он, светозарный...
И здесь, его питомец благодарный,
Творю ему заздравный мой привет!

Да никогда его очарованье,
Счастливое, не оставляет нас;
Будь радостен, ему в воспоминанье,
Меня с тобой соединивший час, —
И, яркими увенчана мечтами,
Та райская надежда перед нами
Заблещет вновь — и вновь поверим ей,
Что для всего земного перехода
Нам станет чувств, которые свобода
В нас развила по милости своей.

Таков булат в браннолюбивой длани,
Несокрушим, однажды закален!
Свершилися плоды моих желаний,
Сбылся души благословенный сон!
И вот они, места мои родные...
Кругом леса и горы меловые;
По скатам их разбросано село;
Вон божий храм, и барский дом, и нивы,
Луга, реки подгорные извивы
И двух прудов спокойное стекло.

Где ж вы, мои товарищи и други?
По-прежнему ль увеселяют вас
И тихий труд, и шумные досуги,
И родины красноречивый глас?
Наш лучший друг, пирует ли он с вами,
Он, видевший учеными глазами
Златой Иран, и патриарха гор,
И над его священной головою,

Ночных светил блистающий красою,
Торжественный лазоревый шатер?

Дай руку, брат! в виду страны родимой
Мы повторим отрадный свой обет
Еще узреть тот край, всегда любимый,
Привольное гульбище юных лет,
Рассадник чувств и помыслов высоких!
Обнимем вновь своих друзей далеких,
Их в бурную беседу соберем —
И чокнутся приветственные чаши
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!

1830

К А. Н. ТАТАРИНОВУ

Не вспоминай мне, бога ради,
Веселых юности годов
И не развертывай тетради
Моих студенческих стихов!
Ну да! судьбою благосклонной
Во здравье было мне дано
Той жизни мило-забубенной
Изведать крепкое вино!
Успех трудов и песнопенье
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда готовили меня;

Тогда мои пленяла взгляды,
Мои тревожила мечты
Душа, одетая в черты
Богинь божественной Геллады.
Как гордо радовался я!
Как вдохновенно сердце билось!
А ныне? Все переменилось —
Жизнь и поэзия моя!
Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней

И славлю смертными стихами
Красавиц родины моей!
Не так ли сын богатырей,
Им изменивший богохульно,
Недужен телом и душой,
Из чаши прадеда разгульной
Пьет охладительный настой?

1830

ЭЛЕГИЯ

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

Но я поэт — благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею;
Ты назови меня своим!

1830

ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от брега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! Бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушный,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

1830

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер

И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветинских времен, —

Нас, полных юности и вольных,
Там было трое: два певца
И он, краса ночей застольных,
Кипевший силами бойца;
Он, после кинувший забавы,
Себе избравший ратный путь
И освятивший в поле славы
Свою студенческую грудь.

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненый, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стакана об стакан!

Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! Взял свое токай,
Шумней удалая пирушка!
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай!

Ты расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не так бывало! Слава богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудреней и мудреней.

И мы... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье,
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!

1830

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ CXXXVI

В дни плена, полные печали,
На Вавилонских берегах
Среди врагов мы восседали
В молчанье горьком и слезах;

Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Ерусалим».

Нет! свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
Мы не дадим на посмеянье
Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!
Порвитесь, струны сладкогласны,
Разбейся, звонкий мой тимпан!

Окаменей, язык лукавый,
Когда забуду грусть мою
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою.

А ты, среди огней и грома
Нам даровавший свой закон
Напомяни сынам Эдома
День, опозоривший Сион,

Когда они в веселье диком
Убийства, шумные вином,
Нас оглушали грозным криком:
«Все истребим, всех поженем!»

Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит!

Кто в дом тирана меч и пламень
И смерть ужасную внесет!
И с ярким хохотом о камень
Его младенцев разобьет!

1830

РАССВЕТ

Не полон наш разгул, не кончен пир ночной;
Не всех нас обошел звук песни круговой,
Не всем поднесены приветственные чаши;

Смелей и радостней заблещут взоры наши,
Смелей и радостней воспламенится ум;
Шумнее закипят избытком чувств и дум
И разбушуются живые наши речи.
Но вот, златого дня воздушные предтечи,
Краснеют облаков прозрачные струи.
Покинем шум сует, товарищи мои,
Прервем бренчанье чаш и песни удалые!
Туда, где небеса просторней голубые
И солнечный восход пышнее из-за гор
Над скатами лесов и купами озер,
Туда, на высь холма! Там утренней прохлады
В живительных волнах омоем наши взгляды.
Горячие уста и груди освежим.
Пойдем, товарищи! Оттоле мы узрим,
Как с розовым лицом, с веселыми очами,
Перед широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и негой убрана,
Красуется земля, восставшая от сна.

1830

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XIV

Кому, о господи, доступны
Твои Сионски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи целомудренны мечты;
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал;
Но верой в бога укреплялся,
Но сердцем чистым и живым
Ему со страхом поклонялся,
С любовью плакал перед ним!

И свят, о боже, твой избранник!
Мечом ли руку ополчит?
Великий господа посланник,
Он исполины сокрушит!

В венце ли он? его народы
Возлюбят правду: весь и град
Взыграют радостью свободы,
И нивы златом закипят!
Возьмет ли арфу? дивной силой
Дух преисполнится его
И, как орел ширококрылый,
Взлетит до неба твоего!

1830

НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА

Там, где картинно обгибая
Брега, одетые в гранит,
Нева, как небо голубая,
Широководная шумит,
Жил-был поэт. В соблазны мира
Не увлеклась душа его;
Шелом и царская порфира
Пред ним сияли; он кумира
Не замечал ни одного:
Свободомыслящая лира
Ничем не жертвовала им,
Звуча наитием святым.

Любовь он пел: его напевы
Блистали стройностью живой,
Как резвый стан и перси девы,
Олимпа чашницы младой.
Он пел вино: простый и ясный
Стихи восторг одушевлял;
Они звенели сладкогласно,
Как в шуме вольницы прекрасной
Фиал, целующий фиал;
И девы русские пристрастно
Их повторяют — и поэт
Счастлив на много, много лет.

Таков он был, хранимый Фебом,
Душой и лирой древний грек.

Тогда гулял под чуждым небом
Студент и русский человек;
Там быстро жизнь его младая,
Разнообразна и светла,
Лилась. Там дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своим пророком назвала
И, на добро благословляя,
Цветущим хмелем убрала
Веселость гордого чела.

Ей гимны пел он. Громки были!
На берег царственной Невы
Не раз, не два их приносили
Уста кочующей молвы.
И там поэт чистосердечно
Их гимном здравствовал своим.
Уж нет его. Главой беспечной
От шума жизни скоротечной,
Из мира, где все прах и дым,
В мир лучший, в лоно жизни вечной,
Он перелег; но лиры звон
Нам навсегда оставил он.

Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.
Я счастлив ими! Вдохновенья
Уж стали жизнию моей!
Прими сей глас благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Из милой памяти людей
Уйдут в несносный мрак забвенья
Все, все!.. Но лучшее, одно
Да не погибнет: вот оно!

1831

ПЕСНЯ

Он был поэт: беспечными глазами
Глядел на мир и миру был чужой;
Он сладостно беседовал с друзьями;

Он красоту боготворил душой;
Он воспевал счастливыми стихами
Харит, вино, и дружбу, и покой.

Блажен, кто знал разумное веселье,
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто с музами делил свое безделье,
Кому любви прохладные уста
Свевали с вежд недолгое похмелье,
И с ним — его довольная мечта!

И в честь ему на будущие лета
Не худо бы сей учредить обряд:
Порою звезд и месячного света
Мы сходимся в благоуханный сад
И там поем любимый гимн поэта,
И до утра фиалы прозвенят!

Пусть видит мир, как наших поминают,
Как иногда свирели звук простой
Да скромный хмель и мирт переживают
Победный гром и памятник златой,
И многие уж заодно познают,
Что́ называть мирскою суетой.

1831

К. К. ЯНИШ

Вы, чьей душе во цвете лучших лет
Небесные знакомы откровенья,
Все, чем высок полет воображенья,
Чем горд и пламенен поэт, —

И два венка, один другого краше,
На голове свилися молодой:
Зеленый лавр поэзии чужой
И бриллианты музы вашей!

Вы силою волшебной дум своих
Прекрасную торжественность мне дали,

Вы на златых струнах переиграли
Простые звуки струн моих.

И снова мне и ярче воссияла
Минувших дней счастливая звезда,
И жаждою священного труда
Живее грудь затрепетала.

Я чувствую: завиден жребий мой,
Есть и во мне благословенье бога
И праведна житейская дорога,
Беспечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску мира,
Не слушаю слепой его молвы:
Я выше их... Да здравствуйте же вы
И ваша творческая лира!

1831

БЕССОННИЦА

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна;
Тихо очи мне целует
Полуночная луна.

Ты ль, приют восторгам нежным,
Радость юности моей,
Ангел взором безмятежным,
Ангел прелестью очей,
Персей блеском белоснежным,
Мягких золотом кудрей?

Ты ли мне любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свежими устами
Навеваешь свет луны,

Скрыта легкими тенями
Соблазнительной весны?

Благодатное виденье,
Тихий ангел! успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркие напой
И даруй мне утомленье,
Освященное тобой!

1831

ИМ

Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!
И в разгульном хоре звуков,
Целы, счастливы, они
Будут жить у дальних внуков,
Прославляя наши дни:
Там на юношеском пире
Слово молвится подчас
В похвалу и гордой лире,
Веселившейся о вас, —
И при громе восклицаний
В честь увенчанных имен,
Сбереженных без прозваний
Умной людскостью времен,
Кстати вместе возгласится
Имя доброе мое,
И поэту наградится
Все подлунное житье!

1831

И. В. КИРЕЕВСКОМУ

Щеки нежно пурпуровы
У прелестницы моей;
Золотисты и шелковы

Пряди легкие кудрей;
Взор приветливо сияет,
Разговорчивы уста;
В ней красуется, играет
Юной жизни полнота!
Но ее на ложе ночи,
Мой товарищ, не зови!
Не целуй в лазурны очи
Поцелуями любви:
В них огонь очарований
Носит дева-красота;
Упоительных лобзаний
Не впивай в свои уста:
Ими негу в сердце вдует,
Мглу на разум наведет,
Зацелует, околдует
И далеко унесет!

1831

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

(Татьяне Дмитриевне)

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Как я люблю приют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!

Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный, журчит и замирает,
Как он кипит, веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и, буйная, летишь,
Крутишь главой, сверкаешь, и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

1831

ЭЛЕГИЯ

(Татьяне Дмитриевне)

Блажен, кто мог на ложе ночи
Тебя руками обогнуть:
Челом в чело, очами в очи,
Уста в уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепет
Лобзаньем пылким прерывал
И смуглых персей дикий трепет
То усыплял, то пробуждал!..
Но тот блаженней, дева ночи,
Кто в упоении любви
Глядит на огненные очи,
На брови дивные твои,
На свежесть уст твоих пурпурных,

На черноту младых кудрей,
Забыв и жар восторгов бурных
И силы юности своей!

1831

ПЕРСТЕНЬ

(Татьяне Дмитриевне)

Да, как святыню берегу я
Сей перстень, данный мне тобой
За жар и силу поцелуя,
Тебя сливавшего со мной.
В тот час (забудь меня, Камена,
Когда его забуду я!),
Как на твои склонясь колена,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мне и пела,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо в очи мне глядела
Очами, полными огня.
Но что ж? Так пылко, так глубоко,
Так вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангел черноокой,
Одну тебя, одну тебя...
Один ли я твой взор умильный
К себе привлек? На мне ль одном
Твои объятия так сильно
Живым свиваются кольцом?
Ах, нет! но свято берегу я
Сей перстень, данный мне тобой,
Воспоминанье поцелуя,
Тебя сливавшего со мной!

1831

АУ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Ты мной воспетая давно,
Еще в те дни, как пел я радость,
И жизни праздничную сладость,

Искрокипучее вино, —
Тебе привет мой издалеча,
От москворецких берегов —
Туда, где звонких звоном веча
Моих пугалась ты стихов;
Где странно юность мной играла,
Где в одинокий мой приют
То заходил бессонный труд,
То ночь с гремушкой забегала!

Пестро, неправильно я жил!
Там все, чем бог добра и света
Благословляет многи лета
Тот край, все: бодрость чувств и сил,
Ученье, дружбу, вольность нашу,
Гульбу, шум, праздность, лень — я слил
В одну торжественную чашу
И пил да пел... я долго пил!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Тебя, звезду мою, найдет
Поэта вестник расторопный,
Мой бойкий ямб четверостопный,
Мой говорливый скороход,
Тебе он скажет весть благую:
Да, я покинул наконец
Пиры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира —
Она чужда тех буйных лет
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!

Я здесь! — Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родные!
Здесь наша матушка Россия
Семисотлетняя жива!
Здесь все бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа,
Все, все!.. Да здравствует Москва!

Какими думами украшен
Сей холм давнишних стен и башен,
Бойниц, соборов и палат!
Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!
О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дело песнопений,
Поэты наши! Для стихов
В Москве ищите русских слов,
Своенародных вдохновений!

Как много мне судьба дала!
Денницей ярко-пурпуровой
Как ясно, тихо жизни новой
Она восток мне убрала!
Не пьян полет моих желаний;
Свобода сердца весела;
И стихотворческие длани
К струнам — и лира ожила!

Мой чернобровый ангел рая!
Моли судьбу, да всеблагая
Не отнимает у меня
Ни одиночества дневного,
Ни одиночества ночного,
Ни дум деятельного дня,
Ни тихих снов ленивой ночи!
И скромной песнию любви
Я воспою лазурны очи,
Ланиты свежие твои,
Уста сахáрны, груди полны,
И белизну твоих грудей,
И черных, девственных кудрей
На ней блистающие волны.

Твоя мольба всегда верна!
И мой обет — он совершится!
Мечта любовью раскипится,

И в звуки выльется она!
И будут звуки те прекрасны,
И будет сладость их нежна,
Как сон пленительный и ясный,
Тебя поднявший с ложа сна!
1831

Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

Мысль неразгульного поэта
Является божественно-стройна:
В живые образы одета,
Святым огнем озарена;
Счастлив, кто силен ей предаться,
Тот, чья душа спокойна и чиста,
Да в ней вполне изобразятся
Ее гармония, и свет, и чистота,
Так вы блистательно-прекрасны...
А что мой стих? Питомец буйных лет
И проповедник разногласный
Мирских соблазнов и сует!
Доныне пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал —
И странны были бы пред вами
Вакхический напев и хмель его похвал.
Но, чужд святому вдохновенью,
Он ведает, где небо на земле;
Но место есть благоговенью
На удалом его челе:
И, полн таинственной отрады,
Усердно вам приносит он
Свои потупленные взгляды,
Смутившуюся речь и робкий свой поклон.
1831

И. В. КИРЕЕВСКОМУ

(В альбом)

Поэт, вхожу я горделиво
В твой достопамятный альбом;
В нем становлюсь красноречиво:

Тепло и весело мне в нем!
И вот тебе привет заздравный
На много лет, ночей и дней!
Живи и действуй православно
Во славу родины своей!
Ты взор и ум трудолюбивый
В дела минувшие вперишь,
И пересмотришь их архивы,
И старину разговоришь,
И дашь нам вести не чужие
И думы верные об ней:
Да чисто русская Россия
Пред нами явится видней!
Иди, трудись — и дай мне руку!
Не в том вся жизнь и честь моя,
Что проповедую науку
Свободно-шумного житья
И сильно-пьяного веселья —
Ученье младости былой.
Близка пора: мечты похмелья
Моей Камены удалой
Пройдут; на новую дорогу
Она свой глас перенесет
И гимн отеческому богу
Благоговейно запоет,
И древность русскую, быть может,
Начнет она провозглашать.
Тогда — не правда ль? — мне поможет
Твоей приязни благодать!

1831

М. А. МАКСИМОВИЧУ

Свобода странно воспитала
Мою поэзию: она
Ее пристрастно поливала
Струями славного вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила и порой
Благоуханными устами
С нее сдувала прах земной.

Я благодарен горделиво
Ей за радушные труды;
И сам я вижу — и не диво,
Что пьяны вызрели плоды.

1831

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Ее уж нет, но рай воспоминаний
Священных мне оставила она.
Вон чуждый брег и мирный храм познаний,
Каменами любимая страна;
Там, смелый гость свободы просвещенной,
Певец вина и дружбы и прохлад,
Настроил я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный лад —
И вторились напевы удалые
При говоре фиалов круговых!
Там грудь моя наполнилась впервые
Волненьем чувств заветных и живых,
И трепетом томительным и страстным
Божественной и сладостной любви.
Я счастлив был: мелькали дни мои
Летучим сном, заманчивым и ясным.

А вы, певца внимательные други,
Товарищи, как думаете вы?
Для вас я пел немецкие досуги,
Спесивый хмель ученой головы,
И праздник тот, шумящий ежегодно,
Там у пруда, на бархате лугов,
Где обогнул залив голубоводный
Зеленый скат лесистых берегов?
Луна взошла, древа благоухали,
Зефир весны струил ночную тень,
Костер пылал — мы долго пировали
И бурные приветствовали день!
Товарищи! не правда ли, на пире
Не рознил вам лирический поэт?
А этот пир не наобум воспет,
И вы моей порадовались лире!

Нет, не для вас! — Она меня хвалила,
Ей нравились: разгульный мой венок,
И младости заносчивая сила,
И пламенных восторгов кипяток.
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преследовала их,
Когда она веселыми устами
Мой счастливый произносила стих —
Торжественна, полна очарованья,
Свежа, и где была душа моя!
О! прочь, мои грядущие созданья!
О! горе мне, когда забуду я
Огонь ее приветливого взора,
И на челе избыток стройных дум,
И сладкий звук речей, и светлый ум
В лиющемся кристалле разговора.

Ее уж нет! Все было в ней прекрасно!
И тайна в ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистые дела;
Он чувствовал: возвышенные блага
Есть на земле! Есть целый мир труда,
И в нем — надежд и помыслов отвага
И бытие привольное всегда!
Блажен, кого любовь ее ласкала,
Кто пел ее под небом лучших лет...
Она всего поэта понимала —
И, горд, и тих, и трепетен, поэт
Ей приносил свое боготворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались в хор созвучные слова:
Как фимиам, горело вдохновенье.

1831

КОНЬ

Жадно, весело он дышит
Свежим воздухом полей,
Сизый пар кипит и пышет
Из пылающих ноздрей;

Полон сил, удал на воле,
Громким голосом заржал,
Встрепенулся конь — и в поле
Бурноногий поскакал!
Скачет, блещущий глазами,
Дико голову склонил;
Вдоль по ветру он волнами
Черну гриву распустил.
Сам как ветер: круть ли встанет
На пути? Отважный прянет —
И на ней уж! Ляжет ров
И поток клубится? — Мигом
Он широким перепрыгом
Через них — и был таков!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избытком сил!
Ненадолго волны гривы
Вдоль по ветру ты пустил!
Ненадолго жизнь и воля
Разом бурному даны,
И холодный воздух поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковые...
Скоро, скоро под замок!
Тешь копыта удалые,
Свой могучий бег и скок!

Снова в дело, конь ретивый!
В сбруе легкой и красивой,
И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно-верными шагами
Ты пойдешь под седоком.

1831

ЭЛЕГИЯ

Ночь безлунная звездами
Убирала синий свод;
Тихи были зыби вод;
Под зелеными кустами

Сладко, дева-красота,
Я сжимал тебя руками;
Я горячими устами
Целовал тебя в уста;
Страстным жаром подымались
Перси полные твои,
Разлетаясь, развивались
Черных локонов струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своих очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая к моей.

Под ночными небесами
Сладко, дева-красота,
Я горячими уста́ми
Целовал тебя в уста...
Небесам благодаренье!
Здравствуй, дева-красота!
То играло сновиденье,
Бестелесная мечта!

1831.

ПОЖАР

(А. Петерсону)

Ты помнишь ли, как мы на празднике ночном,
Уже веселые и шумные вином,
Уже певучие и светлые, кругами
Сидели у стола, построенного нами?
Уже в торжественный и дружеский наш хор
Порой заносчивый врывался разговор;
Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко над столом состукивались чаши
И, разом кинуты всей силою плеча,
Скакали по полу, дробяся и бренча;
Восторг, приветы, спор, и крик, и рукожатья!
Разгуливались мы, товарищи и братья!
Вдруг — осветило нас; тревожные встаем:

Так это не заря! Восток не там! Идем.
Картина пышная и грозная пред нами:
Под громоносными ночными облаками,
Полнеба заревом багровым обхватив,
Шумел и выл огня блистательный разлив.
В тот час, дрожащая на резком ветре ночи,
Она, красавица — лазоревые очи, —
Чье имя уж давно по стогнам и садам
В припевах удалых сопутствовало нам, —
Глядела, как ее светлицу охраняя,
Друг другу хладную волну передавая,
Усердно юноши работали. В тот час
Могущество любви познал я в первый раз.
Как быстро все мои надежды закипели!
Как весело мечты взвились и полетели,
Младые, вольные, бог ведает куда!

О! будь пленительна и радостна всегда
Та, чей небесный взор меня во дни былые
Соблазнами любви очаровал впервые!
Как прежде, будь ясна лазурь ее очей!
Как прежде, белизну возвышенных грудей
Струями, локоны, златыми осыпайте!
Ланиты и уста, цветите и пылайте!
Пусть девственник ее полюбит молодой,
Цветущий здравием, и силой, и красой, —
И, нежная, падет могучему в объятья
И всех забудет нас, товарищи и братья!..

1831

С. С. ТЕПЛОВОЙ

Я знаю вас: младые ваши лета
Счастливою звездой озарены;
Вы любите великий мир поэта
И гармонические сны;

Вам весело им вовсе предаваться,
Их обновлять роскошней и полней
И медленно и долго забываться
В обманах памяти своей;

Вы знаете, как в хоры сладкогласны
Созвучные сливаются слова,
И чем они могучи и прекрасны,
И чем поэзия жива.

Умеете ли мыслию своею
Чужую мысль далеко увлекать
И, праведно господствуя над нею,
Ее смирять и возвышать.

Я знаю вас; но этими стихами
Приносится вам жертва не моя;
Я чувствую, смутился б я пред вами:
Душой и сердцем робок я;

Но пламенно я музу обожаю,
Доступен мне возвышенный Парнас,
И наизусть лишь то вам повторяю,
Что говорится там про вас.

1831

ПОЭТ

Радушно рабствует поэту
Животворящая мечта;
Его любовному привету
Не веруй, дева-красота!
Раздумье лени или скуки,
Пустую смесь обычных снов
Он рядит в сладостные звуки —
В музы́ку мыслей и стихов;
А ты, мой чистый ангел рая,
Ты примешь, очи потупляя,
Их гармоническую ложь;
Поверишь слепо чувствам ясным,
И сердца трепетом прекрасным
Сердечный голос ты поймешь.
Как мило взор его смиренный
Дичится взора твоего;
Кипят, тобою вдохновенны,
Восторги нежные его!

Уже давно под небесами
Ночная тень и тишина.
Не спишь, красавица? — Мечтами
Ты беспокойными полна!
Чуть видны блестки огневые
Твоих лазоревых очей,
Блуждают кудри золотые
По скатам девственных грудей,
Ланиты рдеют пурпуровы,
Упали жаркие покровы
С младого стана и колен...
Вот день — и бледная ты встала...
Ты не спала, ты все мечтала...
А он, таинственник Камен?
Им не играли грезы ночи;
И бодр и свеж проснулся он
И про любовь и черны очи
Уже выдумывает сон!

1831

НА СМЕРТЬ А. Н. ТЮТЧЕВА

Огнем и силой дум прекрасных
Сверкал возвышенный твой взор;
Избытком чувств живых и ясных
Твой волновался разговор;
Грудь вдохновенно трепетала,
Надежды славой горяча,
И смелость гордо поднимала
Твои могучие плеча!
Потухли огненные очи,
Умолкли вещие уста,
Недвижно сердце; вечной ночи
Тебя закрыла темнота.
Прощай, товарищ! Были годы,
Ты чашу сладкую пивал;
В садах науки и свободы
Ты поэтически гулял;
Там создал ты, славолюбивый,
Там воспитал, направил ты
Свои кипучие порывы,

Свои широкие мечты:
И в дальний шум иного мира
Тебя на громкие дела
Моя восторженная лира
Благословляла и звала;
Ее приветственному звуку
Как суеверно ты внимал,
Как жарко дружескую руку
Своею схватывал и жал!
Под сенью сладостного света,
Красуясь дивною красой,
В твоих очах грядущи лета
Веселой мчались чередой;
В их утомительном обмане
Ты ясно жребий свой читал,
Им надмевался — и заране
Торжествовал и ликовал.
Пришли — и вот твоя могила!
Крылатых мыслей быстрота,
Надежды, молодость и сила —
Все тлен, и миг, и суета!

1831

КУБОК

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен мир житейский
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой!

И любовь развеселяет
Человека, и она
Животворно в нем играет,
Столь же сладостно-сильна:
В дни прекрасного расцвета
Поэтических забот
Ей деятельность поэта
Дани дивные несет;
Молодое сердце бьется,
То притихнет и дрожит,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнет, взовьется,
И куда-то улетит!
И послушно имя девы
Станет в лики звучных слов,
И сроднятся с ним напевы
Вечно памятных стихов!

Дева-радость, величайся
Редкой славою любви,
Настоящему вверяйся
И мгновения лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;
Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой;
Сразу кубок выпивает,
И высоко подымает,
И над буйной головой
Держит. Речь его струится
Безмятежно весела,
А в руке еще таится
Жребий бренного стекла!

1831

КАМБИ

Там, где внизу горы извивистый ручей
Бежит и пенится меж грудами корней,
Где горных берегов с песчаного уступа

Склонилася к нему берез и елей купа
И зыбким пологом, широким и густым,
Многоветвистая раскинулась над ним, —
Там, в те часы, когда притихнут лес и воды,
Когда на ясные, лазоревые своды
Серебряным шаром покатится луна,
И ночь весенняя, прохладна и нежна,
Оденет берега в свой сумрак сладострастный,
И юноша пойдет к любовнице прекрасной
По чуткому пути на тайный счастья миг,
Неся ей бурный жар объятий молодых,
Горячие уста и огненные очи, —
Там, в безмятежное, святое царство ночи,
Похитивший себя у множества сует,
У братий и вина, у праздничных бесед,
У шума вольницы и лени просвещенной, —
Я, полон сладких дум, бродил, уединенный;
Там часто я вверял безмолвию лесов
Гармонию тобой настроенных стихов,
Тобой, красавица, хранительный мой гений,
Светило ясных дней, приволье вдохновений!
Ты первая меня поэтом назвала:
Как сильно грудь моя сей голос поняла,
Твой голос творческий: младые силы встали,
Преобразился я, и очи засверкали!..
Но юные лета — прелестный, дивный сон,
Мой быстрый сон — прошли. Пред новый небосклон
Я перенес права студентского досуга;
Могу, сжимая длань товарища и друга,
Восторгом оживить беспечное чело —
И разом светлую надежду наголо!
Могу возобновлять пиры мои ночные...
Придут, усядутся гуляки удалые,
Вино заискрится в стакане круговом,
Беседа запоет, веселая вином...
Но та минувших лет божественная доля,
Та радость и печаль, та вольность и неволя,
Чем сердце и кипит и стынет вновь и вновь,
Ликует, нежится, беснуется — любовь
Не даст мне прежних дум и чистых наслаждений.
Благословляю ж вас, развесистые тени,
Вас, мирны берега подгорного ручья,

Где, под звездой любви, поэзия моя
В уединении счастливом развивалась,
Дышала свежестью, цвела и красовалась;
Тебя, кем полон сей признательный мой глас:
Вы, добрые мои, — благословляю вас!

1831

УТРО

Пурпурово-золотое
На лазурный неба свод
Солнце в царственном покое
Лучезарно восстает;
Ночь сняла свои туманы
С пробудившейся земли;
Блеском утренним поляны,
Лес и холмы расцвели.
Чу! как ярко и проворно
Вон за этою рекой
Повторяет отзыв горный
Звук волынки полевой!
Чу! скрыпят уж воротами,
Выезжая из села,
И дробится над водами
Плеск рыбачьего весла.

Ранний свет луча дневного
Озарил мой тайный путь;
Сладко воздуха лесного
Холод мне струится в грудь:
Молодая трепетала,
Новым пламенем полна,
Нежно, быстро замирала —
Утомилася она!
Скоро ль в царственном покое
За далекий синий лес
Пурпурово-золотое
Солнце скатится с небес?
Серебристыми лучами

Изукрасит их луна,
И в селе и над водами
Снова тень и тишина!

1831

СТАНСЫ

В час, как деву молодую
Я зову на ложе сна
И ночному поцелую
Не противится она,
Грусть нежданного сомненья
Вдруг находит на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественного дня.

Он сияет, день прекрасный,
В блеске розовых лучей;
В сенях леса сладкогласный
Свищет песню соловей;
Резвым плеском льются воды,
И цветут ковры долин...
То любовница природы,
То красавица годин.

О! счастлив, чья грудь младая
Силой чувств еще полна;
Жизнь ведет его, играя,
Как влюбленная нежна;
И веселая ласкает,
И пристрастная к нему,
И дарит и обещает
Все красавцу своему!

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на земле;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мгле.
О! друзья, что наша младость?

Чарка славного вина;
А забывчивая радость
Сразу пьет ее до дна!

1831

ПЛОВЕЦ

Воют волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

Их, порывами вздувая,
Буря гонит ряд на ряд;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумят,
Друг на друга набегая,
Отшибаяся назад!

Но глядите: перед нами,
Вдаль по темным облакам,
Разноцветными зарями
Отливаясь там и там,
Золотыми полосами
День и небо светят нам.

Пронесися, мрак ненастный!
Воссияй, лазурный свод!
Разверни свой день прекрасный
Надо всем простором вод:
Смолкнут бездны громогласны,
Их волнение падет!

Блещут волны, плещут волны!
Под стеклянным брызгом волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонам волн!

1831

В. А. ЕЛАГИНУ

Светло блестит на глади неба ясной
Живая ткань лазури и огня,
Символ души, проснувшейся прекрасно,
   Заря безоблачного дня;

Так ты мечту мне сладкую внушаешь;
Пленителен, завиден твой удел:
Среди наук ты гордо возмужаешь
   Для стройных дум и светлых дел;

От ранних лет полюбишь наслажденья
Привольные и добрые всегда:
Деятельный покой уединенья
   И независимость труда;

Младая грудь надежно укрепится
Волненьем чувств свободных и святых,
И весело, высоко разгорится
   Отвага помыслов твоих.

И, гражданин торжественного мира,
Где не слышна земная суета,
Где ни оков, ни злата, ни кумира,
   Душа открыта и чиста;

Где в тишине растут ее созданья,
Которым нет простора меж людей, —
Ты совершишь заветные желанья
   Счастливой юности твоей.

О! вспомни ты в те сладостные лета,
Что я твою судьбу предугадал,
И слепо верь в пророчества поэта
   И в правоту его похвал!

1831

ВИНО

Голосистая, живая
Чародейка молодая,
Удалая красота,

Как вино, вольнолюбива
Как вино, она игрива
И блистательно чиста;
Как вино, ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой;
Сладки песни распевает
О былых, веселых днях,
И стихи мои читает,
И блестит в моих очах!

1831

МЕЧТАНИЯ

Поэта пламенных созданий
Не бойся, дева; сила их
Не отучнит твоих желаний
И не понизит дум твоих.
Когда в воздушные соблазны
И безграничные мечты,
В тот мир, всегда разнообразный
И полный свежей красоты,
Тебя из тягостного мира
Телесных мыслей и забот
Его пророческая лира
На крыльях звуков унесет,
Ты беззаботно предавайся
Очарованью твоему,
Им сладострастно упивайся
И гордо радуйся ему:
В тот час, как ты вполне забылась
Сим творческим, высоким сном,
Ты в божество преобразилась,
Живешь небесным бытием!

1831

В АЛЬБОМ МАРКЕВИЧУ

Украйны, некогда свободной
И поэтически живой,
Цевницы хитрою игрой
Вы предаете дух народный;
Как чуден новый ваш рассказ,
Как просты древние напевы!
Но в наши дни поймут ли вас
Украйны юноши и девы?
Так, не к пленительным мечтам
Меня будили вы, и втайне
Хотя завидовал я вам,
Но не завидовал Украйне!

1831

ПОЭТУ

Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг все готово,
В чем на земле небесный явен дар:
Могучей мысли свет и жар
И огнедышащее слово, —

Иди ты в мир: да слышит он пророка,
Но в мире будь величествен и свят!
Не лобызай сахáрных уст порока
И не проси и не бери наград.
Приветно ли сияет багряница,
Ужасен ли венчанный произвол,
Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел!

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих:
В тех звуках раб свои забудет муки,
И царь Саул заслушается их;

И жизнию торжественно-высокой
Ты процветешь — и будет век светло
Твое открытое чело, —
И зорко пламенное око!

Но если ты похвал и наслаждений
Исполнился желанием земным,
Не собирай богатых приношений
На жертвенник пред господом твоим:
Он на тебя немилосердно взглянет,
Не примет жертв лукавых; дым и гром
Размечут их — и жрец отпрянет,
Дрожащий страхом и стыдом!

1831

А. П. ЕЛАГИНОЙ

(ПРИ ПОДНЕСЕНИИ ЕЙ СВОЕГО ПОРТРЕТА)

Таков я был в минувши лета
В той знаменитой стороне,
Где развивалися во мне
Две добродетели поэта:
Хмель и свобода. Слава им!
Их чудотворной благодати,
Их вдохновеньям удалым
Обязан я житьем лихим
Среди товарищей и братий,
И неподкупностью трудов,
И независимостью лени,
И чистым буйством помышлений,
И молодечеством стихов.

Как шум и звон пирушки вольной,
Как про любовь счастливый сон,
Волшебный шум, волшебный звон,
Сон упоительно-раздольный, —
Моя беспечная весна
Промчалась — чувствую и знаю,
Не целомудренна она
Была — и радостно встречаю
Мои другие времена!

Но святы мне лета былые!
Доселе блещут силой их
Мои восторги веселые,
Звучит заносчивый мой стих...
И вот на память и храненье,
В виду России и Москвы,
Я вам дарю изображенье
Моей студентской головы!

1832

Е. А. ТИМАШЕВОЙ

Молодая ученица
Беззаботного житья,
Буйных праздников певица,
Муза резвая моя,
Ярки очи потупляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вам:
Это дар ее заздравный
Вашей музе благонравной,
Вашим сладостным стихам!

Прелесть ваших песнопений
В неземное бытие,
В рай чистейших вдохновений
Заманила вновь ее.
Этот мир восторгов дивных,
Тихих, тайных, заунывных,
Независимо живой,
Вами пламенно воспетый,
Мир, где нежатся поэты,
Недовольные землей.

И она его знавала
Там, под небом прошлых дней, —
И она его певала
Ради братий и друзей,
Громко ей рукоплескавших,
Ей радушно поверявших

Чувства юные свои,
Томны сны и сладки муки
Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этот мир полней и краше,
Чем житейский; но его
Утопил я в шумной чаше
Просвещенья моего!
И в раздолье наших оргий
Молодецкие восторги
Муза резвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братского житья!

С той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобум,
Словно прежде не знавала
Скромных чувств и лучших дум...
Прелесть ваших песнопений,
Жажду чистых вдохновений
Пробудила снова в ней —
И красавице удалой
На гульбище грустно стало:
Жаль невинности своей!

1832

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалые,
Они мне милы, святы мне, —
Твои, которого Россия,
В свои годины роковые,
Радушно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,

В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем.
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полунемецкой,
Где, безмятежные, живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой,
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гулливой, —
И возросла она счастливо,
Резва, свободна и смела,
Певица братского веселья,
Друзей да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней:
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

1833

А. Н. ВУЛЬФУ

Прошли младые наши годы!
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я — давно мы жребий свой,
Немецки-шумный и живой,
Переменили на иной:

Тебя звала надежда славы
Под гром войны, в поля кровавы;
И вдруг оставил ты меня,
Ученый быт, беседы наши,
Застольны песни, пенны чаши
И вспрянул гордо на коня!
А я — студенческому миру
Сказав задумчиво: прощай,
Я перенес разгульну лиру
На Русь, в отечественный край —
И там, в Москве первопрестольной,
Питомец жизни своевольной,
Беспечно-ветреный поэт,
Терялся я в толпе сует,
Чужд вдохновенных наслаждений
И поэтических забот,
Да пил бездействия и лени
Снотворно действующий мед.
Но вот, — хвала и слава богу! —
На православную дорогу
Я вышел: мил мне божий свет!
Прими ж привет, страна родная,
Моя прекрасная, святая,
Глубокий, полный мой привет!
Отныне вся моя судьбина
Тебе; люби же и ласкай
И береги меня как сына
И как раба не угнетай!
Даруй певцу приют смиренный
В виду отеческих лесов,
Жить самобытно, неизменно
Для дум заветных и стихов!
Крепка некованная дума,
Блестящ и звонок вольный стих!
Здесь не слыхать градского шума,
Здесь не видать сует градских;
Здесь, в сей глуши, всегда спокойной,
К большим трудам и к жизни стройной
Легко мне душу приучить;
Легко навечно разлюбить
Уста и очи дев-красавиц,
Приветы гордых молодиц,

И песни пламенных певиц,
И пляски пламенных плясавиц!

Поклон вам, прежние мои...
Пляшите, пойте, процветайте,
Великолепно оживляйте
Ночные шалости любви!
Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, — и мне пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуйных, трезвых наслаждений!

Мой друг, поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня,
С давно желанной мирной долей,
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!..

Вот так-то мы остепенились;
Но сладко вспомнить нам подчас
Далекий град, где мы учились,
Где мы привольно веселились,
Где мы любили в первый раз...
Возьми ж, ему в воспоминанье,
Вот это пестрое собранье
Моих рифмованных проказ:
Тут, как вино в хрустальной чаше,
Знаток, насквозь увидишь ты
Все думы, чувства и мечты,
Игру и блеск свободы нашей, —
Красу минувшего житья!

Храни стихи мои, как я
Храню фуражку удалую
С моей студентской головы
Да кудрю темно-золотую
Одной красавицы, — увы,
Когда-то милой мне, когда-то
На свежем воздухе полей

В тени ракитовых ветвей...
Храню торжественно и свято
Трофеи младости моей!

1833

Е. Н. МАНДРЫКИНОЙ

В младой груди моей о вас воспоминанья
Сохранно буду я беречь!
Навечно милы мне: живая ваша речь
И ваши томные мечтанья,
Ваш благосклонный взор, сверкающий умом,
И ваше пенье! Что за звуки!
То тихи и нежны, как жалкий вздох разлуки
И мысль о счастии былом,
То упоительны, торжественны, игривы,
Как мед любви, сладчайший мед!
Как юношеских дум возвышенный полет
И детской радости порывы!
Могучи звуки те волшебные! Они
Меня отрадно чаровали
И, умиленного, разнеженного, мчали
В иную жизнь, в иные дни,
В те дни, когда, еще душой и сердцем юный,
Доверчив, пылок и поэт,
Я пел любовь и шум студенческих бесед,
И стройны, громки были струны!
Давно прошли те дни восторгов и потех;
Но помню живо их доныне,
Как странник молодой, застигнутый пустыней
И бурей, помнит свой ночлег
В гостинице, где он негаданно-нежданно
Нашел красавиц и друзей
И с ними пировал до утренних лучей
Привольно, весело и пьяно!
Я не забуду вас, я благодарен вам;
Красуйтесь, пойте и блистайте,
И будьте счастливы, и много пробуждайте
Сердец к пленительным мечтам.

1834

А. А. ФУКС

Завиден жребий ваш: от обольщений света,
От суетных забав, бездушных дел и слов
На волю вы ушли, в священный мир поэта,
В мир гармонических трудов.

Божественным огнем красноречив и ясен
Пленительный ваш взор, трепещет ваша грудь,
И вдохновенными заботами прекрасен
Открытый жизненный ваш путь!

Всегда цветущие мечты и наслажденья,
Свободу и покой дарует вам Парнас.
Примите ж мой привет: я ваши песнопенья
Люблю; я понимаю вас.

Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волнение надежд и помыслов живых,
И страстные стихи, и говор их унылый,
И бога, движущего их!

1834

Д. П. ОЗНОБИШИНУ

Где ты странствуешь? Где ныне,
Мой поэт и полиглот,
Поверяешь длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На брегу бесславных вод,
Где растительно живет
Человек, где и в помине
Нет возвышенных забот!

Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой
В дождь осенний, в тьме ночной,
По извилинам дороги
Нелюдимой и лесной?
Иль на отдых миговой
Входишь ты под кров убогий,
И гражданственность с тобой?

Вот салфеткой иностранной
Стол накрыт. Блестят на нем
Ярким златом и сребром
Чашки. Чай благоуханный
Льется светлым янтарем,
И сидишь ты за столом,
Утомленный и туманный,
В забытьи глухонемом!

Ночь прошла. Смотри: алеет
Озарившийся восток!
Ты проснулся, путь далек!
На лицо тебе уж веет
Ранний утра холодок;
Скоро скачешь ты, — и в срок
На почтовый двор поспеет
Мой деятельный ездок!

О! когда на жизнь иную
Променяешь ты, поэт,
Эту порчу юных лет,
Эту сволочь деловую
Прозаических сует?
Бога нашего тут нет!
Брось ее! Да золотую
Лиру вновь услышит свет!

1834

МОЛИТВА

Моей лампады одинокой
Не потушай, светило дня!
Пускай продлится сон глубокой
И ночь глухая вкруг меня!
Моей молитвенной лампады
При догорающем огне
Позволь еще забыться мне,
Позволь еще вкусить отрады
Молиться богу за нее.
Его прелестное созданье,

Мое любимое мечтанье
И украшение мое!

Да жизни мирной и надежной
Он даст ей счастье на земле:
И в сердце пламень безмятежный
И ясность мысли, на челе!
И даст ей верного супруга,
Младого, чистого душой,
И с ним семейственный покой
И в нем приветливого друга;
И даст почтительных детей,
Здоровых, умных и красивых:
И дочерей благочестивых
И веледушных сыновей!

Но ты взошло. Сияньем чистым
Ты озарило небеса.
И блещет пурпуром златистым
Их величавая краса;
И воды пышно заструились,
Играя отблеском небес,
И свежих звуков полон лес;
Поля и холмы пробудились!
О! будь вся жизнь ее светла,
Как этот свод лазури ясной,
Высокий, тихий и прекрасный,
Живая господу хвала!

1835

П. В. КИРЕЕВСКОМУ

Где б ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я
Живу и движусь. Как поэзия моя,
Моя любезная, скучает иль играет,
Бездействует иль нет, молчит иль распевает?
Ты должен знать: каков теперешний мой день?
По-прежнему ль его одолевает лень
И вял он и сердит, влачащийся уныло?
Иль радостен и свеж, блистает бодрой силой,
Подобно жениху, идущему на брак?

Отпел я молодость и бросил кое-как
Потехи жизни той шумливой, беззаботной,
Удалой, ветреной, хмельной и быстролетной.
Бог с ними! Лучшего теперь добился я:
Уединенного и мирного житья!
Передо мной моя наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина
И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес
И бледная лазурь отеческих небес!
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света!

Моя поэзия — хвала и слава ей! —
Когда-то гордая свободою своей,
Когда-то резвая, гулявшая небрежно,
И загулявшаясь едва не безнадежно,
Теперь уже не та, теперь она тиха:
Не буйная мечта, не резкий звон стиха
И не заносчивость и удаль выраженья
Ей нравятся, о нет! пиры и песнопенья,
Какие некогда любила всей душой,
Теперь несносны ей, степенно-молодой,
И, жизнь спокойную гульбе предпочитая,
Смиренно-мудрая и дельно-занятая,
Она готовится явить в ученый свет
Не сотни две стихов во славу юных лет,
Произведение таланта миговое,
Элегию, сонет, — а что-нибудь большое!
И то сказать: ужель судьбой присуждено
Ей весь свой век хвалить и прославлять вино
И шалости любви нескромной? Два предмета,
Не спорю, милые, — да что в них?
Солнце лета,
Лучами ранними гоня ночную тень,
Находит весело проснувшимся мой день;
Живу, со мною мир великий, чуждый скуки,
Неистощимые сокровища науки,
Запасы чистого привольного труда
И мыслей творческих, не тяжких никогда!
Как сладостно душе свободно-одинокой
Героя своего обдумывать! Глубоко,
Решительно в него влюбленная, она

Цветет, гордится им, им дышит, им полна;
Везде ему черты родные собирает;
Как нежно, пламенно, как искренно желает,
Да выйдет он, ее любимец, пред людей
В достоинстве своем и в красоте своей,
Таков, как должен быть, он весь душой и телом,
И ростом, и лицом; тот самый словом, делом,
Осанкой, поступью, и с тем копьем в руке,
И в том же панцире, и в том же шишаке!

Короток мой обед: нехитрых сельских брашен
Здоровой прелестью мой скромный стол украшен
И не качается от пьяного вина;
Не долог, не спесив мой отдых, тень одна,
И тень стигийская, бывалой крепкой лени;
Я просыпаюся для тех же упражнений
Иль, предан легкому раздумью и мечтам,
Гуляю наобум по долам и горам.

Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова
И снова на чужих, далеких берегах
Один, у мыслящей Германии в гостях,
Сидишь, препогружен своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Или спешишь в Карлсбад здоровье освежать
Бездельем, воздухом, движеньем? Иль опять,
Своенародности подвижник просвещенный,
С ученым фонарем истории, смиренно
Ты древлерусские обходишь города,
Деятелен и мил и одинак всегда?
О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
В мои края и в мой приют благословенный?
Со мною ждут тебя свобода и покой,
Две добродетели судьбы моей простой,
Уединение, ленивки пуховые,
Халат, рабочий стол и книги выписные.
Ты здесь найдешь пруды, болота и леса,
Ружье и умного охотничьего пса.
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света:
Мы будем чувствовать, и мыслить, и мечтать,

Былые, светлые надежды пробуждать,
И, обновленные еще живей и краше,
Они воспламенят воображенье наше,
И снова будет мир пленительный готов
Для розысков твоих и для моих стихов.

1835

К ***

Вами некогда плененный,
В упоении любви,
Приносил я вам смиренно
Песни скромные мои.
Я, поэт ваш неизменный,
Я доселе помню вас:
Ваши перси молодые,
Ваши кудри шелковые,
Помню прелесть ваших глаз,
Черных, огненных и жгучих,
И на розовых устах
Стройность помыслов могучих
В гармонических стихах.
Вы тогда владели нами,
Пылких юношей толпой;
Вы живыми их сердцами,
Их послушною судьбой,
Словно верными рабами,
Забавлялись наобум!
Сколько вам надежд прекрасных,
Чистых, свежих, сладострастных,
Сколько смелых, гордых дум
Не поэтом и поэтом
Посвящалось! Их тогда
Все равно холодным светом
Осыпала их звезда!

О! примите ж ненадменно
Мой теперешний привет,
Дар души уединенной,
Пережившей свой расцвет,

Но когда-то вдохновенной
Вами. — Вольного житья
Полюбил я мир широкий,
Где, мой ангел светлоокий,
Дева муза вся моя.
Неземные наслажденья,
Благодатное житье!
Да не будет мне спасенья
Вне его и без нее!
Мы, поэты, в юны годы
Беззаботно мы живем,
Чересчур своей свободы
Упиваяся вином;
Таковы уж от природы
Все поэты. — Но куда
Нам главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей,
Чистой, ясной? Будь всегда
Вам хранима небесами
Эта жизни красота:
Перед вами и за вами
Все иное суета!

1835

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил!
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

Грудь твоя горит звездами:
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,

Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Пряморусская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья!
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незваны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися, еле живы,
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,

Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли?
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь, —
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

1835

П. Н. ШЕПЕЛЁВУ

Он прищурился спесиво,
Он глядит через плечо;
Аргамак его ретивый
Разыгрался горячо,
Чует всадникову волю,
И могуч и резвоног,
Мчится с ним по чисту полю:
То-то топот, то-то скок!

Это твой скакун удалый!
Это ты, когда-то мой
Собеседник запоздалый
Там, у жизни молодой,
На приволье просвещенья!..
Ты оставил мирных муз
И войнские ученья
Полюбил, крутя свой ус.

И досуга полкового
В сизых, дымных облаках
Потонув, ты чужд былого,
Пребывающий в мечтах
Про великие награды
Бога копий и мечей;
А потехи и прохлады
И надежды юных дней,

Книжный быт и Нины милой
Взоры, полные любви, —
Все, что прежде кипятило
Чувства свежие твои,
Ты забыл. А юность наша,
Хороша была она:
Хороша была, как чаша
Искрометного вина!

Резвый блеск ее и сладость, —
И хвала за то судьбе! —
Я воспел друзьям на радость,
В украшение себе,

И гулливые, бывало,
Чтят поэта своего!..
Где ж они? Одних не стало,
А другим не до него!

Я ж и ныне, муз поклонник,
Помню молодость мою
И тебе, мой милый конник,
Братски руку подаю!
Будь ты смел перед врагами,
Дорог родине своей,
И геройскими делами
Возрастай и просветлей.

1836

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Покинул лиру ты. В обычном шуме света
Тебе не до нее. Я помню этот шум,
Я знаю этот шум. Он вреден для поэта:
Снотворно действует на ум!

Счастлив, кто убежал от светских наслаждений,
От городских забот, превратностей и смут,
Далеко в тишь и глушь, в приволье вдохновений,
В душеспасительный приют!

Беги же ты в свои родимые долины,
На свежие луга поемных берегов,
Под тень густых ветвей, где трели соловьины
И лепетание ручьев!

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадут твоей душе и бодрость и простор,
И вдохновением, как было в прежни лета,
Светло заискрится твой взор.

И лиру ты возьмешь: проснется золотая
И снова запоет о жизни и любви,
И звуки полетят, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, друг и брат! Судьбу твою решила
Поэзия. О, будь же верен ей всегда!
Она одна тебе прибежище и сила,
Она твой крест, твоя звезда!

И что́ же на земле и сладостней и краше?
Дай руку мне! Восстань с возвышенным челом
И, ради наших муз и ради дружбы нашей,
Явись на поприще твоем!

Явись и торжествуй, — и славою своею
Обрадуй вновь Парнас и оживи меня!
Да новый хор певцов исчезнет перед нею,
Как снег перед лицом огня!

1836

Н. А. ЯЗЫКОВОЙ

Прошла суровая година вьюг и бурь,
Над пробудившейся землею,
Полна теплом и тишиною,
Сияет вешняя лазурь.
Ее растаяны лучами,
Сбежали с гор на дол глубокие снега;
Ручей, усиленный водами,
Сверкает и кипит гремучими волнами
И пеной плещет в берега.
И скоро холм и дол в свои ковры зелены
Роскошно уберет царица красных дней,
И в лиственной тени засвищет соловей,
И сладкогласный и влюбленный.
Как хороша весна! Как я люблю ее
Здесь, в стороне моей родимой,
Где льется мирно и незримо
Мое привольное житье;
Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Перед светильником труда;
Где, озарен его сияньем величавым,
Поникнув на руку безоблачным челом,

Я миру чужд, и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем;
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда, под мой наследный кров,
Уединением богатый,
В простор и тишь, на злачны скаты
Моих березовых садов,
В лес и поляны за дорогой,
И к речке, шепчущей под сумраком ракит,
И к зыбким берегам, где аист красноногой
Беспечно бродит, цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад,
Туда — и на мостки и в лодку удалую,
И весла дружно загремят!
Я вас сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить мед свободного и мирного житья,
Закатом солнца любоваться
И засыпать под трели соловья.

1836

* * *

Я помню: был весел и шумен мой день
С утра до зарницы другого...
И было мне вдоволь разгульных гостей,
Им вдоволь вина золотого.

Беседа была своевольна: она
То тихим лилась разговором,
То новую песню, сложенную мной,
Гремела торжественным хором.

И песня пропета во здравье мое,
Высоко возгла́с подымался,
И хлопали пробки, и звонко и в лад
С бокалом бокал целовался!

А ныне... О, где же вы, братья-друзья?
Нам годы иные настали —

Надолго, навечно разрознили нас
Великие русские дали.

Один я, но что же? Вот книги мои,
Вот милое небо родное —
И смело могу в одинокий бокал
Я пенить вино золотое.

Кипит, и шумит, и сверкает оно:
Так молодость наша удала...
Вот стихло, и вновь безмятежно светло
И равно с краями бокала.

Да здравствует то же, чем полон я был
В мои молодецкие лета,
Чем ныне я счастлив, и весел, и горд, —
Да здравствует вольность поэта!

Здесь бодр и спокоен любезный мой труд,
Его берегут и голубят:
Мой правильный день, моя скромная ночь;
Смиренность его они любят.

Здесь жизнь мне легка! И мой тихий приют
Я доброю славой прославлю,
И разом глотаю вино — и на стол
Бокал опрокинутый ставлю.

1836(?)

ДЕВЯТОЕ МАЯ

То ли дело, как, бывало,
В Дерпте шумно, разудало
Отправлял я этот день!
Русских, нас, там было много,
Жили мы тогда не строго,
Собрались мы в сад под тень,
На лугу кружком сидели:
Уж мы пили, уж мы пели!
В удовольствии хмельном

Сам стихи мои читал я,
И читанье запивал я
Сокрушительным питьем;
И друзья меня ласкали;
Мне они рукоплескали,
И за здравие мое
Чаши чокалися звонко,
Чаши, налитые жженкой:
Бесподобное житье!

Где ж я ныне? Как жестоко,
Как внезапно, одиноко
От моих счастливых дней
Унесен я в страны дальны,
Путешественник печальный,
Невеликий Одиссей!
Рейн увижу! Старец славный,
Он — Дунаю брат державный,
Он студентам доброхот:
На своих конях нерьяных,
На своих волнах стеклянных,
Он меня перевезет
В сад веселый и богатый,
На холмы и горны скаты
Виноградников своих:
Там остатки величавы
Веры, мужества и славы
Воевателей былых;
Там, в тиши, в виду их дерзких
Стен и башен кавалерских,
Племя смирное цветет,
И, поэт из стран далеких,
С вод глубоких и широких,
С вод великих, с волжских вод,
Я тебе, многовенчанный
Старец Рейн, венок нежданный
Из стихов моих совью!
И для гостя дорогого
Из ведра заповедного
Рюмку синюю твою
Вековым вином нальешь ты,
И поэту поднесешь ты!

Помню я: в твоем вине
Много жизни, много силы;
Но, увы мне, старец милый,
Пить его уже не мне!
1839

ЭЛЕГИЯ

Здесь горы с двух сторон стоят как две стены;
Меж ними тесный дол и царство тишины —
Однообразие в глуши уединенья;
Градские суеты, градские наслажденья
Здесь редко видятся и слышатся. Порой
Пройдет с курантами потешник площадной,
Старик, усердный жрец и музыки и Вакха;
Пройдет комедия: сын Брута или Гракха,
И свищет он в свирель, и бьет он в барабан,
Ведя полдюжины голодных обезьян.
Тоска несносная! Но есть одна отрада:
Между густых ветвей общественного сада
Мелькает легкая, летучая, как тень,
Красавица; светла и весела, как день,
Она живительно бодрит и поднимает
Мой падающий дух; она воспламеняет
Во мне желание писать стихи ей в честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:
Вот вечер, воздух свеж, деревья потемнели,
И, чу! поет она; серебряные трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манят, зовут меня волшебно в мир иной,
В мои былые дни, и нега в грудь мне льется,
И сладко, сладко мне, а сердце так и бьется!..
1839

ЭЛЕГИЯ

Толпа ли девочек крикливая, живая,
На фабрику сучить сигары поспешая,
Шумит по улице; иль добрый наш сосед,
Окончив чтение сегодняшних газет,
Уже глядит в окно и тихо созерцает,
Как близ него кузнец подковы подшивает

Корове иль ослу; иль пара дюжих псов
Тележку, полную капусты иль бобов,
Тащит по мостовой, работая всей силой;
Служанка ль, красота, развившаяся мило,
Склонилась над ведром, готова мыть крыльцо,
А холод между тем румянит ей лицо,
А ветреный зефир заигрывает с нею,
Теребит с плеч платок и раскрывает шею,
Прельщенный пышностью живых лилей и роз;
Повозник ли, бичом пощелкивая, воз,
Высокий, громоздкой и длинный-передлинный,
Где несколько семей под крышкою холстинной,
Разнобоярщина из многих стран и мест,
Нашли себе весьма удобный переезд, —
Свой полновесный воз к гостинице подводит,
И сам почтенный Диц встречать его выходит,
И Золотой Сарай хлопочет и звонит;
Иль вдруг вся улица народом закипит:
Торжественно идет музыка боевая,
За ней гражданский полк, воинственно ступая,
В великолепии, в порядке строевом
Красуется, неся ганавский огнь и гром:
Защита вечных прав, полезное явленье.
Торопится ль в наш дом на страстное сиденье
Прелестница, франтя нарядом щегольским,
И новым зонтиком, и платьем голубым,
Та белотелая и сладостная Дора...
Взойдет ли ясная осенняя Аврора,
Или туманный день, печален и сердит,
И снегом и дождем в окно мое стучит, —
И что б ни делалось передо мною — муки
Одни и те ж со мной; возьму ли книгу в руки,
Берусь ли за перо, — всегда со мной тоска:
Пора же мне домой... Россия далека!
И трудно мне дышать, и сердце замирает;
Но никогда меня тоска не угнетает
Так сокрушительно, так грубо, как в тот час,
Когда вечерний луч давно уже погас,
Когда все спит, когда одни мои лишь очи
Не спят, лишенные благословений ночи.

1839

КРЕЙЦНАХСКИЕ СОЛЕВАРНИ

Предо мной скалы и горы!
Тесно сковывает взоры
Высь подоблачных громад!
Вот на солнечном их скате
Жарко нежится в халате
Полосатом виноград!
Вот густая сень акаций,
Для больных мужчин и граций
Сад с целебным ручейком!
Два сарая под горами
Длинны, черны, с шатунами
С иксионским колесом!
Скучный вид! Вот где я ныне!
В щели гор, в глухой лощине,
На лекарственных водах!
Жду от них себе помоги!
Сбился я с моей дороги
Сильно, к немцам, за Крейцнах.

1839

ЭЛЕГИЯ

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;
Сад безлюден, смолкли птицы —
Дерева дождем шумят:
Две красавицы девицы —
Две певуньи, две сестрицы —
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;
И качели их качают

Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромный
Граций, медик молодой,
Удовольственно и томно
Любовался их игрой;
И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жару; он здоров
Мне в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов!

1839

ПЛОВЕЦ

Еще разыгрывались воды,
Не подымался белый вал,
И гром летящей непогоды
Лишь на краю небес чуть видном рокотал;

А он, пловец, он был далеко
На синеве стеклянных волн,
И день сиял еще высоко,
А в пристань уж вбегал его послушный челн.

До разгремевшегося грома,
До бури вод желанный брег
Увидел он и вкусит дома
Родной веселый пир и сладостный ночлег.

Хвала ему! Он отплыл рано:
Когда дремали небеса
И в море блеск луны багряной
Еще дрожал, — уж он готовил паруса,

И поднял их он, бодр и светел,
Когда едва проснулся день
И в третий раз пропевший петел
К работе приглашал заспавшуюся лень.

1839

К СТИХАМ МОИМ

Небо знойно, воздух мутен,
Горный ключ чуть-чуть журчит,
Сад тенистый бесприютен,
Не шело́хнет и молчит.

Попечитель винограда,
Летний жар ко мне суров;
Он противен мне измлада,
Он, томящий до упада,
Рыжий враг моих стихов.

Нуте, братцы, вольно, смело!
Собирайся, рать моя!
Нам давно пора за дело!
Ну, проворнее, друзья!

Неповертливо и ломко
Слово жмется в мерный строй,
И выходит стих неёмкий,
Стих растянутый, не громкий,
Сонный, слабый и плохой!

Право, лучше знаменитый
Наш мороз! Хоть он порой
И стучится к нам сердито,
Но тогда камин со мной.

Мне тепло, и горя мало;
Хорошо душе тогда:
В стих слова идут не вяло,
Строен, крепок он удало
И способен хоть куда!

1839

ГАСТУНА

Так вот она, моя желанная Гастуна,
Издревле славная, Gastuna tantum una, [1]
Чудесной силою целительных ключей!
Великий Парацельс, мудрейший из врачей,
Глубокомысленный таинственник природы,
Уже исследовал живые эти воды;
Он хвалит их и сам предписывал больным,
И вновь они цвели здоровьем молодым.
Великий человек! Хвала его не втуне:
Доныне многие находят лишь в Гастуне
Восстановление своих упадших сил.
И я из дальних стран к ее ключам спешил,
В предел подоблачный, на этот воздух горный,
Прохладно-сладостный, чудесно-животворный!..

1839

ИОГАННИСБЕРГ

Из гор, которыми картинный рейнский край
Гордится праведно, пленительный как рай,
Которых имена далеко и далеко
По свету славятся, честимые высоко,
И радуют сердца, и движут разговор
На северных пирах, — одна из этих гор, —
Не то чтоб целостью громадных стен и башен
Старинных верх ее поныне был украшен,
Не то чтоб рыцарей, гнездившихся на ней,
История была древнее и полней,

---

[1] Только одна Гастуна (*лат.*).

Была прекраснее воинская их слава, —
Одна из этих гор, она по Рейну справа,
Вдали от берегов, но с волн его видна,
Иванова гора, достойно почтена
Всех выше славою: на ней растет и зреет
Вино первейшее; пред тем вином бледнеет
Краса всех прочих вин, как звезды пред луной
О! дивное вино! Струею золотой
Оно бежит в стакан, не пенно, не игриво,
Но важно, весело, величественно, живо,
И охмеляет нас и нежит, так сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,
Что старец, о делах минувших рассуждая,
Воспламеняется, как радость молодая,
Припомнив день и час, когда он пил его
В кругу друзей, порой разгула своего,
Там, там, у рейнских вод, под липою зеленой...
Такая благодать, что внук его ученый
Желал бы на свои студентские пиры,
Хоть изредка, вина с Ивановой горы.

1839

ГРАФУ В. А. СОЛЛОГУБУ

Тебя, — ты мне родня по месту воспитанья
Моих стихов, моей судьбы,
По летам юности, годины процветанья
Работ ученых и гульбы,
Студентских праздников, студентских песнопений
И романтических одежд,
Годины светлых дум, веселых вдохновений,
Желаний гордых и надежд,
Ты, добрый молодец, себя не погубивший
В столице, на бою сует,
Свободною душой почтенно сохранивший
И жар, и доблесть юных лет,
И крепкую любовь к отеческому краю,
И громозвучный наш язык, —
Тебя приветствую, тебя благословляю,
Тебя, счастливый ученик

Той жизни сладостной, которую стихами
Я горячо провозглашал,
Пленявшийся ее блестящими дарами
И лестью дружеских похвал;
Приветствую тебя, под знаменем Камены,
На много, много славных дел!
Люби ее всегда, не жди от ней измены,
Ее любовью тверд и смел!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
Не верь ни браням, ни хвалам
Продажных голосов, в их споры не мешайся,
В их непристойный крик и гам,
Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
Не забывая никогда,
Но тих и величав, проникнутый глубоко
Святыней чистого труда,
Будь сам себе судьей, суди себя сурово...
И паче всякого греха
Беги ты лени: в ней слабеют ум и слово,
Полет мечты и звон стиха;
Ты будь неутомим! Когда на Русь святую,
Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь, в мое уединенье,
В покой родимого гнезда,
На благодатное, привольное сиденье,
Здоров и радостен, — тогда
Меня ты посетишь в моем приюте милом;
Тогда камин, домашний друг
Моих парнасских дел, янтарным, ярким пылом
Осветит мирный наш досуг,
И мы, по способу певца Вильгельма Телля,
Составим славное питье
И будем бражничать и вместе, полны хмеля,
Помянем дерптское житье
И наши прошлые, лирические лета!
Потом давай твоих стихов
И прозы, все читай! Я слушаю поэта,
До ночи слушать я готов
Тебя; в созданиях души твоей прекрасной,
В картинах верных и живых,

В гармонии стиха с игрою мысли ясной
И вдохновениях твоих
Легко, восторженно забудусь я с тобою...
Часы летят, давно погас
Камин, давно мой пунш простыл передо мною, —
И вот денница занялась!..

1839

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ ПРИМОРСКИЕ АЛЬПЫ

Я много претерпел и победил невзгод,
И страхов, и досад, когда от Комских вод
До Средиземных вод мы странствовали, строгой
Судьбой гонимые: окольною дорогой,
По горным высотам, в осенний хлад и мрак,
Местами как-нибудь, местами кое-как,
Тащили мулы нас, и тощи и не рьяны;
То вредоносные миланские туманы
И долгие дожди, которыми Турин
Тогда печалился, и грязь его долин,
Недавно выплывших из бури наводненья;
То ветер с сыростью и скудость отопленья
В гостиницах, где блеск, и пышность, и простор.
Хрусталь, и серебро, и мрамор, и фарфор,
И стены в зеркалах, глазам большая нега, —
А нет лишь прелести осеннего ночлега:
Продрогшим странникам нет милого тепла;
То пиемонтская пронзительная мгла,
И вдруг, нежданная под небесами юга,
Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга,
Которой пение и сладостно подчас
Нам, людям северным, баюкавшая нас,
Нас встретила в горах, летая, распевая,
И славно по горам гуляла удалая!
Все угнетало нас. Но берег! День встает!
Италиянский день! Открытый неба свод
Лазурью, золотом и пурпурами блещет,
И море светлое колышется и плещет!

1839

МОРСКАЯ ТОНЯ

Море ясно, море блещет;
Но уже, то здесь, то там,
Тень налетная трепещет,
Пробегая по зыбям;
Вдруг поднимутся и хлынут
Темны водные струи,
И высоко волны вскинут
Гребни белые свои;
Буря будет, тучи грянут,
И пучина заревет.
Рыбаки проворно тянут
Невод на берег из вод.
Грузно! Что ты, сине море,
Дало им за тяжкий труд?
Много ты в своем просторе
Водишь рыб и всяких чуд;
Много камней самоцветных,
Жемчугов и янтарей,
Драгоценностей несметных,
Соблазняющих людей,
В роковой твоей пучине
Бережет скупое дно.
Что ж ты, дало ль, море сине,
Рыбакам хоть на вино?
Невод вытащен. Немного
Обитателей морских:
От сокровищ бездны строгой
Нет подарков дорогих!
Вот лежит, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой,
С костоломными зубами;
Вот огромный блин морской,
Красноносый, красногубый,
С отвратительным хвостом;
Да скатавшегося в клубы
На раздолье волновом
Воза с два морского сору
И один морской паук;
А тащили словно гору,
А трудились сотни рук!

Море стихло, море ясно;
В хрустале его живом
Разыгрался день прекрасный
Златом, пурпуром, огнем;
Видом моря любоваться
Собралась толпа гостей.
Ей мешают наслаждаться
Рыбаки; бегут за ней
И канючат, денег просят:
Беднякам из бездны вод
Сети длинные выносят
Непитательный доход!

1839

МАЯК

Меж морем и небом, на горной вершине,
Отважно поставлен бросать по водам
Отрадный, спасительный свет кораблям,
Застигнутым ночью на бурной пучине,

Ты волю благую достойно творишь:
Встает ли свирепое море волнами,
Волнами хватая тебя, как руками,
Обрушить тебя в глубину: ты стоишь!

И небо в тебя, светоносного, мещет
Свой гром, раздробляющий горы: ты цел;
Он словно как пыль по тебе пролетел,
И бурное море тебе рукоплещет!

1839

БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем, и скрыли блистательный день,
И в синюю бездну спустились глубоко,
И в ней улеглася тяжелая тень;

Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света, и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад;
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят.
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

1839

МАЛАГА

В мои былые дни, в дни юности счастливой,
    Вино шипучее я пил,
И вкус, и блеск его, и хмель его игривый,
    Друзья, немало я хвалил!
Сверкало золотом, кипело пеной белой
    Нас развивавшее питье,
    Воспламенялось и кипело
    Воображение мое;
Надежды и мечты, свободные, живые,
    Летали весело, легко,
И заносилися, прекрасно-молодые,
    Они далеко, высоко!
Шум, песни, крик и звон в прелестный гул сливались.
    Студентский пир порядком шел,
    И чаши об пол разбивались,
    Разгульный теша произвол!

Остепеняют нас и учат нас заметно
    Лета и бремя бытия:
Так ныне буйный хмель струи золотоцветной
    Не веселит меня, друзья,
Ни кипяток ее, ни блеск ее мгновенный;
    Так ныне мне уже милей

Напиток смирный и беспенный,
Вино густое, как елей,
И черное, как смоль, как очи девы горной,
И мягко-сладкое, как мед;
Милей мне тихий пир и разговор неспорный,
Речей и мыслей плавный ход;
Милей почтительно ласкаемая чаша,
Чем песни, крик, и звон, и шум.
Друзья, странна мне юность наша:
У ней все было наобум!

1839

НИЦЦА ПРИМОРСКАЯ

Теперь, когда у нас, природный, старый друг
Морозов и снегов и голосистых вьюг,
Господствует зима, когда суровый холод
К нам в домы просится и стукает, как молот,
В их стены мерзлые; когда у нас земля
Сном богатырским спит и блеском хрусталя
Осыпаны дубы и сосны вековые, —
Здесь нет снегов и бурь, здесь ярко-голубые
И по-весеннему сияют небеса;
Лимонные сады, оливные леса,
И роза милая, и пальма величава,
И знаменитый лавр, и пышная агава
Открыто нежатся при шуме вод морских.
Благословенный край! Отрада для больных!
Зимовье, праведно хвалимое врачами!
И много здесь гостей! Их целыми семьями
Сюда из дальних стран сгоняет аквилон;
Здесь и российский князь, здесь и немецкий фон
И английский милорд, их жены, дети, слуги
Проводят мирные приморские досуги
На теплом берегу, на ясном свете дня;
Житье здесь хоть куда для самого меня!
Здесь есть и для меня три сладостные блага:
Уединенный сад, вид моря и малага.

1839

КОРАБЛЬ

Люблю смотреть на сине море
В тот час, как с края в край на волновом просторе
Гроза рокочет и ревет;
А победитель волн, громов и непогод,
И смел и горд своею славой,
Корабль в даль бурных вод уходит величаво!

1839

УНДИНА

Когда невесело осенний день взойдет
И хмурится; когда и дождик ливмя льет
И снег летит как пух и окна залепляет;
Когда камин уже гудит и озаряет
Янтарным пламенем смиренный твой приют
И у тебя тепло; а твой любимый труд, —
От скуки и тоски заступник твой надежный, —
А тихая мечта, милее девы нежной,
Привыкшая тебя ласкать и утешать,
Уединения краса и благодать,
Чуждаются тебя; бездейственно и сонно
Идет за часом час, и ты неугомонно
Кручинишься: тогда будь дома и один.
Стола не уставляй богатством рейнских вин,
И жженки из вина, из сахару да рому
Ты не вари: с нее бывает много грому,
И не зови твоих товарищей-друзей
Пображничать с тобой до утренних лучей:
Друзья, они придут и шумно запируют,
Состукнут чаши в лад, тебя наименуют
И песню запоют во славу лучших лет;
Развеселишься ты, а, может быть, и нет:
Случалося, что хмель усиливал кручину!
Их не зови; читай Жуковского «Ундину»:
Она тебя займет и освежит, ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей.
Ты будешь полон сил и тишины высокой,

Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день как быстролетный сон!

1839

НИЦЦАРКЕ

Если б ты была Юнона,
А любовник твой Зевес,
Сад твой, милая Миньона,
Походил бы не на лес:
В нем не ландыши простые
Осеняла б тень дубов,
А блистательно-живые
Иакинфы золотые —
Драгоценности садов.

1840

К. К. ПАВЛОВОЙ

Забыли вы меня! Я сам же виноват:
Где я теперь, зачем меня взяла чужбина?
Где я перебывал? Вот он, Мариенбад;
Ганау, старый Диц, его тенистый сад;
Вот рейнских берегов красивая картина,
Крейцнах, и черные сараи, и гофрат,
Полковник, колесо, Амалия и Пина!
Вот край подоблачный! Громады гор и скал,
Чудесные мосты, роскошные дороги,
Гастуна славная, куда я так желал...
Вот Зельцбург, и Тироль, и Альпов выси строги,
Их вечный лед и с них лиющийся кристалл,
Кричат орлы и скачут козероги,
И ветер осени качает темный лес!
Вот и Ломбардия! Веселые долины,
Румяный виноград, каштаны и раины,
Лазурь и пурпуры полуденных небес!
Великолепные палаты и столбницы
Над ясным зеркалом потоков и озер!

Часовни странные, пугающие взор,
Канюки и калек и нищих вереницы,
Ватага южных ведьм, красавицы девицы...
Вдали концы швейцарских гор!
Вот Комо! Берега с прозрачными домами!
Вот площадь и фигляр, махающий руками!
И пристань, озеро, и в чистоте зыбей
Колеблются цвета расписанных ладей
И белых парусов играющие плески;
На площади народ гулливый и живой,
Италии народ певучий, удалой,
И деревянные тедески!
Вот пасмурный Милан с поникшей головой,
Турин и Пиемонт гористый! Вот Савона!
Отважный путь лежит над бездной, на тычке!
И вот он — островок, чуть видный вдалеке,
Как облачко на крае небосклона,
Не важный на морях, но важный на реке
Времен, где он горит звездой Наполеона!
Вот Ницца — вот где я! Вот город и залив,
Приморские сады лимонов и олив,
И светлый ряд домов с заезжими гостями,
И воздух сладостный, как мед!
О, много, много стран в мой длинный черный год
Я видел скучными глазами!
Скитаюсь по водам целебным и — увы!
Еще пью чашу вод! Горька мне эта чаша!
Тоска меня томит! Дождусь ли я Москвы?
Когда узнаю я, что делаете вы?
Как распевает муза ваша?
Какой венок теперь на ней?
Теперь, когда она, родная нам, гуляет
Среди московских муз и царственно сияет!
Она, любезная начальница моей!

1840

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит подвижная громада кристалла

И тихо, качаясь, идет на меня,
Вот, словно в раздумье, она отступила,
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет!
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода легок и свеж выхожу:
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно, резва, удала.

1840

К РЕЙНУ

Я видел, как бегут твои зелены волны:
    Они при вешнем свете дня,
Играя и шумя, летучим блеском полны,
    Качали ласково меня;
Я видел яркие, роскошные картины:
    Твои изгибы, твой простор,
Твои веселые каштаны, и раины,
    И виноград по склонам гор,
И горы, и на них высокие могилы
    Твоих былых богатырей,
Могилы рыцарства и доблести и силы
    Давно, давно минувших дней!
Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
    Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
    Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
    Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погодка верховая

И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
Весной, как с выси берегов
Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов!
По царству и река!.. Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,
Между холмов, и гор, и долов многоплодных
До темных Каспия зыбей!
Приветы и ее притоков благородных,
Ее подручниц и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелеет тысячи судов,
Идущих пестрыми, красивыми толпами
Под звучным пением пловцов;
Тебе привет Оки поемистой, дубравной,
В раздолье муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно,
В виду почтенных берегов, —
И храмы древние с лучистыми главами
Глядятся в ясны глубины,
И тихий благовест несется над водами,
Заветный голос старины!
Суры — красавицы, задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов;
Свияги пажитной, игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любящей стук колес, и плеск неугомонный,
И гул работающих вод;
Тебе привет из стран Биармии далекой,
Привет царицы хладных рек,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобег,
Под кликами орлов свои валы седые
Катя в кремнистых берегах,
Несет железо, лес и горы соляные
На исполинских ладиях;

Привет Самары, чье течение живое
Не слышно в говоре гостей,
Ссыпающих в суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привет проворного, лихого Черемшана,
И двух Иргизов луговых,
И тихоструйного, привольного Сызрана,
И всех, и бóльших и меньши́х,
Несметных данников и данниц величавой,
Державной северной реки,
Приветы я принес тебе!.. Теки со славой,
Князь многих рек, светло теки!
Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,
Ни песен радостных врага
Не слышишь вечно ты; да мир благословенный
Твои покоит берега!
Да сладостно, на них мечтая и гуляя,
В тени раскидистых ветвей,
Целуются любовь и юность удалая
При звоне синих хрусталей!

1840

АЛЬПИЙСКАЯ ПЕСНЯ

(На голос: «Мальбрук в поход поехал»)

Из тишины глубокой
Родимого села
Судьба меня жестоко
На Альпы занесла,

Где шаткие дороги
Прилеплены к горам
И скачут козероги
По горным крутизнам,

Где лес шумит дремучий
Высоко близ небес
И сумрачные тучи
Цепляются за лес,

Где ярко на вершинах
   Блистает вечный снег
И вторится в долинах
   Ручьев гремучий бег.

И вот она, Гастуна,
   Куда стремился я,
Gastuna tantum una,
   Желанная моя!

Плохое новоселье,
   Домов и хижин ряд...
Над бездною в ущелье
   Они так и висят!

И, словно зверь свирепый,
   Река меж них ревет,
Бегущая в вертепы
   С подоблачных высот,

И шум беспрестанный,
   И стон стоит в горах,
И небеса туманны,
   И горы в облаках.

1840

ВЕЧЕР

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный —
И скоро божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

1841(?)

К. К. ПАВЛОВОЙ

В те дни, когда мечты блистательно и живо
   В моей кипели голове
И молодость мою поканчивал гулливо
   Я в белокаменной Москве,
У Красных у ворот, в республике, привольной

Науке, сердцу и уму,
И упоениям веселости застольной,
И песнопенью моему;
В те дни, когда мою студенческую славу
Я оправдал при звоне чаш,
В те дни поэт я был, по долгу и по праву,
По преимуществу был ваш;
И воспевал я вас, и вы благоволили
Веселым юноши стихам:
Зане тогда сильны и сладкозвучны были
Мои стихи: спасибо вам!
И нынче я, когда прошло, как сновиденье,
Мое былое, все сполна,
И мне одна тоска, одно долготерпенье:
В мои крутые времена
Я вас приветствовал стихами: вы прекрасный
Ответ мне дали, и ответ
Восстановительный! Итак, я не напрасно
Еще гляжу на божий свет:
Еще сияет мне любезно, как бывало,
Благословенная звезда,
Звезда поэзии. О, мне и горя мало!
Мне хорошо, я хоть куда!

1841

ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих странах я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет!
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

1841

Н. В. ГОГОЛЮ

Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой
На Русь, к святыне москворецкой!

Ты, слава богу, счастлив, брат:
Ты дома, ты уже устроил
Себе привольное житье;
Уединение свое
Ты оградил и успокоил
От многочисленных сует
И вредоносных наваждений
Мирских, от праздности и лени,
От празднословящих бесед,
Высокой, верною оградой
Любви к труду и тишине;
И своенравно и вполне
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цветет
Твое житье легко и пышно,
Как милый цвет в тени затишной,
У родника стеклянных вод!
А я по-прежнему в Ганау
Сижу, мне скука и тоска
Среди чужого языка:
И Гальм, и Гейне, и Ленау
Передо мной; усердно их
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идут, как бесталанный стих;

Отрады нет. Одна отрада,
Когда перед моим окном
Площадку гладким хрусталем
Оледенит година хлада:
Отрада мне тогда глядеть,
Как немец скользкою дорогой
Идет с подскоком, жидконогой, —
И бац да бац на гололедь!
Красноречивая картина
Для русских глаз! Люблю ее!
Но ведь томление мое
Пройдет же — и меня чужбина
Отпустит на святую Русь!
О! я, как плаватель, спасенный
От бурь и бездны треволненной,
Счастлив и радостен явлюсь

В Москву, что в пристань. Дай мне руку!
Пора мне дома отдохнуть;
Я перекочкал трудный путь,
Перетерпел тоску и скуку
Тяжелых лет в краю чужом!
Зато смотри: гляжу героем:
Давай же, брат, собща устроим
Себе приют и заживем!

1841

ЭЛЕГИЯ

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный:
То улыбается безоблачно-прекрасный
Спокойно, радостно кончающийся день.

1841

ЭЛЕГИЯ

Поденщик, тяжело навьюченный дровами,
Идет по улице. Спокойными глазами
Я на него гляжу; он прежних дум моих
Печальных на душу мне боле не наводит:
А были дни — и век я не забуду их —
Я думал: боже мой, как он счастлив! он ходит!

1841

ГОРА

Взойди вон на эту безлесную гору,
Что выше окружных подоблачных гор:
Душе там отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный простор.

Увидишь недвижное море громадных
Гранитных, ледяных и снежных вершин,
Отважные беги стремнин водопадных,
Расселины гор, логовища лавин,

Угрюмые пропасти, полные мглою,
И светлые холмы, поляны, леса,
И грады, и села внизу под тобою;
А выше тебя лишь одни небеса!

1842

ИЗРЕЧЕНИЕ А. Д. МАРКОВА

Любил он крепкие напитки; и немало
В свободные часы он их употреблял;
Но был всегда здоров и службу исполнял
Добропорядочно, — и дело не стояло
За ним; был духом тверд, глубокомыслен; слов
Не тратил по́пусту; но речью необильной
Умел он действовать решительно и сильно.
При случае умы своих учеников
Он ею поражал, как громом: так однажды,
Палимый жаждою, он воду пить не стал —
Другой Катон в пустыне! — и сказал,
Поморщившись: «Вода не утоляет жажды».

1842

МОРЕ

Струится и блещет, светло как хрусталь,
Лазурное море; огнистая даль
Сверкает багрянцем, и ветер шумит
Попутный: легко твой корабль побежит;
Но, кормчий, пускаяся весело в путь,
Смотри ты, надежна ли медная грудь,
Крепки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовые ребра его?
Ведь море лукаво у нас: неравно
Смутится и вдруг обуяет оно,
И страшною силой с далекого дна
Угрюмая встанет его глубина,
Расходится, будет кипеть, бушевать
Сердито, свирепо — и даст себя знать!

1842

ВЕСНА

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу: ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, — и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

1843

ЭЛЕГИЯ

(И. П. Постникову)

В тени громад снеговершинных,
Суровых, каменных громад,
Мне тяжело от дум кручинных:
Кипит, шумит здесь водопад,
Кипит, шумит он беспрестанно,
Он усыпительно шумит!
Безмолвен лес, и постоянно
Пуст, и невесело глядит;
А вон охлопья серой тучи,
Цепляясь зá лес, там и сям
Ползут, пушисты и тягучи,
Вверх к задремавшим небесам.
Ах, горы, горы! Прочь скорее
От них домой! Не их я сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!

1843

ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день;

На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю, — звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами;
Но и ее уж нет! О! Я бы рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

1843

ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор,
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор!

Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли, открыты туда и сюда;
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синеясь далеко,

Далеко: там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые, словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

1843

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

В те дни, как только что с похмелья,
От шумной юности моей,
От превеликого веселья
Я отдохнуть хотел в виду моих полей,

В тени садов, на лоне дружбы;
В те дни, как, тих и неудал,
Уже чиновник русской службы,
Я родину свою и пел и межевал,
Спокойно, скромно провожая
Мечты гулливой головы,
В те дни стихом из дальня края
Торжественно меня приветствовали вы,
Стихом оттуда, где когда-то
Шла ходко, смело жизнь моя,
Где я гулял молодцевато,
Пил крепкий, сладкий мед студентского житья...
Сердечно мил мне стих ваш бойкой,
Сердечно люб привет мне ваш,
Как мил, бывало, за попойкой
Заздравный крик друзей и звон заздравных чаш.
И что ж? Я не дал вам ответа,
Не отозвался стих на стих!
Но, беззаботного поэта,
Меня в те дни уже свирепый рок настиг,
Уж я слабел, я духом падал,
И медицинский факультет
Пилюлю горькую мне задал:
Пить воды за морем! И пил я их пять лет!
Но вот в Москве я, слава богу!
Уже не робко я гляжу
И на парнасскую дорогу,
Пора за дело мне! Вину и кутежу
Уже не стану, как бывало,
Петь вольнодумную хвалу:
Потехи юности удалой
Некстати были б мне: неюному челу
Некстати резвый плющ и роза...
Пора за дело! В добрый путь!
Довольно жизненная проза,
Болезнь, гнела меня и мне теснила грудь,
И мир поэта, мир высокой
Едва ли мне доступен был
В моей кручине лежебокой,
В глухом бездействии, в упадке чувств и сил.
Теперь я крепче: грусть и скуку
Прочь от себя уже стихом

Я отогнал и подаю вам руку!
Спасибо вам, что вы в томлении моем
Меня и там не покидали,
У немцев; в дальной стороне
Мою тоску вы разгоняли,
Вы утешительно заботились о мне!
Желайте ж вы мне, чтоб я скоро
Стал бодр, как был, чтоб вовсе я
Стал молодцом, и было б споро
То исцеление... О, братья! О, друзья!
Ужель дождусь я благодати,
Что смело, весело спрыгну
С моей болезненной кровати
И гоголем пойду и песню затяну!

1844

К. К. ПАВЛОВОЙ

Тогда, когда жестоко болен
Телесно и жестоко хил
Душевно, — я судьбою был
Жить на чужбине приневолен;
Когда под гнетом же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что хромые
Или Гомеровы мольбы, —
И в том моем томленье жестком
Всегда, везде я помнил вас;
На ваш отрадный мне возгла́с
Всегда готовым отголоском
Я отвечал; и самый Рим,
Со всей громадою высоких
Воспоминаний, дум глубоких,
В душе встающих перед ним,
Палаты, храмы, и столбницы,
И все, что ныне говорит
Поэту — мрачно-гордый вид
Самовластительной столицы
Трех поэтических миров
Минувших, и поля пустынны
Кругом ее, — давно-старинный

Упрек сынам ее сынов! —
И самый Рим давал мне волю
Воспоминать об вас; и в нем,
Я вашим счастливым стихом
Любуясь, тягостную долю
Мою нередко забывал.
Так я ль теперь, когда оставил
Чужбину и уже направил
Мечты туда, где я живал;
Так я ль, когда хвораю мене
И не грущу уже, — теперь,
Когда я отворяю дверь
Моей красавице Камене,
Зову ее к себе; когда
Я здесь, в Москве, где так красивы
И так любезно расцвели вы
Для вдохновенного труда,
И расцвели хвалой и славой,
Где стих ваш ясен, как хрусталь,
Как злато, светел; тверд, как сталь,
Звучит и блещет величаво;
В Москве, где вас, я помню, я
Не раз, не два и всенародно
Пел горячо и превосходно,
Певец свободного житья,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вам, —
И подобает тем стихам
Хвала моя: в ту пору вами
Моя кружилась голова —
Теперь ли я — какой же буду
Поэт я, если позабуду
Все ваши милые права
На стихотворные творенья
Мои? — Не будет никогда
Мне столь великого стыда,
Столь многогрешного паденья
Не будет мне. Смотрите: вот,
Лишь мало-мальски успокоен
В моем житье, еще расстроен
Толпой болезненных забот
Почти весь день, еще надежде

Почти не смея доверять,
Что буду некогда опять
Таким, каков бывал я прежде,
Когда лишь только что дышу
Вольнее и лишь не сурово
Гляжу на свет, — вот жизни новой
Цветы я вам уж приношу!

1844

К. К. ПАВЛОВОЙ

Хвалю я вас за то, что вы
Поете нам не как иные,
Что вам отечество Россия,
Вам — славной дочери Москвы!
Что вам дался язык наш чудный,
Метальный, звонкий, самогрудный,
Разгульный, меткий наш язык!
Ведь он не всякому по силам!
А почитательницам милым
Чужесловесных дум и книг
Он недоступен — и не знают
Они его — они болтают
Другим, не русским языком
Свои мечты и впечатленья:
И нет на них благословенья.
Они у бога нипочем!
Я вас хвалю и уважаю
За то, что вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что вы по-нашему поете,
Хоть языки Шенье и Гёте
Послушны вам, как ваш родной.
Я вас хвалю — и рад я буду,
Когда пойдет ходить повсюду
Моя правдивая хвала
За подвиг ваш, во имя ваше:
Она действительней и краше
И в свете более смела,
Скорей отыщет грешны души:
Да слышит, кто имеет уши!

1844

ПОСЛАНИЕ К Ф. И. ИНОЗЕМЦЕВУ

Да сохранит тебя великий русский бог
На много, много лет. Ты сильно мне помог:
Уж ты смирил во мне презлую боль недуга
Ту боль, которая и славный воздух юга,
И хитрости давно прославленных врачей,
И чашу и купель целительных ключей,
И все могущество здоровых впечатлений
Изящных стран и мест, и строгость соблюдений
Врачебного житья, и семь предлинных лет
Презрела. Ты прими заздравный мой привет!
Уже я стал не тощ, я и дышу вольнее,
И телом крепче я, и духом я бодрее,
И русская зима безвредно мне прошла!
Хвала тебе, моя сердечная хвала! —
И верь ты мне, ее нимало не смущает,
Что вижу, слышу я, как тявкает и лает,
И воет на тебя, и съесть тебя готов
Торжественный союз ученых подлецов!
Иди своим путем! Решительно и смело
Иди, не слушай их: возвышенное дело
Наук и совести им чуждо, им чужда
Святая чистота полезного труда,
Святая прямизна деятельности чистой.
Так что тебе вся злость, весь говор голосистый
Твоих врагов! Мой друг, в твоей груди жива
Честь долга твоего, ты чувствуешь права
Прекрасные, права живого просвещенья,
Созревшие в тебе! На все злоухищренья
Продажных, черных душ ты плюй, моя краса,
И выполняй свой долг и делай чудеса!

1844

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ

Всевышний граду Константина
Землетрясенье посылал,
И геллеспонтская пучина
И берег с грудой гор и скал

Дрожали, — и царей палаты,
И храм, и цирк, и гипподром,
И стен градских верхи зубчаты,
И все поморие кругом.

По всей пространной Византии,
В отверстых храмах, богу сил
Обильно пелися литии,
И дым молитвенных кадил
Клубился; люди, страхом полны,
Текли перед Христов алтарь:
Сенат, синклит, народа волны
И сам благочестивый царь.

Вотще! Их вопли и моленья
Господь во гневе отвергал,
И гул и гром землетрясенья
Не умолкал, не умолкал.
Тогда невидимая сила
С небес на землю низошла
И быстро отрока схватила
И выше облак унесла:

И внял он горнему глаголу
Небесных ликов: свят, свят, свят!
И песню ту принес он долу,
Священным трепетом объят.
И церковь те слова святые
В свою молитву приняла,
И той молитвой Византия
Себя от гибели спасла.

Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли
Носись душой превыше праха,
И ликам ангельским внемли,
И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.

1844

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Благодарю тебя за твой подарок милый,
Прими радушный мой привет!
Стихи твои блистают силой
И жаром юношеских лет,
И сладостно звучат, и полны мысли ясной.
О! пой, пленительный певец,
Лаская чисто и прекрасно
Мечты задумчивых сердец;
И пой, как соловей поет в затишье сада
Свою весну, свою любовь,
И в пенье том и вся награда
Ему за пенье, вновь и вновь,
И слушают его, и громко раздается,
И гонит сон от ложа дев,
И так и льется, так и льется
Его серебряный напев.

1844

В. Н. АННЕНКОВОЙ

Мне мил прелестный ваш подарок,
Мне мил любезный ваш вопрос!
В те дни, как меж лилей и роз,
Раскидист, свеж, блестящ и ярок,
Цветок веселого житья,
Я полон жизни красовался
И здесь, в Москве, доразвивался
И довоспитывался, — я
В те дни, златые дни, быть может,
И стоил этих двух венков:
А ныне... я уж не таков.
Увы! Болезнь крутит и ежит
Меня, и ест меня тоска;
А вы и ныне благосклонны
К тому, чьи песни самозвонны
Давно молчат, чья жизнь горька,
Кого давно уж как поэта
И не приветствует никто!

Лишь вы теперь, — и вам за то
Моя хвала и многи лета!
И много, много дай бог вам
Созданий стройных, сладкогласных,
Прекрасных дум, стихов прекрасных
Таких всегда, какие нам
Вы так пленительно дарите;
Да будут вечно, как они,
Счастливы, ясны ваши дни,
И долго, долго вы цветите!

1844

А. Д. ХРИПКОВУ

Тебе и похвала и слава подобает!
Ты с первых юношеских лет
Не изменял себе: тебя не соблазняет
Мишурный блеск мирских сует;
Однажды навсегда предавшися глубоко
Одной судьбе, одной любви
Прекрасной, творческой, и чистой, и высокой,
Ей верен ты, и дни твои
Свободою она украсила, святая
Любовь к искусству, и всегда
Создания твои пленительны, блистая
Живым изяществом труда;
Любуюсь ими я: вот речка меж кустами
Крутой излучиной бежит,
Светло отражены прозрачными струями
Ряды черемух и ракит,
Лиющийся хрусталь едва-едва колышет
Густоветвистую их тень,
Блестит, как золото, тяжелым зноем дышит
Палящий, тихий летний день,
И вот купальницы... Вот ясною волною
Игривый обнял водобег
Прелестный, юный стан, вот руки над водою
И груди белые, как снег,
И черными на них рассыпалась змеями
Великолепная коса!

Вот горы и Кавказ; сияют над горами
Пышнее наших небеса;
Вот груды голых скал, угрюмые теснины,
Где-где кустарник; вот Дарьял
И тот вертеп, куда с заоблачной вершины
Казбека падает обвал!
Вот Терек! Это он летучей пеной блещет,
Несется, дик и силы полн,
Неистово кипит, высоко в берег хлещет;
Несется буря белых волн
По звонкому руслу с глухим, громовым гулом,
Гоня станицу валунов!
Вот хижины, аул и сад перед аулом
И купы низменных холмов;
За ними, с края в край, синеяся пустынно,
Идет уныло гладь степей
Под яркий небосклон; курган островершинный
Один возвысился над ней,
Давно безмолвный гроб, воздвигнутый герою,
Вождю исчезнувших племен,
Иль памятник войны, сокрывший под собою
Тьму человеческих имен!
Вот двух безлесных гор обрывы полосаты,
И плющ зеленый по скалам
Взвился; вот чистый лес и луговые скаты
Горы Ермолова! Вон там,
Бывало, отдыхал муж доблести и боя,
Державший в трепете Кавказ...
Вот быстрая Кубань, волнами скалы роя,
Сердито пенясь и клубясь,
Летит клокочущим, широким водопадом
Между утесов и стремнин!
Вот крепость, домики, поставленные рядом,
И строй чинаров и раин,
Воинский частокол с рогаткой и заставой,
Налево холм и мелкий лес,
А дале царство гор громадою стоглавой
Загородило полнебес,
И в солнечных лучах заоблачные льдины,
Как звезды, светятся над ней,
Порфирного кряжа алмазные вершины,
Короны каменных царей!

Подробно, медленно созданьями твоими
Любуюсь я, всегда я рад
Хвалить их; весело беседовать мне с ними:
Они живут и говорят!
Но полно рисовать тебе Кавказ! Еще ли
Тебя он мало занимал?
Покинь, покинь страну обвалов и ущелий,
Ужасных пропастей и скал,
Где кроется разбой кровавый и проворный
В глуши вертепов и теснин...
Иди ты к нам с твоей палитрой животворной,
В страну раздолий и равнин,
Где, величавые изгибы расстилая
Своих могущественных вод,
Привольно, широко, красуясь и сияя,
Лазурно-светлая течет
Царица русских рек, течет, ведет с собою
Красивы, пышны берега
И купы островов над зеркальной водою,
Холмы, дубравы и луга...
Иди туда, рисуй картины Волги нашей!
И верь мне, будут во сто раз
Они еще живей, пленительней и краше,
Чем распрекрасный твой Кавказ!

1844

А. П. ЕЛАГИНОЙ

Я знаю, в дни мои былые,
В дни жизни радостной и песен удалых,
Вам нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, звонкий стих;
И знаю я, что вы и ныне,
Когда та жизнь моя давно уже прошла, —
О ней же у меня осталось лишь в помине,
Как хороша она была
И, приголубленная вами
И принятая в ваш благословенный круг,
Полна залетными веселыми мечтами,
Любя студентский свой досуг, —

И ныне вы, как той порою,
Добры, приветливы и ласковы ко мне:
Так я и думаю, надеюсь всей душою,
Так и уверен я вполне,
Что вы и ныне доброхотно
Принос мой примете, и сердцу моему
То будет сладостно, отрадно и вольготно.
И потому, и потому
Вам подношу и посвящаю
Я новую свою поэзию, цветы
Суровой, сумрачной годины; в них, я знаю,
Нет достодолжной красоты,
Ни бодрой, юношеской силы,
Ни блеска свежести пленительной; но мне
Они и дороги и несказанно милы;
Но в чужедальной стороне
Волшебно ими оживлялось
Мне одиночество туманное мое;
Но, ими скрашено, сноснее мне казалось
Мое печальное житье.

1844

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Блажен, кто мудрости высокой
Послушен сердцем и умом,
Кто при лампаде одинокой
И при сиянии дневном
Читает книгу ту святую,
Где явен божеский закон:
Он не пойдет в беседу злую,
На путь греха не ступит он.

Ему не нужен путь разврата;
Он лишний гость на том пиру,
Где брат обманывает брата,
Сестра клевещет на сестру;
Ему не нужен праздник шумный,
Куда не входят стыд и честь,
Где суесловят вольнодумно
Хула, злоречие и лесть.

Блажен!.. как древо у потока
Прозрачных, чистых, светлых вод
Стоит, — и тень его широка
Прохладу страннику дает,
И зеленеет величаво
Оно, красуяся плодом,
И своевременно и здраво
Растет и зреет плод на нем, —

Таков он, муж боголюбивый;
Всегда, во всех его делах
Ему успех, а злочестивый...
Тот не таков; он словно прах!..
Но злочестивый прав не будет,
Он на суде не устоит,
Зане господь не лестно судит
И беззаконного казнит.

1844

А. В. КИРЕЕВОЙ

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренные мечты
Перед ней. Когда б вы жили
Между греков в древни дни,
Греки б вас боготворили,
Вам построили б они
Беломраморные храмы,
Золотые алтари,
Где б горели фимиамы
От зари и до зари;
Вас и царственная Гера
Невзлюбила б и гнала,
Непощадно б и Венера
Вам покоя б не дала
За измены и обиды
Олимпийцев и людей...
Нынче Геры и Киприды

Вам не страшны... Но, ей-ей,
Я бы рад краеугольный
Камень храма положить
И алтарь вам богомольный
Всенародно посвятить,
Где б усердно, непрестанно
Беспокоился я сам,
Соблюдая постоянный
Жаркий, пылкий фимиам.

1844

А. В. КИРЕЕВОЙ

Тогда как сердцем мы лелеем
Живые сладкие мечты
И часто розам и лилеям
И незабудкам красоты
Мы поклоняемся и нежно
Их величаем и поем,
Полны любви самонадежной,
Сгорая пламенным огнем;
В те дни желаний легкокрылых,
Восторгов, мыслей и стихов,
Счастливых, радостных и милых,
Когда весь мир нам люб и нов,
Гостеприимен и чудесен, —
В те дни разгара чувств и сил
Я много, много, много песен
Сердечных вам бы посвятил,
Свободно, весело лелея
Живые, пылкие мечты!..
Нет, вы не роза, не лилея,
Вы просто чудо красоты!
Я перед вами на колена
Упал бы, трепетный, немой,
Навек, навек, в оковы плена
Любви глубокой, роковой!
Мои глаза б остановились,
К земле б склонилась голова,
Смешались, замерли б и сбились

Во мне все чувства и слова...
Теперь мои младые лета
Прошли, решительно прошли;
И вы во мне уже поэта
Смиренномудрого нашли:
Теперь, холодный и бесстрастный,
Я вижу только суеты
Везде, во всем. Нет, вы прекрасны,
Вы просто чудо красоты!
Нет! вы всего меня смутили
В тот вечно памятный мне час,
Как на меня вы обратили
Лучи огнистых ваших глаз:
Мои глаза остановились,
К земле склонилась голова,
Смешались, замерли и сбились
Во мне все чувства и слова.

1844

КОНСТАНТИНУ АКСАКОВУ

Ты молодец! В тебе прекрасно
Кипит, бурлит младая кровь,
В тебе возвышенно и ясно
Святая к родине любовь
Пылает. Бойко и почтенно
За Русь и наших ты стоишь;
Об ней поешь ты вдохновенно,
Об ней ты страстно говоришь.
Судьбы великой, жизни славной
На много, много, много дней,
И самобытности державной,
И добродетельных царей,
Могучих силою родною,
Ты ей желаешь. Мил мне ты.
Сияют светлой чистотою
Твои надежды и мечты.
Дай руку мне! Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку

И торжествующую ложь
Глубокомысленно становит
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой
И кто неметчине лукавой
Передался. — И вслед за ней,
За госпожою величавой,
Идет блистательный лакей...
А православную царицу,
А матерь русских городов
Сменить на пышную блудницу
На вавилонскую готов...
Дай руку мне. Смелей, мужайся,
Святым надеждам и мечтам
Вполне служи, вполне вверяйся,
Но не мирволь своим врагам!

1844

К НЕ НАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И обнемечить Русь! Внемлите
Простосердечный мой возгла́с!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,

Вы все — не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине; не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине и благу;
Народный глас — он божий глас —
Не он рождает в вас отвагу,
Он чужд, он странен, дик для вас!
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят:
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам. Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!

1844

К ЧААДАЕВУ

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святые
Ты ненавидишь все сполна.

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап,
Почтенных предков сын ослушный,
Всего чужого гордый раб!
Свое ты все презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;
Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен!
Ты цел еще; тебе доныне
Венки плетет большой наш свет,
Твоей презрительной гордыне
У нас находишь ты привет.
Как не смешно, как не обидно,
Не страшно нам тебя ласкать,
Когда изволишь ты бесстыдно
Свои хуленья изрыгать
На нас, на все, что нам священно,
В чем наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаем смиренно;
Твои преступные слова
Мы осыпаем похвалами;
Друг другу их передаем
Странноприёмными устами
И небрезгливым языком!
А ты тем выше, тем ты краше;
Тебе угоден этот срам,
Тебе любезно рабство наше.
О горе нам, о горе нам!

1844

ЭЛЕГИЯ

Есть много всяких мук — и много я их знаю;
Но изо всех из них одну я почитаю
Всех горшею: она является тогда
К тебе, как жаждою заветного труда
Ты полон и готов свою мечту иль думу
Осуществить; к тебе, без крику и без шуму,
Та мука входит в дверь — и вот с тобой рядком
Она сидит! Таков был у меня, в моем

Унылом странствии в чужбине, собеседник,
Поэт несноснейший, поэт и надоедник
Неутомимейший! Бывало, ни Борей
Суровый и ни Феб, огнем своих лучей
Мертвящий всякий злак, ни град, как он ни крупен,
Ни снег и дождь — ничто неймет его: доступен
И люб всегда ему смиренный мой приют.
Он все препобедит: и вот он тут как тут,
Со мной сидит и мне радушно поверяет
Свои мечты — и мне стихи провозглашает,
Свои стихи, меня вгоняя в жар и в страх:
Он кучу их принес в карманах, и в руках,
И в шляпе. Это всё плоды его сомнений
Да разобманутых надежд и впечатлений,
Летучей младости таинственный запас!
А сам он неуклюж, и рыж, и долговяз,
И немец, и тяжел, как оный камень дикий,
Его же лишь Тидид, муж крепости великой,
Поднять, и потрясти, и устремить возмог
В свирепого врага... таков-то был жесток
Томитель мой! И спас меня от этой муки
Лишь седовласый врач, герой своей науки,
Венчанный славою, восстановитель мой —
И тут он спас меня, гонимого судьбой.

1844

А. В. КИРЕЕВОЙ

Я вновь пою вас: мне отрадно,
Мне сладко петь и славить вас:
Я не люблю, я враг нещадный
Тех жен, которые от нас
И православного закона
Своей родительской земли
Под ветротленные знамена
Заморской нехристи ушли,
И запад ласково их тянет
В свои объятия... но вы, —
Он вас к себе не переманит
Никак, — нет, вы не таковы:

Вы изменить не захотите
Заветным чувствам; вы вполне
Вы чисто нам принадлежите,
Родной, славянской стороне,
И сильно бьется сердце ваше
За нас. И тем милее вы,
Великолепнее и краше,
Вы — украшение Москвы!

1845

СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА ИСТОРИОГРАФУ Н. М. КАРАМЗИНУ

(Посвящаются А. И. Тургеневу)

Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещий, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно
И есть отечество у нас!

Любя отечество душою просвещенной
И славу русскую любя,
Труду высокому обрек он неизменно
Все дни свои, всего себя;
И, полон им одним и с ним позабывая
Призыв блистательных честей
И множество сует, какими жизнь мирская
Манит к себе, влечет людей
В свои объятия, и силу, и отвагу,

И жажду чистого труда,
И пылкую любовь к отечеству и благу
Мертвит и душит навсегда,
В тиши работал он, почтенный собеседник
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповедник,
И не наемник новизны!
Сказанья праотцов судил он нелукаво,
Он прямодушно понимал
Родную нашу Русь, — и совершил со славой
Великий подвиг: написал
Для нас он книгу книг — и ясною картиной
В ней обновилась старина.

Вот первые князья с варяжскою дружиной,
И веют наши знамена
У цареградских стен! Вот Русь преображает
Владимир — солнце древних лет,
И с киевских высот ей царственно сияет
Креста животворящий свет!
Вот Ярослав, вот век усобицы кровавой,
Раздор и трата бодрых сил;
Вот благодушные и смелые Мстиславы,
И Мономах, и Даниил!
Вот страшный божий гнев: по всей земле тревога
И шумны полчища татар;
Им степь широкая как тесная дорога;
Везде война, везде пожар,
И русские князья с поникшими главами
Идут в безбожную Орду!
Вот рыцарство меча с железными полками
И их побоище на льду;
Великий Новгород с своею бурной волей,
И Псков, Новугороду брат;
Москва, святитель Петр и Куликово поле;
Вот уничтоженный Ахмат;
Великий Иоанн, всей Руси повелитель, —
И вот наш Грозный, внук его,
Трех мусульманских царств счастливый покоритель —
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!

В Москве за казнью казнь; у плахи беззаконной
Весь день мясничает топор.
По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И, бешено свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепенея,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;
Царя-мучителя он проклял всенародно
Из рода в род, из века в век!
Вот сын тирана, — царь-смиренник молчаливый,
Молитва, пост и тишина,
И отдохнул народ под властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годунов; вот сам он на престоле;
Но тень из гроба восстает,
И гибнет царь Борис: его не любит боле,
Его не хочет свой народ!
Бродяга царствует, воспитанник латинства,
Он презирает наш закон,
В Кремле он поселил соблазны и бесчинства,
Ночных скаканий шум и звон,
И песни буйные, и струнное гуденье...
Но чу! Набат и грозен крик!
И бурно в Кремль идет народное волненье...
Долой венчанный еретик!
Вот Шуйский, мятежи — и самозванец новый,
Клеврет строптивых поляков;
Вот Михаил Скопин и братья Ляпуновы!
Вот сотня доблих чернецов,
Противу тьмы врагов громовая твердыня.
В Москве знамена короля...
В плену священный Кремль... поругана святыня.
Мужайся, Русская земля!

Великий подвиг свой он совершил со славой!
О! сколько дум рождает в нас,
И задушевных дум, текущий величаво

Его пленительный рассказ,
И ясный и живой, как волны голубые
Реки, царицы русских вод,
Между холмов и гор, откуда он впервые
Увидел солнечный восход!
Он будит в нас огонь прекрасный и высокий,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижный в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой,
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе, — и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!
Бессмертен Карамзин! Его бытописанья
Не позабудет русский мир,
И памяти о нем не нужны струн бряцанья,
Не нужен камень иль кумир:
Она без них крепка в отчизне просвещенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоит торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!

1845

И. С. АКСАКОВУ

Прекрасны твои вдохновенья живые,
И сильны, и звонки, и чисты они:
Да будут же годы твои молодые
Прекрасны, как ясные вешние дни!
Беги ты далече от шумного света,
Не знай вавилонских работ и забот;
Живи ты свободною жизнью поэта
И пой, как дубравная птица поет

На воле; и если тебя очарует
Красавица роза, не бойся любви;
Пускай она нежит, томит и волнует
Глубоко все юные силы твои:
В груди благородной любовь пробуждает
Высокие чувства — и, ею полна,
Светло, сладкозвучно бежит и сверкает
Сердечного слова живая волна.
Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт, и без умолку пой ты об ней
Счастливые песни, и весь выпевайся
Красавице розе, певец-соловей!
И бури и грозы чтоб век не взрывали
Тех сеней, где счастье себе ты нашел,
И песням твоим чтобы там не мешали
Ни кошка-цензура, ни критик-осел.

1845

К БАРОНЕССЕ Е. Н. ВРЕВСКОЙ

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей,
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда, гуляка вдохновенный
И полный свежих чувств и сил,
Я в мир прохлады деревенской,
Весь свой разгул души студентской —
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас двоих
Певцов — и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранник, и подружник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!
Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жженки ромовой!
Ее вы сами сочиняли:
Сладка была она, хмельна,

Ее вы сами разливали,
И горячо пилась она!
Стаканы быстро подымались
К веселым юношей устам,
И звонко, звонко целовались,
Сто раз звеня приветы вам.
Другой был я — и мной воспета
Та наша славная гульба!
С тех пор прошли уж многи лета, —
И гонит вашего поэта
Бесчеловечная судьба...
Но вас я помню постоянно,
Но вы блестите бестуманно
В счастливой памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней.
Когда меня ласкала радость...
Примите ж ныне мой поклон
За восхитительную сладость
Той жженки пламенной, за звон,
Каким стучали те стаканы
Вам похвалу; за чистый хмель,
Каким в ту пору были пьяны
У вас мы ровно шесть недель;
Поклон за то, что и поныне,
В моей болезненной кручине,
Я верно, живо помню вас,
И взгляд радушный и огнистый
Победоносных ваших глаз,
И ваши кудри золотисты
На пышных склонах белых плеч,
И вашу сладостную речь,
И ваше сладостное пенье
Там у окна, в виду пруда...
Ах! Помню, помню и волненье,
Во мне кипевшее тогда...

1845

Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

Когда б досталась мне корона
России, я бы тот же час
Под сень блистательного трона

И царской власти позвал вас.
Я вас осыпал бы сияньем
Могучих титлов и честей,
Я б окружил вас обожаньем
Державной челяди моей,
И, забавляя вас привольно,
Я забывал бы ради вас
Все, все — и века дух крамольный,
Восток, и Запад, и Кавказ,
Свои дела, свои законы
И всю судьбу моей земли!

Но нет на мне такой короны,
Но вы туда бы не пошли,
В те лучезарные чертоги,
Где, презирая всякий срам,
Летают жены резвоноги
По раззолоченным полам,
Очаровательно взвевая
Свой легкий, ветреный наряд,
Великолепно соблазняя
Великий царственный разврат!
Вы не пошли бы в тот град шумный,
Вам чужд, противен, мерзок он,
Он, тот беспутный и безумный,
Бесстыдный невский Вавилон!

Нет, в наши дни пустых и гордых
Чувств и желаний, в наши дни
Ничтожных душ, сердец нетвердых
И жалкой, низкой шаркотни
Сумели вы себя поставить
В свободный, тихий, светлый круг
И чистым именем прославить
Ваш быт семейный и досуг;
Сумели счастливо и здраво
От пошлой, рабской суеты
Сберечь святое ваше право
Высокой, чистой красоты.
И ваша жизнь легко и стройно
Идет, как прежде шла она,
Благообразна и спокойна,

Благочестива и ясна!
И расцвели вы своенравно
И выше всех мирских клевет!
И вот за то вам мой заздравный
И задушевный мой привет!

1845

К. К. ПАВЛОВОЙ

В достопамятные годы
Милой юности моей
Вы меня, певца свободы
И студентских кутежей,
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои
Разгорались и пылали
Вдохновением любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стих звучал,
Выговаривая ясно
Много, много вам похвал!
Поэтически-живая
Отцвела весна моя,
И дана мне жизнь иная
И тяжелая — но я...
Тот же я: во мне сохранно
Уцелели той поры
Благодатной, бестуманной
Драгоценные дары:
Сердца чистая любовность
И во всякий день и час
Достохвальная готовность
Воспевать и славить вас
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Чересчур неблагосклонно
На меня глядите вы —
Потому что за родную
Старину и за своих
На врагов и нехристь злую

Восстает мой русский стих,
Потому что не хочу я
Немчуры, и не даюсь
Ей в неволю, и люблю я
Долефортовскую Русь —
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Неприязнью небывалой
Беззащитного гоня,
И теперь я — ваш глубокий
Почитатель, и готов
Вас по-прежнему высоко
Славить множеством стихов.
Я себе не изменяю,
Потому что с юных лет
Ясно вижу, твердо знаю,
Что тем паче я поэт,
И тем выше, и тем краше
Достославное мое
Песнопенье, что я ваше
Неизменное копье!

1846

САМПСОН

(А. С. Хомякову)

На праздник стеклися в божницу Дагона
Народ и князья филистимской земли,
Себе на потеху — они и Сампсона
В оковах туда привели

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах

И львиную пасть раздирал он руками,
  Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звук любострастный
  Пленительных женских речей;

В объятиях неги его усыпила
Далида и кудри остригла ему:
Зане в них была его дивная сила,
  Какой не дано никому!

И бога забыл он, и падшего взяли
Сампсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
  В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице и мельницу двигал Сампсон;
Но выросли кудри его, — но смирился
  И богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
Враги привели, — и потеха он им!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
  Ликуя, смеются над ним.

Безумные! Бросьте свое ликованье!
Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
Несносно ему от врагов поруганье,
  Он гибельно вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна;
Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
  Могучи его рамена.

«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Сампсона!» — И крепко схватил он руками
  Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Сампсона,
И страхом и трепетом обдало их,
И пала божница... и праздник Дагона
Под грудой развалин утих...

1846

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

К А. Д. В—У

Пред вашими глазами
Стоит приятель мой,
Смотрите, вот какой:
Опрысканный духами,
Причесан мастерски,
Немного вас пониже,
Одетый как в Париже
И смотрит сквозь очки;
С учтивостью парадной
Играет шляпой он —
И головой помадной
Вам от меня поклон.
Глаза его сверкают
Блистательным огнем
И с гордостью взирают,
Показывая в нем
Писателя-поэта;
Он духом — либерал,
Ногами он — для света,
А головой — журнал.
Он славу здесь большую
Достал своим пером;
Его рекомендую
И вас прошу об нем:
Примите как родного
(Он дед мне по стихам —
Писателя дурного
Я не послал бы к вам).

Он свет и женщин знает,
Из секты остряков —
Итак — имеет средства
На балах ваших быть
И дам и дев кокетства
Вниманье заслужить.
Прошу вас — отведите
Его в дворянский круг,
Ласкайте и любите:
Он мой судья и друг;
Надеюсь, что, конечно,
Он в вас меня найдет,
И с радостью сердечной
Благодарю вперед.

К А. А. Р—У

Письма сего податель —
Давнишний мой приятель;
Прошу его принять,
Как моего собрата,
Под тихий кров пената,
Любить и обласкать.
Он служит на Парнасе
Судьею русских муз,
Имеет тонкий вкус
И боек на Пегасе;
Как автор недурной
В журналах он известен,
Пленяет остротой,
И слог его прелестен;
Измайлова журнал,
К падению готовый,
Он славно поддержал
И в свой венок лавровый
Ввязал листок дубовый —
Знак мужества и сил.
С мужчинами он важен,
В собранье дам — он мил,
В кругу девиц — отважен;
Остер, как Аруэт,

Учен, как Пиэриды,
И с юношеских лет
Усердный жрец Киприды;
Но, впрочем, как поэт,
Любовию небесной
Он любит пол прелестный;
Неумолимый враг
Безумцу Эпикуру —
Он в пафосе монах
И жертвует Амуру
Не страстию мирской,
Не пылкостью нахальной, —
Но тихою мечтой
Души сентиментальной.

Итак, любезный мой!
Прошу ему привета;
В толпу большого света
Его введите: он
Здесь дам интересует,
Как ангел вальсирует,
В мазурке — Аполлон
И, верно, очарует
Собою ваших дам.
Поверите ль? Я сам,
Как вместе с ним учился,
Его лихим ногам,
Завидуя, дивился
И от души сердился,
Зачем не дал мне бог
Таких чудесных ног.

Надеюсь я, что вами
Доволен будет он
И с честию введен
В тот храм, где жрец вы сами,
То есть, в симбирский свет, —
Тогда, клянусь богами,
Хвалебными стихами
Давнишний ваш поэт
В послании пространном

Поклон отправит вам
И в сердце постоянном
Воскурит фимиам
Отеческим богам.

К ***

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеет и хранит мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье
Влечет меня в тот край, где светлый мир наук,
Привольное житье и чаш веселый стук,
Свободные труды, разгульные забавы,
И пылкие умы, и рыцарские нравы...
Ах, молодость моя, зачем она прошла!
И ты, которая мне ангелом была
Надежд возвышенных, которая любила
Мои стихи: она, прибежище и сила
И первых нежных чувств и первых смелых дум,
Томивших сердце мне и волновавших ум,
Она — ее уж нет, любви моей прекрасной!
Но помню я тот взор, и сладостный и ясный,
Каким всего меня проникнула она:
Он безмятежен был, как неба глубина,
Светло-спокойная, исполненная бога, —
И грудь мою тогда не жаркая тревога
Земных надежд, земных желаний потрясла;
Нет, гармонической тогда она была,
И были чувства в ней высокие, святые,
Каким доступны мы, когда в часы ночные
Задумчиво глядим на звездные поля:
Тогда бесстрастны мы и нам чужда земля,
На мысль о небесах промененная нами!
О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!
О, как бы я желал хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий,
Чтоб был он тверд и чист, торжественно звучащий, —
И, словно блеском дня и солнечных лучей,
Играл бы славою и радостью о ней.

* * *

Увенчанный и пристыженный вами,
Благодарить не нахожу я слов;
Скажу одно: меж царскими венцами
Не видано прекраснейших венцов!
Пусть лаврами украшен я не буду,
Пусть сей венец поэту в шутку дан;
Но — ваш казак — я вечно не забуду,
Как пошутил со мной мой атаман.

К ***

Живые, нежные приветы,
Великолепные мечты
Приносят юноши-поэты
Вам, совершенство красоты!
Их песни звучны и прекрасны,
Сердца их пылки, — но увы!
Ни вдохновенья сладострастны,
Ни бред влюбленной головы
Не милы вам! Иного мира
Жизнь и поэзию любя,
Вы им доступного кумира
Не сотворили из себя.
Они должны стоять пред вами,
Безмолвны, тихи, смущены
И бестелесными мечтами,
Как страхом божиим, полны!

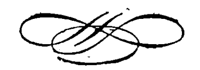
К ***

Милы очи ваши ясны
И огнем души полны,
Вы божественно прекрасны,
Вы умно просвещены;
Всеобъемлющего Гёте
Понимаете вполне,
А не в пору вы цветете
В этой бедной стороне.

Ни ко вздохам вещей груди,
Ни к словам разумных уст
Не чувствительны здесь люди,
Человек здесь груб и пуст:
Много вам тоски и скуки!
Дай же бог вам долго жить —
Мир умнеет: наши внуки
Будут вас боготворить.

* * *

Вы скоро и легко меня очаровали,
Не посмотрели вы на то, что я поэт,
И самовластно все мечты мои смешали
В одну мечту, в один любовный бред!
И много брежу я: с утра до самой ночи
Я полон вами: вы даруете мне сны;
Мне дивный образ ваш сверкает прямо в очи
В серебряном мерцании луны.
Цветущий младостью, прелестный, светлоокий,
С улыбкой на устах и сладостном челе,
Как мил он мне тогда, как действует глубоко
На сердце в тихой, лунной полумгле!
Томленье нежное на сердце он наводит,
И пробуждает он полночную мечту,
И перед ним она шалит и колобродит,
Так и летит на вашу красоту —
И что ж? Весь этот рай желаний сладострастных,
И треволнение, и жар в душе моей
Вы сделали одной улыбкой уст прекрасных
И мигом черных, пламенных очей!



Сказки. Поэмы
Драматические сцены

СКАЗКА О ПАСТУХЕ И ДИКОМ ВЕПРЕ

(Дм. Ник. Свербееву)

Дай напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить?
Грех не велик, да не велик и труд!
Но ведь поэт быть должен человеком
Несвоенравным, чтоб не рознить с веком:
Он так же пой, как прочие поют!
Не то его накажут справедливо:
Подобно сфинксу, век пожрет его;
Зачем, дескать, беспутник горделивый,
Не разгадал он духа моего! —
И вечное, тяжелое забвенье...
Уф! не хочу! Скорее соглашусь
Не пить вина, в котором вдохновенье,
И не влюбляться. — Я хочу, чтоб Русь,
Святая Русь, мои стихи читала
И сберегла на много, много лет;
Чтобы сама история сказала,
Что я презнаменитейший поэт.

Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда

Царей и царств, и гром и крик военный,
И рушатся престолы, города;
Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей.
Ну, милая, гуляй же, будь как дома,
Свободна будь, не бойся никого;
От критики не будет нам погрома:
Народность ей приятнее всего!
Когда-то мы недурно воспевали
Прелестниц, дружбу, молодость; давно
Те дни прошли; но в этом нет печали,
И это нас тревожить не должно!
Где жизнь, там и поэзия! Не так ли?
Таков закон природы. Мы найдем
Что́ петь нам: силы наши не иссякли,
И, право, мы едва ли упадем,
Какую бы ни выбрали дорогу;
Робеть не надо — главное же в том,
Чтоб знать себя — и бодро понемногу
Вперед, вперед! — Теперь же и начнем.

Жил-был король; предание забыло
Об имени и прозвище его;
Имел он дочь. Владение же было
Лесистое у короля того.
Король был человек миролюбивый
И долго жил в своей глуши лесной
И весело, и тихо, и счастливо,
И был доволен этакой судьбой;
Но вот беда: неведомо откуда
Вдруг проявился дикий вепрь и стал
Шалить в лесах и много делал худа:
Проезжих и прохожих пожирал;
Безлюдели торговые дороги;
Все вздорожало; противу него
Король тогда же принял меры строги;
Но не было в них пользы ничего:
Вотще в лесах зык рога раздавался,
И лаял пес, и бухало ружье:
Свирепый зверь, казалось, посмевался

Придворным ловчим, продолжал свое,
И, наконец, встревожил он ужасно
Все королевство; даже в городах,
На площадях, на улицах опасно;
Повсюду плач, уныние и страх.
Вот, чтоб окончить вепревы проказы
И чтоб людей осмелить на него,
Король послал окружные указы
Во все места владенья своего
И объявил: что, кто вепря погубит,
Тому счастливцу даст он дочь свою
В замужство — королеву Илию,
Кто б ни был он, а зятя сам полюбит,
Как сына. Королевна же была,
Как говорят поэты, диво мира:
Кровь с молоком, румяна и бела,
У ней глаза — два светлые сапфира;
Улыбка слаще меда и вина,
Чело — как радость, груди молодые
И полные, и кудри золотые,
И, сверх того, красавица умна.
В нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали кто своей звездой,
Кто идеалом, девой неземной,
Все вообще прекрасной королевной.
Отец ее лелеял и хранил
И жениха ей выжидал такого:
Царевича, красавца молодого,
Чтоб он ее вполне достоин был;
Но королевству гибелью грозил
Ужасный вепрь, и мы уже читали
Указ, каким в своей большой печали
Король судьбу дочернину решил.

Указ его усердно принят был:
Со всех сторон стрелки и собачеи
Пустилися на дикого вепря:
Яснеет ли, темнеет ли заря,
И днем и ночью хлопают фузеи,
Собаки лают, и рога ревут;
Ловцы кричат, и свищут, и храбрятся,
Крутят усы, атукают, бранятся,

И хвастают, и ерофеич пьют;
А нет им счастья. — Месяц гарцевали
В отъезжем поле, здесь, тут, там,
Лугов и нив довольно потоптали
И разошлись угрюмо по домам...
Опохмеляться. Вепрь не унимался.
Но вот судьба: шел по лесу пастух
И невзначай с тем зверем повстречался;
Сначала он весьма перепугался
И побежал от зверя во весь дух;
«Но ведь мой бег не то, что бег звериный!» —
Подумал он и поскорее взлез
На дерево, которое вершиной
Кудрявою касалося небес
И виноград пурпурными кистями
Зелены ветви пышно обвивал.
Озлился вепрь — и дерево клыками
Ну подрывать, — и крепкий ствол дрожал.
Пастух смутился: «Ежели подроет
Он дерево, что делать мне тогда?»
И пастуха мысль эта беспокоит:
С ним лишь топор, а с топором куда
Против вепря! Постой же. Ухитрился
Пастух, и начал спелы ветви рвать
И с дерева на зверя их бросать,
И ждал, чтó будет? Что же? Соблазнился
Свирепый зверь — стал кушать виноград, —
И столько он покушал винограду,
Что с ног свалился, пьяный до упаду,
Да и заснул. — Пастух сердечно рад,
И мигом он оправился от страха
И с дерева на землю соскочил;
Занес топор и с одного размаха
Он шеищу вепрю перерубил.
И в тот же день он во дворец явился
И притащил убитого вепря
С собой. Король победе удивился
И пастуха ласкал, благодаря
За подвиг. С ним разделался правдиво,
Не отперся от слова своего,
И дочь свою он выдал за него;
И молодые зажили счастливо.

Старик был нежен к зятю своему
И королевство отказал ему.
Готова сказка! весел я, спокоен.
Иди же в свет, любезная моя!
Я чувствую, что я теперь достоин
Его похвал и что бессмертен я.
Я совершил не шуточное дело,
Покуда и довольно. Я могу
Поотдохнуть и полениться смело,
И на Парнасе долго ни гу-гу!

1835

ЖАР-ПТИЦА

Драматическая сказка

I

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И МИНИСТР ЕГО.

Министр держит блюдо с яблоками.

Царь Выслав

Вот яблоки, так яблоки на славу!
Могу сказать, что лучшие плоды
На всей земле, единственные. Чудо!
Цвет как янтарь иль золото. Как чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляет в них
Свои лучи. А вкус! Не то что сахар
Иль мед, — гораздо тоньше, выше: он
Похож на ту разымчивую сладость,
Которая струится в душу, если,
Прильнув устами к розовым устам
Любовницы прелестно-молодой,
Закроешь взор — и тихо, тихо, тихо
Из милых уст в себя впиваешь негу:
То пламенный и звонкий поцелуй,
То медленный и томный вздох. Так точно.

(Кушает яблоко.)

Поверишь ли, что иногда бывает
Со мною! Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдруг и позабудусь,

И полетят и полетят мечты!
И кровь во мне играет: целый час
Сижу недвижно с яблоком в руке
И на него смотрю неравнодушно;
А сам не ем вкуснейшего плода!
Прекрасный плод! И мне какая слава,
Какая слава подданным моим,
Что у меня в саду такая сладость
Растет и зреет! Только у меня!
Зато уж как я радуюсь, когда
Приходит лето и пора... Однако ж
Мне кажется — и вот уже дня с два,
Как замечаю то же, — прежде больше
Ты приносил мне яблоков. Не так ли?
Ведь так?

Министр

Их было больше, государь!

Царь Выслав

Их было больше! Отчего ж теперь?..
Куда ж они деваются? Послушай:
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кроме царя, во всей моей державе
Не должен есть их, что никто никак
Не должен сметь подумать, что он может
Их есть. Так я постановил законом.
Куда ж ты их деваешь? Говори...

Министр

Прости меня, великий государь!
Я виноват...

Царь Выслав

Какой же ты министр!..
И хорошо ты служишь мне, когда
Ты не радеешь именно о том,
Что мне всего милее!

Министр

Государь!
Сыздетства я привык служить царю
Всегда, везде: под черной ризой ночи
И при дневном сиянии небес,
В блистательных чертогах богача
И в сумрачной лачуге селянина,
На сходбище народном и в глуши,
Всегда, везде умел я царску волю
Решительно и грозно совершать
Во всех ее оттенках и видах!
И службою моею не гнушались
Мои цари великие. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дед твоего величества, всегда
Мне жаловал знатнейшие чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андрон,
Не отвергал советов...

Царь Выслав

Знаю, знаю!
Да не о том я спрашивал тебя:
Я не люблю речей окольных, длинных;
Мне говори и коротко и прямо,
А в сторону от дела не виляй.

Министр

Я виноват, что не дерзнул доселе
Открыть тебе великую беду,
Тяжелое общественное горе:
В твой царский сад повадилась Жар-Птица,
И яблоки заветные ворует,
И прилетает кажду ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выслав

Поймать Жар-Птицу! Что это за птица?

Министр

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталю
Восточному, а перья золотые
И блещут ярко...

Царь Выслав

Все-таки поймать!

Министр

Поймать ее! могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на деле.
Твои рабы усердные, Жар-Птицу
Уж мы давным-давно подстерегаем!
Устроены засады, караулы
И оклики; отряд дружины царской
Дозором ходит; наконец я сам
Не раз уже ходил ее ловить,
И все напрасно!

Царь Выслав

Стало быть, она
Огромная, из рода редких птиц
Времен предысторических?

Министр

Она
Величиной с большого петуха,
Иль много что с павлина. Но у ней
Глаза и перья блещут и горят
Невыносимо ярко. Лишь она
Усядется на яблони и вдруг
Раскинет свой великолепный хвост, —
Он закипит лучами, словно солнце, —
Тогда в саду не ночь, а чудный день,
И так светло, что ничего не видно!
А между тем все это от нее ж,
И тишина, такая тишина
И нежная и сладкая, что самый
Крепчайший сторож соблазнится: ляжет

На дерн, кулак подложит под висок,
Заснет и спит до позднего обеда!

Царь Выслав

Так как же быть? Диковинная птица!
Зови сюда царевичей! Они
Помогут мне подумать, рассудить,
Что делать нам.

Министр уходит.

II

ЦАРЬ ВЫСЛАВ (ОДИН).

Царь Выслав

Что делать с этой птицей?
Таков вопрос!

(Ходит по комнате.)

Ужасно я встревожен!
А говорят, что царствовать легко!
Согласен я: оно легко, покуда
Нет важных дел, но лишь пришли они,
Так не легко, а нестерпимо трудно!
Вот, например, теперешнее наше!
Хоть самого Сократа посади
На мой престол; по случаю Жар-Птицы
И сам Сократ задумается: как
Поймать ее, когда никак нельзя
Поймать ее? Да, надобно признаться:
Есть на земле пречудные дела,
Столь хитрые, мудреные, что в них
Разумнейший, великий человек, —
Ну, человек такой, чтобы природа
Могла сказать об нем: «Вот человек!» —
И глуп и мал, как мой последний раб.

III

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ЦАРЕВИЧИ.

Царь Выслав

Любезные царевичи мои!
В наш царский сад повадилась Жар-Птица

И яблоки заветные ворует
И прилетает кажду ночь. Так я
Хочу теперь подумать вместе с вами,
Что делать с ней? А так ее оставить
Нельзя: она дотла опустошит
Наш сад. Да мне, царю, и неприлично
Давать себя в обиду всякой дряни!
Скажите же, царевичи мои,
Как поступить мне с нею? Ты сначала
Подай совет, мой старший сын, Димитрий!

Димитрий царевич

Я думаю, что надобно сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла к тому царю отправить —
Сказать ему, что ваша-де Жар-Птица
Повадилась летать в наш царский сад
И яблоки ворует дорогие,
Так мы по дружбе с вами просим вас
Унять ту птицу; мы-де не желаем,
Чтоб вечный мир, который...

Царь Выслав

Ты, Василий?

Василий царевич

Я думаю так точно, слово в слово,
Как говорит мой старший брат: сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла...

Царь Выслав

А ты, Иван царевич?

Иван царевич

Я думаю, что нечего тут думать!
Поймать ее — и в шляпе дело!

Царь Выслав

Как же
Поймать ее? Вот в том-то и задача!

Давно об ней хлопочут: караул,
Засада, часть дружины, вообще
Против нее ловительные меры
Уж приняты, но все напрасно.

Иван царевич

Что же,
Нам прикажи: мы сыновья твои,
Тебя мы любим больше, чем твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочие ловительные меры,
Авось поймаем!

Царь Выслав

Да и в самом деле!
Совет разумный! Я с тобой согласен,
Иван царевич! Знаю это слово:
«Авось! Авось!» О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто в нем одном
Заключены великие дела
И вечная блистательная слава!
Так точно ель, что крепкими корнями
Ухватится за землю и под тень
Раскидистых, густых своих ветвей
Укроет дол и гордою вершиной
Уйдет в лазурь небесную, таится
В одном летучем семечке!.. Авось
Удастся вам, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу! Бесполезно мешкать
В таких делах. Я вам повелеваю,
Вам всем троим, царевичи: ходите
В наш царский сад, по брату каждую ночь,
Ловить ее, сначала ты, Димитрий,
Потом Василий, наконец Иван.
Иван царевич, подойди ко мне,
Дай мне тебя расцеловать, мой милый,
Любимый сын: ты освежил меня
Своим советом. Весело мне видеть,
Что у тебя отважная душа.
Расти, мой сын, ты будешь богатырь!

IV

ЦАРЕВИЧИ ДИМИТРИЙ И ВАСИЛИЙ.

Димитрий царевич

Ты правду мне сказал, любезный брат,
Нам не видать ее. Не нашим силам
Устаивать против такого сна,
К которому во время караула
Так и влечет и клонит человека:
Шелковый луг, весенняя прохлада,
И тишина заповедного сада,
И сладкая, безмесячная ночь.

Василий царевич

Волшебный сон! Лишь только я уселся
Под яблонью и бодро начал думать,
Как не заснуть мне в эту ночь, меня
Вдруг обняла, откуда ни возьмись,
Такая лень решительно и сладко,
Как резвая прелестница, что я
Почти упал, и, право, уж не помню,
Как я заснул.

Димитрий царевич

Все это ничего!
Ведь батюшка уверен, что Жар-Птица
Не прилетала обе эти ночи;
Но вот загадка: как нам быть, когда
Иван царевич...

Василий царевич

Ты мне странен, брат;
Куда ему! И он проспит, как мы!

Димитрий царевич

Он очень счастлив. И теперь уже
Его зовут любимым сыном. Мы же...

V

ТЕ ЖЕ И ЦАРЬ ВЫСЛАВ.

Царь Выслав

Мне, право, жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Вас не виню! Да как вас и винить?
Не прилетала: нечего и делать!
Где взять ее? Посмотрим, что-то скажет
Иван царевич?

Димитрий царевич

Может быть, ему
И удалось ее увидеть...

Василий царевич

Да,
Оно не трудно, если прилетала...

Димитрий царевич

И близ него светилася, как солнце.

Царь Выслав

Что пользы в этом, ежели она
И прилетала? Он еще так молод;
Он не сумеет справиться с такой
Чудесной птицей. Верно, оробеет
И ничего не сделает... Да вот он!
А, здравствуй, мой Иван царевич! Как
Ты ночь провел? Что это у тебя?

VI

ТЕ ЖЕ И ИВАН ЦАРЕВИЧ.

Иван царевич

Перо Жар-Птицы!

Царь Выслав

Что ты, в самом деле?
Возможно ли?

Иван царевич

Я не поймал ее!
Пресильная, пребешеная птица!
Одно перо осталось у меня.

Царь Выслав

А как его достал ты?

Иван царевич

Очень просто:
Я влез на яблонь и в густых ветвях
Под самою верхушкой притаился.
Сижу и жду, что будет? Ночь тиха,
Безмесячна, во всем саду ни листик
Не шевельнется; я на яблони сижу.
Вдруг вижу: что-то на краю небес,
Как звездочки, заискрилось; гляжу
В ту сторону; оно растет и будто
Летит, и в самом деле ведь летит!
Все ближе, ближе, прямо на меня,
И к яблони — и листья зашумели;
Однако ж я ничуть не оробел.
Сидит Жар-Птица, знаю... да как гаркну —
И хвать ее обеими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигом
Ушла из глаз в далекий небосклон!
А у меня в руке перо осталось.

Царь Выслав

(рассматривая перо)

Прекрасное, редчайшее перо!
Как тяжело! Знать, цельнозолотое!
Как тонко, нежно, гибко, что за цвет!
Прекрасное, редчайшее перо!
Хоть на шелом Рогеру! Слава богу!
Любезные царевичи, я рад,
Сердечно рад Жар-Птицыну перу!
Теперь я ожил: я почти уверен,
Что не уйдет она от наших рук.
По-прежнему ходите караулить,
И с нынешней же ночи. Я надеюсь,

Что ты, Димитрий... Ну, Иван царевич!
А я грешил: я думал, ты... ан нет!
Ты, как герой, ничуть не испугался —
И действовал благоразумно. Славно!

(Целует Ивана царевича.)

Мой милый сын! Поди, мой друг, к себе
И отдохни! А ты, Димитрий, снова
Приготовляйся к караулу. Я
Хочу подумать, как мне самый лучший,
Приличный ящик сделать иль ковчег
Для этого чудесного пера,
Изящно-драгоценный!

(Василию.)

Позови
Сюда ко мне дворцовых столяров
И резчиков: я дожидаюсь их!

VII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ЦАРЕВИЧИ.

Царь Выслав

Итак, Жар-Птица вовсе перестала
Летать к нам в сад, и все у нас в порядке,
Спокойно, тихо; яблоки растут,
Красуются и зреют безобидно,
И вообще судьба ко мне добра,
Мила со мной, любезна: все как было!
Но знаете ль, царевичи мои,
Чего теперь мне хочется? Вчера
После обеда сделалась со мной
Бессонница... и не спал я, и думал
О том, о сем, и кое-что обдумал;
Потом я стал мечтать, мои мечты, —
В бессонницу они празднолюбивы, —
Мои мечты пестрелись и кипели,
Как ярмарка, — и вдруг одна из них,
Как юношу красавица, нежданно
Блеснувшая в народной толкотне,
Одна из них меня очаровала,

И ей одной я предался вполне,
Как юноша, доверчиво и страстно:
Мне хочется, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу непременно. Ею
Умножу блеск престола моего
И на земле далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вам,
Что награжу весьма великодушно
Того из вас, кто мне ее доставит:
Отдам ему полцарства моего!

Иван царевич

Не нужно мне полцарства твоего! —
А просто так, из удали... я рад
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Молчи, Иван царевич!
С тобой я буду после говорить.
Вы, старшие царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,
С которыми, как с лучшими друзьями,
Так счастливо привык я разделять
И сладкие и горькие плоды
Верховной власти! Я вас знаю: вы
Для подвигов блестящих и высоких
Созрели; вы учились языкам,
Всемирную историю читали;
Вы бойки нравом, тверды, как железо,
И вспыльчивы, как порох, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоим вам, Димитрий и Василий,
Я предлагаю чрезвычайный труд,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Где б ни было, Жар-Птицу и живую
Доставить мне. Я спрашиваю вас,
Согласны ли вы ехать в дальний путь,
Бог весть куда и в чьи края?

Димитрий и Василий царевичи

Мы рады,
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Я это знал, друзья!
Предвидел я, что будет ваш ответ
Решителен, спартански смел и краток.
Вы рады, вы готовы сей же час
Бог весть куда! Так человек, в котором
И мудрая природа и наука
Окончили свое святое дело
Развития божественной души,
Радушен, бодр и светел, он идет
В безвестный путь на подвиг многотрудный.
Благодарю вас, милые мои
Царевичи, сберитесь поскорее,
По-рыцарски — да тотчас и в дорогу
Под утренним сиянием небес,
При веянье прохладного зефира.
Теперь же вы примите мой совет,
Отеческий, напутный. Ах, друзья,
Что наша жизнь? Она всегда висит
На волоске, чуть держится — тем паче,
Когда опасность... будьте осторожны,
Друзья мои, старайтесь не везде
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпением, сноровкою, где можно
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шаг заране, а потом
И действуйте, надеясь на судьбу;
Не мешкайте в дороге, особливо
В гостиницах, в трактирах. Нежных связей
С гулливыми красавицами, братства
С фиглярами, с бродяжными жидами,
С цыганами, гудочниками — бойтесь!
Игорных же бесед, и академий,
И сволочи распивочных домов,
Пожалуйста, бегите, как чумы;
Велите ваши сабли наточить
Как можно лучше. Я же вам даю,
На всякий случай, пару самострелов
Новейшего устройства: в три минуты
Бьют пятьдесят два раза прямо в цель!

Прехитрые!.. Возьмите по коню
С моей конюшни, ты Кизляр-Агу
Иль Мустафу, а ты, Василий, — Негра!

Димитрий и Василий царевичи уходят.

VIII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ИВАН ЦАРЕВИЧ.

Царь Выслав

Мой друг, Иван царевич! Ты со мной
Останься, мой милый сын, отцу
Единственной утехой и отрадой.
Ты молод: ты не силен перенесть
Опасности и всякие невзгоды
Далекого и трудного пути.
Тебе со мной не будет скучно. Я
Отдам тебе особенную часть
Правления, которая полегче...
Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь...
Да что же ты задумался и плачешь?

Иван царевич

Царь-батюшка! прости мне эти слезы!
Могу ли я не плакать? Мне досадно,
Что ты меня оставил одного
В презрении. Я чем же хуже братьев?
За что же им широкая дорога
Добыть себе геройских, светлых дел?
А я сиди, прикованный к столу...
Позволь и мне отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Никак нельзя, мой милый сын: ты молод.

Иван царевич

Ах, молод я — вот вся моя вина!
Я — младший брат, но разве у меня
Глаза не блещут, сердце не играет,
И кровь кипит не бурно, и рука
Не пламенно хватается за меч

При имени опасности и славы?
Нет! душно мне в чертогах безопасных,
Невыносимо горько: я хочу
Не этой жизни медленной, не этой
Работы вялой, смирной, я хочу
Душе разгулу, сердцу впечатлений,
Необычайных, резких, роковых!
О! понимаю, страстно понимаю,
Что говорит мне кровь моя!..

Царь Выслав

Помилуй!
Что ты, мой сын! Ты вышел из себя!
Ты весь дрожишь, пылаешь; вижу я,
Сам вижу я, куда тебя влечет
Младой души лирический порыв.
Но выслушай, что я тебе скажу:
Не хочешь ты заняться, так сказать,
Словесностью, бумагами; не любишь
Смиренного, сидячего труда
И письменных обдумываний; я
Найду тебе работу поживее:
Вот хочешь ли, я поручу тебе
Верховное смотрение за всем;
Ты будешь ездить, будешь замечать,
Где что и как; ты будешь в хлопотах,
В движении, ты станешь мне изустно
Докладывать.

Иван царевич

Все это не по мне!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

А я один останусь, милый сын!
Сам посуди, я — человек и смертен,
И я же стар, и немощен, и хил:
Что ежели скончаюся в то время,
Как нет из вас ни одного при мне?
Кто сбережет общественный порядок,
Наш царский трон, казну? Ты знаешь чернь:
Она всегда глупа и легковерна,

Особенно в решительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвон
Расскажет ей бессмысленную сказку,
В набат ударит, кликнет клич: толпа
Взволнуется кровавой суматохой
И, дикая, неистовая, хлынет
Мятежничать. Несчастная страна
Наполнится усобицей, враждой
И всякою республикой, бедами
И гибелью. Тогда соседы наши,
Как ворон крови, ждущие раздора
В чужом народе, ото всех сторон,
Голодные и хищные, сберутся
Терзать мое наследие. Тогда
Что будет с вами, сыновья мои?
Где вы себе пристанище найдете?
Так я страшусь грядущего! Предвижу
Несчастия...

Иван царевич

Вольно тебе страшиться,
Царь-батюшка! Еще ты, слава богу,
Не дряхлый старец; немощи твои
Не велики и часто не заметны;
Ты свеж и бодр!

Царь Выслав

Нет, то ли я был прежде!
Ах, молодость, зачем она прошла!

Иван царевич

Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нельзя, мой сын.

Иван царевич

Не я ль тебе достал
Ее перо? А братья что поймали?
За что же я останусь? Сделай милость,
Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
Пусти меня: я знаю, что достану

И привезу тебе Жар-Птицу; знаю
И чувствую, что привезу наверно...
Я очень счастлив, я ее поймаю,
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нет, не могу...

Иван царевич

Так я умру с тоски.
Сойду с ума! В мечту об ней так сильно,
Так пламенно влюбился я! Об ней
Всегда, везде, во сне и наяву
И думаю и брежу день и ночь.

Царь Выслав

Вот то-то же, любезный сын, ты слишком
Горяч, способен чрезвычайно скоро
В мечту влюбляться: это очень вредно,
Опасно даже; мы нередко видим...

Иван царевич

Как хорошо, как весело нам будет!
Мы для нее на самом видном месте
Построим дом, каких не много в мире:
Пространные, высокие палаты,
С зеркальными окошками, с крыльцом,
Украшенным столбами в два ряда;
А в высоте, над пышною столбницей,
Заблещут в ярких, золотых лучах
Огромные, сочинены прекрасно,
Щиты: большая бронзовая повесть
Чудесного ловления Жар-Птицы,
И с надписью: да знает несомненно
Всемирная история, что ты,
В такой-то год правленья твоего,
Соорудил такие-то палаты.
Когда ж они совсем готовы будут...

Царь Выслав

Я думаю, что можно их поставить
В саду, среди лужайки, за прудом.

Иван царевич

Мы сделаем великолепный праздник,
Пир на весь мир. Народу отовсюду
Тьма-тьмущая, безоблачное небо,
День, дышащий прохладою весны;
Уж будет праздник! Звон колоколов
Всех колоколен мы в единый гул
Торжественный, как в колокол единый,
Огромнейший, гудящий громогласно,
Сольем — и над ликующим народом
Его подымем в небе голубом!
Велим палить из пушек без умолку
И потчевать бесчисленных гостей
Обедом, яствами сахарными, медами,
Вином и пивом вдоволь, до упаду;
А вечером — музыка роговая,
Катанье, пляски, песни, хороводы,
И блеск и треск потешного огня!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

(подумав)

Жаль мне с тобой расстаться, милый сын,
А надобно: иначе мы друг с другом
Никак не сладим. Ты горяч и пылок!
Ну, так и быть, уж поезжай и ты!

Иван царевич

Что слышу я, царь-батюшка! Я еду,
Я отыщу Жар-Птицу непременно
И привезу ее тебе живую!
Царь-батюшка, прощай же, я недолго...
Не стану медлить, я готов в дорогу.
Сейчас же еду! Скоро мне коня!

(Уходит.)

IX

Иван царевич

(в лесу, едет верхом)

Не весело мне ехать! Этот лес
Большой, дремучий, мрачный и, как видно,

Принадлежащий царству тишины,
Несносно скучен! Еду третьи сутки,
И много уж проехал, а ни с кем
Не встретился и ничего не видел,
Кроме лесной дороги да небес,
Протянутых, как лента голубая,
Высоко, вдаль за мной и предо мной.
Какая глушь! Здесь мертвое молчанье
И непробудный сон: в тиши лесной
Не свистнет птичка, леший не аукнет;
Лишь изредка скакун мой удалой
Встряхнет своей нахмурой головой
И забренчит опущенной уздой
Или в кремень стальным копытом стукнет.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?
Не унывай, товарищ! Не всегда же
Поедем мы таким дремучим лесом!
Бодрее будь! надейся несомненно:
Куда-нибудь нас выведет дорога,
Куда-нибудь выходит же она!
Мой добрый конь, повесели меня!
Разбудим лес громоподобным стуком
Твоих копыт, укоротим дорогу
Твоим широким скоком! Ну, мой конь,
Неси меня, порадуй господина
И резвым ветром бега твоего
Отвей тоску от головы его!

(Скачет.)

Вот этак лучше! Вот уж и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столб стоит, и на столбе слова.
Посмотрим, что имеет он сказать!

(Читает.)

«Ежели кто поедет от сего столба прямо, тот будет голоден и холоден; кто же поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его убит; а кто поедет в левую сторону, тот будет убит, а конь его жив и здоров будет».

Куда ж мне ехать? Прямо от столба?
Я не люблю, я вовсе не способен
Ни голодать, ни холодать. Направо?
Жаль мне коня! Да и себя мне жаль:
Идти пешком... умаешься, устанешь!
Потом лежи и отдыхай, потом
Опять иди и снова отдыхай.
Нет, это скучно, мешкотно; а я
Сказал отцу, что скоро ворочусь
С Жар-Птицею, я должен торопиться.
Куда ж мне ехать? Разве уж налево?
Чтобы меня убили!.. А мой конь,
Мой верный добрый конь, надежный мой товарищ,
Остался бы покинутым под верх
Разбойнику? Нет, этого не будет.
Нет! добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчеств никаких,
Не верю им: я знаю, врут они!

X

Иван царевич

(в лесу, сидит)

Чтоб у тебя всегда болели зубы,
Проклятый волк! Ты самый хищный зверь!
Чем я тебя обидел, огорчил,
Что ты зарезал моего коня,
Товарища и друга моего?
Чем виноват он? Голоден ты, что ли?
И мал тебе пространный этот лес
Ловить твою несчастную добычу?
Нет! так уж ты и жаден и свиреп!
Мой добрый конь! Как тешил он меня!
И не за то ль озлился на него
Ты, лютый зверь, что на твоей дороге
Так весело и смело он скакал
И громко топал бурными ногами,
Что растревожил самого тебя
И все твое зеленое жилище?
Как я устал! А долго ли я шел,

И много ли прошел я? То ли было...
Ах, добрый конь мой, что́ я без тебя?
Проклятый волк! Осиротил меня!

XI

ИЗ ЛЕСУ ВЫХОДИТ СЕРЫЙ ВОЛК.

Серый волк

Прости меня, Иван царевич!

Иван царевич

Что ты?
Прочь от меня, разбойник! Прочь поди!

Серый волк

Мне жаль тебя, Иван царевич.

Иван царевич

Поздно
Ты обо мне жалеешь.

Серый волк

Право, жаль,
И знаешь ли? Ведь я почти невинен,
Что твоего коня я растерзал:
Я только был орудием судьбы
И действовал невольно, исполняя
Ее закон, жестоко-непреложный.
Ты помнишь, что́ предсказывал тебе
Дорожный столб? Ты выбирал дорогу,
Но будь спокоен: я тебе слуга,
Хочу помочь твоей большой беде,
И помогу: садись-ко на меня
И поезжай на мне куда угодно,
Как на коне на самом удалом.

Иван царевич

Пожалуй, я от этого не прочь,
Чем мне пешком тащиться. Хорошо!
Будь мне конем. Вот видишь ли в чем дело
Меня послал царь-батюшка достать

И привезти ему Жар-Птицу: так вези
Меня туда, в то царство, понимаешь?

(Садится верхом на волка.)

Ну, я совсем! Несись во весь опор,
Мой серый конь, мохнатый мой скакун!

XII

Серый волк

Приехали! Слезай с меня, мой витязь!
Вот через эту каменную стену
Переберись; а там в саду Жар-Птица.
Давно уж ночь, уснули сторожа;
Иди себе, не бойся их нимало:
Они обыкновенно крепче спят,
Чем прочие хранительные власти.
Да вот тебе совет мой: ты Жар-Птицу
Бери смелей, во сне она смирна,
И вынь ее из клетки золотой
И унеси, а клетку золотую
Оставь как есть; не тронь ее — она
С механикой, со штукой, от нее
Звончатые, чувствительные струны
Проведены к дворцовым караулам;
Они как раз подымут шум и крик,
Тогда тебе не миновать беды!

XIII

ЦАРЬ ДОЛМАТ И СКАЗОЧНИК.

Царь Долмат лежит на кровати, перед ним на полу сидит сказочник.

Сказочник

Был чудный царь, великий беспримерно;
Задумал он народ свой просветить,
Народ, привыкший в захолустье жить,
Почти бескнижный, очень суеверный
И закоснелый в рабстве. Как с ним быть?
Царь был премудр, и начал он с начала:

Стал самого себя он просвещать —
И благодать господня воссияла
Ему, наук живая благодать.
Но этого казалось не довольно
Тому царю, единому в царях:
Оставил он венец и град престольный,
Пошел узнать в далеких сторонах
Все нужное для своего народа;
И все узнал он собственным трудом
И ко своим пришел, равно знаком
С вожденьем царств и звездным чертежом,
С порядком битв и стрелкой морехода,
С ножом врача, с киркой и долотом!

Царь Долмат

Вот хорошо! Люблю такие сказки,
Спокойные, где творческий талант
Ведет меня к назначенной мете
Прямым путем; и мне тогда легко:
Я следую за ним, не утомляясь,
Бровей не хмуря, думаю подробно
О всем, что мне рассказывают; ясно
Соображаю, как и в чем тут дело,
И сказка вся с начала до конца
Передо мной ложится на виду.
И любо мне и сладко, что я понял
Все хитрости, которые талант
Употребил в ней, свойственно своей
Возвышенной природе создавать
Умно. Меж тем часы едва заметно
Идут, идут — и благотворный сон
Мои зеницы тихо закрывает
И долго, долго в самой сладкой неге
Меня лелеет. Поутру проснусь
Здоров и светел. Тут-то я доволен,
Что слушал сказку; тут-то я вполне
И чувствую и вижу на себе,
Как нужны и приятны человеку
Словесные искусства и талант,
Развившийся в порядке. Продолжай!

Нет, погоди! Я слышу...
Так, звонят!
И крик и шум, неужели пожар?
Ох, я боюсь пожара, как огня!

XIV

ТЕ ЖЕ И СТРАЖА С ИВАНОМ ЦАРЕВИЧЕМ.

Царь Долмат

Что за тревога? Что за крик и шум?

Начальник стражи

Все слава богу! Поймали вора
В твоем саду: хотел унесть Жар-Птицу.

Царь Долмат

Сковать его, в тюрьму его скорее!
Судить его шемякинским судом!..
Ко мне его сию ж минуту!..

Вводят Ивана царевича.

Начальник стражи

Вот он!

Царь Долмат

Кто ты таков?

Иван царевич

Я сын царя Выслава,
Иван царевич.

Царь Долмат

Сын царя Выслава...
Андроновича, что ли?

Иван царевич

Точно так!

Царь Долмат

Послушай, друг мой, как тебе не стыдно
Птиц воровать! Твое ли это дело?
Ведь ты царевич.

Иван царевич

Я не виноват...
Меня послал царь-батюшка поймать
И привезти ему Жар-Птицу; нам
Она премного сделала вреда:
Изволила повадиться в наш сад
По яблоки заветные и яблонь
Испортила, хоть брось... Меня послал
Царь-батюшка...

Царь Долмат

Так разве ты не мог
Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросил бы:
Тогда бы я, приняв в соображенье,
Что твой отец — известный государь,
Что ты — Иван царевич, сын его,
Решился бы по милости моей
Тебе отдать, пожаловать Жар-Птицу.
Ты поступил иначе. Что ж ты взял?
Тебя ж поймали, привели на суд
Перед царя, и что царю угодно,
Тому и быть с тобою! Я бы мог
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкий твой поступок; я бы мог
Провозгласить торжественно и громко
Во всех газетах, что такой-то,
Иван царевич, сын царя Выслава,
Ворует птиц и пойман, уличен
И прочее; я мог бы сверх того
Еще нанять, положим, хоть десяток
Ученых и бессовестных мужей,
Чтобы они особенные книги
Писали и печатали везде
О том, что ты не годен никуда:
Тебя рассмотрят, разберут, обсудят,
Опишут с головы до ног, и все,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, все узнается и будет
Разглашено от Кяхты до Багдада,
От Колы до Помпеева столба!

Потом из тех газет и книг, мой милый,
Ты перейдешь в пословицу, а там
Того и жди, что именем твоим
Бранчивые старухи на торгу
Кидать в мальчишек станут, словно грязью:
Но я не строг, я пощажу тебя
За то, что ты известной царской крови
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирепыми усами
И бородой, а мягким, нежным пухом;
Я пощажу тебя, Иван царевич,
Когда ты мне дашь слово, что ты мне
Сослужишь службу; я прощу тебя
И сверх того отдам тебе Жар-Птицу,
И ты со мной расстанешься как с другом
И выедешь из царства моего
В большом почете, как высокий гость,
Как сын царя, с которым я желаю
Вести приязнь и дружбу.

Иван царевич

Я согласен.
Какая ж это служба?

Царь Долмат

Вот какая:
Есть царь Афрон, и у царя Афрона
Есть превосходный златогривый конь;
Так ты достань мне этого коня;
А не достанешь: нет тебе пощады!
Согласен ты на это?

Иван царевич

Я согласен.

Царь Долмат

И слово мне даешь, что непременно
Добудешь златогривого коня
И мне его отдашь?

Иван царевич

Даю и слово.

Царь Долмат

Итак, прощай же, будь здоров и действуй,
Ты молодец. Прощай, Иван царевич!

Иван царевич уходит.

Царь Долмат

Досказывай же сказку: спать пора!

Сказочник

Царь был велик: так нечему дивиться,
Что многие не поняли его
И вздумали за старое вступиться,
За глушь непросвещенья своего,
И заговор составили кровавый
Против царя, который, как отец,
Смирял строптивость грубых их сердец,
Открыл для них дорогу светлой славы
И целый мир возвышенных трудов
Для их ума, любившего дотоле
Бездействие, сидение в неволе,
Завещанной от их же праотцов, —
И заговор составили кровавый...
Но царь другой, тот, коего закон
Выводит день и ночь на небосклон,
Хранит небес порядок величавый,
Кто дал нам жизнь и душу сотворил, —
Тот подвиги и мысли светозарны
Великого царя благословил...
И замысел не удался коварный;
А между тем...

Царь Долмат

Прекрасная и нравственная сказка!

(Сказочнику.)

Мне кажется, тут можно перервать
Рассказ: тут, верно, будет переход
К чему-нибудь дальнейшему. Довольно!
Я засыпаю, ты молчи и спи!

XV

ТРАКТИР, ХОЗЯЙКА И ДВОЕ ГОСТЕЙ.

Хозяйка сидит у окна за книгой. Гости перестают играть в карты.

Первый гость

Уф, я устал, я не могу играть!
Сегодня полно! — Битых семь часов
Мы не вставали с места — это слишком!
И вечно я проигрываю! Точно
Мне на роду написано погибнуть
От рук твоих, любезнейший!

Второй гость

Сегодня.
Тебе несчастье: как же быть, мой друг?
День на день не приходится. Фортуна
Непостоянна, ветрена. Ты помнишь,
Как я тебе проигрывал.

Первый гость

Да, помню,
И есть чем хвастать! Это капля в море
В сравнении с моими векселями.

Второй гость

Вольно ж тебе играть на векселя!

Первый гость

А где мне взять наличных, если нет их?

Второй гость

Известно где: именье заложи!

Первый гость

Заложено.

Второй гость

Продай его.

Первый гость

Задаром?

Второй гость

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дам тебе не дешево. Скажи,
Почем ты просишь за душу? Решайся:
На чистоган игра повеселее.

Первый гость

Да чище ли?

Второй гость

Ты шутишь очень мило.

Первый гость

Я не шучу.

Второй гость

Ну вот, уж и надулся!
Как будто сам ты новичок в игре,
Как будто я сегодня в первый раз
Играл с тобою. Мы давно знакомы,
Мой друг, — ты сам не ангел чистоты
По этой части; перестань сердиться!
Сыграемся хоть завтра же.

Первый гость

Прибавь
Сегодняшний мой проигрыш к тому,
Что у тебя записано за мною.

Второй гость

(записывает и показывает ему книжку)
Смотри же сам. Так, кажется?

Первый гость

Так точно!

(Встает.)

Как я устал, и голова болит!

Второй гость

(встает и подходит к хозяйке, припевая)

Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой.

Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица; что у нее глаза
Чудесные, румянец самый свежий,
Приманчивый; что славно управляет
Она своим трактиром, знает свет;
Всегда одета чисто, новомодно,
И сверх того добра, литературна,
Читала все новейшие романы.

Первый гость

Я не хочу тебе противоречить,
Хотя и мог бы; я и сам люблю
Прелестную, живую Кунигунду
И чувствую, что я имею честь
Принадлежать к числу людей, к которым
Она весьма нежна и благосклонна.
Я не хочу, а мог бы доказать,
Что красота ее непостоянна,
Что поутру она совсем не то,
Что вечером.

Второй гость

Неправда!

Первый гость

Я сужу
По собственным моим соображеньям:
Ей по утрам не должно бы казаться
Своим гостям; она бы несравненно
Сильнее волновала нашу кровь.
Она у нас вечерняя звезда,
А по утрам ей лучше б не всходить
На горизонт: тогда у ней лицо
Не хорошо... болезненного цвета,
Не весело и даже как-то жестко

На взгляд, не сладко; вялые глаза
Не светятся, оттенены жестоко
Лазурными дугами; грудь болит,
И шаткая и вялая походка.
А вечером смотри, какая прелесть!
Пленительна, как молодость, бела,
Румяна, как белила и румяна,
И всякого готова соблазнить.

Хозяйка

Вы очень глупы, и всегда равно:
И поутру и вечером.

Второй гость

Он проигрался и сердит на всех.
Не обижайся! Это не надолго!

Входит еще гость.

А, здравствуйте! — Я вас давно искал,
Желал вас видеть...

Первый гость

Поздравляю вас
С находкою и вместе с исполненьем
Желания!

Третий гость

Как шла у вас игра?

Первый гость

Что нового?

Третий гость

В газетах ничего.

Первый гость

А в письмах?

Третий гость

В письмах то же, что в газетах!
Однако ж есть и новость: говорят,
Что будут к нам, на этой же неделе,

И проживут у нас до белых мух
Два иностранца — два родные брата
И богачи, — и денег не жалеют;
А странствуют incognito: [1] один
Под именем Мельмота, а другой
Под именем второго Казановы!
Они любезны, милы, мастерски
Танцуют, любят веселиться,
Играют в вист, и по большой!

Второй гость

А в банк?

Третий гость

Об этом я не знаю; но, конечно,
И в банк играют; ездят же они,
Как слышно, для ученых разысканий
О птицах. Впрочем, это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются по разным государствам
И городам, чтоб деньги рассорить,
А между тем ⟨и⟩ время провести
С приятностию не в сидячей жизни.

(Подходит к Кунигунде.)

Я радуюсь, что вижу вас опять
Здоровыми по-прежнему. Я слышал
От вашего дворецкого, что вы
Больны не в шутку — верно, простудились.
Позвольте вам заметить, вы себя
Не бережете...

Второй гость

Я согласен с вами,
Что ей бы не мешало обходиться
С своим здоровьем несколько скромнее, —
Хоть ради нас.

Хозяйка

Я не была больна.

---

[1] Скрытно, под вымышленным именем *(лат.)*.

Третий гость

Для вас же лучше.

(К первому, смотря на часы.)

Не пора ли нам
На бал, теперь давно десятый час!

Димитрий и Василий царевичи входят.

Димитрий царевич

Шампанского и трубку табаку!

Василий царевич

Шампанского!

(Садится.)

Пора нам отдохнуть —
Жар, ветер, пыль, претряская дорога,
Мосты чуть живы, мерзкий перевоз,
Гора крутая...

Третий гость

Смею ли спросить,
Вы только что приехали?

Димитрий царевич

Так точно;
Несносная, смертельная езда!
Особенно где гати!..

Третий гость

Ваша правда.
У нас дороги очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

Димитрий царевич

Из Дувра,
Мы ездили по западу Европы,
Мы странствуем, — приехали и к вам.

Третий гость

Какая цель поездок ваших?

Димитрий царевич

Все,
Особенно же птицы. Нам бы нужно
Найти одну редчайшую... Да здесь
Едва ли есть такие птицы: здесь
Климат холодный, и сама природа
Весьма обыкновенная.

Третий гость

У нас
Нет редких птиц: индейки, гуси, галки...

Второй гость

Дрозды, сороки, воробьи...

Первый гость

Грачи...

Третий гость

Тетерева и прочие простые...

Приносят вино и бокалы.

Василий царевич

(наливая)

Угодно вам шампанского?

Третий гость

Позвольте
Поздравить вас с приездом!

(К первому и второму.)

Господа,
Вас просят пить шампанское!

Первый и второй гости

(пьют)

С приездом!

Третий гость

Вино недурно. Здешняя хозяйка
Известна тем, что погреб у нее
Отличнейший — все вина выписные.

Второй гость

И тем еще, что и сама она
Прекрасна и любезна. Кунигундой
Зовут ее.

Василий царевич

Прекрасное вино!

Хозяйка

Я никогда не подаю дрянного:
Пошлюсь на всех.

Третий гость

А знаете ли вы,
Любезная, каким из ваших вин
Вы можете похвастать?

Хозяйка

Я не знаю:
Все хороши!

Третий гость

Какое лучше всех?

Хозяйка

Ей-ей, не знаю. Я не пью вина.

Третий гость

А я так знаю! Это — ваш рейнвейн,
Такой рейнвейн, что этакого мало
И за границей. Вот так уж вино!

Димитрий царевич

Подать рейнвейну!

Второй гость

И зеленых рюмок!

Димитрий царевич

Скажите мне, здесь весело живут?

Третий гость

Порядочно: умеют есть и пить,
Съезжаются на балы, на обеды;
Есть много ловких молодых людей,
И здешних и приезжих; есть игра:
Вист, экарте, направо и налево...

Василий царевич

Все это мило. Стало быть, у вас
Гражданственность довольно развита!

Третий гость

Так, в городах, которые побольше,
А в маленьких не очень; да нельзя
И требовать, чтобы так скоро; впрочем,
И там уже заметен шаг вперед:
И там уже трефоль и ерофеич
Успешно вытесняются мадерой,
Полушампанским, ромом, три листа
И горка — вистиком и банчиком; и тоже
Бывают танцы...

Димитрий царевич

Есть у вас театр?

Третий гость

Театра нет. Зато к нам приезжают
Заморские фигляры, прыгуны
И оптики.

Приносят вино.

Вот рейнвейн!
(Смотрит на бутылку.)
Тот самый!

Пьют.

Не правда ли, отличное вино?

Димитрий царевич

Да, хорошо, хотя и молодое!

Третий гость

К нам не доходит старое вино.

Первый гость

А молодое здесь недолговечно.

Третий гость

Да, можно похвалиться, что у нас
Пьют сильно.

Димитрий царевич

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

Третий гость

У меня до вас
Покорнейшая просьба.

Димитрий царевич

Говорите!
Я очень рад...

Третий гость

Вот вместе с нами, — я ручаюсь вам,
Что бал прекрасный, — я вас познакомлю
С хозяином; он добрый старичок;
И хлебосол и мастер угостить;
Жена его любезна, молода.
Поедемте! Там весело, там будет
Весь город; вы увидите всех наших
Красавиц, — есть премилые, — решайтесь!
Все вас полюбят, примут как родных.

Василий царевич

Нам надобно с дороги отдохнуть.

Третий гость

Вы после отдохнете — и с дороги
И с балу разом.

Василий царевич

Я почти согласен.

Димитрий царевич

И я согласен. Едем, так и быть.
Но пойдем переодеться. Кунигунда!
Нам комнату!..

Димитрий царевич и Василий царевич уходят.

Третий гость

Не слишком наряжайтесь.
Все знают, что вы прямо из коляски.
Приятное знакомство...

Первый гость

Мне они
Понравились — особенно вот этот,
Что потчевал шампанским.

Второй гость

Молодцы!
Как вежливы, какое обхожденье,
Приветливость и ловкость!

Третий гость

Как умны,
Учены, добры, милы!

Второй гость

Не жеманны:
Я полюбил их, только что они
Вошли.

Третий гость

Я также, и тотчас узнал,
Что это люди первого разбора,
Ведь хорошо я сделал...

Первый гость

Что на бал
Уговорил их? Очень хорошо!

Третий гость

Мне хочется, чтобы они у нас
Как можно дольше пробыли; они
Любезные, порядочные люди,

Богатые; их надобно ласкать,
Уметь ценить их.

Первый гость

Это мы сумеем!
Лишь только б нам их заманить в игру;
Сначала помаленьку и прохладно,
А там знай наших!..

Второй гость

Мы гостеприимны.

Третий гость

Не должно врать...

Первый гость

Ты сам остерегайся!
Ты по вранью здесь первый человек!

Третий гость

Нет, извините, — вы себя забыли!
Какая скромность!

Второй гость

Что вы, господа!
Вы не поссорьтесь! Чу! они идут.

Димитрий царевич и Василий царевич приходят.

Третий гость

(подает им шляпы)

Вот ваши шляпы! Мы на бал приедем,
Как следует, не рано и не поздно.

Все уходят.

XVI

СЕРЫЙ ВОЛК ОДИН

Серый волк

Мне нравится мой витязь! Он красавец,
Смел, добродушен, жизненная сила
В нем весело играет и кипит;

В нем лишь одно не ловко, не похвально
И мне прискорбно: он мои советы
Позабывает в самое то время,
Как должен их исполнить! Молод он,
Неосторожен, а беда как тут!
Но это я прощаю. Человек
Всегда таков, покуда сам собой
Не испытал и после не обдумал
Всех случаев опасных и несчастных,
Которые возможны, поколику
Они возможны. Я того и жду,
Что он опять забудет мой наказ:
Он соблазнится золотой уздой,
Возьмет ее и сделает тревогу!

Иван царевич

Прости меня, мой добрый серый волк!
Я виноват, опять впросак попался.

Серый волк

Вот молодость! Она воображает,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрелой головы.

Иван царевич

Я со стены спрыгнул благополучно,
Все было тихо, на дворе широком
Покоился крепчайший караул
В объятиях весеннего Морфея;
Я шел, твердя в уме твои слова:
«Не брать узды, не брать узды!» и этак
Добрался до конюшни и в нее
Вошел, взглянул; а на стене узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Как я тогда смешался, я забыл
И твой приказ... и самого себя, —
Вся в дорогих каменьях, в жемчугах
И золотая, от нее лучи!
Я протянул к ней руки и лишь начал
Снимать ее с высокого гвоздя,
Вдруг звон, и крик, и страшная тревога!
Меня схватили, молодца, и прямо

На суд, как раз перед царя Афрона;
Царь вспыхнул, расходился и меня
Сердитыми вопросами осыпал.
Я отвечал ему чистосердечно,
Кто я таков и для чего зашел
В его конюшню. Он хоть и смягчился,
Но уж мыл-мыл мне голову! Потом
История, похожая на ту,
Что у меня была с царем Долматом:
И царь Афрон дарует мне прощенье,
Отдаст мне златогривого коня,
Когда ему я службу сослужу.
Вот видишь ты, в чем дело: он влюблен,
И горячо, решительно влюблен,
В какую-то прекрасную Елену;
Он сам принадлежит ей и желает,
Чтоб и она ему принадлежала,
Желает страстно, жаждет и кипит!
Так я взялся, дал рыцарское слово
Достать ему предмет его любви.
Не знаешь ли, мой добрый серый волк,
Скажи ты мне, что это за Елена?

Серый волк

Верх совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего,
Что зажигает в сердце молодом
Огонь любви прекрасной и живой.

Иван царевич

Эге-ге-ге!

Серый волк

Ну, мой Иван царевич!
Я потружусь, я сослужу тебе
Большую службу, я тебе достану
Прекрасную Елену: а тебе
Ее похитить самому нельзя,
Поверь ты мне. Садись-ка на меня,
Поедем мы в то царство! Я тебя
Оставлю на дороге одного
Во чистом поле, под зеленым дубом,

Там жди меня, я скоро ворочусь
С прекрасною Еленой и тебе
Отдам ее руками.

Иван царевич

Добрый волк!
А мне было хотелось самому...
Да все равно, я на тебя надеюсь
И буду ждать.

(Садится верхом на волка.)

Пошел же поскорее!

XVII

ИВАН ЦАРЕВИЧ.

Иван царевич

(под зеленым дубом)

Светла, чиста небесная лазурь;
Прохладен воздух, долы и холмы
Цветут; стрекочет подмуравный мир,
Журчат ручьи, и свищет соловей.
Прекрасный день! Люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годин,
Своею негой, свежестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
В ней легкие и страстные мечты
И помыслы, и весело они
Играют и летают над землей
В благоуханном воздухе твоем,
Под сводом неба ясно-голубым!

А что со мною будет, если волк
Меня обманет, убежит домой,
А я останусь пеш и одинок...
Здесь, под зеленым дубом? Я не знаю,
Чье это царство и куда идти.
Жду не дождусь; теперь уж третьи сутки
Кончаются с тех пор, как он меня
Покинул здесь. О нет! он добрый малый,
Смел и проворен, служит мне охотой,

Достанет он прекрасную Елену,
Верх совершенства! Стало быть, она
Весьма громка своею красотой,
Когда известна и в глуши лесной!
Я буду волку вечно благодарен
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь к царю Афрону,
Отдам ему прекрасную Елену,
Возьму золотогривого коня;
Потом отдам коня царю Долмату,
И получу желанную Жар-Птицу, —
И с этою блистательной добычей
Домой, домой — и прямо во дворец,
И батюшку на старости утешу!

XVIII

ИВАН ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК С ЕЛЕНОЙ.

Серый волк

Иван царевич, принимай руками
Прекрасную Елену, вот она!

(Кладет ее на луг, она в беспамятстве.)

Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышит, не глядит, чрезмерно
Испугана, потрясена ужасно:
Я так внезапно выхватил ее
Из тишины отеческого сада,
Из круга милых, молодых подруг,
Прислужниц, нянек, мамок и так быстро
Скакал с моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная в неге и покое,
Имела право обмереть со страху
И задохнуться на моей спине;
А впрочем, я берег ее, слегка
Придерживал зубами, чтоб никак
Не уязвить чувствительного тела.

Иван царевич

(смотрит на Елену)

Жесток ты, волк!

Серый волк

Небось она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
И подлинно, прекрасная Елена!

(Смотря на нее.)

Чудесный, бесподобный идеал!
Изящное слияние живых
Подробностей, оттенков и частей
И сладостных округлостей с живой
И сладостною мыслию всего
Создания в одно очарованье!
Иван царевич, посмотри сюда:
Как живописно с этого чела
Прелестного упали эти кудри,
Волнистые и мягкие, как шелк,
И черные, как ворон — птица ночи, —
На белизну и ясность молодую
Ее лица, на полноту грудей,
Высоких, пышных, царственных грудей!
Что за ресницы! Длинные, густые!
Глаза у ней! Ах, мой Иван царевич,
Я видел их, я видел этот рай
Живительных желаний и томлений,
Восторгов, нег, отрад, самозабвений,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней большие, голубые,
И светятся они таким огнем
И жгучим и умильным, что я сам...
Я, серый волк... Прекрасная Елена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здесь не обидят вашей красоты,
Не бойтесь!

Елена

(смотрит кругом себя)

Что сделалось со мною? Где я?..

Серый волк

Худого с вами ничего; а где вы?
На это я могу вам отвечать
Лишь то, что вы находитесь теперь
За тридевять земель оттуда, где
Вы были дома.

Елена

Я несчастная!.. Куда
Меня... Так точно, все это не сон,
Меня разбойники украли, я умру!..

Серый волк

Разбойники! Прекрасная Елена!
Не бойтесь нас! Такие ли бывают
Разбойники? Вот этот человек,
Вот этот витязь, посмотрите: он
Ни жив ни мертв, стоит как полоненный,
Глаза потупил, руки опустились;
А отчего? Все оттого, что вы
Очнулися, вы... чудо красоты!
И он увидел ваши голубые
Глаза и в вас влюбился всей душой.
А я, кто я? Я добрый серый волк
И нахожуся в должности коня,
А иногда и в должности посланца
У витязя, который перед вами!
Я серый волк и зверь, а не разбойник!

Елена

Зачем же я похищена?

Серый волк

На это
Ответит вам мой витязь. Вы не бойтесь!
Иван царевич тих и благонравен,
Застенчив даже; отвечай скорее,
Иван царевич, не робей, мой витязь!

Иван царевич

Меня послал царь-батюшка поймать...
Достать ему чудесную Жар-Птицу...
И привезти...

Серый волк

Прекрасная Елена!
Не будьте строги, улыбнитесь! Что вам
Одна улыбка!

Елена улыбается.

Вот давно бы так!
Улыбка ваша, право, слаще меда.

Иван царевич

А ты как знаешь, что такое мед?

Серый волк

Признаться, понаслышке. У меня
Был некогда приятель задушевный,
Медведь, Кузьма Иваныч, мой земляк;
Окончив курс учения в Сморгонской
Гимназии, он вышел из нее
И странствовал с поводырем и много
Земель различных видел, потешая
Людскую праздность пляскою своей;
Потом в леса родные возвратился,
Сорвавшись с цепи: так он говорил.
Он возвратился, правда, стариком,
Измученным, беззубым, но зато
Преопытным и мудрым, как Улисс.
Так от него-то много я узнал
О меде и о свете вообще.

Иван царевич

Я думаю, прекрасная Елена,
Вы страшно испугались в ту минуту,
Как серый волк похитил вас из саду.

Елена

Смертельно испугалась.

Иван царевич

Мне досадно,
Мне больно, что усердный мой слуга
Так быстро мчал вас; впрочем, он боялся
Погони и поимки, торопился
Скорей ко мне.

Елена

Прошу вас мне сказать,
Зачем меня так неучтиво, странно
Похитили?

Иван царевич

Прекрасная Елена!
Я вас не знал, я полагал, что вы
Красавица, каких и я довольно
Видал; бывало, взглянешь на нее —
И вспыхнешь, и пробудятся в тебе
Волнения, восторги и мечты
Телесные и ровно ничего
Духовного: живее сердце, кровь
Живее... Ах, прекрасная Елена!
Ах, вы не то, нет, я увидел вас
Спокойно, равнодушно; я хотел
Полюбоваться вами, посмотреть
Красавицу, которую так славят
Везде и все, а не влюбляться в вас.
И долго, долго я на вас глядел
Бесстрастно и свободно; но потом,
Лишь только вы очнулися и взгляды
Мои впилися в ваши, я не знаю,
Что сделалось со мной! Затрепетал
Я трепетом нечувственным; во мне
Творилось что-то новое; мне было
И радостно, и страшно, и легко;
Я полон стал невыразимой неги,
Сладчайшей и высокой; полон стал
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземного!
Казалось мне, что бытие мое
Не прежнее, что в бытие иное

Перенесен я, в дивный, чистый мир
Гармонии и света! Я люблю!
Я вас люблю, прекрасная Елена,
Люблю вас каждым помыслом души
И каждым чувством сердца вас люблю;
Все, чем живу и движусь, чем я мыслю,
Желаю, верю и надеюсь, все,
Все это — ваше; вы мой светлый рай,
Моя звезда, мое предназначенье;
Вы мне ответ на роковой вопрос:
Быть иль не быть! Прекрасная Елена!

Серый волк

Иван царевич! не пора ль тебе
К царю Афрону выменить коня?

Иван царевич

Поди ты прочь с твоим царем Афроном!
Ты видишь: мне теперь не до него!
Оставь меня!

Серый волк

Ты сердишься, Юпитер...

Иван царевич

Прекрасная Елена! Я дал слово
Царю Афрону вас ему доставить:
Вот для чего похищены вы были
Вот этим волком. Этот царь Афрон
Ваш давний, постоянный обожатель.
Скажите мне, желаете ли вы
К царю Афрону?

Елена

Я его не знаю...
Он сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

Иван царевич

Ах! не велите мне вас отдавать
Царю Афрону, он вас не поймет,
Я лучше... Он не силен так любить,

Как я люблю вас. Вы владейте мною:
Я вас введу в отеческий мой дом,
К царю Выславу; он благословит
Мою любовь, я буду счастлив вами,
Я буду вам повиноваться; буду
Все ваши мысли, все слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять,
Приветливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тем, что я ваш, прекрасная Елена!
Согласны вы?

Елена

Я пленница, я жертва
Беспечности придворных сторожей...
О, будь со мной что надобно судьбе!
Я ей во всем смиренно отдалась;
Я не ропщу, я не могу желать
К царю Афрону...

Серый волк

Я вас поздравляю,
Прекрасная Елена, с женихом,
Достойным вас по крови, по душе,
По сердцу, летам, ростом и лицом!
Иван царевич, что же ты молчишь?
Счастливейший из смертных!

Иван царевич

Добрый волк!
Чем я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастлив! Это солнце
Любви мое; оно все дни мои
Осветит ясно тихими лучами,
Согреет нежно сладкой теплотой,
И дивною красою изукрасит,
И жизнию прелестной оживит.
Теперь домой! Послушай, милый волк!
Тебе не будет тяжело везти
Обоих нас? Вези нас легкой рысью!

Серый волк

Нет, мой Иван царевич, погоди:
Ты позабыл, что надобно тебе
Добыть Жар-Птицу.

Иван царевич

Как ее добудешь?
Отдать мою прекрасную Елену
Царю Афрону! Не отдам никак!
Ни за табун коней золотогривых
И ни за что на свете не могу!
Да, не могу!

Серый волк

А рыцарское слово?

Иван царевич
(задумывается)

Что ты сказал? Ах, правду ты сказал!
Да, я несчастный, вот моя судьба!
Я полюбил... глубоко, вдохновенно,
На весь мой век прекрасную Елену...
И с ней расстаться! И ее отдать!..
Я сам умру! Мне легче умереть,
Чем одному скитаться по земле!

(Плачет.)

Серый волк

Не плачь, Иван царевич!

Иван царевич

Ах, мой добрый волк!
Как мне не плакать? Слезы льются сами;
Мне тяжело, смертельно тяжело...
Я гибну... я лишусь моей Елены!

Елена плачет.

Серый волк

Уж разве мне вступиться в ваше дело,
Прекрасная Елена?

Елена

Добрый волк!
Спаси его, спаси обоих нас!

Серый волк

Я вам слуга, прекрасная Елена:
Спасу я вас обоих, — успокойтесь!
Садитесь-ка на серого слугу!
Я повезу вас самой нежной рысью,
Прохладно и сохранно, в государство
Царя Афрона; там, Иван царевич,
Найдем мы лес, а в том лесу поляну,
И в той поляне мы одну оставим
Прекрасную Елену ненадолго.
Я обернусь прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону
И на своем коне золотогривом
Туда приедешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не более трех суток, убегу,
И снова к вам явлюся вам служить.

XIX

ИВАН ЦАРЕВИЧ, ЕЛЕНА И СЕРЫЙ ВОЛК.

В лесу.

Елена

Любезный волк! я буду вечно помнить,
Чем я тебе обязана, ты спас
Обоих нас: благодарю тебя!

Серый волк

И есть за что, прекрасная Елена!
Ах, если бы вы видели, как я
Вас представлял перед царем Афроном!
Комедия! Когда Иван царевич
Покончил с ним дела свои и вышел
Из комнаты, где приняты мы были
Блистательно и радостно и им

Самим и ловкой, пестрою толпой
Золотошвейных царедворцев, — царь
Махнул рукой, и я осталась с ним
Наедине. Он предложил мне сесть;
Я села на диван под балдахином,
Задумчиво склонилась головой
К высокой спинке, очи и уста
Полузакрыла томным выраженьем
Пленительной усталости, а руки
На бархатных подушках разметала;
Во всей во мне была видна печаль,
Но тихая и нежная печаль,
Подобная тем тонким и прозрачным
И мимолетным вешним облакам,
Которыми скрывает иногда,
Как белой дымкой, пурпуры свои,
Свой пышный блеск веселая денница.
Он преспокойно сел против меня
И занимался долго созерцаньем
Моей всесовершенной красоты,
Беспрестанно взглядами своими,
Смиренными и сладкими, на мне
И медленно и мягко рассыпаясь.
Я видела, что я ему мила
И что ему легко и хорошо.
Потом сказал: «Прекрасная Елена!
Простите мне любовь мою; она,
Отверженная... так неутомимо
Гнела мне сердце, так немилосердно
Томила душу, так несносно-душным
Мне сделала путь жизни, что я впал
В уныние, оцепененье чувств,
В разлад идей; я стал угрюм, как ночь
Октябрьская ненастная; ослаб
Душой и телом; только и желал,
Что умереть, — и наконец решился!
Но вдруг случилось!..» Тут он рассказал
Историю, как ты, Иван царевич,
К нему пришел и как ты обещал
Достать ему предмет его любви
В обмен на златогривого коня.

Иван царевич

Да, царь Афрон — не промах: он хотел
Взять за коня прекрасную Елену!
Положим, что и дорог этот конь:
Он златогривый... все-таки он лошадь!

Серый волк

Он говорил мне об высоких чувствах,
Которые возобновились в нем
С тех пор, как я вблизи ему сияю,
Его кумир, звезда и небеса!
И говорил он многословно, жарко
Игрой души влюбленный через край,
И пеной удалых словокружений
Кипела и блистала речь его.
Я слушала и слушала, и вдруг
Мне захотелось позабыться сном —
И я зевнула; он заметил это,
И замолчал, и потихоньку вышел
На цыпочках, не смея и дохнуть.

Елена

Он очень мил.

Серый волк

Как всякий человек
В присутствии красавицы, точь-в-точь
Такой, как вы, прекрасная Елена.
Я позабылась самым крепким сном
И долго им покоилась и встала,
Пробуждена горячим поцелуем
Полдневного сияния небес.
Тотчас вокруг меня засуетился
Игривый рой прислужниц молодых;
Передо мной наставили уборов
С три короба; во всем богатство, роскошь
И прелесть свежей выдумки и вкус.
Я нарядилась в бездну жемчугу,
В тьму бриллиантов, в пышность и во блеск,
И засияла, солнце красоты,
В окне над садом, а сама запела:

Лишь только занялась заря,
И солнце взошло вверх, горя,
И осветило земный круг,
Пошла пастушка с стадом в луг,
К потоку чистых вод!

Иван царевич

Тут есть и смысл; а то обыкновенно
Красавицы поют такую гиль,
Что, право, уши вянут.

Серый волк

Царь Афрон
Меня услышал и ко мне явился
С приветствием; поднес мне пук цветов,
Прелестных ботанических растений,
И похвалил мой голос.

Елена

Очень мил!

Иван царевич

Он человек лет сорока семи.

Серый волк

Обедали мы вместе; он шутил
Довольно остроумно, я смеялась
Так непритворно, что он мне сказал:
«Я рад сердечно, что у вас характер
Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавиц заунывных,
Задумчивых, томящихся и слезных!»

Иван царевич

Он в этом прав, я тоже не люблю...

Серый волк

По вечеру гуляли мы в садах
И по пруду каталися с пальбой
И песнями, а пруд был освещен
Потешными огнями — вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

Елена

И все ему не впрок?

Серый волк

Все суета!
Назавтра он водил меня смотреть
Различные полезные постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; он сам мне толковал,
Что́, почему и для чего; потом
Спросил меня, что́ более всего
Мне нравится в его хозяйстве? Я
Глаза склонила и сказала тихо:
«Молоденькие шленские барашки».
Тут царь Афрон задумался, но вдруг
Сжал руку мне и на меня взглянул
Так нежно, так любовно, так глубоко,
Что у меня кровь бросилась в лицо!
Он мне сказал: «Прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливейший мой день,
Когда вполне вы будете моею?
Угодно ли вам завтра?» Я смутилась
И трепетно и робко отвечала:
«Я не противна...» Мы пришли домой,
И он тотчас ⟨же⟩ отдал приказанье
Готовить праздник: он был вне себя
От радости, что завтра наша свадьба.
День догорал, прекрасен вечер был:
Мне захотелось походить в саду
И по полю, — он отпустил меня.
Окружена блестящею толпой
Прислужниц, нянек, мамок и других
Чинов придворных, я в саду гуляла
И вышла в поле. Вдалеке чуть видно
Синелся лес, я села на траве
И приказала им сесть; а сама
В то самое мгновенье, как они
На землю опускались, вдруг вскочила
И поминай как звали, прямо в лес!
Там обернулась в свой родимый вид
И к вам сюда, за тридевять земель,

Скорее ветра прибежал ваш волк,
По-прежнему готовый вам служить.

Иван царевич

Вот молодец! Знай наших! Каково!

Елена

Мне жаль царя Афрона.

Серый волк

Ничего!
Утешится и, верно, перестанет
Вас обожать; сам виноват: зачем
Влюбляться заочно...

Иван царевич

Милый волк!
Мне полюбился златогривый конь.
Не можешь ли ты сделать, ухитриться,
Чтобы и он остался у меня?
Ведь ты волшебный...

Серый волк

Я люблю тебя,
Иван царевич, я готов на все,
Тебе в угоду: буду златогривым
Конем. Ты за меня возьмешь Жар-Птицу;
Я убегу ⟨и⟩ от царя Долмата,
И вновь тебе твой добрый серый волк.

XX

ИВАН ЦАРЕВИЧ, ЕЛЕНА И СЕРЫЙ ВОЛК.

Серый волк

Да, царь Долмат не удалой наездник,
Не молодец; лишь я прибавил бегу,
И вздыбился, и бурно поскакал,
Он оробел, он задрожал как лист,
Поводья бросил, вскрикнул: «Помогите!»
И бух с меня на землю — я и рад,
Что с ним легко разделался, — и мигом

К вам прибежал. Он ездит очень плохо,
Ему некстати златогривый конь!
Вот здесь мы остановимся: ты помнишь,
Иван царевич, здесь, на этом месте,
Я встретился с тобою в первый раз,
Здесь растерзал я твоего коня,
И вот теперь до этого же места
Довез тебя. Теперь есть у тебя
Ретивый конь; Жар-Птицу ты достал,
И сверх того достал себе невесту
Прекрасную. На этом самом месте
Расстанемся. Прощай, Иван царевич!
Мой витязь добрый, будь счастлив во всех
Твоих делах! Прекрасная Елена!
Живите с ним любовно, не слабейте
В желании принадлежать ему,
Как золоту блеск золота, весне
Весенняя прохлада, лету летний
Жар и огню *сияние денное*,
Единственно и крепко. Будьте вы
Всегда здоровы, радостны; цветите,
Прекрасная Елена, упивайтесь
Сладчайшими восторгами любви
И юности счастливого Ивана
Царевича. А мне теперь позвольте
Оставить вас: и мне пора домой,
В мои родные горы и вертепы,
В затишные поляны и леса.
Иван царевич, я тебе служил
Усердно! Вам, прекрасная Елена,
Служил усердно: весело мне было
Вам угождать; недолги и легки
Казались мне большие перебеги
И трудности, какие ради вас
Переносил я; вы меня ласкали,
Мне верили, вы называли волка
Своим слугою милым и любезным!
Я отслужил вам, я не нужен вам,
Я не могу туда, где вы живете.
Прости меня, Иван царевич! Если
Я огорчил тебя когда-нибудь,
Неволею иль волей огорчил,

Прости меня и позабудь о том,
А ежели я был тебе полезен
Моею службою — ах, Иван царевич,
Не поминай же лихом ты меня,
Прошу тебя, когда тебе случится
Быть на охоте и узнаешь ты,
Что псы твои залаяли по волку, —
Останови их, не вели им гнаться
За ним, пусть он бежит в свой лес
И поживет еще на белом свете.
Прощай, Иван царевич, добрый мой,
Прощайте...

(Убегает.)

Иван царевич

Он разжалобил меня,
До слез меня разжалобил, — мой верный
Слуга, какого мне уж не найти...
Я им доволен.

(Плачет.)

Мы домой поедем;
Здесь недалеко. То-то будет рад
Царь-батюшка. Он выйдет на крыльцо
Встречать меня, он обоймет меня
И сам заплачет сладкими слезами
Живейшего восторга. Я скажу:
«Царь-батюшка! Я вам привез Жар-Птицу,
И с клеткою, а вот моя невеста,
Прекрасная Елена! Полюбите
Ее, она прекрасна и душой!
А этот конь — он златогривый конь —
Большая редкость! Он весьма хорош
Вам в беговые дрожки, он недурен
И резвоног и крепок, добрый конь».
Ах, милая Елена, мой отец
Тебя полюбит — я любимый сын
Его — и я с тобою буду жить
Так весело, так счастливо, что диво.
И что за сад у моего отца!
И яблоки единственные в мире!

XXI

ИВАН ЦАРЕВИЧ УБИТЫЙ, ЕЛЕНА, ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ И ВАСИЛИЙ ЦАРЕВИЧ

Димитрий царевич

Так не ушла же ты от наших рук,
Прекрасная, чудесная Жар-Птица!
И с клеткою! И златогривый конь,
И сверх того и эта прелесть. Кто ты,
Несчастная, без друга и в лесу?
Да полно плакать. Как тебя зовут?
Скажи скорее; а не то, ты знаешь,
Ты видела, что мы шутить не любим.
Ну, кто же ты?

Елена

Прекрасная Елена!

Димитрий царевич

Прекрасная Елена! Слышишь, брат?
Прекрасная Елена! Вот она!

Василий царевич

Та самая Елена, о которой
Молва кричит во все свои уста,
Что на земле нет ровно ничего
Подобного ей красотою.

Димитрий царевич

Ты ли
Та самая? Скорее отвечай,
Не бойся!

Елена

Я прекрасная Елена.

Василий царевич

(смотрит на нее)

Так как же быть: кому из нас обоих,
Любезный брат, принадлежит она?

Димитрий царевич

Я старший; разумеется, что мне.

Василий царевич

Нет, я тебе ее не уступлю;
Она и мне понравилась, и я
С тобою ровен правом на нее.
И то сказать, на что тебе Елену:
Ведь ты влюблен.

Димитрий царевич

Пожалуйста, не ври.
В кого же я влюблен?

Василий царевич

А в Кунигунду?

Димитрий царевич

Неправда.

Василий царевич

Как неправда? Ты при мне
Ей изъяснялся в пламенной любви,
Нелицемерной, верной, домогильной
И даже замогильной, и потом
Мне говорил, ну, помнишь, поутру?

Димитрий царевич

Я изъяснялся в пламенной любви
Трактирщице, любезной Кунигунде,
Я говорил?!. Но я тогда был пьян,
Жестоко пьян, с похмелья после бала
И той проклятой ночи, как меня
Картежники едва не удушили.
Прошу не верить пуншевым парам.

Василий царевич

Так жеребий, — пускай же нас рассудит
Сама судьба!

Димитрий царевич

Пожалуй!

Василий царевич

Вот сейчас.

(Делает жеребьи.)

Димитрий царевич

А ты послушай, милая, ни слова
Не смей промолвить обо всем, что здесь
Ты видела и слышала, ни слова!
Молчи и знай, что если хоть во сне
Ты... Я тебе вот этой самой саблей
Срублю головку; помни, будь умна,
Не смей и плакать, и кажись веселой,
И будь тиха, и вовсе покорись
Своей судьбе.

Василий царевич

Вот жеребьи. Сначала
Метнем на резвый.

Димитрий царевич

(вынимает)

Резвый мой!

Василий царевич

Так точно!
Теперь вот эти: конь или Елена?

Димитрий царевич

(вынимает)

Нет счастья мне! Мне златогривый конь!

Василий царевич

Вот то-то же! Прекрасная Елена,
Ты радуйся, что не ему досталась:
Я на тебе женюся непременно,
И станем жить да поживать. Теперь
Пора домой!

Димитрий царевич

Ты помни же, Елена...

Уезжают.

XXII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ, ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ, ВАСИЛИЙ ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА.

Обедают.

Царь Выслав

Я этому не верю: невозможно,
Чтоб человек, который с юных лет
До старости любил уединенье
И тишину ученого труда,
Бежал разврата, жил благочестиво,
Возвышенный и дельный человек,
Вдруг сделался гулякой, чертоплясом,
Мерзавцем, волокитой. Я никак
Не верю: есть в природе переходы,
А этаких отчаянных скачков
Не может быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Так пасмурны? Уж вы здоровы ли?

Димитрий царевич

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася в нашей стороне,
Не осмотрелась; ей у нас все внове,
Все будто бы чужое. Сверх того,
Скажу тебе всю правду, мы ее
Похитили так смело и внезапно,
Так быстро торопились от погони
И чтоб скорей обрадовать тебя
Жар-Птицей, — что прекрасная Елена
Устала с перепугу и со спеху.
Дай срок: она привыкнет с нами жить,
И нас полюбит всех до одного,
И расцветет, и будет весела!
Не правда ли, прекрасная Елена,
Вы скоро к нам привыкнете?

Елена

Не знаю.

Василий царевич

И больше всех полюбите меня?

Елена

Не знаю я.

Василий царевич

Ведь вы — моя невеста!

Царь Выслав

А где-то он, мой друг Иван царевич?

Василий царевич

Мы ничего не слышали об нем,
Хотя везде справлялись.

Димитрий царевич

Где-нибудь
Теряет время, ищет вам Жар-Птицу,
Которая находится у вас!

Василий царевич

Знать, он заехал чересчур далеко,
Иль заплутался.

Димитрий царевич

Иль сидит в плену.
Да, признаюсь, я очень удивился,
Царь-батюшка, когда узнал от вас,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жар-Птицу: он дитя!
Ну мало ли что может с ним случиться.
Мы, например, мы, кажется, не дети,
И мы не раз спасались от беды
Лишь случаем. Большие переезды,
Вертепы, горы, дикие леса,
Наполненные лютыми зверями,
И кое-где разбойники — не шутка!

Царь Выслав

Ты прав, мой сын: не должно было мне
Пускать его. Да мне же и хотелось,

Чтоб он остался утешать меня;
Я всячески доказывал ему,
Что молод он, что этот подвиг труден,
Опасен, что мне нужно при себе
Иметь всегда хоть одного из вас;
Я говорил, что мало ли что может
Вдруг сделаться. Он плакал, горячился,
Упрашивал меня, мне представлял
Свои причины, мысли и надежды
Так жалобно и страстно, что я сам
Разнежился и отпустил его.
Ах, жив ли ты, мой друг Иван царевич!

(Плачет.)

Елена плачет.

Димитрий царевич

Царь-батюшка! смотрите, как она
Вас полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

Елена

Я не могу не плакать!

Димитрий царевич

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой... совет!
Не плачьте же — вот выпейте вина!

Входит Иван царевич. Елена бросается ему на шею.

Елена

Иван царевич! Мой Иван царевич!

Царь Выслав

Мой милый сын, ты жив и цел, мой сын!
А мы было... Прекрасная Елена!
Что это значит? Где же вы его?..

Елена

Он мой жених, мой милый и сердечный,
Иван царевич. Он достал для вас
Жар-Птицу, златогривого коня
И для себя невесту, но дорогой

Его убили, а его добычу
Похитили!

Василий царевич
(на коленях)

Царь-батюшка, прости нас,
Мы виноваты! Брат, Иван царевич!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себе твое добро,
Твои злодеи...

Димитрий царевич

Зависть нас смутила.

Царь Выслав

Я ровно ничего не понимаю!
Они тебя убили, милый сын,
Так как же ты живой к нам воротился?

Иван царевич

Я в самом деле был убит; они,
Царь-батюшка, зарезали меня
И мертвого покинули в лесу.

Димитрий и Василий царевичи

Иван царевич, добрый, милый брат!
Иван царевич! Будь великодушен!

Иван царевич

Я был бы съеден хищными зверями
И птицами; но, знать, судьбе угодно,
Чтобы не то случилось. Серый волк,
Волшебный волк, приятель мой, который
Мне чрезвычайно много услужил
В моих делах (я всем ему обязан),
Нечаянно зашел в тот самый лес,
Узнал меня и, сжалясь надо мною,
Стал думать, как помочь моей беде!
Стал думать; вот увидел он, что ворон
И с ним два вороненка прилетели
Поесть меня. Он спрятался за куст,

И только что они на мне уселись
И начали свой голод утолять —
Он прыг из-за куста на вороненка,
Схватил его и хочет растерзать!
Тогда взмолился волку старый ворон,
Чтоб не губил он детища его.
«Послушай же ты, Ворон Воронович, —
Сказал ему мой добрый волк, — слетай
За тридевять земель и поскорее
Мне принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, так будешь ты без сына;
А принесешь, я отпущу его
И целым и здоровым». — «Принесу!» —
Сказал ему проворно старый ворон,
И полетел, и воротился к волку
На третьи сутки, и принес ему
Два пузырька с лекарством. Серый волк
Взял их, а вороненка разорвал
И части спрыснул мертвою водою,
И вороненок сросся от лекарства;
Тут спрыснул он его живой водою,
И вороненок ожил, встрепенулся
И улетел. Волк за меня принялся:
Он вылечил меня от смерти, рассказал
Мне это приключенье и довез
Меня домой до городской стены.

Царь Выслав

Теперь я понял. Ах они, злодеи,
Братоубийцы!..

Василий царевич

Брат, Иван царевич,
Царь-батюшка, прекрасная Елена!
Простите нас!

Царь Выслав

Прочь от меня!

Василий царевич

Не будем
Впредь никогда, исправимся, полюбим

Всех вас. Ах, будьте милосерды,
Простите нас, прекрасная Елена!

Иван царевич

Я вас прощаю, встаньте!

Елена

Я прощаю!

Димитрий царевич

Царь-батюшка, ужели ты один...

Царь Выслав

Ты слишком добр, Иван царевич. Встаньте!

Димитрий царевич и Василий царевич

(встают и обнимают брата)

Дай нам обнять тебя, любезный брат,
Забудь великодушно.

Иван царевич

Все забуду!
И станем жить, как братья жить должны!
Царь-батюшка, она — моя невеста!

Елена

Ты — мой жених, моя любовь и радость,
Мой нежный друг!

Димитрий царевич и Василий царевич

(с бокалами в руках)

За здравствует Иван
Царевич и прекрасная Елена!

Иван царевич

(берет бокал)

Да здравствуют царь-батюшка и вы,
Со мною помирившиеся братья!

Царь Выслав

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково друг с другом,
Бесхитростно, и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иван царевич, видел я Жар-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной с павлина! Золотые
И радужные перья! А глаза
Как две звезды востока! Для нее
Мы выстроим высокие палаты
С зеркальными окошками! Василий,
Поди и прикажи подать сюда
Десяток яблоков заветных! Это птица!
Особенно мне нравится у ней
Хвост! Вот так хвост! Величественный хвост!
Раскидистый и разными лучами
Сияющий...

Иван царевич

Да здравствует Жар-Птица!

1836

СЕРЖАНТ СУРМИН
(БЫЛЬ)

Был у меня приятель, мой сосед,
Старик почти семидесяти лет,
Старик, каких весьма немного ныне,
Здоровый; он давно уж заплатил
Свой долг отчизне: в гвардии служил
Еще при матушке Екатерине;
При Павле он с Суворовым ходил
Противу галлов. Мой сосед любил
Поговорить — и говорил прекрасно —
О прошлом веке, жарко, даже страстно!
Ко мне в деревню, по воскресным дням,
Он приезжал. Не скучно было нам!
Я вообще выслушиваю жадно
Изустные преданья: в них у нас
Для будущей истории запас.
И мой сосед рассказывал так складно,
Что хоть куда! Один его рассказ
Я повторю стихами, как сумею,
Употребляя в нем прозопопею:
«Вот то-то же! Вы спорите всегда!
В наш век ничуть не хуже люди были!
И что бы вы об нем ни говорили,
А жить не трудно было нам тогда!
Согласен я, что чересчур любили
Роскошничать и денег не щадили
Тогдашние большие господа!
Зато они гораздо проще были,
Они добрее, мягче были к нам.

Неименитым, маленьким чинам.
В наш век вельможа важный и почтенный
Был неприступен, крут между вельмож,
А с прочими был тих обыкновенно
И миловал полезно молодежь,
Уча ее не ради разглашенья
Ее грехов, а ради исправленья!
У нас в полку служил сержантом сын
Какого-то степного дворянина,
Саратовской губернии, Сурмин.
Я знал его; собой он был картина:
Высок и статен, боек и умен,
И не буян, и всем хорош был он;
Лишь та беда, что молодец дружился
Со всякой дрянью, неразборчив был
По этой части; только и ходил
Что на картеж, — и к банку пристрастился
Он всей душой и службу позабыл!
И день и ночь, бывало, с игроками,
Как бы прирос к зеленому столу,
Растрепан, безобразен, весь в мелу,
Угрюмый, сонный, с красными глазами!
Мы думали, погибнет наш Сурмин!
А каково отцу, когда он знает,
Как сын живет и время убивает!
Еще гвардеец! Он срамит свой чин!
Однажды он поутру занимался
Игрою в банк, вдруг стук шагов раздался,
И шасть курьер: «Кто здесь сержант Сурмин?»
Он боек был, однако же смешался,
«Меня... я...» — «Вы? К светлейшему сейчас
Пожалуйте! Со мною же! Есть дело!»
К Потемкину? Не сон ли? Вот те раз!
Что ж, так и быть! Сурмин поехал смело
К светлейшему. Роскошных комнат ряд
Сержант проходит; мраморные залы,
Как царские, убранствами блестят,
Полны гостей: вельможи, генералы,
В звездах и лентах, в красных, голубых,
Стоят и ждут! Сержанта мимо их
Ведет лакей учтивый и проворный,
И в кабинет. «Сюда-с, прошу покорно,

Светлейший здесь, сюда!» Сурмин вошел
И видит: сам Потемкин на кровати
Сидит в пунцовом бархатном халате,
Пьет кофе; возле приготовлен стол
И карты. Князь было взглянул сурово,
Но вдруг сказал: «Ах, это ты! Здорово,
Сурмин! Ты в банк играешь?» — «Точно так,
Играю, ваша светлость, почему же
И не играть? — ответствовал смельчак, —
Мне от того на свете жить не хуже!»
«Садись! играй со мной, да не робей!»
Потемкин стал метать. Они играли
И горячо и долго; перестали,
И выиграл сержант пятьсот рублей.
Князь отдал деньги. На другой день тоже
Сурмин был позван к первому вельможе,
Играл с ним в банк и выиграл опять.
Так и потом история тянулась;
Он рад ее хоть вечно продолжать:
Ему Фортуна сладко улыбнулась!
Ему житье! — Еще и то сказать:
Когда Сурмин по комнатам проходит
Из кабинета князя, как герой,
Сановники кругом его толпой:
Тот руку жмет ему, другой заводит
С ним разговор, и стал Сурмин знаком
Со знатью, стал на балы, маскерады
Он ездить; там ему все рады
И все его ласкают, он в большом
Ходу в кругу высоком; раздружился
Со сволочью, стал книги покупать
И об чинах, о будущем мечтать,
Процвел душой, совсем переменился!
Стал ездить он в один семейный дом,
Понравился красавице, влюбился
И, верно, скоро будет женихом;
Она согласна!.. Целый город знает,
Что сватовство на лад уже пошло,
А между тем Потемкин продолжает
Играть с ним в банк. Однажды повезло
Светлейшему, и стал он бить жестоко
За картой карту, бить, и бить, и бить;

Тому бы перестать, перегодить
Хоть до другого утра, нет, далеко!
Что будет, будет! Пан или пропал!
Сержант еще играет, — проиграл
Еще и много, денег недостало;
Он проиграл часы и перстень, — мало!
Еще играет, очередь дошла
До платья, до камзола и мундира,
До прочего, и вот беднее Ира
Сурмин, увы, спустил все догола!
Тут князь сказал: «Я больше не играю!
А ты разденься, мне отдай свой долг,
Да и ступай домой». Сурмин примолк,
Глаза потупил. Я воображаю
Его досаду, страх и стыд! Хорош
Он вылетит теперь из кабинета
Потемкина как раз в толпу вельмож!
И что об нем молва большого света
И там, и там — везде заговорит?
Он счастье знал, и вдруг неосторожно
Все потерял! Оно, как призрак ложный,
Исчезло, сам он навсегда убит
И для чинов, и для невесты милой,
И для всего, чем сердце полно было.
Беда, беда и только! Князь сердит,
И пристает, и требует ужасно:
Сурмин чуть жив, так и дрожит несчастный!
Весь побледнел, и слезы в два ручья!
«Ах, ваша светлость! Ах, не будьте строги!
Помилуйте! Приходит смерть моя!
Помилуйте!» И повалился в ноги
Светлейшему. «Ну, полно же, вставай! —
Сказал Потемкин, — я твой долг забуду,
Прощу тебе, ты мне лишь слово дай:
Не браться век за карты!» — «Век не буду,
Клянусь вам, ваша светлость, никогда
Играть не буду в карты!» Побожился,
И с той поры он бросил навсегда
Картежные беседы, он женился
Превыгодно и службу продолжал;
Украшенный чинами, орденами,
В отставку вышел. Тут он рассказал,

Уж бригадир, какими он судьбами
Исправился и человеком стал:
Он молод был, связался с подлецами,
И в шайке их он вовсе бы пропал...
Отец услышал про его несчастье
И написал письмо чрез одного
Старинного знакомца своего
К светлейшему, прося принять участье
В житье-бытье заблудшего сынка,
И князь исполнил просьбу старика!»

1839

ОТРОК ВЯЧКО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Руальд — старый воин.
Вячко } отроки.
Бермята }

Действие в 968 году, в Киеве, на городской стене.

I

ВЕЧЕР.

РУАЛЬД И БЕРМЯТА.

Руальд

Ты прав, Бермята, больно худо нам:
Есть нечего, пить нечего, и голод
И жажда долго и жестоко нас
Томят и мучат, и вдобавок к ним
Еще и та невзгода, что Изок
Стоит у нас необычайно жарок,
И тих, и сух, и душен невтерпеж.
Из края в край небесный свод над нами
Безветрен и безоблачен и блещет,
Как золотой, и солнце так и жжет
Луга и нивы. С раннего утра
До поздней ночи бродишь сам не свой;
И ночью нет тебе отрады: ночь
Не освежит тебя, не успокоит
И спать тебе не даст, вертись и бейся
Ты хоть до слез... такие ж точно дни,

Такие ж ночи, помню я, бывали
В земле Сиканской. Уф! какой там жар,
И вспомнишь, так едва не задохнешься, —
Нет, мне мороз сноснее: от него
Уйдешь к огню и спрячешься в одежду.
Не осовеешь; если ж летний жар
Проймет тебя, так от него и в воду
Ты не уйдешь: и в ней прохлады мало.
И весь ты слаб и вял! Да, худо нам,
И больно худо.

Бермята

И реку у нас
Отрезали злодеи печенеги.

Руальд

Все — ничего, лишь уповай на бога,
Да не плошай, да не робей и сам.

Бермята

Оттерпимся, либо дождемся князя
К себе домой из дальнего похода.

Руальд

Досадно мне, что Претич за Днепром
Стоит и ждет того же. Что б ему
Решиться и ударить всею силой
На ратный стан поганых печенегов
И к ним пробиться б. Что тут долго думать?
Бог весть, когда дождемся Святослава?

Бермята

Поди, ему и невдомек про то,
Как мы сидим в осаде, еле живы...

Руальд

А князь далеко и не может знать
О нашем горе.

Бермята

Князю что до нас;
Он Киева не любит, он его

Забыл совсем, он променял свой Киев
На чужеземный город и живет
Там весело — и хорошо ему!
Ох, не люблю я князя Святослава.

Руальд

За что это?

Бермята

За то и не люблю,
Что он живет не в Киеве.

Руальд

Ты молод,
И многого нельзя тебе понять
Своим умом; а я старик, я вижу
Подалее, чем ты, молокосос!
Что Святослав не нравится тебе,
Так это, брат, печаль не велика,
А я его любить не перестану:
Он молодец!

Бермята

Мне что, что молодец!
У нас их вдоволь: всякий рус — не трус!
Ни ты, ни я, нигде мы не уроним,
Не выдадим отцовской славы... Солнце
Давно за лес зашло, а нам на смену
Никто нейдет...

Руальд

Знать, сходка задержала,
Чья очередь?

Бермята

Да Вячки.

Руальд

Это он,
Что приходил вчера сюда на стену?
Он мне не полюбился: больно горд он,
Его не тронь, — вишь, он новогородец,

Так и спесив, и с ним не сговоришь;
А парень бойкий!

Бермята

Это был не Вячко,
А Спиря. Вячко тоже парень бойкий;
Его ты, верно, знаешь: он тот самый
Кудрявый, белокурый, быстроглазый,
Что у Ильи Пророка, в расписной
Избе, живет у тетки. Вячко мне
Друг и названый брат; он родом
Из-за Мещеры, из села Рязани.

Руальд

Так, помню, знаю, как его не знать?
Я сам учил его стрелять из лука,
Метать копьем; он малый хоть куда,
Рязанец. Я всегда любил рязанцев,
У нас в походе пятеро их было,
И живо я их помню и теперь:
Народ высокорослый, здоровенный,
Народ мачтовый, строевой, люблю их.

Бермята

Вот Вячко! Ты, брат, легок на помине.
Здорово!

Вячко

Я замешкался, я был
На сходке. Слушай-ко, Бермята,
Ведь ты мне брат, так сделай мне услугу.

Бермята

Изволь, готов и рад я хоть на смерть
За своего.

Вячко

Останься на стороже
Ты за меня, покуда я опять
Сюда приду; я к утру ворочусь.

Бермята

Куда ж ты это?

Вячко

Вот куда! На сходке
Судили и рядили старики
О том, что-де нельзя ли как-нибудь
За печенежский стан, к Днепру, а там
Уж и за Днепр — и Претичу словцо
Сказать, что нам давно уж силы нет
Терпеть беду: я вызвался; отец
Висарион благословил меня
На славный подвиг. Я иду — прощай...

Руальд

Ах ты мой милый, ах ты удалец,
Мой ученик! Дай мне тебя обнять;
Храни тебя господь!

(Обнимает Вячко.)

Бермята

Иди, мой Вячко!
Смотри же ты...

Вячко

Не бойся! Я, брат, знаю,
Что делаю, прощай!

(Уходит.)

Руальд

(кричит вслед Вячке)

Прощай, ты встретишь
Фрелафа, так скажи ему, что мне
Не надо смены.

Бермята

Что? каков мой брат?

Руальд

Надежный парень! и поверь ты мне,
Ему удастся... Все они такие...

Бермята

Добрыня тоже родом из Рязани.

(Помолчав.)

Ты говорил про князя Святослава...

Руальд

И говорю, что люб мне Святослав,
Он молодец; он со своей дружиной
Запанибрата; ест, что мы едим,
Пьет, что мы пьем, спит под открытым небом,
Как мы: под головой седло, постеля —
Седельный войлок. Ветер, дождь и снег
Ему ничто. Ты сам, я чаю, слышал,
Как он, — тогда он был еще моложе, —
Когда ходили наши на древлян,
Бросался первый в битву. Ты увидишь:
В нем будет прок; он будет государь
Великий — и прославит свой народ.
Да, Святослав совсем не то, что Игорь,
Отец его, — будь он не тем помянут, —
Князь Игорь был недобрый человек:
Был непомерно падок на корысть!
Ведь люди терпят, терпят, — наконец
Терпенье лопнет...

Бермята

Мне княгиня Ольга
Тем по сердцу, что бискупа Лаберта
Из Киева прогнала...

Руальд

Слава ей,
Что приняла она святую веру
От греков.

Бермята

Почему же Святослав
Не принял той же веры?

Руальд

Он бы рад,
Да как ему? Нельзя ж ему перечить
Своей дружине! Праведно и верно
Ему дружина служит; за него
Она в огонь и воду; крепко
Стоит она за князя, так еще б он
С ней ссорился... Бермята, я пойду
На угловую башню; ты останься здесь
И сторожи: не спи и не зевай.
Давно уж ночь. Какая ночь, как день!

II

РАССВЕТ.

РУАЛЬД И БЕРМЯТА.

Руальд

Прекрасный остров, дивная земля,
Всем хороша. Не слушаешь, товарищ?
Кажись, тебя осиливает сон.

Бермята

Нет, я не сплю, я слушаю тебя;
Я никогда не пророню и слова
Из твоего рассказа: сладко мне,
Мне весело душой переноситься
С тобой в твои отважные походы:
В толпы бойцов, в тревоги боевые,
В разгульный стан, и братский шум, и пир,
В прохладные воинские ночлеги;
В чужих полях, при блеске новых звезд,
Летать с тобой в ладьях ветрокрылатых
По скачущим, сверкающим волнам
Безбрежного лазоревого моря
Или, в виду красивых берегов
И городов невиданной земли,
Причаливать — и тут же прямо в бой...
Я слушаю.

Руальд

Сиканская земля
Всем хороша: кругом ее шумит

И блещет море, чисто и светло,
Как синий свод безоблачного неба;
На ней оливы, лавры, виноград
И яблоки с плодами золотыми!
И города из тесаного камня
Обведены высокими стенами,
Богатые и людные, — и села,
И села, все из тесаного камня,
Богатые и краше, крепче наших
Родимых деревянных городов
И сел. — Одним она нехороша:
Стоит на ней, на самой середине,
Огромная, престрашная гора,
Высокая, высокая такая,
Что верх ее до самого до неба
Достал, и облака не залетают
На верх ее, и в той горе огонь, —
И есть жерло, и черный дым выходит
Из той горы, и с той горой бывает
Трясение — и молнию и жупел
Она бросает из себя. В ту пору
Находит страшный мрак на землю; ужас
И трепет обнимает человека
И зверя; люди вон из городов
И сел бегут и словно как шальные
Шатаются, и падают, и вопят!
А из горы огонь столбом встает,
Горячий пепел сыплется, и камень
Растопленный течет, и потопляет
Он целые долины и леса,
И города и села; вся земля дрожит
И воет; и подземный гром и гул
Ревет; и нет спасенья человеку,
Ни зверю...

Бермята

Как же там живут?

Руальд

Живут себе...

Бермята

Не весело ж там жить!

Руальд

Не весело там — ах ты, голова!
Ведь не всегда ж бывает там такое
Трясение. Беды, брат, есть везде,
И нет от них пощады никаким
Странам: одно от всяких бед спасенье,
Одно, везде, для всех людей одно
Спасение: святая наша вера!
Вот и на нас нашла теперь невзгода!
Как быть, терпи...

Бермята

А Вячки нет как нет!
Давно уж рассветало — где ж он?..

Руальд

Ты, чай, слыхал, как на Царьград ходили
Аскольд и Дир?

Бермята

Как не слыхать! А что?..

Руальд

Свирепая, неслыханная буря
Рассеяла и в море потопила
Почти что всю ладейную их рать.

Бермята

И это знаю.

Руальд

От чего ж та буря
Взялась?

Бермята

Не знаю, не могу и знать.

Руальд

А я так знаю! — Вот как было дело:
В то время был у греков царь негодный...
Как бишь его? Василий? не Василий...
Лев? нет, не Лев — какой он лев! Никифор?
И не Никифор, — так вот и вертится
На языке, а нет, не вспомню; царь
У греков был негодный и такой
Беспутный и смертельный лошадинник,
И был он так безумен, что, бывало,
Война уже под самые под стены
Пришла к его столице, а ему
И горя мало; он о том и слышать
Не хочет; знай себе на скачке: у него
Там день-деньской потеха; тьма народу,
И шум, и пыль, и гром от колесниц —
Беспрестанно...

Бермята

Посмотри: бежит!
Ведь это Вячко! Точно, это он,
Мой друг и брат мой...

Входит Вячко.

Вячко

Знай же наших!
Конец беде, уходят печенеги!

Руальд

Рассказывай!

Бермята

Рассказывай скорее!

Вячко

Я запыхался, я бежал сюда
Что стало силы, — дайте мне вздохнуть...
Ну, отдышался, — вот и хорошо...
Вчера я в руки взял узду... и вышел
Из города; тихонько я пробрался
В стан печенегов и давай по стану
Ходить; хожу, встречаю печенегов,

Кричу им их собачьим языком:
«Не видел ли кто моего коня?»
А сам к Днепру, — и к берегу, и скоро
Долой с себя одежду! — Бух — и по́плыл.
Злодеи догадались, побежали
К Днепру толпами, и кричат, и стрелы
В меня пускают. Наши увидали!
И лодку мне навстречу, я в нее
Прыгнул, да был таков! И вышел
Я на берег здоров и цел. Господь
Спас и сберег меня. Сегодня,
Как только что забрезжилась заря
На небе, Претич поднял стан свой,
И трубы затрубили; печенеги
Встревожились, встревожился их князь
И Претича встречает: что такое?
«Веду домой передовой отряд,
А вслед за мной со всей своею ратью
Сам Святослав!» — сказал наш воевода.
Перепугался печенежский князь
И прочь идет от Киева со всею
Своей ордой. Чу! трубы! Это наши!
Идем встречать их.

Бермята

Славно, славно, брат!

Руальд

Спасибо, Вячко! Ты спасенье наше,
Счастливый отрок, честь родной земли!

1844

ЛИПЫ

И вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина.

Карамзин.

ГЛАВА 1

На пурпуре ленивки драгоценной
Красноречиво, пышно развалясь,
Князь Петр Ильич Хрулев уединенно
Курил гаванскую сигару. Князь
Глядел сурово; думал беспокойно:
Табачный дым небрежно и нестройно
Из-под усов на воздух он бросал;
Обыкновенно ж он его пускал
Отчетисто, красивыми кружками.
Что ж занимало голову его?
На поприще служенья своего
Блистает он чинами и звездами,
Он и богат, и знатен, и силен,
Чего ж ему, о чем же думал он?

Быть может, он воспоминал тоскливо
Прекрасные былые дни свои
И молодость, когда он цвел счастливо
Избытком сил для жизни и любви;
Когда он бойко, славно рисовался
Перед полком; иль негой упивался

В шуму высоких, царственных потех,
Где он имел решительный успех
У первых лиц, где был он несравненно
Умен, и мил, и ловок, и остер,
И привлекал к себе огнистый взор
И сладку речь красавицы надменной.
Быть может, он воспоминал те дни
И думал: «Ах, зачем прошли они!»

Они прошли, как сон пустой; а ныне
Куда судьба его перенесла!
Он здесь один и словно как в пустыне,
И кучами кругом его дела
Прескучные; он толку в них не видит
И знает, что добра из них не выдет;
Тоска ему, невыносимо дик
Его большой Бузанский пашалык:
Сама его столица как могила.
Здесь он завял и сердцем и умом
В глуши. Да нет, он думал не о том.
Забота в нем кипела и бродила
Важнейшая: он преисполнен был
Дум глубочайших. Вот он позвонил.
И перед ним, нагнувшись и блистая,
Лакей как тут. «Крумахера ко мне!»
Лакей ушел. Забота вот какая
Смущала князя: в этом Бузане,
Где все еще и пошло и уныло,
Полезно бы, прекрасно б даже было,
Притом же и не слишком мудрено,
Бульвар устроить! Так и решено.
Покончена работа черновая.
Лишь осенью деревья насадить;
Но вдруг приказ: бульваром поспешить!
И чтобы он к шестнадцатому мая
И непременно весь отделан был.
Об этом князь бумагу получил
За чаем; он задумался над нею:
«Срок очень мал! Всего-то восемь дней!
Так как мне быть, когда же я успею?
Где я возьму такую тьму людей?
Бульвар велик; нет, это слишком скоро!

Стоят жары, теперь садить неспоро,
Деревья будет нужно поливать
Весь день, — да где их столько и набрать?
Лес за семь верст! И лес какой же! Хвойный!
И липы редки в этой стороне.
А нужны липы! Что же делать мне?
Ну как тут быть?» Князь думал беспокойно.
И мысли в нем одна другой черней,
Как волны вод, когда ревет Борей.

Вошел Крумахер. Чинно поклонился.
Князь объявил ему и прочитал
Бумагу. Тот ничуть не удивился
Разумному приказу и сказал:
«Так надобно, не мешкая, за дело —
И чтоб оно без устали кипело:
Прикажете, я завтра же начну
Распоряжаться, мигом поверну
Работу к спеху: множество народу
Собьем из подгородных деревень;
Велим ему работать целый день
Вплоть до ночи, возить к деревьям воду,
И для поливки буду высылать
Моих пожарных». — «Трудно лип достать,
Их сотни с две потребно для бульвара», —
Заметил князь. «И это ничего:
Нас липы не задержат; сад у Кнара
Весь липовый; достанем у него.
И липы все, как на подбор, прямые
И чистые; ну, именно какие
Нам надобно. Я сам к нему зайду,
И завтра же; есть липы и в саду
Жернова, их мы тоже пересадим
На наш бульвар, и будет он как раз
У нас готов. Могу уверить вас,
Не беспокойтесь: славно дело сладим!»
И князь сказал: «Поди же, торопись,
Любезнейший, и всем распорядись».
Ушел Крумахер. Князь легко и плотно
Поужинал, потом на ложе сна
Лег и заснул, как отрок беззаботный.

Какая ночь: весенняя луна
То, ясная и яркая, сияет
В лазурном небе, то она мелькает
В летучих и струистых облаках,
Как белый лебедь, спящий на волнах.
Какая ночь! Река то вдруг заблещет,
И лунный свет в стекле ее живом
Рассыплется огнем и серебром;
То вдруг она померкнет и трепещет,
Задернута налетным облачком.
Земля уснула будто райским сном.

Вот лунный свет прекрасной вешней ночи
И в спальне князя весело блестит,
Его целуя и в уста и в очи.
Сон видит князь: с министром он сидит
И объясняет складно и подробно,
Как было трудно, вовсе неудобно,
В такую пору, только в восемь дней,
Бульвар устроить: и согнать людей,
И лип найти, и подвозить к ним воду,
Песок возить, укатывать катком;
Но он таки поставил на своем
И, так сказать, преодолел природу.
Бульвар готов, а прежде тут была
Пустая площадь, и трава росла!

И видит князь, как он министра водит
По дивному созданью своему;
Министр доволен, весело он ходит,
Все хорошо, все нравится ему,
Все сделано отлично, превосходно,
Как надобно, и князя всенародно
Он тут же и не раз благодарит,
И князь в восторге. Он едва стоит;
Он очарован ласковым воззреньем
Вельможных глаз на слабый, малый плод
Его трудов, усилий и хлопот;
Он поражен приливом и волненьем
Сладчайших чувств; он ими поглощен —
И три раза он видит тот же сон.

ГЛАВА 2

Аптекарь Кнар, с своей женой Алиной
И кучею детей, спокойно жил.
Его семьи счастливою картиной
Все любовались; он жену любил
Сердечно, и такою ж отвечала
Она ему любовью; управляла
Хозяйством восхитительно; была
Добра, умна, чувствительна, мила.
Его жена любила также нежно
И постоянно липовый свой сад,
Приют своих семейственных отрад.
Она об нем заботилась прилежно:
И процветал Алинин сад, предмет
Ее живой заботы многих лет.

Она его в наследство получила
От матери покойной, и сама,
Еще при ней, деревья в нем садила —
Не просто; нет, она была весьма
Замысловата. При саженье сада
Не только что прогулка иль прохлада
Приятная была у ней в виду;
Нет, ей хотелось, чтоб в ее саду
Произрастал, красиво зеленея,
Альбом родных и милых ей людей,
Чтоб легкий шум густых его ветвей,
При месячном сиянье тихо вея,
Напоминал ей сладко, вновь и вновь,
Ее семью, и дружбу, и любовь.

И эту мысль она осуществила
Прекрасно. Вот Адам Адамыч Бок,
Бандажный мастер; вот его Камилла
Эрнестовна; вот Франц Иваныч Брок,
Сапожник, и жена его Бригита
Богдановна, и дочь их Маргарита,
И муж ее Петр Федорыч Годейн,
Штаб-лекарь; вот Иван Андреич Штейн,
Кондитер и обойщик; вот почтмейстер
И кавалер Крестьян Егорыч Шпук,

Вот Фабиан Мартынович фон Фук
И Александр Вильгельмович фон Клейстер —
Два генерала; вот и две жены
Двух генералов, бывшие княжны
Мстиславские: Елена и Полина, —
Красавицы! А вот семейный мир
Хозяйки: вот ее мама́, Кристина
Егоровна; папа́, аптекарь Шмир
Иван Иваныч; дядя Карл Иваныч;
Вот муж, аптекарь Николай Богданыч
Кнар; дети: Лиза, Лена, Макс, Андрей,
И прочие... В дни юности своей
Она сама здесь некогда гуляла,
Влюбленная, и томною мечтой
Питалася, беседуя с луной
Задумчиво, и «Вертера» читала.
Здесь вместе с ней жених ее гулял
И в первый раз ее поцеловал.

И с той поры, в тот час, когда сменяет
Шумливый день ночная тишина,
И небосклон румяный потухает
За дальними горами, и луна
Слегка осветит дремлющие сени
Заветных лиц, и сетчатые тени
Падут на луг, — Алина здесь блуждать
Любила, и душой перелетать
В минувшее, и чувствовать уныло,
Что сердцу милых многих, многих нет,
Что эта жизнь полна пустых сует,
И веровать, что будет за могилой
Иная жизнь и лучшая, иной
И вечный свет, небесный, неземной!

Так этот сад хозяйке драгоценен.
Прекрасный сад! Он застенен горой
От северного ветра, многотенен
И далеко от пыли городской.
Как живо улыбается Алина,
Когда ее семейная картина
И двое-трое милых ей гостей
В ее саду, в тени его ветвей,

Сидят, пьют кофей, муж спокойно курит
Табак; с ним тихо говорит Конрат
Блехшмидт, портной, его табачный брат;
С мамзелями невинно балагурит
Танцмейстер Кац, а с Миною фон Флит,
Он вечно шутит: как он их смешит!

Был вечер. Кнар, с своей женой Алиной,
Сидел у растворенного окна.
Он занимался важно медициной
И рылся в толстой книге, а жена
Чулок вязала, между тем глядела
На улицу, которая кипела
Народом и телегами, и сам
Крумахер горделиво по толпам
Расхаживал; полиция кричала
И гневалась жестоко на народ.
«Ах, боже мой! Крумахер к нам идет!
Что это значит?» — жалобно сказала
Алина и хотела выйти вон;
Но в дверь стучат. Так точно, — это он.
И муж ее немедленно смутился,
Насупился и книгу отложил.
Крумахер величаво поклонился
И сел. Сначала он заговорил
О том, что хороша теперь погода.
Обыкновенно в это время года
Бывает грязь и дождик ливмя льет;
Что в городе сгорел свечной завод,
И сильный ветер пособлял пожару,
А затушить не можно было: тут
И заливные трубы не берут;
Потом он ловко перевел к бульвару
Свои слова и, наконец, довел
Их и до лип, а тут он перешел
И к липам Кнара. Нужно непременно
Их на бульвар и скоро перевесть,
Чтоб к сроку был готов он совершенно.
Князь приказать изволил. — Эта весть
Хозяину пришлася не по нраву:
Насилие, неуваженье к праву
Он видел в ней; Алина же чуть-чуть

Не обмерла, не смела и дохнуть;
Но Николай Богданыч приободрился,
Вскочил со стула, выступил вперед
И объявил, что лип он не дает,
Во что б ни стало. Он разгорячился
И ну твердить: «Где ж правда, где закон?»
Таким ответом крайне удивлен,
Крумахер скоро вышел. Очевидно,
Мирволил он аптекарю, щадил
Его: он с ним нимало не обидно,
Спокойно, даже мягко говорил;
И то сказать — Кнар человек известный,
Почтенный немец, говорят и честный
И многими уважен и любим:
Зачем его дразнить или над ним
Ругаться! Пусть живет благополучно.
Но вообще Крумахер был не так
Учтив, был груб и резок на кулак,
И речь его бежала громозвучно,
Как быстроток весенних, буйных вод,
Сердитый, пенный, полный нечистот.

А между тем аптекарь расходился.
Ведь сад — его, принадлежит ему,
Принадлежит по праву. Он решился
Лип не давать никак и никому.
Князь приказал! Князь человек военный,
Однако же, как слышно, просвещенный.
Он этого не сделает. О нет,
Ты лжешь, Крумахер! Завтра же чем свет
Иду сам к князю, смело, откровенно
С ним объяснюсь и липы отстою:
Я защищаю собственность мою!
Я прав и в том уверен несомненно.
И с этой мыслью Кнар пошел ко сну,
Поцеловав чувствительно жену.

ГЛАВА 3

Бузанский полицмейстер собирался
В объятия Морфея; он курил
Гаванскую сигару, раздевался

Прохладно и квартальным говорил:
Калинкину (Калинкин был вернейший
Его подручник, ревностный, грубейший;
Он мог назваться правою рукой
Крумахера): «Послушай ты, косой,
Похлопочи, чтоб дело сделать с толком:
Ты должен непременно до зари
Управиться; а главное, смотри,
Чтобы все шло без шума, тихомолком.
Пожалуйста, получше все улады!
А ты, Мордва, изволь-ка завтра встать
Пораньше, да к Жернову отправляйся
С рабочими и выррой сотню лип —
И на бульвар вези их; ты старайся,
Чтоб корни были целы и могли б
Они приняться; выбирай прямые
И чистые деревья, молодые
И ровные, рабочих понукай
Как можно чаще, — наш народ лентяй, —
Ступайте же». Крумахер потянулся,
Прилег к подушке, раза два зевнул
Глубоко и приятно — и заснул,
И захрапел. Поутру он проснулся
До петухов. Лазурный неба свод
Был чист и ясен. Солнечный восход
Багряными, златистыми лучами
Блистательно его осиявал;
Багряными, златистыми столбами
Река блистала: ярко в ней играл
Прекрасный день. Вдоль берега туманы
Еще дымились; рощи и поляны
Сверкали переливною росой
И зеленели. Воздух, теплотой
И свежестью весны благоухая,
Был тих и сладок; жаворонок пел,
И благовест над городом гудел,
К заутрене протяжно приглашая
Благочестивый православный люд...
Крумахер встал, и глядь: к нему ведут
Купца Жернова. «Это что такое?» —
Лип не дает, кричит и гонит вон!» —

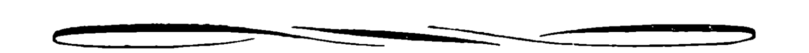
«Лип не дает! Нет, это, брат, пустое!
Ты лип нам дашь, ты мало, знать, учен:
Буянить вздумал. Ты не уважаешь
Начальников, полиции мешаешь!
Ах ты, разбойник! Мы тебя уймем.
(И ну его гордовым чубуком!)
В тюрьму его! Там будет он смирнее —
В тюрьму его! Да насчитать ему...
(И отвели несчастного в тюрьму).
А ты, Мордва, ты, право, не смелее
Моих индеек, баба, размазня!
Хорош квартальный, — ты срамишь меня!
Нет, у меня б Жернов не раскричался,
Не пикнул бы. Иди же ты назад!
Стыдись, братец, кого ты испугался?
Бородачей, купчишки: плох ты, брат!
И больно плох и время упускаешь
По пустякам. Иди же и, как знаешь,
Как я велел, все сделай поскорей,
Да, ради бога, будь ты посмелей!»
Мордва ушел. Работою живою
Давным-давно бульвар уже кипел,
На нем и ряд деревьев зеленел
Посаженных, и тенью их густою
Играл прохладный, вешний ветерок,
И падала роса их на песок.

Дышать прохладой сладостного мая
Пошла Алина; дети вместе с ней.
Кнар собирался к князю, размышляя,
Как он пойдет и просьбою своей
Предохранит свой сад от господина
Крумахера. Вдруг слышит крик; Полина
И Макс бегут и плачут и кричат:
«Папá, папá, иди скорее в сад;
Мамá больна, в сад воры приходили
И взяли наши липы». Он бежит.
И что ж он видит: замертво лежит
Его Алина. Тот же час пустили
Ей кровь, да кровь едва-едва текла.
Несчастный муж! — Алина умерла!

Бульвар кипит работой. Горделиво
Князь и Крумахер смотрят на него.
И подлинно: все делается живо.
Помехи нет ни в чем, ни от кого.
Приехали и с липами Жернова, —
Сегодня же и садка вся готова:
Останется лишь разровнять песок
И поливать. Бульвар поспеет в срок,
И даже прежде срока. В самом деле,
Бульвар, еще до срока, в жаркий день
Уже манил гуляющих под тень
Своих ветвей... И не прошло недели,
Как и прелестный, райский князев сон
Сбылся точь-в-точь, каким приснился он.

1846

Письма



ПИСЬМА К РОДНЫМ

№ 1
⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

Дерпт, ⟨ноябрь, 1822⟩.
(Не знаю числа.)

Завтра (воскресенье) приходит сюда петербур⟨г⟩ская почта: я надеюсь получить мои учебные книги и вперед благодарю тебя. Они совершенно обеспечат мои занятия, усилят мой язык в разговорах и, что всего лучше, объяснят некоторые места в стихотворениях Корнера, которого я уже и теперь читаю с большим удовольствием, а тогда буду даже переводить некоторые пьесы — разумеется, стихами — и присылать тебе для доставления куда следует. Кстати: когда будешь ко мне посылать что-нибудь значительно большое, то, сделай одолжение, пришли Корнеля; во что бы ни стало и как бы то ни было, а я решился перевесть «Радогуну»; мне тут будет практика, а бог даст — и седящая на высоте. Я постараюсь всем телом и душою исполнить твои благонамеренные советы: сильно займусь латынью и немецким, и тогда давай бог чернил и перьев! Вот мой план (а мои планы походят на хамелеона): когда укреплюсь в этих языках, то решительно оставлю Дерпт, и поедем в чужеземию. Здесь студенты живут очень весело, занимаются более танцами и фантами, и часто звон внутренней колокольни заглушает профессорские лекции; притом между ими царствует какое-то глупо-военное честолюбие, которое дает право на пьянство и буянство и не к добру морочит бедных насекомых. Признаюсь, что я почти опасаюсь, чтоб из меня не сделалось то же, чему теперь я вовсе не хочу уподобляться: не правда ли, что это вещь очень возможная, особливо со мною, который еще не имеет твер-

дого характера? Впрочем, об этом поговорим тогда, как буду в состоянии быть студентом.

Я очень знал и прежде письма твоего, что стихи, посланные к Погожеву, не имеют души и проч. и проч., но это была только одна пиитическая хитрость, которою хотел я завлечь Погожева к переписке и присылке мне его произведений, — и, верно, успею в моем намерении. Однако ж он ко мне еще не писал; знает ли он мой адрес? Грудев тоже не отвечает; что с ним сделалось? Бывало, когда его о чем спросишь, то он не молчит, а теперь ни гу-гу; скажи ему, что я ему не кланяюсь на сей почте и впредь не буду, ежели не удовлетворит он моего письма порядком. Геннадий и б.... — рифмы, которые никак нельзя назвать бедными и худыми: пусть спросит он любого из поэтов; это то же, что рекой — громобой и проч. Может быть, они ему не нравятся совсем по другой причине, тогда виноваты не рифмы. Не так ли? «О состоянии крестьян» соч. Грибовского я, кажется, отдал Плавильщикову, а ежели нет, — то у С. М. Семенова; у него же три части «Прогулки за границу».

Пиши ко мне о театре: я очень желаю знать, что делается там, где я находил лучшее из удовольствий. Каратыгин, как помнится, очень хорош в «Сыне любви». Да и вообще, кажется, он в мещанских трагедиях превосходит игрою свое собственное лицо в героических. У него, точно, много таланта; жаль только, что природа не вовсе образовала его для театра: у него лицо не героическое, обыкновенное, незначительное — а это важная вещь для актера, да сверх того глаза малы, а Ларив советует артисту театральному иметь глаза большие и быстрые: ими, по его замечанию, можно всего сильнее действовать на зрителей; это, кажется, довольно доказывает и Семенова. Кто ж будет учить Каратыгина, когда Катенин запрещен в столицах? Едва ли он сыщет другого, столь же ревностного, наставника; дай бог, дай бог ему Гнедича!

Нравы здешние мне очень мало известны; когда узнаю покороче, то не премину тебе сообщить мои замечания. Вчера я был на празднике рождения у одного из родных моего Борга; главная черта здешних собраний есть трубка и пиво. Мне особливо нравятся немецкие жены: они чрезвычайно любят мужей своих и все хорошие хозяйки (из тех, разумеется, кого я знаю), образо-

ванны, веселы, и я еще ни одной не видал, о которой можно было бы сказать, что она или теперь нехороша собою, или была. Вот каково!

Борг готовит к изданию вторую часть своих переводов из рус⟨ских авторов⟩. Сделай одолжение, когда-нибудь при случае не забудь прислать Озерова и Руслана. Что делается с «Благонамеренным?» Будет ли А. Очкин решительным его наполнителем и надругателем? Уведомляй меня о литературных новостях; здесь ничего об Руси не слышно, журналов нигде не видать, а немцы никогда почти не говорят о своих добрых соседях.

Погожева, сделай одолжение, убеди писать ко мне; это даже невежливо: человек к нему написал письмо оттуда, где имел полное право забыть его, а он не хочет ни строчкой ответить! O tempora, o mores! [1]

Барону Дельвигу мое почтение. Я уже прямо пишу в Симбирск — и писал к брату о мальчике; не знаю, что будет. Большие немецкие и маленькие французские лексиконы мне необходимы, но их можно прислать не иначе, как с фурами: итак, надобно подождать; я доволен и тем, что прислано. Вальтер Скотт мне очень нравится; в его романах есть что-то новое, необыкновенное и много занимательного; он мне служит лакомством; но я прошу прислать прочие томы не прежде, как я сам того потребую; не хочу есть конфекты прежде обеда; итак, дай мне достаточно перекусить немецким языком — тогда и проч.

К этому письму прилагается мое новое стихотворение; если ты найдешь его хотя немного достойным бога, которому жертвуют поэты, то отдай Воейкову, а в противном случае оставь без уважения, даже не показывай Погожеву, ни Грудеву и проч., ибо тогда я хотел ⟨бы⟩, чтоб ты не читал его вовсе. Вот что надобно заметить об этом произведении. 1. Заглавие «Моя родина», кажется, ему неприлично: итак, перемени как угодно, ежели bene. [2] 2. Не должно разуметь меня самого под этим певцом, ибо нет никакой в этом необходимости; то же самое может отвечать всякий русский стихотворец. Скажи, как тебе показалась «Песнь Регнера» и как ты ее считаешь pro и contra [3] печати, — твоя полная власть. Скажи мне свое мнение

[1] О времена, о нравы! (*лат.*).
[2] Хорошо (*лат.*).
[3] За и против (*лат.*).

об теперь посылаемых стихах: я знаю, что ты не очень любишь свою родину, — полюбишь ли мою? Только признаюсь, что я сочинял ее с большим удовольствием — не знаю, отчего. Причины этому могут объясниться после, а теперь довольно и одного удовольствия. Ты советуешь мне сочинить что-нибудь поважнее; я сам давно об этом думал и уже начал пьесу, к которой приложу полное старание и (может быть, не скоро) представлю тебе этот оселок для моих дарований; тогда ты прочтешь и скажешь мне откровенно, кто я? Заглавие этому большему из моих пиитических детей «Гаквин»: будет нечто скандинавское; несколько строф готовы и ожидают только переправки; впрочем, главное, напр. план, содержание, — уже есть.

Студенты, коим я рекомендовался от Воейкова, люди более светские, нежели образованные, и вовсе не пиитические; с ними невесело. Гамс собирается в генваре в Петербург; с ним я пришлю письмо, и думаю, можно будет что-нибудь ко мне переслать поважнее, напр. даже денег, кои тогда будут нужны; он добрый, даже знатный малый; я с ним познакомлюсь короче. Гофману почтение.

До следующей почты прощай.

Твой брат *Н. Языков.*

Погожеву, Очкину, В⟨асилию⟩ Вас⟨ильевичу⟩, Спасскому и жене его почтения.

№ 2

⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

Дерпт, 20 декабря ⟨1822⟩.

Как часто пишу!

Благодарю, благодарю: ты начинаешь вполне отвечать на мои письма.

Напрасно думаешь ты, что похвалы Воейкова могут испортить меня; я им вовсе не верю, ибо знаю, что такое Воейков вообще и что в особенности журналист, который нуждается в материалах. Даю тебе душевное обещание не писать вперед пиитических предуведомлений — и, верно, сдержу свое слово, хотя вовсе не раскаиваюсь в моих чувствованиях к старине русской; я ее люблю и не согла-

сен с тобою в том, что она весьма бедна для поэта; где же искать вдохновения, как не в тех веках, когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером? Притом же воспевать старинные подвиги русских — не значит перелагать в стихи древнюю нашу историю; историческое основание не помешает поэту творить, а, напротив, придает еще некоторую особенную прелесть его вымыслам, усиливает его идеи: вот как я думаю — может быть, ошибаюсь. Твоя власть опровергать; я еще темный человек в эстетике и сужу о поэзии только по инстинкту.

Итак, у тебя теперь есть мои неожиданные деньги; вот на них и поручения: купи и пришли «Историю» Карамзина (кто слову изменит, тому да будет стыдно: я стану петь дела отцов) и если достанешь, то «Нестора», пер. Языкова. Я хочу написать небольшую повесть в стихах, которой содержание будет взято из древ⟨ней⟩ русск⟨ой⟩ ист⟨ории⟩. Перевощиков мне советует исполнять мои пиитические обещания — итак, вперед, моя муза! Что-нибудь одно: либо пан — либо пропал; в моем ремесле посредственность не годится; испытаю свои силы, и если увижу, что я не в состоянии догнать славу, то брошу поэзию и буду — не знаю чем... Ты оценишь мою музу; верь, что я тебе верю. Ежели до сих пор я не написал чего-нибудь такого, по чему ты мог бы судить о мне пространнее, то это единственно от недостатка терпения, а отнюдь не оттого, что будто меня удовлетворяют и те похвалы, которые получаю за мелочи. Буду писать несколько месяцев для практики и не печатать, даже ты не получишь продолжения родов моей музы; жди лучше чего-нибудь важнейшего, чем повторяй мне при каждой оказии, что тебя не удовлетворяют мои пиитические дети. Останови, если успеешь, печатание «Моей родины»: я согласен с тобою, следст⟨венно⟩ и проч. Почему Погожев ничего не печатает из своих собственных произведений? Я уже начинал было кое-что переводить из Кернера, но, ей-богу, не могу — и вот почему: когда я хочу выразить мысль чужую, то мне в ту же минуту представляется собственная, и я уже думаю о своей. Может быть, ты этому не поверишь — и я ничем не могу тебе доказать справедливости моих слов, кроме того, что ты не получил ни одного моего перевода, даже из Кернера, который меня восхищает и верно бы заставил подра-

жать своим прекрасным творениям, ежели бы было возможно.

Не знаю, за что Свербеев прославлял Киселева как остряка; в нем столь же мало остроумия, как говядины в здешних супах. Правда, что он (скажу словами критиков, рассуждающих о римских консулах: как счастлив Камилл!) имеет претенцию на остроту, но более этой претенции ничего особенного не имеет. Может быть, это совсем не тот Киселев, про коего повествовал Сверб⟨еев⟩; Киселевых на Руси много — так, может быть, которому-нибудь из них удалось сострить когда-либо, но едва ли этому: он добрый малый, но худой остряк; занимается только танцами и фантами, прекрасно рисует, говорит о пустяках и чрезвычайно беспокоится о своем туалете: не правда ли, что это дела вовсе не студенческие; всему есть свой черед.

Ты удивляешься, почему дерптские красавицы не возбудили во мне ни одной страстной пьесы? Итак, вот тебе новое доказательство свободы моего сердца: ежели влюблюсь, то, вероятно, это будет иметь влияние на мои стихи; но покуда еще не испытал ни наслаждений, ни печалей любовных, то не хочу притворяться любовником; ибо притворство было бы слишком явно, а это, особливо в стихах, очень худо, несносно — не так ли?

Благодарю за перемену, которую ты сделал в посылке Слёнина; я давно получил басни Крылова, и Борг перевел уже из них несколько: он теперь не имеет времени перевесть все, что хотел бы, ибо сам переписывает свою книгу; он хочет после издать особо выбор из Крылова; его переводы чрезвычайно близки; я пришлю тебе 5 экземпляров 1-й части, а когда выйдет — и второй, для распространения славы Борга, которой он весьма достоин. Еще пришлю тебе на немецк⟨ом⟩ книгу о *русском законодательстве*, только что вышедшую; в ней ты увидишь, что немцы читают русских; замечания Куницына на свод зак⟨онов⟩ и ответ Розенканфа и ответ первого переведены. Последний будет во второй части. Мой Борг прежде моего приезда знал много о Куницыне и говорит об нем с большим уважением. Один из здешних жителей собирает подписку на им сочиненную историю Петра I в 6 том. Он, как говорят, хвалится тем, что имел не одни иностранные материалы, но читал Голикова. Я бы подписался

на это сочинение, но в моем кармане нет теперь большой возможности удовлетворять всем моим желаниям. Кстати об истории. Говорят, вышла «История Малороссии» Каменского; пришли мне ее при случае. Вот еще что: не вышли ли Древние русские стихотворения *Цертелева?* Мне их будет нужно, даже *издание оных Калайдовича*, но все это в свое время. Пришли поскорее «Цида» и Альманах: мне весьма и тот и другой любопытны. *А книги, о коих я писал на прошлой почте, необходимо требуют скорой* присылки. Впрочем, ты не должен баловать, как говорит Вяземский, языка болтливого Свербеж. Что ж ты не присылаешь мне Таппе сокр⟨ащенного⟩ Карамз⟨ина⟩; мне это очень нужно, необходимо — поторопись, сделай милость; тут откладывать — значит останавливать мои успехи. Какие негодные у меня чернила, но делать нечего: чем богат, тем и рад. Не забудь же *рисовальную машинку*, пожалуйста не забудь.

На прошлой почте у меня началась переписка с Погожевым; показывает ли он тебе мои письма? Только ты не должен платить ему всегда тою же монетою — понимаешь? Кстати, о слове «не должен». Мне чрезвычайно не нравятся его стихотворения — может быть, это зависть: ни одного нового, собственного выражения, даже слова, ни одной непережеванной мысли; все передразнивание Пушкина и Баратынского, которых совсем нельзя передразнивать без скуки читателям. Читал ли ты новую пьеску Пушкина «*К войне?*» Стихосложение, как всегда, довольно хорошо: зато ни начала, ни середины, ни конца — нечто чрезвычайно романтическое; но, верно, в Петербурге ее хвалят, и особливо Погожев, потому что он обыкновенно хвалит то, что хулят люди с познаниями и вкусом. Я читал ее у г-жи Протасовой, которая очень сильно обо мне беспокоится.

Не знаю, что хочет со мной сделать Воейков: он во всяком письме к своим родным меня расхваливает. Видно, ты не имеешь сильного желания с ним познакомиться: правда, что в его знакомстве нет ничего интересного, кроме его жены, — с этим согласен и Борг. Она скоро сюда будет, я опишу ее тебе с ног до головы, говорят, что всякий, кто ее видел хоть раз вблизи, непременно в нее влюбляется. Ежели надо мной исполнится это прорицание, то ты увидишь таковую перемену моего духа только

из слога моих писем, а не иначе: смотри же, смотри в оба. Прощай, кажется — довольно. Пиши же о театрах. Кто играл в «Циде» Шимену? неужели Семенова?

Нет, мало! Едва ли Очкин может, при теперешнем моем положении, достать от меня стихов в «Благон⟨амеренный⟩». Я почти ими не занимаюсь и долго, может быть, не буду печатать. Притом же, неужели он меня так дорого ценит, что почитает необходимым мое содействие при поднятии на задние ноги сего борова (как выр⟨азился⟩ од⟨ин⟩ критик)? Скоро ли он своею собственною особою явится в Петербург и что к тебе пишет? Адрес мой можно, и даже должно, сократить так: его благ. Ник. Языкову — в квартире Карла Федоровича Борга, секретаря крейс-герихта. Скажи эту новость и Погожеву. Грудев ко мне писал раз: он едет в деревни Уварова — верно, это для тебя новость. Кланяйся П. Очкину, Погожеву, Гофману, Бахтину и проч. Григ⟨орию⟩ Ивановичу и его супружнице — мои почтения. К Василию Васильевичу пишу; не знаю, что писать: верно, ты его надоумил? Разбираешь ли ты мои руны?.. [1]

Часто, бывало, принесешь к Плавильщикову книги, когда у него много просителей, то скажешь, чтоб он их вычеркнул, и сам уйдешь. Все книги брата Петра, на коих подписана его фамилия, куплены, и деньги отданы. Об тех книгах, какие я пропустил здесь, напишу на следующей почте к Очкину; он должен знать, где они и отданы ли.

Ежели ты будешь в состоянии прислать мне деньги, то пришли мне поскорее; с 7генв⟨аря⟩ здесь начинается ярмонка; мне нужно будет купить мебель для комнаты: я перейду скоро в другую, а в этой все чужое и не Боргово.

№ 3

⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

1823, февраля (не знаю которого), ⟨Дерпт⟩.

Наконец я получил Кайданова и Арсеньева — и благодарю; извини, что я тебе так часто писал о присылке этих книг и удивлялся медленности твоей в исполнении

---

[1] Далее следует список книг, взятых Н. М. Языковым из библиотеки В. А. Плавильщикова.

этого, может быть важнейшего, из моих поручений. Вот в чем дело: посылка целые две недели лежала в здешнем почтамте; в Дерпте не рассылают повесток печатных или письменных к имеющим получить что-либо на тяжелой почте, а вместо этого приходит почтальон и только сказывает, что есть посылка; почтальон приходил и сказывал об этом Боргу, а Борг забыл, и таким образом я получил сии книги только вместе с шинелью. Благодарю и за последнюю; я уже начинал в ней чувствовать нужду: здесь оттепель, грязь, дождь и все вообще марательные предтечи весны.

Что же сведения обо мне, полученные от Погожева? Заметь Дельвигу, что в его сонете, мне адресованном, есть ошибка, важная в этом роде стихотворений: один стих (именно 8-й) короче прочих одною стопою. Я с нетерпением ожидаю печатной фамилии Погожева и удивляюсь, как он, прежде столь застенчивый и даже неумолимый для печати, теперь решился выступить на скользкое поприще известности. Дай ему бог Аполлон веселого пути; дай бог, чтоб седящая на высоте посадила и его на сию же высоту и пронесла по вселенной, а не гнала бы только как голубя, как нашу братью и твоего брата.

Перевощиков ничего не знает о происшествиях в Казанском университете, но говорит, что можно, верно, предполагать в оном важную революцию: ибо уже месяц, как его постоянная переписка с тамошними остановилась со стороны Казани. Сделай милость, напиши подробнее об этом все, что знаешь или узнаешь, и в чью пользу происходит эта перемена: библии или наук.

Не знаешь ли ты, какую поэму Тассову перевел Батюшков (я это прочел на театральной афишке, в кою ты завернул посылку)? и правда ли, что он вообще перевел ее? Осведомься у Дельвига и повести мне.

Очень рад, что тебе понравился немец Жоке; он примечателен тем, что приехал в Россию в дилижансе вместе с Буту: верно, он сам тебе это сказывал. Через несколько недель, а может быть и месяцев, я буду рекомендовать брату Петру одного из здешних студентов (брата жены Борга); он отправится кругом света с Коцебу как минералог и по этой-то части должен иметь отношение к Петру, могущему многое ему показать в кабинете Г⟨орного⟩

к⟨орпуса⟩. Скоро ли Петр приедет в Петерб⟨ург⟩? и чего он надеется и что будет делать?

Знаешь ли, какое действие надо мной произвел даже один еще «Дон Карлос» Шиллера? Я решился быть трагическим поэтом; напишу одно явление и пришлю тебе на пробу: ты скажешь мне или ну, или стой — первое толкнет меня вперед, а последнее совершенно своротит мою пиитическую телегу с шоссе трагедии. Мне кажется, что из всех слав поэта слава поэта-трагика яснее, блистательнее и обширнее и даже едва ли сидит на высоте не выше всех прочих, выключая эпопеи.

Прощай покуда; я что-то сегодня не в духе для переписки, как уже, верно, ты заметил: эта часть литературы имеет или, по крайней мере, должна иметь свою музу, след. предыдущее.

Totus tuus[1] *Н. Языков.*

Кланяйся всем моим и нашим общим приятелям. Спасскому и супружнице его мое почтение.

№ 4
⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

25 февраля 1823, ⟨Дерпт⟩.

Ты обещаешь мне дубовый венок по части нашей переписки. Не знаю, буду ли и есмь ли я достоин оного действительно; по крайней мере ты всегда будешь собственноглазно видеть, как ревностно добиваюсь я и добивался награды рукописной доблести.

Погожев на прошлой почте прислал ко мне письмо; он мне очень (говорю тебе на ухо) надоедает непрестанными комплиментами: твердит о моей будущей славе, о моем настоящем гении, об его и всех знатоков ожидании от меня многого высокого и прекрасного; ты не можешь представить себе, как это мне докучает, тем более что не верю искренности того, что мне пишет Погожев, а вследствие этого и тому, что влагает он в уста других. Мне очень трудно отвечать ему; писать вовсе не об чем, стихов посылать к

[1] Весь твой *(лат.)*.

нему у меня нет и не будет, и я решился платить ему тою же монетою: хвалю стихи его, сколько достает бумаги. Ты, верно, читал уже или, лучше скажу, верно Погожев читал тебе его ко мне послание. Мне кажется, что сочинения Погожева весьма хорошо можно назвать *беглою поэзиею;* в них все чужое — слова, выражения и мысли, когда случаются (к сожалению, последнего нельзя сказать об этом послании: оно без мыслей просто). Я читал это новое произведение юницы-музы Погожева вместе с Боргом; вот что сказал мне последний по окончании чтения, которое отняло у нас более часа времени, потому что мы старались понять послание: «Я не люблю стихотворцев, которые заставляют читателя думать, для того чтобы он узнал, что автор не думал».

Третьего дня прибыла сюда Воейкова; с ней и Жуковский. Я необходимо должен познакомиться с обоими. Вот тебе описание первой: представь себе женщину... нет, лучше не представляй ничего — я Воейкову видел мало, вскользь, говорил с нею мало — и потому прошу подождать до следующей почты; завтра, нет — лучше сегодня, иду к ней, где познакомлюсь и с Жуковским. Ты узнаешь много нового по многим частям моих писем, которые сделаются для тебя гораздо интереснее, я уже горжусь их будущим содержанием и наперед торжественно объявляю себя твоим победителем — разумеется, только в предметах для писем. О Борге буду писать тебе после, когда уже дам тебе понятие о Воейковой, ибо эти два предмета должны иметь некоторую связь при их описании; все это ты узнаешь скоро — только прошу помнить, что пишу, писал и буду писать письма на твое имя, только тебе одному.

Получай мне ново-имеющий издаваться «Журнал изящных искусств»; прочитывай сам и потом присылай мне. Пришли при первой оказии IX том «Ист⟨ории⟩» Карамз⟨ина⟩ на французском, и вот еще что: «Поучения новой пастве» Филарета в Москве; это очень интересует Перевощикова, да и мне любопытно. Жалею, что Воейков не печатает стихов Погожева; я постараюсь здесь действовать в пользу последнего у родни первого.

Очень рад бы принять тобою мне предлагаемый план жизни и занятий, но это невозможно при зависимости от моих хозяев, и вот как ведется моя жизнь: встаю так же,

как ты, до 12 занимаюсь, до 1 обедаю, до 3-х ничего не делаю или читаю что-нибудь, покуда Вальт⟨ер⟩ Скотта: мне дала Воейкова «Monastère»; [1] до 5 занимаюсь с Боргом немец⟨ким⟩ или лат⟨инским⟩, от 5 до 6 пью чай (немцы в этом обстоятельстве очень медлительны: разговаривают, рассуждают, курят, нюхают табак — и я тоже, кроме нюхают), от 9 до 10 ужинаю и проч., до 12 или до 1 учу слова и приготовляю переводы. Видишь ли, что я сплю (может быть, только в прямом смысле) менее твоего, а гулять вовсе не гуляю.

Прощай до следующей почты.

Totus tuus *Н. Языков.*

Сделай милость, узнай подробнее о Казанском университете. Кланяйся всем вообще, выключая незнакомых.

№ 5

⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

5 марта 1823, ⟨Дерпт⟩.

Наконец торжественно поздравляю тебя с приездом Петра и удивляюсь, видя несправедливость моих предположительных мнений об нашем будущем славном агрономе: так, видно, благотворный гений наук не потух в нем даже от тлетворного дыхания деревенской жизни — честь и слава обоим!

Я очень хорошо познакомился с Жуковским (о Воейковой буду писать в следующем письме); он меня принял с отверстыми объятиями (в обоих смыслах), полюбил как родного; хвалил за то, что я не вступил в университет в начале текущего года, ибо (по словам его, а я им верю) чем дольше пробуду в Дерпте, тем больше и проч. Он мне советует, даже требует, чтоб я учился по-гречески; говорит, что он сам теперь раскаивается, что не выучился, когда мог, и что это обстоятельство очень сильно действовало на его стихотворения. Как ты об этом думаешь? Скажи, присоветуй, что делать. Впрочем, мне кажется, что по

---

[1] «Монастырь» *(франц.)*.

вступлении в университет у меня останется довольно времени и для этого — говорят, очень трудного — языка:

Где победить легко, там не славна победа!

Жуковский очень прост в обхождении, в разговоре, в одежде, так что, кланяясь с ним, говоря с ним, смотря на него, никак не можно предположить то, что мы читаем в его произведениях. Заметь: он советовал мне (то же, что ты, — каково?) не верить похвалам, доколе мое образование не докажет мне, что они справедливы. Ах, любезный! далеко кулику до Петрова дня! Однако ж, как ты мог заметить из, так сказать, запора моей музы, я, кажется, по крайней мере до сих пор, не полагался на восклицания Воейкова, ибо в противном случае муза моя сделалась бы гораздо плодороднее, а теперь ничего не производит, даже не мучится родами. Жуковский советовал мне никогда не описывать того, чего не чувствую или не чувствовал: он почитает это главным недостатком новейших наших поэтов; итак, я хорошо делал, что не следовал твоему предложению стихотворствовать о любви. Впрочем, может быть, скоро буду писать стихи, вдохновенные этой поэзией жизни, но уверяю тебя, что тогда не изменю предыдущему замечанию Жуковского. Он завтра или послезавтра едет в Петербург; Воейкова остается здесь месяца на два или на три — вот мне содержание для писем, и хвала за то провидению, ибо это не будет общим местом.

Сюда еще приехал один ежели не поэт, то большой стихотворец: кто бы ты думал? Илличевский. Я с ним или, лучше скажу, он со мной познакомился; едет в чужеземию и остался здесь, как говорит, дожидаться первого пути. Он знатный малый! Очень радовался, когда я сказал ему, что Борг перевел одну его эпиграмму. По-немецки знает немного, плохо, чуть-чуть; в этом он сам признается, но говорит, что Дельвиг еще меньше его знает: едва ли это возможно. Я думаю, что не этот ли недостаток заставил его сюда заехать и дожидаться лучшего пути в Германию. Мне с ним довольно весело; он говорит много, просто, иногда остроумно, и я с ним ратоборствую в последнем: это мне первый случай поговорить то, что думаю, и сказывать что хочу и как хочу в здешней вовсе немецкой сторонушке. В следующем письме я отвечу на вопрос твой: могу ли приехать к вам прежде июня? Об этом надобно

подумать. Не пришлешь ли ты мне когда-нибудь, хотя не скоро, «Историю» Сегюра и какую-нибудь хорошую географическую карту, лучше атлас; шляпку, об коей писано в предыдущем письме; мужскую, маленькую, кучерскую.

Totus tuus *Н. Языков.*

Петра целую и почитаю.

№ 6

⟨П. М. ЯЗЫКОВУ⟩

10 апреля ⟨1823, Дерпт⟩.

Благодарю тебя, любезный Петр, за последнее письмо ваше, которое по всей справедливости должно называться твоим. Очень жалею, что Погожев тебя так мучает своими стихами, но его поступок имеет некоторое оправдание: стихов его не печатают, так надобно как-нибудь удовлетворить своей метромании, а в таком случае наш брат-стихотворец не разбирает лиц, которым старается передать свои мысли и чувствования:

И станет про⟨мыш⟩лять он скукой рукописной.

Он, верно, читал тебе свои баллады и романсы, но я, предполагая, что ты слушал их, как слушают обыкновенно то, чего не хотят слышать, не спрашиваю от тебя суждения о его произведениях. Жаль, что меня теперь еще нет в Петербурге: я бы разделил с Погожевым его музолюбие и терпеливо слушал бы стихи, в которых ежели нет ничего нового и все беглое, по крайней мере есть любопытное для меня, странствующего по тому же полю.

В прошлом письме вы читали, когда я надеюсь или, лучше, могу быть у вас; для нашей и вашей братьи, христиан нехристолюбивых, все равно, когда бы я ни приехал — к святой или после только бы приехал, а вы, как мне писано, прежде конца мая не выедете: следственно и проч. Может быть, я приеду к вам вместе с Княжевичем, с которым очень близко подружился я: вместе делаем визиты, гуляем и проч., хотя очень редкие и очень редко; но

все-таки вместе; он очень добрый человек и довольно образованный.

Перед пасхою у студентов здешнего университета ежегодно бывает самое воинственное время: то и дело рубятся; каждый день можно говорить вправду: вчера была дуэль, сегодня есть и завтра будет. Редкость, кто из них не носит на лице доказательств рыцарской чести: ибо, по замечанию опытных людей, почти всегда удары приходят в картинки; это, кажется, доказывает или небольшое искусство ратоборное, или чрезвычайно смелую голову. Вот какой дух, какой ангел здесь свирепствует. Вчера я был у Жуковского; он необыкновенно печален вследствие смерти г-жи Мойер, проживет здесь еще с месяц: итак, я надеюсь иногда проводить это время довольно приятно; он со мной обходится очень дружественно, и я даже не знаю, чем заслужил такую его благосклонность. Кстати: читал ли ты мое последнее стихотворение? Я не знаю, почему Воейков подпечатал под ним мое имя; эти стихи были посланы к нему без всякого письма, без подписи и не моей рукой переписанные: такова судьба моя — мне уже нельзя никак зарыть в землю моего таланта! Вчера получил я письмо от почтеннейшего Василия Васильевича; он меня с головы до ног осыпал комплиментами. Говорит, что у тебя, Петр, *все еще отложено*, — неужели все еще? Я ему буду отвечать на следующей почте: теперь нет времени, а между тем прошу поблагодарить его за незабвение одного из своих почитателей. Видно, он сильно занят: пишет, что (собственные его слова) он бьется и лбом и затылком об утес техники, — дай бог, чтоб в этой бойне досталось последнему! Что ты поделываешь для Григория Ивановича? Скажи ему и его супружнице мое почтение; скажи, что я скоро буду готов переводить для него с немецкого и что это составляет одну из приятнейших надежд моих.

Ты же, брат Алекс⟨андр⟩, очень мало ко мне начинаешь писать — и не присылаешь Филарета, а Перевощиков беспрестанно пристает ко мне. Поздравляю тебя с новым случаем критиковать стихи мои; напиши, что подумаешь.

Твой totus *Н. Языков.*

Всем, кроме незнакомых, мои почтения.

№ 7

⟨ОБОИМ БРАТЬЯМ⟩

29 августа ⟨1823, Дерпт⟩.

Моя переборка на новую квартиру задержала мой ответ на ваше письмо. Вот вам некоторое понятие об новом моем местопребывании: оно в лучшей части города, два окна на площадь, комната светла, опрятная, не на чердаке, и я в ней расположился очень удобно и совершенно в своей тарелке; главная же выгода ее в том, что она весьма близко от университета, потому что в теперешнее осеннее время и в скоробудущее мне случалось бы очень часто и довольно далеко странствовать для слушания лекций.

Петр меня спрашивает: как читает лекции Парот? Это человек необыкновенной учености, сильно любящий свою науку; говорит весьма точно и весьма пространно, потому что так знает; часто возвышается даже до поэзии, и тогда его выражения поражают сильною живостию и производят в слушателе самое чу⟨в⟩ство профессора; при всякой оказии делает опыты; жаль только, что их видят из 150 человек не более 30: для этого сделана в физическом кабинете маленькая загородочка, и когда обступят его кругом (а студентов большая часть длинных), хоть брось глаза, так ничего не видишь, ежели не успел сперва соскочить с лавки. Он сидит во время лекции весьма торжественно: на высокой довольно катедре, под бюстом Невтона, и при всякой оказии обращается к нему с вопросом, с сильными выражениями. Мне весьма понравились его уроки; я Петру обещаюсь прислать сюрпризом его Разговоры о физике; в следующий семестр он, кажется, будет читать физику земли: говорят, что это чрезвычайно любопытно.

Всех более из профессоров меня восхищает Эверс; его лекции составляют самую приятную, можно сказать амброзическую, пищу моего ума: читает просто, ясно и необыкновенно выразительно; его искусство выражать характеры людей очень сильно. Когда он говорил об Годунове, то я признаюсь, что до тех пор никогда не думал, чтоб можно было так подействовать на мое воображение рассказом очень простым. Достойно замечания, что он признает Димитрия I Иоанновича самозванцем. Теперь я вижу, что эпоха самозванцев может служить богатым предметом для

историка, и жду с нетерпением Карамзина; эта же эпоха может дать хорошие материалы для романиста исторического, потому что нравы сего времени необыкновенно ясны в русской истории, а происшествия самые романтические. Одно суеверие русских во всякого нового самозванца — может быть, изображающее их даже любовь и почитание к царской крови, — есть уже сокровище для искусного пера.

Перевощиков читает историю русской словесности (а не эстетику, как слух носился прежде), и очень хорошо: он человек копоткий, рассказывает всю подноготную ясно и даже иногда красноречиво. Язык русский — по крайней мере на словах — знает очень хорошо и никогда ни на шаг не отдаляется от своего предмета (кроме той лекции, о которой я писал в прошлом письме); это он перенял у немцев. Он меня избавил добровольно от двух лекций в неделю, когда он занимается с студентами переводами на русский с немецкого, и переводами довольно мелочными, и для того, чтобы я лучше занимался в это время стихотворениями, он мне даже дал тему на некоротенькое сочинение: это — представить Баяна на развалинах Владимира во время татар (а почему же Владимира?), мечтающего о прежней славе России, сетующего о настоящем горестном ее положении и, наконец, во сне видящим ее будущую славу. Он предлагает мне подражать в сем случае Грею, который написал в этаком же случае «Барда» и не взял его с собою в храм бессмертия, по суду критиков, — и мне подражать этому утопленнику в Лете! Я подумаю хорошенько, потому что мне не хочется и отвергнуть предложения Перев⟨ощикова⟩ из личного к нему уважения и желания ему угодить и не хочется осрамиться избранием предмета весьма реляционного и в котором нельзя сделать никакого изображения, потому что, по совету Перевощикова, тут должны быть изображены характеры просто, с историческою, с математическою точностию, а это выйдет в стихах (хотя бы и возможно лучших) краткая русская история. Я понимаю намерения этого совета: почтенному профессору хочется принудить меня восхититься принятием христианской веры Владимиром, между тем как этот предмет теперь еще велик для моего воображения и слишком широк для времени. Есть слух, что ему не слишком нравятся мои, в его смысле, либеральные мысли во время татарского ига, и оттого-то, верно, предпринимает обратить меня на дорогу

прославления Христовой и монархической крови. Спросите Дельвига, как он думает об предложении: не слишком ли оно прозаическо и критическо?

У меня с Воейковой теперь весьма сильная дружба, и не знаю, почему именно теперь это случилось: не от того ли, что ближе с нею познакомился во время бытности здесь ее мужа? Я ей показываю и даже вписываю в альбом мои стихи.

С буквою Д., которая столь часто вопросна в ваших письмах, все идет по-прежнему; теперь я живу от нее очень близко, но, следуя совету В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩:

От девушек скройся,
В беду чтобы там
У них не попасться;
Ведь знаешь ли ты,
Что с ними вязаться
Лишь грех, суеты!

и тебе, Ал⟨ександр⟩, повторившему этот золотой урок для юности, я не чаще бываю там у них. И точно предвижу, что таковые обстоятельства могут завести мое сердце в темный лабиринт и совратить мой ум с учебной дороги. В таких размышлениях я решился скопить мое воображение на некоторое время и тем скопить оного побольше для будущего: дай бог мне успеть в этом спасительном намерении!

Благодарю за выписку из письма В⟨асилия⟩ Афанас⟨ьевича⟩, его похвала для меня очень лестна; но зачем выписал ты одну вторую часть его периода, который должен, по-видимому, весь относиться ко мне, ибо начинается союзом разделительным: *а стихи его*, что заставляет предполагать меня еще что-нибудь обо мне сказанное и что для меня было бы также любопытно. Об моих занятиях и хозяйственных распоряжениях напишу на следующей почте: теперь уже довольно.

Нельзя ли прислать мне следующие книги, которых нельзя достать здесь: «Grundsätze der National-Oekonomie oder National-Wirthschaftslehre» von Ludwig Jakob, zweite Auflage. Charkow, Halle und Leipzig,[1] 1809, и прислать два экземпляра; можно без переплета. Еще — разумеется, не для меня — «Сто четыре священные истории». И узнать, скоро

[1] «Основы народного хозяйства или науки о народном хозяйстве» Людвига Якоба. Второе издание. Харьков, Галле, Лейпциг (*нем.*).

ли выйдет «Немецкий словарь» Ольдекопа? И ежели не затр⟨удн⟩ит вас финансовая необильность ваша, то «Русскую антологию» Сен-Мора. Кстати о книгах: в ящике, присланном с фурманом, не нашел я 8-го тома Конверсационслекси⟨кона⟩; он не мог потеряться дорогой, потому что ящик получен мною в совершенном здравии; еще забыли вы повесть о самозванцах.

Прощайте до следующей почты.

Ваш брат *Н. Языков.*

Кланяйтесь В⟨асилию⟩ Афан⟨асьевичу⟩.

Николаю Викторовичу мое почтение и всем моим знакомым.

Пришли мне «Братьев-разбойников» и замечания цензора на стихи Олина: я тебя отблагодарю за это неожиданною присылкою запрещенной книги.

№ 8
⟨ОБОИМ БРАТЬЯМ⟩

26 сентября ⟨1823, Дерпт⟩.

Две почты сряду я не писал к вам, и причины этого необыкновенного молчания, признаюсь, не делают мне чести: первый раз отложил я до следующей почты, а вторую, случившуюся в воскресение, проспал послеобеденным сном, которому обещав посвятить несколько минут в обширном смысле, не исполнил своего обещания; но вы сами знаете могущество такового сна, и, верно, чаще моего случается с вами последнее обстоятельство. Итак, я предвижу ваше извинение моему молчанию и хочу теперь же натурою заместить порожнее место в нашей переписке.

Я теперь чрезвычайно занят все-таки язычными занятиями. Ежедневно имею два урока приватных по сей части, то есть либо греческий и латинский; либо греческий и немецкий, так что у меня остается не более двух часов в день на занятия сладчайшие, несмотря на то, что ложусь довольно поздно и встаю рано. Все время проходит в учении слов, грамматик и приготовлений переводов. Стихов писать вовсе некогда, и я уже давно вовсе их ⟨не⟩ писал — вот каково! Кстати: Воейков перепечатал в своих листках

мою «Песню Регнера», с припискою к его супруге; эта приписка, как он ко мне пишет, им самим очень худо переправлена в конце — как кажется, по причине слова *божественный*, там бывшего и ныне запрещенного. Итак, мои почтеннейшие, прошу вас не приписывать мне худые стихи, там могущие вследствие предыдущего случая встретиться. Я еще не видал этого листка, но там должно быть что-нибудь не слишком мне приятное, судя по незапному письму Воейкова и по его сильному восстанию на самого себя за поправку. Вы уже, верно, видели тиснутое в «Благонамеренном» мое «Путеш⟨ествие⟩ из Д. в Р.». Оно напечатано с примечанием издателя, и, верно, его *Ах!* относится ко мне. В безлюдии и Фома дворянин, говорит пословица: в таком смысле и эти стихи не испортят журнала, искони наполняемого пустотою стихов и прозы. У меня приводится теперь в исполнение мысль, долженствующая несколько удовлетворить ваше любопытство по части моей литературы: я переписываю все мои сочинения нынешнего года в книжку и через несколько дней пришлю вам; тут вы увидите и «Путешествие в Ревель» — ежели не в лучшем, то по крайней мере в настоящем виде — и студентские песни.

Жаль, что я теперь не излишне богат деньгами. Здесь представляется прекрасный случай купить дешево хороших книг на многих языках: через несколько дней будет аукцион библиотеки в прошлом месяце умершего профессора Лампе; он был человек чрезвычайно ученый по юридической части и оставил множество самых лучших книг по всем частям. Я постараюсь как-нибудь перевернуться к сему случаю; это точно редкая оказия: помоги мне, господи, хоть немного!

Недавно читал я книжку очень любопытную и запрещенную: до сих пор мы и не знали, что в Польше в 1816 году был заговор, имевший целию низвергнуть с престола ⟨Константина⟩ П⟨авловича⟩ и восстановить республику; дело шло хорошо, но открылось точно так же, как заговор Катилины. Один из заговорщиков блудил дочь русского полковника; эта выведала у него тайну и сказала отцу в тот самый вечер, когда должна была быть объявлена свобода и К⟨онстантин⟩ схвачен. Этот полковник тотчас же отправился с вооруженною рукою предупредить восстание; окружил загородный дом, где собрались в последний раз заговорщики. Они стали защищаться ору-

жием, и все были побиты, кроме четырех, кажется, в числе коих находился и сочинитель сей книжки, бежавший во Францию. Я начал было списывать для вас эти около 100 страниц, но не успел, потому что этой книжки один только экземпляр здесь, и то у ректора, который давал оную за тайну одному из знакомых на самое короткое время; впрочем, тут нет ничего особенного. Жаль, что теперь не помню ее заглавия: может быть, и в Петерб⟨урге⟩ вы ее достали бы.

Здесь теперь происходит большое кровопролитие: несколько свадеб вдруг — и девицы самые прекраснейшие. Здесь также, видно проездом из Ревеля, находится Болугианская с дочерьми, которых красота здесь прославляется; они остановились в трактире, против окон которого каждый вечер стоит мно⟨го⟩численная толпа студентов, желающих насладиться хотя зрением их прелестей, тут бывает довольно...[1]

№ 9

⟨П. М. ЯЗЫКОВОЙ⟩

1824, февраля 19, ⟨Дерпт⟩.

Я виноват перед тобой во всем смысле слова: давно, очень давно обещался писать к тебе — и дождался наконец, что ты сама начала со мною переписку. Извини, сделай милость, на этот раз только мою оплошность; надеюсь, что вперед не буду иметь нужды в твоем извинении, то есть все дело пойдет своим порядком. Уверяю тебя, что не желание не писать к тебе столь долго замедлило мое письмо — нет, совсем нет, а у людей нашего десятка существует с начала до конца привычка все отлагать до будущего и ничего не делать в настоящем; я еще не вовсе свободен от этой, иногда, даже редко небесполезной, но часто и почти всегда не туда, куда следует, ведущей привычки.

«Лучше поздно, нежели никогда», — говорят старые люди, а молодые не должны им не верить в этом случае; итак, начнем хоть теперь с божьею помощию переписку.

---

[1] Конца этого письма в подлиннике не имеется.

Смотри, не отставай в ответах на мои письма, а я... мне стоит только начать — а там пошла писать! Спроси у братьев, каков неутомим я на поле перьев!

Во-первых, прошу тебя, не пиши, говоря со мною, *Вы:* это слово годится только между людьми, не знающими друг друга, которые, чтоб не обидеть одно лицо, их слушающее, хотят увеличить его, так сказать, и употребляют из осторожности число множественное. *Вы* — это как-то слишком модно, слишком вежливо, некстати, неприятно, странно между, например, тобою и мною, где не должно быть комплиментов и принужденности, где должно писаться только то, ⟨что⟩ чувствуется, просто и открыто, следственно — без увеличения как предметов письма, так и лица, к которому оное адресуется. Притом же, сама посуди, к чему ведут все эти *Вы* в разговорах людей ближних и родных; одна vanitas vanitatum (суета сует), а вреда от них много; мысли делаются принужденнее, слова длиннее (это ясно; *ты* — вид очень простой, а *Вы* — что-то крючковатое), выражения чопорнее, и все вообще как-то вяло и не в надлежащем виде. Итак, ты не пиши ко мне *Вы* — ей-богу, выйдет лучше! Я сам это испытал во многом и со многими. Тебе же вовсе нечего сказать против этой страницы: она права и ясна, как свет божий.

Я очень рад, что ты занимаешься и читаешь; прочти и выучи наизусть следующие стихи, чтобы хоть еще год или два их помнить и по ним поступать:

Travailler est le lot et l'honneur d'un mortel.
Le repos est, dit-on, le partage du ciel.
Je n'en crois rien du tout: quel bien imaginaire
D'être les bras croisés pendant l'éternité?
Est ce dans le néant qu'est la félicité?
Dieu serait malheureux s'il n'avait rien à faire.
Il est d'autant plus Dieu qu'il est plus agissant. [1]

---

[1] Труд — высокая честь, смертных вечный удел!
Говорят, что в раю отдохнем мы от дел.
Нет, не верится мне: да и впрямь, неужели
Мчаться в вечности нам, руки скорбно скрестив?
Иль блаженство найдем, в летаргии застыв?
Сам господь бы взгрустнул, обречен на безделье...
Чем он больше в трудах, тем он более бог! *(франц.)*.

(Перевод Б. Томашевского.)

Это — истина, и не верить ей может тот, кто не чувствует различия между собою и господами четвероногими. Труд...[1] для тебя лучше; занятие есть уже наслаждение, даже без мысли о будущем. А что бывает плодом его — золото, чистое золото! Например и особливо в Симбирске: говоришь — и все слушают тебя, потому что не могут говорить того же, спрашиваешь — и тебе не отвечают, и ты сам отвечаешь: удовольствие двойное и нередкое только в странах, где образование редкость. В наш век пора русским хотя начинать думать больше о голове, нежели о головных уборах, больше о душе своей, нежели о душах и духах, короче — пора думать. Спроси братьев, ежели мне не веришь: они сами того же мнения и могут служить примером благодетельного действия электрической силы просвещения. Особливо у нас на Руси должно учиться, потому что польза наук распространяется как выхухоль и так же долговечна и потому что без учения человек и в нашей стороне скоро будет очевиден, как бельмо в глазу.

Ты, верно, уже получила мой маленький подарок; извини, что картинок так мало; впрочем, они, как многим кажется, не вовсе дурны. Книжка совсем незавидная и приложена единственно для большого покоя первых во время долгого странствования. Не испортились ли они? Прощай, целую тебя. Пиши же: уговор лучше денег.

Твой брат *Н. Языков.*

Мои поклоны и почтения всем родным.

№ 10
⟨ОБОИМ БРАТЬЯМ⟩

2 марта 1824, Дерпт.

Ты сильно негодуешь, любезный Алекс⟨андр⟩, и на нечастость и на незанимательность моих писем; ты даже говоришь, что *нам писать не об чем.* Твоя святая воля — а не вижу, даже в твоих письмах (ибо ты-то особенно и часто жалуешься на недостаток материалов), последнего предположения, вероятно единственно моим грешным упре-

---

[1] Одно слово не разобрано.

ком против твоей (я виноват: ошибся) несоответственности произведенного! Что я пишу не часто — это дело возможное, потому что мало имею времени писать много; а что мои письма незанимательны — дело не новое: не так ли? И ты, верно, всегда то же думал и прежде, их читая, да только теперь изъяснился открыто о том, что скрывал доселе, видя, сколь старался я хотя многочисленностию заменять истинную пустоту содержания моих писем. Итак, прости и прошлый, и, может быть, настоящий, и будущий недостаток не пера, а духа моего, — и будем писать как прежде, как можем, не укоряя друг друга в том, что делать — не наше дело, — и не требуя невозможного. Лучше какая-нибудь погода, нежели никакой. И да будут эпиграфом нашей будущей (ежели ты не вовсе хочешь ее развялить и иссушить) переписки эти стихи Вяземского:

Пусть все идет своим порядком
Иль беспорядком — все равно!

Я читал в списке весь «Бахчисарайский фонтан» Пушкина: эта поэма едва ли не худшая из всех его прежних; есть несколько стихов прекрасных, но вообще они как-то вялы, невыразительны и даже не так гладки, как в прочих его стихотворениях. Что-то каков будет его роман в стихах «Евгений Онегин?» Его тоже, как и «Бахчис〈арайский〉 фонтан», вперед расхваливают: чтобы также не обмануться! Читал ли ты новую басню Крылова «Кошка и соловей?» Прелесть: видно, что его воображение не охладело от лет, не так, как у Дмитриева (знаешь ли, что коротенькие басенки в листках Воейкова и в «Полярной звезде», под коими подпечатываются три звездочки, принадлежат Ивану Ивановичу?). Ты писал мне, что тебе кажется нынешняя «Полярная звезда» хуже прошлогодней, — да и в той что же было слишком хорошего? Если у тебя с собой Шиллер, то сравнивал ли ты перевод Жуковского из 4 действия «Орлеанской девы?» Русские стихи прекрасны, сильны и живы, но всё не то, что шиллеровские, в которых видно гораздо более вдохновения и поэзии высочайшей, например в конце этого монолога. Стихотворения Жуковского, говорят, скоро явятся; говорят, в них будет много нового, верно тоже переводного; «Иванов вечер» напечатан под именем Дунканова. Пишет Княжевич, что теперь цензура сделалась еще глупее и строже прежнего; вот пример: для

«Литерат⟨урных⟩ прибавлений» переведена была повесть из Голдшмита, в которой только что упоминалось об каких-то актерах, худо игравших; этой повести не пропустили, потому что запрещено писать о театрах в Петербурге. Вот каково, мой почтеннейший! Что делать нашей братье авторам? Молчать или говорить вяло и пусто. Как кстати здесь применить можно прекрасную басню Крылова «Кошка и соловей»: подлинно сказать —

Худые песни соловью
В когтях у кошки.

Дай бог тебе благого успеха в твоем благом намерении, почтенный или, скажу лучше, достопочтеннейший Петр! Я от души рад буду быть твоим трубадуром: мне не в диковинку писать для прекрасного пола; здесь я писал, например, для Воейковой, и тогда мои стихи были живы и сильны, что, надеюсь, судя по предмету будущих стихов для тебя, будет иметь место и в твоем случае. Стихи льются, когда пишешь для понимающей прекрасной особы; я тоже пишу и для других красавиц, но они редко меня понимают или совсем меня не понимают и всегда хвалят, между тем как я чувствую, что они не чувствуют, — и тогда я не трубадур, а труба-дур! Перевощиков ко мне чувствует особенное благоволение после прочтения моего отрывка из «Баяна»: даже на лекциях не начинает говорить, покуда я не приду; даже в глаза говорит мне, что я имею истинный талант, советует написать поэму или трагедию — и теперь же; это очень много от человека самого сухого темперамента, скромного, осторожного в словах и вообще от Перевощикова.

Но, мои почтеннейшие, я чувствую, что мне рано приниматься за труд славный. У меня есть в голове план для небольшой или, может быть, большой поэмы; это именно — «Баян»; начало вы читали; за ним должно следовать сражение: герой поэмы — певец и воин — остался раненый на поле битвы; его берут в плен, везут в Византию; он служит в греческом войске императору, сражается в Сицилии, в Италии и возвращается после, венчанный славою, в Киев, где находит свою любезную изменницею; он бросается в Днепр — и конец! Может быть, этот план покажется вам слишком простым или слишком романтическим, но мне хотелось бы описать

нравы тогдашних греков, Сицилии и проч.; это прекрасный предмет для хорошей музы, но для этого надобно бы прочесть целого Лебо и Гиббона, что мог бы я сделать во время прошедших праздников рождества, но болезнь, государи мои, отняла у меня надолго это удовольствие. Итак, буду ждать нового свободного времени, и не знаю — докуда! Теперь же могу только написать одно сражение, и, кажется, напишу, ибо этого желает существо, редкое в Дерпте и природе, — Воейкова. Между тем жду с нетерпением X и XI томов Карамзина; в них-то, судя по IX, должен явиться он в полном блеске: один Годунов есть уже предмет, достойный пера красноречивейшего, а сам Перевощиков говорит, что красноречие есть свойство Карамзина. Что мне за дело до ошибок против летописей: я могу восхищаться его слогом, его картинами — и для поэта довольно! Кстати, мне вовсе не нравится разбор «Ист⟨ории⟩ гос⟨ударства⟩ Рос⟨сийского⟩» Лелевеля: он, ей-богу, не сто́ит по силе, по остроумию писем киевского жителя Каченовского; притом же тон Лелевеля слишком самоуверен и учительский. Так по крайней мере думает здешний профессор Перевощиков и некоторые другие, напр. Эверс. В этих двух томах — богатый источник для драматической поэзии. Едва ли не можно из Годунова сделать трагедию, подобную «Валленштейну» Шиллерову. О господи! как бы мне поскорее кончить изучение греческого и латинского языков, прочесть Шекспира, Кальдерона и Гете и еще раз Шиллера! «Ich will kein Dichter sein, wenn ich kein grosser Dichter werden kann», [1] — сказал Гелти — и я с гордостию говорю то же. Или все — или ничего, мои почтеннейшие! В поэзии всего несноснее посредственность; веселее читать Хвостова — тогда по крайней мере смеешься, — но читать какого-нибудь Плетнева, Туманского и многих других — это скучно как нельзя больше: что называется, ни молока, ни шерсти — ни большого ума, ни большой глупости!

Очень рад, что Лукин, верно, заедет меня посмотреть: отечества и дым нам сладок и приятен! Впрочем, мне странно, почему его перевели в Рижский округ — верно, против воли. Я опишу вам наше свидание в подробности;

---

[1] «Я вовсе не хочу быть поэтом, если я не смогу стать большим поэтом» (нем.).

Лукин для нас вообще интересная персона; вы же, так, как я, давным-давно его не видали. Нет ли слухов о Зубове? иль тетерев его до смерти заклевал? Погожев не пристает ко мне больше письмами. Вышел перевод «Пустынника» Даленкурова; кажется, Погожев в нем участвовал, а его бранят в «С⟨ыне⟩ о⟨течества⟩» и в хвост и в голову, то есть и переводчиков и автора. На прошлой неделе уехал отсюда мой приятель Киселев; он кандидат, то есть 10 класса, по новой привилегии здешнего университета. Он будет распространять мою славу в старопрестольном белокаменном граде, где она еще, конечно, будет новинка.

Вот вам письмо довольно длинное, по крайней мере да не упрекаете меня в лености, а ежели оно незанимательно и доказывает, что мне писать нечего, не я виноват. Делаю, что могу.

Прощайте до следующего письма вашего.

Ваш брат *Н. Языков.*

№ 11

⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

12 апреля 1824, ⟨Дерпт⟩.

ОТРЫВОК

⟨...⟩ Я уже получил от Сленина «Бахчисарайский фонтан» (какое глупое предисловие!) Прежде читал я его в списках, и при этом в женских, а женщины не знают ни стопосложения, ни вообще грамматики, — и тогда стихи показались мне большею частию не дальнего достоинства; теперь вижу, что в этой поэме они гораздо лучше прежних, уже хороших. Жаль, что Пушкин мало или, лучше сказать, совсем не заботится о планах и характерах и приводит много положений совсем ненужных и лишних: напр., зачем сидит Гирей? зачем так много рассказывать об евнухе? зачем купаются жены Гирея? Притом, характер несколько ясный только один — Марии, а важнейшие лица, сам Хан и Зарема, один вовсе не изображен, а другая чуть-чуть, а этого мало для полного прекрасного целого! Впрочем, какая красота в описаниях, какая живость красок! Перевощиков замечает, что у этой поэмы голова преогромная, а туловище с ноготок. И, сверх того, он уже замечает,

что из всех сочинений Пушкина он видит, что он сам не имеет характера и постоянных правил нравственности, приводя латинскую пословицу: Qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit [1] ⟨...⟩

Ваш брат *Н. Языков.*

№ 12

⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

24 мая ⟨1824, Дерпт⟩.

Я полагаю, что брат Петр скоро прибудет в Петерб⟨ург⟩, и жду с нетерпением его повестки о его местопребывании. 7 июня — разумеется, ежели буду знать, где живет в Петер⟨бурге⟩ Петр, — я выезжаю отсюда и, следственно, 9 там. Буду стараться как можно торопить нашего кунктатора: знаю, как он медлителен во всех случаях, где должно торопиться.

В ходе нашего просвещения много новостей. Знаешь ли ты, что Голицын отлучен от министерства пр⟨освещения⟩ и оставлен при одной почте? что на место его — кто бы ты думал? Шишков! Тут едва ли одно не хуже другого; впрочем, говорят критики, что все-таки это лучше, ибо есть надежда, что министерство Шишкова не может быть долговечно по причине его телесной дряхлости и многолетия, а Голицын-де живущ до крайности. Впрочем, русскому царству — дураков не занимать. Говорят, что Магницкий составил заговор с Аракчеевым и митрополитом против Гол⟨ицына⟩, действовал давно уже и, наконец, успел! К сему относится одна, хотя не весьма благопристойная, но весьма любопытная подробность: именно то, что будто бы государь призывал к себе известного содомита Бантыша-Каменского и приказал ему составить список всех ему знакомых по сей части, что Б.-К. представил таковой список, начав оный министром просвещения, потом стоял канцлер и так далее, что он имел еще после этого аудиенцию у государя и удостоверил его клятвенно в истине своего донесения.

[1] Кто преуспевает в науках и наносит ущерб своей нравственности, тот больше прогадывает, чем выгадывает (*лат.*).

Новостей лит⟨ературных⟩ я мало знаю. Слышно, что Пушкин прислал в Петер⟨бург⟩ I часть своей поэмы, вроде «Шильдгарольда» и «Дон Жуана» — «Онегина», что оная заключает описание Крыма и Бессарабии. Цветы Дельвига расцветут для публики с будущего года. Рылеев кончил своего «Войнаровского» и скоро напечатает. Знаешь ли, что лорд Байрон умер? Я недавно читал его трагедию «Сарданапал» — и от нее в восторге. Читал также и «Каина», но он на меня не сильно подействовал. Здесь теперь Жуковский, он завтра едет в Петерб⟨ург⟩. Батюшков же отправляется в Германию, в Зонненштейн, где какой-то известный лекарь имеет целый пансион сумасшедших и их вылечивает. Здешние медики отказались от него. Воейкова прислала мне прекрасную белую книгу для стихов моих: ее возьму с собою и буду пополнять в Симб⟨ирске⟩, где надеюсь ревностнее заняться моею музою. Теперь собираю для нее фриштык; правда, что мне очень скучно читать лифлян⟨д⟩ские летописи: язык старинный, с трудом понятный, но делать нечего: если взялся за гуж — не говори, что не дюж. Делаю выписки, предполагая, что у вас есть Карамзин.

Прощай до следующей почты.

Твой *Н. Языков.*

№ 13

⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

Февраля 24, 1825, Дерпт.

ОТРЫВОК

⟨...⟩ Очень радуюсь, что Грибоедов переводит «Фауста»; желаю и надеюсь успеха, но могу сказать утвердительно, что он переведет его не для печати: я даже не знаю, какую сцену может пропустить цензура. Кланяйся и отдай мое почтение Грибоедову и Одоевскому: ведь ты их часто видишь у Роспини. Комедии первого о сю пору только ожидаю; впрочем, теперь надеюсь получить скорее, потому что уже просил Погожева поторопить ему подручных переписчиков. Я не знаю, за что он на меня в претензии: я к нему пишу вовсе не редко, то есть столько, сколько он. К Ампили⟨ю⟩ Очкину тоже пишу по мере его писем; пусть

они сами посудят: ведь нельзя же мне здесь только и делать, что писать письма; это выше сил моих и ниже моей музы — не так ли, друг мой? 〈...〉

Весь твой *Н. Языков.*

№ 14

〈А. М. ЯЗЫКОВУ〉

19 августа 1825, Дерпт.

ОТРЫВОК

〈...〉Сюда приехал из Пскова студент здешнего унив〈ерситета〉, приятель Пушкина; говорит, что П〈ушкин〉 уже написал два действия своей трагедии «Годунов», что она будет прекраснее всего им доселе писанного, что «Цыгане» скоро напечатаются, что П〈ушкин〉не хотел лечиться у Мойера потому, что надеялся получить позволение ехать для излечения за границу, что он пишет новую поэму «Эвнух» и проч. и проч. 〈...〉

Весь твой *Н. Языков.*

№ 15

〈П. М. ЯЗЫКОВОЙ〉

27 августа 1825, Дерпт.

ОТРЫВОК

〈...〉 Вы, верно, уже получили от Дюка комедию Грибоедова «Горе от ума»; напиши, как она подействовала на бездейственные умы в Симбирске? Это — произведение, делающее честь нашему времени и уму русскому: какая галерея характеров, истинно комических, списанных с природы! какой язык прекрасный и непринужденный, неистощимое остроумие и великое искусство схватывать положения самые смешные из быта русских бояр! Верно, все это ты сама в ней увидела; верно, тебе нравится она как нельзя больше — читай ее чаще и учись смотреть на свет глазами Грибоедова: тогда только ты увидишь его, как он есть.

Прощай до следующего письма.

Весь твой *Н. Языков.*

№ 16
⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

12 сентября 1825, ⟨Дерпт⟩.

Благодарю тебя за все, что ты для меня делаешь. Кальдерон мне чрезвычайно нравится — и чем больше читаю его, тем более уверяюсь, что Кюх⟨ельбекер⟩ его не читал, сказывая, что у Ших⟨матова⟩ много с ним сходства. У Кальдерона какое-то особое воображение, огромное и всеобъемлющее. Он краток и пространен в одно время; каждая мысль выражается чрезвычайно кратко, а мыслей у него море. Он на меня сильно действует, как само собою разумеется. Когда-нибудь будем читать его вместе. Признаюсь, что читаю его с большим удовольствием, нежели Шекспира; хотя у Кал⟨ьдерона⟩ нет такого искусства в изображении характеров, зато он богаче образами вовсе оригинальными, а той приверженности к религии праотцев, о которой говорит Кюх⟨ельбекер⟩, я не вижу в нем ни капли. Впрочем, жаль, что Грис не приложил примечаний к своему прекрасному переводу: есть места в Кальд⟨ероне⟩, которых никак понять нельзя, вполне понимая их буквально; сперва я думал, что то, чего я не понимаю, может понять человек, лучше меня знающий по-немецки, но не тут-то было; впрочем, эти места не так важны (вероятно, в них есть местности) и не мешают действию целого и другого, притом же — они очень редки.

Я все-таки буду писать стихи, чтоб не отучиться от их гладкости. Самые пустые мои пьесы имеют по крайней мере то достоинство, что они чистят будущие стихи мои.

Я пришлю тебе скоро немецкий альманах, который при случае отошли Ел⟨изавете⟩ Петр⟨овне⟩, и рисовальную тетрадку для Катуши. В первом есть хорошая повесть. Кстати: в одном нем⟨ецком⟩ альманахе «Урания» на 1826 есть прекрасная Тикова повесть «Das Dichterleben»,[1] я ее читал с восторгом — и жалею, что не мог уже купить этого альманаха. Советую тебе иметь его: прелесть!

Прощай покуда; на следующей почте напишу гораздо более.

Весь твой *Н. Языков.*

Мне смертельно надоедает Аладьин.

---

[1] «Жизнь поэта» *(нем.)*.

№ 17

⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

Мая 5, 1826, Дерпт.

ОТРЫВОК

⟨...⟩ Вот тебе все, что говорят здесь нового: с турками будет война скоро и непременно, по сей-де части и Веллингтон в П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨ург⟩ ездил; Жуковский сильно болен и поедет в чужие краи; Карамзин тоже, имея нарыв в легких, отправился в Италию; государь дал ему на сей случай фрегат и жалованье посланника. Еще говорят, что Аракч⟨еев⟩ снова в милости у царя русского: за него-де ходатайствует вдовствующая императрица Мария; что многие офицеры гвардии из отправившихся в Москву на коронацию схвачены на пути и препровождены в крепость святых Петра и Павла.

Вот тебе новость о мне самом: в начале наших летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину; кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую: увижу Изборск, Псков, Печеры, места, священные музе русской, а ты знаешь, как на меня они действуют! Впрочем, исполнение этого намерения и еще других некоторых зависит от вас, мои почтеннейшие, — понимаешь? «Стара песня», — можно сказать, прочитав последнее! Но, друг мой, человек всегда человек, я всегда я, без денег недалеко уедешь!

Книги, давно обещанные, кажется, едут — и «Венцеслав» и «Гражданское мужество» Рылеева.

С Петербургом моя переписка идет необыкновенно вяло: Амплий что-то замолк, в письмах Княж⟨евича⟩ более говорится о сердечных чувствованиях, а дела мало. Один Аладьин не престает надеяться, что я буду отвечать стихами на его просительную прозу, а я молчу до поры до времени.

Какова речь Магницкого в Казани: это золото в некотором смысле — конечно, в смысле бессмыслицы; впрочем, надобно признаться, что он мастер писать по-русски.

Всех вас целую — особенно обнимаю Петра и Елис⟨авету⟩ Петровну и маму.

Весь твой *Н. Языков.*

Поздравляю вас всех с моими именинами!

№ 18

⟨П. М. ЯЗЫКОВУ⟩

1826, сентября 2, Дерпт.

На прошлой почте получил я письмо от брата Александра, где значится, что он отъезжает уже на службу и что я с настоящего времени к тебе одному, мой почтеннейший и любезнейший, буду относиться с моими желаниями, коих исполнение единственно из Симбирска воспоследовать может, с моими мыслями, кои туда только могут быть направлены, — по своей местности и соответственности обстоятельствам и тому, и сему, и прочему. До нас еще не доехали милостивые манифесты по случаю царевенчания: говорят, что в них много хорошего и доброго во всех смыслах; говорят даже, что судьба несчастных возмутителей сильно облегчится, — дай бог! И это надобно сделать и по человечеству и по политике: первое не дает никому права отнимать жизнь у себе подобного или превращать ее из прекрасной в адскую, а вторая велит быть осторожною даже голове венценосной и руке, по манию которой судят, осуждают, пытают и вешают! А нечего сказать: смягчение наказаний из отсечения головы в вечную или 20-летнюю, что равно, каторгу напомнило было равномерно милосердые поступки императрицы Анны Ивановны. Кроме того, кажется, пора увериться всякому, что дух времени не слушает указов и всегда пойдет своей дорогой и построит, что ему надобно! Ирод может истребить множество людей, заслужить имя, которым потомки бранят величайших извергов, но Христос ему недоступен: вера чистейшая и прекрасная осветит вселенную, и божественное всегда восторжествует. Сравнение истинно поэтическое! Не правда ли?

Нового государя все хвалят, особенно немцы, да и за дело: он действует очень благоразумно; кажется, имеет волю крепкую и истинное расположение к добру. Можно надеяться много хорошего по всем частям государственным; благодаря кого бы то ни было, Россия теперь самое обширнейшее поле для улучшений преобразований и ознаменования души, могучей в действиях, определяющих судьбу полсвета. Дай бог Петра: он необходим там, где так долго без него обходились — и как обходились! Довольно о политике: предмет неистощимый!

Я теперь поживаю, что называется, как нельзя лучше; все идет благополучно, начиная от занятий учебных до покупки молока и сливок. Так, мой почтеннейший: самое зло полезно, когда падает на душу, чувствительную к прекрасному и высокому! Я даже пишу больше прежнего, собираю новые стихи мои в особую книгу, отошлю ее к брату Александру, а он уже, что следует, к вам. На следующей почте отправлю к Н. Ал. подробную и обстоятельную запись о здешнем житье-бытье, о ходе и существе здешнего воспитания и вообще обо всем, что нужно знать прежде, нежели ехать сюда воспитывать детей.

Говорят, ты сильно вдался в хозяйство. Желаю успехов блистательных; конечно, никто из нашей братьи русских помещиков не имеет на них более права, нежели ты. У меня завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное. Дай бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась! Хи-хи-хи! Денег я получил 1000 р. на запрошлой неделе — поддержка! И благодарен вам, мои снисходительные братья и путеводители!

Рад ли Ник⟨олай⟩ Ильич, что его сын сделался студентом? Скажи ему, ежели хочешь, что он благополучно и с честию начал свое новое звание: разборчив в знакомстве и вообще не показывает охоты к тому безумному буйству и мелочному волнению умов, не знающих, чего им хочется. Это много здесь, где почти все увлекаются множеством и дают себя водить за нос существам, полным пустотою и с юности привыкшим или все делать, ни о чем не думая, или думать о пустяках, ничего не делая!

Елисав⟨ете⟩ Петровне целую ручки; всем кланяюсь и почтения свидетельствую.

Весь твой *Н. Языков.*

№ 19

⟨П. М. ЯЗЫКОВУ⟩

Сентября 23, 1826, Дерпт.

ОТРЫВОК

⟨...⟩ Дюк писал ко мне из Москвы; он остановился у Свербеева и с ним вместе обозревает московские окрестности. Вот новость: Пушкина привезли на казенный счет

в Москву, и он освобожден. Это хорошо, но вот что худо — и чрезвычайно: вышел и начинает приводиться в действие новый устав о цензуре — совершенная инквизиция; а этого никак нельзя было ожидать после манифестов, в которых ясно выказывалось желание добра во всех смыслах. Кроме того, что сей устав мог бы подписать и монарх Высокой Порты, в нем еще обнаруживаются и глупость и невежество, — необыкновенные спутники угнетения в нашем веке, когда все стараются прикрывать личиною благорасположения к просвещению и общему благу. Странно и досадно — и несносно! ⟨...⟩

Весь твой *Н. Языков.*

№ 20

⟨А. М. ЯЗЫКОВУ⟩

7 марта, 1828, Дерпт.

ОТРЫВОК

⟨...⟩ Здесь говорят, что Пушкин написал много нового — между прочим поэму «Стенька Разин». Часто ли ты с ним видишься? Видно, он много занимается своим делом: слава и честь ему — и счастье, блаженство! А я, многогрешный, безмолвно гляжу я... на сторону лучшия жизни. Здесь те же поля, и брега, и холмы, и то же прекрасное небо! Но где ж озарявшая некогда их волшебным сияньем надежда? ⟨...⟩

Весь твой *Н. Языков.*

№ 21

⟨ОБОИМ БРАТЬЯМ⟩

Ноября 8, 1828. Дерпт.

Вы понапрасну обвиняете меня в малописании или даже в неписании к вам, мои почтеннейшие; правда, что с моей стороны случаются по части писем частые и важные промежутки, но зато их обыкновенно ограничивают толпы писем, иногда со стихами и всегда любопытных уму наблюдательному; эта переменчивость в переписке есть, без сомнения, одна

из черт моего характера, вообще непостоянного, нерешительного и разночинного: таков я ein Bild des russischen Volkes, bald indolent wie eine Asiate, bald voll rastloser europäischer Thätigkeit! [1]

Справедливо извещают вас из Петербурга, что в Альма⟨на⟩хе Аладьина будут некоторые мои вам еще неизвестные штуки; их можно назвать междуумками, признаком неустойки моей на пути трудов возвышенных, следствием скуки душевной, утомления сил поэтических — и причиною бог знает чего... (впрочем, вам неизвестного там, кажется, только и есть, что мое *Посл⟨ание⟩ к Степанову* и мои «Развалины»).

Здесь проехал в чужеземию некто Соболевский, московский юноша, приятель, обожатель, бирюч и Gastfreund [2] Пушкина; он обрадовал мою совершенно пустую, бесталантную жизнь теперешнюю известием, что Пушкин написал новую прекрасную, все его прежние превосходящую, поэму «Мазепа», множество баллад, песен, сказок и т. д.; что «Сев⟨ерные⟩ цветы» на 1829 будут исполнены его стихами; что Дельвиг на меня сердится за мое непроходимое молчание на Парнасе; что Гнедичев перевод «Илиады» скоро явится в свет; что Погодин перестает заниматься изданием «Московского вестника», Шевырев печатает свой перевод «Валленштейна»; что Воейков прибавил еще несколько лиц (Греча, Булгарина и даже дам некоторых) в свой «Дом сумасшедших».

Петерсон уже стоит на праге экзамена; он теперь живет в одном доме со мною, выше меня; я с ним вместе занимаюсь русскою историею — и очень приятно и сладостно!

На сих днях получил я письмо от Степанова. Он уже в Лейпциге: описывает мне свое путешествие довольно подробно. Гамбург ему не понравился; он называет его кораллом, в котором живут одни полипы, городом чрезвычайно б...ливым: «здесь-то истинная Кострома!» — восклицает он, описав несколько сладострастных, непристойных или развратных приключений, виденных им из окна через улицу. В Берлине видел он выставку в Академии худо-

---

[1] Образ русского народа, то апатичный как азиат, то полон неутомимой европейской деятельности *(нем.)*.

[2] Частный гость *(нем.)*

жеств; там были и некоторые русские произведения: картины Кипренского и вид Дерпта нашего Хрипкова!

Наумов отправляется, недели чер⟨ез⟩ две или три, в Симбирск на свадьбу сестры своей; с ним пришлю я вам книг кипочку и всем сестрам по серьгам — в переносном смысле, разумеется, т. е. по письму.

Прощайте покуда.

Тебе известно, что Булгарин купил здесь огромный дом; сам не живет здесь и старается населить его русскими юношами из Петербурга. Дело идет успешно: уже трое там нанимают квартиры — и ждут еще многих, в том числе и сына Гречева. Таким образом, составляется в Дерпте русская колония, под начальством танты, предприимчивому духу которой можно приписывать это общеполезное заведение.

Здесь все плачет о смерти императрицы: в Дерпте чрезвычайно много ею облагодетельствованных.

ПИСЬМА К В. Д. КОМОВСКОМУ

№ 1

1831, марта 18, Москва.

Я кругом виноват перед вами: до сих пор не отвечал на два письма ваши, держу у себя ваш список книг 1829 года, даже не поблагодарил вас за прекрасный подарок. Простите мне все эти светские и литературные прегрешения, приписав их единственно лени и привычке все откладывать до будущего и ничего не делать в настоящем. Вы совершили геркулесовский подвиг во благо нашей словесности; не ослабевайте же духом от мелочных неудач, необходимых у нас, где все отличное претыкается. Что вы вперед намереваетесь подарить нашим словесникам, не умеющим ценить трудов великих и чистых?

Вот вам здешние новости: Пушкин написал чрезвычайно много во время своего пребывания в нижегородской деревне, где задерживала его холера. Скоро издает две последние главы «Онегина»: девятую сильно хвалят слышавшие. «Наложница» явится к светлому воскресенью. Баратынский сочинил к ней предисловие, в котором очень любопытно рассуждает о нравственности изящных произведений. Впрочем, едва ли эта статья пройдет сквозь тиски цензуры — рассвирепевшей здесь до безумия!

Если бы я имел право надеяться, что все-таки не вовсе лишился вашего ко мне благорасположения, то попросил бы вас справиться у Грефа или у кого другого — не получено ли в Петербурге издание сочинений Шиллера в одном томе: я видел здесь первую половину — и пленился.

Прощайте покуда.

Ваш *Н. Языков.*

№ 2

1831, апреля 21, Москва.

Здесь носится слух, чрезвычайно радующий всех благомыслящих литераторов: говорят, что Булгарин и Греч поссорились не на живот, а на смерть. Греч, дескать, отлучил Булгарина от издания «Пчелы» и «С⟨ына⟩ о⟨течества⟩», разбранил его, вытолкал из дому и прогнал так сильно, что Фаддей Венедиктович ускакал сломя голову в Дерпт. Правда ли эта желанная новость? Вы живете в самом вихре петербургской журналистики и наблюдательным оком смотрите на все ее смуты и передряги, сделайте милость, обрадуйте меня подробным извещением о сем важном событии.

Загоскин возвратился сюда директором театра — с диктаторскою властию, — поможет ли эта власть и в искусные ли руки она упала, еще неизвестно. Между тем ожидаем все-таки лучшего, потому что он наследует Кокошкину, существу вовсе неразумному, пошлому, подлому и ослу. Полевой возится с 3 т⟨омом⟩ своей «Истории», которая уже давно печатается, но автор то и дело переделывает, переставляет и пересочиняет свое творение. Вот каково!

Вот вам еще просьба: есть ли у Грефа: Plays and poems of Shakespeare in one volume; by Ernst Fleischer. Leipzig, 1830—1831.[1] Если есть, то что цена им? «Наложница» Баратынского вышла и уже ходит по Москве — прошу вас принять ее от меня в знак благодарности к вашим литературным подвигам и написать мне об ней ваше суждение. Вам ее доставит Смирдин. Едва ли он не солгал вам, что взял уже для своего гарема 100 наложниц, — здесь об этом ничего не знает сам автор, у которого взял 100 экз. Ширяев, но для себя. Вероятно, ее разругают уже за одно заглавие наши *нравственные* журналисты. Что Булгарин до сих пор ничего не сказал о «Борисе Годунове?» Пишет ли вам брат, что он будет делать литер⟨атурно⟩ в Уфе? Я его уже несколько раз вопрошал об этом: отмахивается: верно, что-нибудь совершает втайне, дай бог хоть этого; много, очень много хорошего таким образом делается: например, почти все незаконнорожденные, которые, по замечаниям

---

[1] Драмы и поэмы Шекспира в одном томе. Эрнст Флейшер. Лейпциг *(англ.)*.

физиологов, яко дети истинной любви, бывают обыкновенно здоровее и умнее законных, так сказать казенных, произведений брака.

Прощайте покуда.

Ваш покорный *Н. Языков.*

№ 3

1831, сентября 9, Москва.

Прошу вас доставить мне удовлетворительные сведения вот о чем: как получается позволение издавать журнал? Через какие мытарства проходит просьба и самое лицо просителя в собор властей предержащих? Каков должен быть собою таковой проситель: может ли он быть существо безызвестное в жизни нашей литературы или ему необходима молва человека, издавшего хоть какой-нибудь звук на Парнасе, и проч.? Все это нужно мне ведать для некоторых соображений на будущий 1832 год, об которых напишу вам подробно в свое время.

Я завлек брата Ал⟨ександра⟩ в верное предприятие собирать заодно со мною и еще кое с кем русские песни: он уже начал сильно действовать — и в местах самых надежных, на берегах Волги, Камы, Белой и проч. Под Москвою я собрал нынешним летом около полсотни. Каково? Если бог-вседержитель поможет этому благому начинанию, сделается на Руси дело великое — явится миру сокровище бесценное и самоцветное!

Прощайте покуда. Будьте здравы.

Ваш покорнейший *Н. Языков.*

Правда ли, что Пушкин пожалован в историографа Петра Первого? Здесь много об этом толкуется.

№ 4

1832, октября 20.

Я с часу на час ожидаю возвращения брата Алекс⟨андра⟩ из стран заволжских и закамских. Не знаю, что сказать вам об печатании собрания моих стихотворений: не

лучше ли отложить его — даже хоть в долгий ящик? Впрочем, и это дело вовсе зависит от брата Ал⟨ександра⟩, потому что я сам имею честь от него же зависеть: им, так сказать, живу и движусь!

Сердечно благодарю вас за известие о печатании повестей А. Б⟨естужева⟩ и повестей же Даля; одну из сих последних (именно о Сержанте) я знаю: тут есть дух русский. Мне кажется, что наши журналы понапрасну жалуются на современную нашу лит⟨ературу⟩, в нынешнее время более, нежели когда-нибудь, является истинных талантов на ее поприще. Мне приходит даже мысль, что в наше время суждено процвесть русскому Парнасу, так же как испанский процветал при Филиппе II! Не забудьте поручить Смирдину доставить для нашего обихода экземпляра 3 повестей Бест⟨ужева⟩ и Даля — при первом их появлении. Еще просьба — как бы нам списаться с ним лично о присылке книг, выходящих в Петербурге (мы должны ему — пусть он пришлет сюда счет, и этим начнется дальнейшее наше сообщение). Ширяев нам крайне надоел: ведет дело свое чрезвычайно глупо и не чисто ⟨...⟩

Ваш *Н. Языков.*

№ 5

1833, апреля 14.

Наконец плоды благопоспешного труда вашего — мои стихотворения — прибыли в мои объятья. Не знаю, как благодарить вас за многое множество забот и хлопот и разных разностей и всякой всячины — вами столь достославно препобежденных в сем деле разухабистом! Только и могу сказать: хвала, честь и слава долготерпению вашему! Хладнокровно ожидаю, что скажут обо мне «С⟨еверная⟩ пчела», «Телеграф» и «Телескоп». Я наперед знаю, за что и как именно станут бранить меня наши строгие ценители и судьи. Видели ли вы в «Телеграфе» статью Н. Полевого о Жуковском? Взгляните и судите. Здесь получены и стихотворения П. Катенина: Полевой кинется на него, как цепная собака: он всегда бранил Катенина кстати и некстати, прямо и мимоходом: теперь нападет на все сполна!

Собирание *стихов* производится у нас ревностно и похвально, сообразно требованиям нашего века, от которого так далеко отстал Жуковский, по уверению Полевого.

Прощайте покуда.

Христос воскрес!

Ваш покорнейший *Н. Языков.*

Нельзя ли доставить П. Ал. Катенину экземпляр моих стихотворений: он, Катенин, теперь находится в СПб.

ПИСЬМА К А. Н. ВУЛЬФУ

№ 1

21 января 1827, Дерпт.

Благодарю тебя за письмо твое, почтеннейший мой собрат (судьба и доселе позволяет мне носить это достохвальное имя: зане я уже не студент — следственно, состою теперь опять в одном сословии с тобою — и я филистимлянин) и прошу извинить меня, что отвечаю на него так поздно: обстоятельства не позволяли мне действовать в сем случае по сердцу, не то я бы, верно, не стал и дожидаться твоей отповеди, чтобы послать тебе свою собственную, — что делать? Мы все ходим под богом, как говорит пословица.

Ты мне сообщил очень любопытные известия о нашем Бейроне: продолжай и вперед это делать; само собой разумеется, что мне всегда хочется знать все, касающееся до человека, с которым вместе я так роскошно и весело пьянствовал в стране, видевшей лучшее: то есть счастливейшее время моей жизни. Он ко мне писал из Москвы: манит и блазнит меня посылать стихи мои в «Моск⟨овский⟩ вест⟨ник⟩» и хочет, кажется, вовсе втянуть меня в эту единоторговицу словесности русской! Говорит, что пора задушить альманахи, — и, конечно, этот будущий удушитель сих пигмеев есть «Моск⟨овский⟩ вест⟨ник⟩». Замечу мимоходом, что едва ли альманахи вредят успехам Парнаса более, нежели журналы, потому что первые никак не останавливают хода учености, будучи делом мелочным своих издателей; напротив того, человек, издающий журнал, по необходимости должен работать к спеху, часто не в своем околотке, и, таким образом, покидать свой предмет на поле просвещения, где мог бы он сделать что-нибудь знаменитое, занимаясь одною частию и работая не опрометью и не без

оглядки. Пример тому сам Полевой — из которого теперь именно ничего не выйдет достославного, потому что он кидается и туда и сюда по наукам, как угорелая кошка, потому что издает журнал.

Пельцер давно уже уехал в деревню, недели на две, как говорил; Адеркас чрезвычайно беспокоится о твоем здоровье, присылает ко мне людей с вопросами, где ты, как поживаешь и как здоров. Шепелев тебе кланяется из Петерб⟨урга⟩, откуда, вероятно, уже отправился, куда — он и сам не знает, так письмо его гласит.

Вчера я видел знаменитого актера Вурма на сцене: им восхищаются как божеством, и до́лжно сознаться, что он очень хорошо играет свои роли, но все-таки не диво, потому что гибкий голос, развертливость на сцене, совершенное понятие лица представляемого — суть условия всякого хорошего актера, но еще не составляют необыкновенного явления на сцене; доказательством этому служит, между прочим, и то, что и в России можно начесть человек пять таких актеров, как Вурм, — в комическом, следственно легчайшем роде, а они все-таки не чудеса!

Мои дела вообще идут довольно хорошо, головные боли как-то присмирели, и я могу от сердца благодарить судьбу за эту приятную новость моего житья-бытья. Вот тебе несколько стихов моей работы: самые свежие.[1]

Мое приготовление к экзамену началось этими стихами — или, лучше сказать, моя литература в Дерпте кончилась ими.

Прощай, весь твой *Н. Языков.*

Кланяйся и свидетельствуй почтения в мое воспоминание там, где живешь теперь.

№ 2

Июля 12 дня, 1837.

ОТРЫВОК

⟨...⟩ Где ты теперь находишься? Там, где мы некогда гуляли вместе с нашим бессмертным Пушкиным? Горько и досадно, что он погиб так безвременно и от *руки* какого-то

[1] Дальше следует текст стихотворения «К музе».

пришлеца! История причин дуэли его чрезвычайно темна и, вероятно, останется таковою на веки веков. И как мало отделанного нашлось в его бумагах. Его губил и погубил большой свет — в котором не житье поэтам! Поклонись за меня его праху, когда будешь в Святогорском монастыре. Пиши ко мне.

Прощай покуда,

твой *Н. Языков.*

Всем твоим мое почтение.

№ 3

Августа 23 дня, 1845.

Наконец дождался я письма от тебя, мой Алексей Николаевич!

Я уже начинал думать, не предался ли ты заманчивому и завлекательному вихрю питерских сует и соблазнов и не носишься ли ты по прихоти волн треволненной столичной жизни? Теперь вижу, что все это время прошло у тебя не в мишурных забавах и наслаждениях, а в горьких хлопотах и заботах; сердечно сострадаю тебе в твоей семейной потере: покойного Валерьяна я живо помню, как помню все, что, во время óно, было в незабвенном Тригорском. Сердечно сострадаю и несчастию ⟨голод⟩, постигшему вашу губернию: оно *нимало* не удивило меня: хотя я своею особою и никогда не принадлежал и не принадлежу к несметному числу *пружин,* движущих ту огромную, тяжелую и скрыпучую махину, которую мы называем русским правительством, но все-таки и я уже довольно пригляделся к ее действиям — и почитаю все их истинным посланием божиим, на которое и смотрю с этой точки зрения.

Наполеон называл людей — кормом для пушек; об нашем народе сказать этого мало: его истребляет целое собрание орудий смерти: и пушки, и кнут, и указы, и распоряжения, и проч., и проч.

Засвидетельствуй мою искреннюю благодарность всем помнящим меня в Тригорском за несказанную их приязнь ко мне, многогрешному. На днях посылаю тебе подобающее число экземпляров *моих новых стихотворений.* Если ты вздумаешь писать ко мне, то надписывай письма: в Москву,

на Пречистенку, у Троицы в Зубове, в доме Наумовой. К 1-му сентября я перееду туда с дачи, где теперь еще пребываю, дрожа и ежась от холода.

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой *Н. Языков.*

В Москве примусь и за альбом баронессы Вревской, которой кланяюсь всеусерднейше.

№ 4

Апреля 22 дня, 1846.

Жаль мне, что моя посылочка, может быть, пропадет без вести, особенно жаль потому, что альбом, в котором заключаются стихи Пушкина, — есть драгоценность, и он же должен быть сохранен, как *памятник* того золотого времени, когда у русских девиц были альбомы. Теперь время другое — прозаическое, пошлое и проч.

Справлюсь в здешнем почтамте; и если мне возвратят мою посылку, то я снова пошлю ее к тебе; но как же мне сделать, чтобы с нею не повторилась та же история; напиши мне, когда именно прислать ее к тебе в Старицу? Тригорскому мой поклон, и его владетельнице и всем моим тамошним знакомым мои почтения и желания всякого добра и блага!

На твое известие о голоде в Псковской губернии можно отвечать словами кн. Курбского: «О проклятые и смердящие власти!!»

На лето перееду я в Сокольники, то есть на дачу, где буду лечиться холодною водою по методе знаменитого Присница, или, лучше сказать, Прысница, — и надеюсь, что она освежит и приободрит мне бренное тело.

Если вздумаешь писать ко мне, то адресуй письма: на Кузнецкий мост, в доме Хомякова.

Будь здоров.

Твой *Н. Языков.*

ПИСЬМА К Н. В. ГОГОЛЮ

№ 1

27 февраля 1844 г., Москва.

Только что я собрался было писать к тебе и уселся с пером в руках, как вот принесли мне твое письмо. Спасибо, трикраты спасибо тебе за неоставление меня твоими воспоминаниями обо мне и советами: советы твои бодрят меня, дают мне какую-то надежду на будущее, на лучшее, которого я так давно ожидаю, но которого ожидаю терпеливее с тех пор, как ты мне его обещаешь. Распоряжение моими утрами, какое ты велишь, сделаю, и даже начну с завтрашнего дня; вижу, предчувствую, то есть чувствую пользу его!!

Я уже писал тебе, что Б. — сей английский милорд — не оправдал моих на него надежд по части доставления тебе книг: он не взял их от меня, отозвавшись тем, что едет в дилижансе, а прежде ведь сам вызвался: знай наших! Весною, вероятно, найдутся ездоки надежнейшие: я постараюсь исполнить твое желание еще более, чем тогда было можно; творений святых отцов, перев. в Троицко-Сергиевской лавре, — теперь выходит третье издание за прошлый год, — и «Москвитянин» за 1843 пришлю; там есть отличнопрекрасная проповедь Филарета на освящение храма в оной лавре, — так как в прибавлениях к переводам св. отцов — его же беседа на благовещение и слово в 1-й день св. пасхи! Ты их прочтешь с большим удовольствием.

Если ты видишься с Коппом, то поклонись ему от меня и поблагодари за все, что он для меня сделал; он старик препочтеннейший! Скажи ему, что нынешнюю зиму все припадки моей болезни гораздо слабее прежних, несмотря на то, что я сижу взаперти! Весна и некомнатный воздух, конечно, подействуют на меня благодетельно — и я авось-

либо... мне хочется тут сказать, начну писать стихи, да боюсь обмануть себя... У нас, брат, теперь стихов пишется вообще несравненно меньше, нежели в прошлые, даже еще недавние годы; вообще литературою занимаются очень немногие, и те крайне вяло и недействительно: или не видя на нее требования, или, может быть, чувствуют, что сами они не могут пробудить его по своей слабости! Заметно и то еще, что новое поколение пишет по-русски хуже, нежели прежнее или даже предшествующее; не умеет выражаться ясно (знак, что оно не имеет в голове мысли ясной), пишет варварским слогом и немецким складом: ему до того чужд дух языка русского, что оно не знает или не хочет знать даже слов его! Плохая надежда на будущее!

На днях увижусь с Шевыревым и попрошу от него книгу, которую ты поручаешь ему вручить мне, и воспользуюсь ею, точно как ты предписываешь.

Сердечно жалею, что тебе не пожилось в Ницце так, как ты предполагал, но ведь ты не просидел же всей зимы в бездействии, то есть делал свое дело — то есть писал много!

Надежда Николаевна Шереметева — все еще больна: часто простужается; ведь она не щадит себя для других и забывает, что у нас не Италия: теперь же и очень пошли вдруг сильные морозы, перемежающиеся сильными же оттепелями. Нет ничего легче, как простудиться даже человеку, привычному к суровому холоду.

Получил ли ты деньги и письмо мое, посланные в Ниццу в январе по русскому стилю?

Весь твой *Н. Языков.*

Мой поклон Василию Андреевичу. Что «Одиссея»? Благодарю за «Наль и Дамаянти». «Ундина» лучше, ей-ей!

Получил ли ты собрание слов от П. М.?

№ 2

2 июня 1844 г., Москва.

Ты что-то давно не писал ко мне, мой любезнейший Николай Васильевич! Я даже не знаю, где ты теперь, куда поедешь на лето и что ты делаешь, то есть делаешь ли свое дело?

Я продолжаю сидеть в Москве по-прежнему. Иноземцев не пустил меня съездить в Симбирск хотя бы на месяц: сижу и жду чего-то лучшего, собираюсь переехать на дачу, потому что у нас жар несноснейший и у меня в комнате тем паче, потому что в мои окна с утра до ночи Феб смотрит! Не знаю, когда пошлю я тебе еще несколько книг, тобою требуемых: теперь как-то мало едут за границу, и к тому два мои благоприятеля, с коими я надеялся отправить к тебе с каждым по посылке, задержал суд божий в Москве: Погодин упал с дрожек и так повредил себе ногу, что должен пролежать в постели месяца с два; еще не знают, переломил ли он ногу, или только ушиб, или вывихнул? Таким-то образом и вся поездка его в чужие края не совершилась. М — нов занемог; он ведь жених; сосватал себе какую-то немочку в Берлине и стремился было к ней, и в этом-то состоянии стал форсить, молодечничать, не взирал на северный ветер и холод и простудился на гулянье! Впрочем, ему опять лучше — и он, конечно, скоро поспешит в путь... Напиши мне, как на тебя подействовал указ 15-го апреля 1844 г.? Не сделал ли он перемены в твоем пребывании в чужих краях и даже не принудят ли тебя возвратиться восвояси и пребывать в России? Посылаю тебе «Тригорское» по твоему желанию. Делай со мной что угодно; в твоей статье о современных русских стихотворцах — все, что ты скажешь обо мне, будет мне сладко, и лестно, и праведно. Где же будет напечатана эта статья? Смею спросить, что́ твои «Мертвые души» и вообще писал ли что-нибудь с тех пор, как мы расстались в Гаштейне? Я написал несколько посланий и мелочей нынешней весною; с меня довольно и этого, по слабости моего здоровья и на первый случай после долгого молчания.

Все мои родные и знакомые разъезжаются из Москвы по дачам или по деревням; я буду летом гораздо уединеннее, чем зимою, когда, собственно говоря, у меня уединения не было вовсе; если буду чувствовать себя бодрым, то и за стихи примусь; меня станут купать в соленой воде. Пиши ко мне о себе самом; как ты, куда и где?

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой *Н. Языков.*

№ 3

2 декабря 1844 г., Москва.

Моя новая квартира мне вовсе не нравится: я в⟨ней⟩ не усядусь, как бы мне надобно и как бы мне хотелось; предполагаю купить себе дом в Москве: тут я могу расположиться, разобраться, распространиться и раскинуться, как мне будет любо и угодно, и это ведь важное дело для нашего брата-стихотворца и для писателя вообще: привол, простор, вольготность, и из этих трех обстоятельств изливающаяся жизнь тихая и безмолвная — вот главное!

О «Москвитянине» на будущий 1845 г. я распоряжусь вернее, нежели Погодин на 1844. Погодин теперь находится в горе и отчаянии: у него жена умерла, и эта потеря сильно оцепеняет и убивает его. Жаль его! Мы, холостые словесники и люди, не можем и оценить, как велико его несчастие; на жене его лежала у него вся домашняя жизнь, и весь его быт ученый охранялся ее удивительною деятельностью и добротою; теперь Погодин один — под небесами, и на руках у него маленькие дети!!

На днях был у меня М. С. Щепкин; о книгах, которых ты от него требуешь, пишет он к тебе сам, я же с моей стороны сделал в этом деле все, что мог: я показал ему строки твоего письма, до него касающиеся! Благодарю тебя за это знакомство; я буду стараться сдержать его в должной силе и живости! вообрази себе, что не видывал Щепкина в «Ревизоре» — и вероятно, не увижу его уже нигде, кроме моей квартиры.

Вышел первый № «Москвитянина», № отличнейший, полный дела, добра и славный! Ты, ежели будешь во Франкфурте, увидишь его, и напиши мне, что о нем подумаешь. Куда же ты едешь из Парижа? Я не знаю, как быть мне теперь с книгами, для тебя у меня готовыми. Граф И. П. Толстой уехал в Петербург и там пребудет! Погодин собирается в Иерусалим: на второй неделе великого поста он пустится отсюда, а на последней будет говеть у гроба господня.

Посылаю тебе еще одно мое стихотворение под стать к двум первым; ты догадаешься, к кому оно относится, не давай его списывать: на меня и за него есть гонение, и еще какое? самое неотразимое — дамское!

Я еще не знаю моей судьбы на наступающую весну: может быть, что меня опять пошлют на воды, хотя нынешняя зима, так, как и прошлогодняя, мне гораздо сноснее всех прежних заграничных. Но мне все-таки хочется больше.

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой *Н. Языков.*

№ 4

17 февраля 1845 г., Москва.

Спасибо тебе за похвалы, которыми ты награждаешь меня за мое стихотворение «К не нашим». Получил ли ты другое в этом же роде — послание к К. С. Аксакову? Оба эти мои детища наделали много разных сплетней и разъединений в обществе, к которому и ты принадлежал бы, если б ты был теперь в Москве, то есть в том кругу, где я живу и движусь. Некие мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня рассердились, что дело дошло бы, дескать, до дуэли, если бы сочинитель этих стихов не был болен. Вот каково!! Страсти еще волнуются и кипят, а мои грозные соперники удовлетворяются тем, что пересылают мои стихи в Питер, в «Отечественные записки», где меня ругают как можно чаще, стихи мои пародируются и печатаются эти пародии.

Само собою разумеется, что эти на меня устремления и этот беззубый лай нимало не смущают меня и что я продолжаю свое. А. Ив. Тургенев бранил меня за стихотворение «К не нашим», полагая, что оно писано против петербургских журналистов. Совсем нет! В нем идет речь о здешних московских особах, которым не нравятся лекции Шевырева, и потому они и лгут и клевещут на него во всю мочь, — они, которых вся ученость ограничивается берлинскими их тетрадками и все личное достоинство их поддерживается в глазах так называемого большого света только их презрением ко всему отечественному, чего они вовсе не знают и знать не хотят!

Я пишу стихи, расписываюсь — пишу стихи и духовные и мирские; прилагаю здесь образчик первого рода. Тебе

кланяются Свербеевы; они тебя помнят и любят, как подобает, и чтут воспоминание о твоем бывании на их вечерах. Елагины тоже. У Ив. Киреевского идет работа, и все наши московские собратья ему содействуют. П. В. уехал или заехал к себе в деревню и там уселся и засел и продолжает не издавать свое драгоценное и единственное собрание русских песен, то есть пребывает с ними, глядит на них, ласкает их и ровно ничего с ними не делает. Перевода святых отцов вышла и третья часть за 1844, все три части посылаю сегодня к графу Толстому. Как идет «Одиссея»?

Твой *Н. Языков.*

Примечания

Избранные произведения Н. М. Языкова, вошедшие в настоящий сборник, печатаются по текстам прижизненных изданий поэта: Стихотворения Н. Языкова. СПб., 1833; 56 стихотворений Н. М. Языкова. М., 1844; Новые стихотворения Н. Языкова. М., 1845, с исправлением цензурных искажений.

Стихотворения и поэмы, не включенные в прижизненные издания, воспроизводятся, как правило, по тексту издания «Academia»: Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. 1934, установленного в результате глубокого и вдумчивого редакторского труда М. К. Азадовского, устранившего, в соответствии с рукописными источниками, целый ряд цензурных искажений, уточнившего датировку многих произведений и, наконец, впервые опубликовавшего около тридцати стихотворений Языкова, извлеченных из различных архивов.

Тем не менее, текст настоящего сборника вновь проверен по автографам, журнальным и иным публикациям. Исправлены ошибки, случайно вкравшиеся в предыдущие издания; в некоторых случаях восстановлена авторская воля Языкова, вносившего те или иные изменения в печатный текст прижизненных изданий, не по требованию цензуры, а руководствуясь художественными или этическими побуждениями.

В настоящем сборнике мы, вслед за М. К. Азадовским, унифицировали заглавия стихотворных посланий. В изданиях 1833 и 1844 годов заглавия обозначены инициалами: «К А. Н. В—у», «И. В. К.», «А. В. Т—у» и т. д. В последнем сборнике 1845 года сравнительно небольшое количество посланий озаглавлено полными именами, отчествами и фамилиями; для устранения этого разнобоя мы всюду печатаем инициалы и фамилии адресатов посланий.

Орфография и пунктуация в стихотворениях и письмах Языкова приведены в соответствие с современными правилами. Только в отдельных случаях особенности произношения и рифмы обусловили отступления от современной орфографии.

Стихотворения расположены в хронологическом порядке; сказки поэмы, драматические сцены выделены особо, и по отношению к ним также соблюден хронологический принцип. По условиям данного издания, из обширного эпистолярного наследия Языкова печатается часть писем (в полном виде и в отрывках), имеющих литературно-общественный интерес.

СОКРАЩЕНИЯ,

ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

«Благонам.» — «Благонамеренный».

«Нов. лит.» — «Новости литературы».

«Русск. библиоф.» — «Русский библиофил».

«Невск. альм.» — «Невский альманах».

«Яз. арх.» — «Языковский архив. Выпуск 1-й. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. СПб., 1913».

«Русск. арх.» — «Русский архив».

«ИОРЯС» — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».

«Русск. ст.» — «Русская старина».

«Труды Вольн. общ. люб. российск. слов.» — «Труды Вольного общества любителей российской словесности».

«Моск. тел.» — «Московский телеграф».

«Моск. вестн.» — «Московский вестник».

«Сев. цв.» — «Северные цветы».

«Москвит.» — «Москвитянин».

«Моск. набл.» — «Московский наблюдатель».

«Соврем.» — «Современник».

«Сев. пчела» — «Северная пчела».

Изд. 1833 г. — Стихотворения Н. Языкова. СПб., 1833.

Изд. 1845 г. — Н. Языков. Новые стихотворения. М., 1845.

Изд. 1858 г. — Стихотворения Н. М. Языкова. СПб., 1858, чч. I и II.

Изд. «Academia». — Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. «Academia», 1934.

Изд. «Библиотеки поэта». — Н. М. Языков. Собрание стихотворений. Вступительная статья, редакция и примечания М. К. Азадовского. «Библиотека поэта». Большая серия. «Советский писатель», 1948.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Послание к Кулибину. Впервые — «Труды Вольн. общ. люб. российск. слов.», 1819, ч. V, № 4, под заглавием «Послание к К. . .у». Александр Иванович *Кулибин* (1800—1837) — сын известного механика и изобретателя И. П. Кулибина. Учился вместе с Языковым в Горном кадетском корпусе, по окончании которого служил в Сибири; с юных лет писал стихи, печатавшиеся в петербургских журналах. *Рифей* — древнее название Уральского хребта. *Бард священный... великий Оссиан.* — *Бард* — поэт и певец у древних кельтов, *Оссиан* — легендарный кельтский бард. *Фингал* — герой одноименной поэмы шотландского поэта Дж. Макферсона (1736—1796), выдавшего ее за обработку сказаний Оссиана. Сборник Макферсона, носящий название «Сочинения Оссиана», был переведен на русский язык в 1792 г. и пользовался большой популярностью.

А. И. Кулибину. Впервые — «Русск. библиоф.», 1916, IV.

К брату. Впервые — «Благонам.», 1822, ч. XVII, № 2. Это стихотворение адресовано любимому брату поэта Александру Михайловичу Языкову (1799—1874), к литературным суждениям которого он относился с глубоким уважением.

Послание к А. Н. Очкину. Впервые — «Нов. лит.», 1822, кн. II, № 15. *Очкин* Амплий Николаевич (1791—1865) — приятель Языкова, журналист и переводчик. *Певец, душою сирый — как струны хладные Арминиевой лиры.* — Языков здесь сравнивает себя с певцом-изгнанником Арминием — героем баллады В. А. Жуковского «Эолова арфа». *Цевницу мне дала.* — *Цевница* — свирель, символ поэзии.

А. Н. Очкину. Впервые — «Невск. альм.» на 1828 г. *Мой челнок несется в Лету.* — В греческой мифологии *Лета* — река забвения.

Посвящение А. М. Языкову. Впервые — «Нов. лит.», 1822, кн. II, № 23.

Моя родина. Впервые — «Нов. лит.», 1822, кн. II, № 26. — *Рона* — река в Швейцарии и Франции. *Певцы Альбиона.* — *Альбион* — древнее название Англии. *Арминий герой.* — *Арминий* — предводитель германского племени херусков, ведший борьбу с римлянами. В 9 г. н. э. нанес поражение римскому полководцу Вару в Тевтобургском лесу. *Герой Туискона.* — *Туискон* — один из древнегерманских богов — родоначальник германских племен; следовательно, под словами «герой Туискона» Языков имел в виду Арминия — героя битвы в Тевтобургском лесу. *Восстанут герои из мрака теней.* — Языков, вероятно, имеет в виду русских князей Олега, Александра Невского, Дмитрия Донского, Святослава Игоревича.

Песня короля Регнера. Впервые — «Благонам.», 1823, ч. XXIII, № 13. В основу этого стихотворения положено одно из сказаний скандинавских скальдов о полулегендарном короле Рагнере Лодброке (IX в.). *Скальды* — древнескандинавские певцы-поэты, воспевавшие героические подвиги. *Потомок Одина.* — *Один* — в скандинавской мифологии бог бурь и битв.

Рок. *На смерть М. А. Мойер.* Впервые — «Яз. архив». — Мария Андреевна Протасова (1800—1823), в замужестве Мойер, — племянница В. А. Жуковского. *Пламень тартара.* — В греческой мифологии *тартар* — пропасть в подземном мире.

Чужбина. Впервые — «Нов. лит.», 1823, кн. III, № 12.

Мое уединение. Впервые — «Нов. лит.», 1823, кн. IV, № 20, с разночтением. *Моему Пенату.* — *Пенаты* — у древних римлян боги-покровители домашнего очага. *Фебов сын* — поэт, от имени Феба-Аполлона — древнегреческого бога солнца и света, покровителя искусств и поэзии. *Певцу-анахорету.* — *Анахорет* — отшельник, пустынник. *Русские камены.* — *Камены* — то же, что музы — богини, покровительницы искусств и наук. Строки *«Ты здесь, во славе зримый...»* до *«Питомцы вдохновенья»* представляют собой восторженную характеристику любимых поэтов Языкова: *Ты здесь, во славе зримый, снегов полярных сын* — М. В. Ломоносов; *И ты, кумир поэта, с высокою душой* — Г. Р. Державин; *И ты, любимый сын фантазии чудесной* — В. А. Жуковский.

В. М. Княжевичу. Впервые — «Русск. арх.», 1871, №№ 6—7. *Владислав Максимович Княжевич* (1798—1873) — литератор, журналист и издатель. *Оракулы веков.* — *Оракул* — у древних греков и римлян прорицания, дававшиеся жрецами, и якобы исходившие от божества.

Песнь баяна. Впервые — «Благонам.», 1823, ч. XXIV, № 22. *Баян* (Боян) — легендарный древнерусский поэт, упоминаемый в «Слове о полку Игореве».

Песнь барда во время владычества татар в России. — Впервые — «Нов. лит.», 1823, кн. VI, № 46.

Баян к русскому воину. Впервые — «Нов. лит.», 1824, кн. IX, июль. *Посвящено А. А. Воейковой.* — Александра Андреевна Протасова (в замужестве *Воейкова*) (1797—1829) — племянница В. А. Жуковского, которой он посвятил свою балладу «Светлана». А. А. Воейкова была в дружеских отношениях со многими наиболее выдающимися писателями 20-х годов. Языков, познакомившийся с нею в Дерпте (см. его письма к братьям), посвятил ей несколько стихотворений. Эпиграф взят из «Оды российскому воинству, 1813 года генваря 1 дня» поэта и драматурга М. Е. Лобанова (1787—1846).

«Полней стаканы, пейте в лад...». Впервые — изд. 1858 г. *Анакреон твердит нам: пей! — Анакреонт* (VI—V вв. до н. э.) — греческий поэт, воспевавший в своих произведениях любовь и вино.

«Страшна дорога через свет...». Впервые — изд. 1858 г.

«Кто за покалом не поет...». Впервые — изд. 1833 г.

«Душа героев и певцов...». Впервые — изд. 1858 г.

«Мы пьем — так рыцари пивали...». Впервые — изд. 1858 г.

«Мы любим шумные пиры...». Впервые — ИОРЯС, 1911, т. XVI. *Наш Август смотрит сентябрем.* — Этот остроумный каламбур, высоко оцененный А. С. Пушкиным, направлен против Александра I; *Август* — титул римских императоров; словом «августейший» обозначались и русские императоры.

«Счастлив, кому судьбою дан...». Впервые — ИОРЯС, 1911, т. XVI. *Пускай святой триумвират...* — Языков имеет в виду реакционный союз Австрии, Пруссии и России, заключенный в Париже в 1815 г., после падения империи Наполеона I, и носивший название Священного союза. *Пускай в Испании воюют за гордой вольности права.* — Имеется в виду революция в Испании (1820 — 1823 гг.).

«Налей и мне, товарищ мой...». Впервые — изд. «Academia».

«От сердца дружные с вином...». Впервые — изд. «Academia».

Гимн. Впервые — «Полярная звезда» на 1859 г., кн. V. *Боже! вина, вина!* и т. д. — пародия на «Народный гимн» В. А. Жуковского.

Н. Д. Киселеву. Впервые — «Полярная звезда» на 1859 г., кн. V. *Николай Дмитриевич Киселев* (1802—1869) — русский дипломат. В период пребывания в Дерптском университете дружил с Языковым.

Песнь баяна. Впервые — «Благонам.», 1824, ч. XXV, № 2.

Посвящение А. А. Воейковой. Впервые — «Нов. лит.», 1823, кн. V, № 33.

⟨М. Н. Дириной⟩. Впервые — «Яз. арх.». *Мария Николаевна Дирина* в 20-х гг. жила вместе со своей матерью, Анной Сергеевной Дириной, вдовой полковника, в Дерпте. В доме Дириных часто собирались русские студенты, в том числе и Языков, который был увлечен Марией Николаевной и посвятил ей целый ряд стихотворений.

А. С. Дириной. Впервые — ИОРЯС, 1911, т. XVI.

Муза. Впервые — «Труды Вольн. общ. люб. российск. слов.», 1824, ч. XXVI.

Уcлад. Впервые — «Нов. лит.», 1823, кн. VI, № 51. Это стихотворение представляет собой отрывок неосуществленной поэмы «Баян», задуманной Языковым в 1823 г. План поэмы изложен в письме к братьям от 2 марта 1824 г. (см. письмо № 10).

К халату. Впервые — «Полярная звезда» на 1859 г., кн. V. *Пускай служителям Арея...* — Подразумеваются военные (*Арей* — бог войны в древней Греции). *Современным Геростратом.* — Можно предположить, что Языков имел в виду Аракчеева, отличавшегося не только жестокостью, но необычайным самодурством; *Герострат* — грек из Малой Азии; желая прославиться, сжег в 356 г. до н. э. знаменитый храм Артемиды в Эфесе; «слава Герострата» — позорная слава. *Кинжалы Занда иль Лувеля.* — Карл *Занд* — немецкий студент, в 1819 г. заколовший кинжалом писателя Августа Коцебу — мракобеса и реакционера; Луи-Пьер *Лувель* — французский рабочий-седельник, убивший в 1820 г. герцога Беррийского, племянника короля Людовика XVIII.

Элегия («О деньги, деньги! Для чего...»). Впервые — изд. 1858 г.

Элегия («Скажи, воротишься ли ты...»). Впервые — «Нов. лит.», 1824, кн. VII, № 3.

Зима пришла. Впервые — «Невск. альм.» на 1829 г. *Воспитанник лесной Дианы* — охотник, от имени древнеримской богини Дианы, покровительницы охоты. *Цереры добрые дары.* — *Церера* — древнеримская богиня земледелия и плодородия.

Еще элегия («Как скучно мне: с утра до ночи...»). Впервые — «Русск. ст.», 1903, № 3.

Элегия («Свободы гордой вдохновенье!..»). Впервые — «Полярная звезда» на 1859 г., кн. V.

Элегия («Еще молчит гроза народа...»). Впервые — «Полярная звезда» на 1859 г., кн. V. *С рамен отчизны.* — *Рамена́* — плечи.

Элегия («Не улетай, не улетай...»). Впервые — «Нов. лит.», 1824, кн. VIII, № 13.

Н. Д. Киселеву («Скажи, как жить мне без тебя...»). Впервые — изд. 1858 г.

К. («Твоя прелестная стыдливость...»). Впервые — изд. «Academia».

Слава богу. Впервые — «Сев. цв.» на 1826 г.

Островок. Впервые — ИОРЯС, 1911, т. XVI, в неполном виде. *Поэт Светланы* — В. А. Жуковский, автор баллады «Светлана». *Парни́*, Эварист Дезире де Форж (1753—1814) — французский поэт,

пользовавшийся большой популярностью в России в 10-х и 20-х гг. XIX в.

А л а. Впервые полностью — «Русск. библиоф.», 1915, VIII. Отрывок из этой неоконченной поэмы — «Сев. цв.» на 1826 г. *Албертова рука лишила княжеского права неосторожного Всеслава. — Альберт* фон Буксгеведен — рижский епископ (1199—1229), один из основателей ордена рыцарей-меченосцев; вел агрессивные войны за покорение Ливонии (старинное название Латвии и Эстонии). *Грозный Иоанн... казнил за Магнуса граждан. — Магнус* (1540—1583) — датский принц, участник ливонской войны. В 1570 г. был провозглашен Иваном IV королем Ливонии, но вскоре изменил России, перейдя на службу к польскому королю Стефану Баторию. Измена Магнуса послужила поводом для репрессий против ливонцев. *Устами Паткуля.* — Иоганн-Рейнгольд *Паткуль* (1660—1707) — лифляндский дворянин и политический деятель, возглавлял борьбу лифляндского дворянства против Швеции, которая вела захватнические войны. В 1702 г., спасаясь от преследования шведского короля, Паткуль бежал в Россию и поступил на русскую службу; в 1707 г. он был захвачен шведами и казнен. *Удалого короля* — шведского короля Карла XII (1697—1718). *Полуночным царем* — Петром I.

Е в п а т и й. Впервые — «Нов. лит.», 1824, кн. VIII, № 24. *Евпатий* Коловрат — герой древнерусской «Повести о приходе Батыя на Рязань» (1237), послужившей источником для стихотворения Языкова. *На стогнах. — Стогны* — площади.

Э л е г и я («Любовь, любовь! веселым днем...»). Впервые — «Благонам.», 1826, ч. IV, № 9.

Э л е г и я («Зачем божественной Хариты...»). Впервые — «Полярная звезда» на 1825 г. под заглавием «К***». *Хариты* — в греческой мифологии три богини веселья и радости, олицетворение изящества.

Р а з б о й н и к и. Впервые — «Полярная звезда» на 1826 г., под заглавием «Отрывок из повести «Разбойники».

К а т е н ь к е М о й е р. Впервые — «Альбом северных муз» на 1828 г. Екатерина Ивановна *Мойер* — дочь М. А. Протасовой, по мужу Мойер. *Сияя розами Авроры. — Аврора* — в римской мифологии богиня утренней зари.

К П. Н. Д и р и н у. Впервые — «Благонам.», 1824, ч. XXV, № 4, под заглавием «В альбом П. Н. Д.». *Петр Николаевич Дирин* — сын Анны Сергеевны Дириной. См. примеч. к стих. «М. Н. Дириной».

Р о д и н а. Впервые — «Полярная звезда» на 1825 г.

А. А. В о е й к о в о й. Впервые — «Альциона» на 1831 г., под заглавием «А. А. В—ой», с разночтениями. *Я только трубадур без*

вас. — *Трубадуры* — странствующие поэты — лирики и певцы в средневековой Франции. Здесь игра слов: «труба дур».

А. С. Пушкину. Впервые — «Соврем.», 1837, т. VI. *Не вовсе чуя бога света.* — *Бог света* — Аполлон, покровитель искусств и поэзии. *Прозелит журнальной славы.* — *Прозелит* — новый и горячий приверженец чего-либо.

Н. Д. Киселеву *(Отчет о любви).* Впервые — изд. 1833 г. *«Но было время — и недавно...»* до *«Меж тем сердечная война...»* — относятся к А. А. Воейковой. *И в честь зазорному Картушу...* — Языков, вероятно, иронизирует здесь над поэтами, воспевающими вслед за Байроном разбойников, корсаров и пиратов. Что касается самого Языкова, то он, испытав горечь безответной любви, не собирается писать романтической поэмы о Картуше (1693—1721) — знаменитом атамане парижской воровской шайки.

М. Н. Дириной (1 апреля 1825). Впервые — «Невск. альм.» на 1829 г., под заглавием «М. Н. Д — ой», с разночтением. Эпиграф взят из трагедии Гете «Эгмонт» (д. IV, явл. 2). Цитируя Гете, Языков пропустил одно слово. В подлиннике читается так: An Treue und Gehorsam bin ich der Alte; aber ich habe mir das Schwätzen und Räsonieren angewöhnt (В верности и послушании я — прежний; но есть у меня привычка поболтать и порассуждать). *При громе бранного тимпана* — военного барабана. *И без отрады Пиэрид.* — *Пиэриды* — музы. *Без Гарпократа.* — *Гарпократ* — древнегреческий бог тишины.

А. Н. Тютчеву. Впервые — «Невск. альм.» на 1826 г., под заглавием «К Т—у», с разночтениями. *Андрей Николаевич Тютчев* (1805—1831) — товарищ Языкова по Дерптскому университету. *Напрасно я Киприду...* — *Киприда* — одно из имен древнегреческой богини любви — Афродиты.

Настоящее. Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII.

Дерпт. Впервые — «Полярная звезда» на 1859 г., кн. V. *И филистимлянам гоненье.* — На студенческом жаргоне *филистимляне* — обыватели.

Элегия («Она меня очаровала...»). Впервые — «Нов. лит.», 1825, кн. XII, май, под заглавием: «К NN», с разночтениями.

Сон. Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII.

Мечта. Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII.

Воскресенье. Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII. *Рамлер,* Карл-Вильгельм (1725—1798) — немецкий поэт и критик.

Новгородская песня 1170 г. Впервые — «Сев. пчела», 1825, № 60, под заглавием «Военная новгородская песня 1170 года», с разночтениями. *Десница* — правая рука. *И темные рати Андрея.* — *Андрей* Боголюбский (ок. 1111—1174) — государственный деятель

древней Руси, сын Юрия Долгорукого, с 1157 г. — князь Владимирский. В 1170 г. Андрей Боголюбский предпринял военный поход против Новгорода, окончившийся неудачей вследствие упорной борьбы новгородцев за свою независимость; вот почему Языков выставил в заглавие своей «Новгородской песни» дату «1170».

Элегии (1. «Свободен я: уже не трачу...»; 2. «Я знал живое заблужденье...»; 3. «Моя Камена ей певала...»). Впервые — «Труды Вольн. общ. люб. российск. слов.», 1825, т. XXVI, № 7.

Элегия («Счастлив, кто с юношеских дней...»). Впервые — «Труды Вольн. общ. люб. российск. слов.», 1825, ч. XXXI, № 7, с разночтениями.

Молитва. Впервые — «Нов. лит.», 1825, кн. XII, июнь.

Прощание с элегиями. Впервые — «Невск. альм.» на 1828 г.

Нечто. Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII. Эпиграф взят из стихотворения Н. М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбранные из Экклезиаста» (1796). Языков не совсем точно цитирует Карамзина. Вторую строку следует читать так: «Бывал ли мудр и тверд всегда?»

В альбом Ш. К. Впервые — «Яз. арх.». По предположению М. К. Азадовского, «Ш. К.» — это инициалы жены Карла фон дер Борга (1794—1848), известного переводчика русских поэтов на немецкий язык, с которым дружил Языков в дерптский период своей жизни (Н. М. Языков. Собрание стихотворений. «Советский писатель», 1948, стр. 388).

«Не жив поток под сумраком туманов...». Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII.

«Теперь мне странны и смешны...». Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII.

К Г. Д. Е. Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII. Адресат неизвестен. *Часы трудов и сатурналий.* — Здесь *сатурналии* — в значении студенческих пирушек, от древнеримских праздников в честь бога Сатурна — покровителя земледелия.

Эпилог. Впервые — «Русск. библиоф.», 1915, VIII. Стихотворение относится к А. А. Воейковой.

Гений. Впервые — «Нов. лит.», 1826, кн. XV, январь.

Две картины. Впервые — «Сев. цв.» на 1826 г.

Поэт. Впервые — «Моск. тел.», 1826, ч. VIII, № 7.

Элегия («Прощай, красавица моя...»). Впервые — «Моск. тел.», 1826, ч. VIII, № 8, под заглавием «Прощание», в иной редакции.

К А. Н. Вульфу. Впервые — «Моск. тел.», 1827, ч. XIII, № 4, под заглавием «А. Н. В—у», с разночтениями. *Алексей Николаевич*

Вульф (1805—1881) — близкий приятель Языкова и Пушкина, учился в Дерптском университете, затем поступил на военную службу.

К А. А. Воейковой. Впервые — «Благонам.», 1826, ч. XXIV, № 9, под заглавием «К А. А.», в иной редакции.

Элегия («Поэту радости и хмеля...»). Впервые — «Невский альм.» на 1826 г. *Нравоучительного Леля.* — *Лель* — славянский языческий бог, покровитель брака и любви.

Элегия («Меня любовь преобразила...»). Впервые — альманах «Календарь муз» на 1826 г.

«Как живо Геспер благосклонный...». Впервые — ИОРЯС, 1911, т. XVI. *Геспер* — поэтическое название планеты Венеры, «вечерней звезды».

А. Н. Вульфу («Мой брат по вольности и хмелю...»). Впервые — изд. 1858 г., под заглавием «К...», с разночтениями. *Ездок Пегаса.* — В греческой мифологии *Пегас* — крылатый конь; под ударом его копыта на горе Геликон забил источник Иппокрены, обладающий свойством возбуждать поэтическое вдохновение. *И тайный Глинка и Евгений.* — Федор Николаевич *Глинка* (1786—1880) — поэт-декабрист. *Евгений* Абрамович Баратынский (1800—1844) — известный поэт, с которым впоследствии, в начале 30-х гг., подружился Языков.

Видение. Впервые — изд. 1833 г.

Дума. Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6.

Элегия («Мечты любви, мечты пустые...»). Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6, под заглавием «А. А. В.».

Присяга. Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6, под заглавием «Клятвенное обещание». В этом стихотворении, вписанном в альбомы М. Н. Дириной и А. А. Воейковой, Языков пародирует форму присяги, которую он приносил, после смерти Александра I, Константину Павловичу. В письме к сестре Прасковье Михайловне от 16 декабря 1825 г. Языков пишет по поводу стихотворения «Присяга»: «На прошлой неделе мы присягали новому государю (Константину): форма, по которой это делается, дала мне случай написать следующее...» — дальше приводится текст стихотворения.

Извинение. Впервые полностью — изд. «Библиотеки поэта».

Вторая присяга. Впервые — ИОРЯС, 1911, т. XVI. В этом стихотворении сатирически запечатлен период «междуцарствия», когда Константин, которому присягали как новому императору, отрекся от престола, и была назначена «переприсяга» второму брату Александра I — Николаю Павловичу. *Князю-удальцу.* — Имеется в виду Константин.

П. Н. Шепелеву. Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6.

К А. Н. Вульфу («Мой друг, учи меня рубиться...»). Впервые — «Благонам.», 1826, ч. IV, № 10.

М. Н. Дириной («Не в первый раз мой добрый гений...»). Впервые — «Невск. альм.» на 1826 г., под заглавием «К М. Н. Д.», в иной редакции.

Воспоминание. Впервые — «Альбом северных муз» на 1828 г.

К П. Н. Шепелеву («В делах вина и просвещенья...»). Впервые — «Невск. альм.», на 1827 г. под заглавием «К Ш... ву». *В делах Амура мой Орест.* В греческой мифологии имена *Ореста* и Пилада были символом нерасторжимой и высокой дружбы. Называя своего университетского товарища Петра Николаевича Шепелева Орестом, Языков тем самым подчеркивает характер их дружеских отношений. От строки *«Другой поклон иного рода...»* до конца стихотворения посвящено А. А. Воейковой.

Эпилог. М. Н. Дириной. Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6.

Нравоучительные четверостишия. Впервые: 1—9— «Невск. альм.» на 1827 г.; 10—12 — «Невск. альм.» на 1828 г. Эти четверостишия представляют собой остроумную пародию на «Апологи» (аполог — одна из разновидностей нравоучительной басни) поэта и баснописца И. И. Дмитриева (1760—1837). Современники Языкова уже обратили внимание на пародийный характер «Нравоучительных четверостиший».

Татаринову. Впервые — «Невск. альм.» на 1832 г., под заглавием «К Т—ву». Александр Николаевич *Татаринов* (1810—1862) — приятель Языкова по Дерптскому университету.

П. Н. Шепелеву («Счастлив, кому дала природа...»). Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6.

«Не вы ль убранство наших дней...». Впервые — «Атеней», 1926, кн. III.

Виленскому. Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6, под заглавием «К В — му». Николай *Виленский* — товарищ Языкова по Дерптскому университету.

А. С. Пушкину («О ты, чья дружба мне дороже...»). Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6, с цензурным искажением. *Творим обеты нашей Гебе.* — В греческой мифологии *Геба* — богиня вечной молодости, подносящая богам на олимпийских играх нектар — напиток, дарующий бессмертие. *Парнаса воды Хвостовы черпают на оды.* — Имеется в виду граф Дмитрий Иванович *Хвостов* (1757—1835) — бездарный стихотворец, служивший мишенью для всеобщих насмешек. *Перед скрижалью вдохновений.* — К этим словам на авто-

графе стихотворения Языковым сделано следующее примечание: «Аспидная доска, на которой стихи пишу». *Берег Сороти.* — *Сороть* — река, на которой расположено село Тригорское, Опочецкого уезда, Псковской губернии.

П. А. Осиповой. Впервые — альманах «Подснежник» на 1830 г., под заглавием «К П. А. Ос — й», с цензурными искажениями. *Прасковья Александровна Осипова* (1781—1859) — владелица Тригорского, расположенного по соседству с селом Михайловским. В Тригорском очень часто бывал Пушкин, тесно связанный узами дружбы с П. А. Осиповой и ее сыном А. Н. Вульфом — дерптским студентом. По приглашению последнего Языков летом 1826 г. гостил в Тригорском, где познакомился и сблизился с Пушкиным. *Реку, где Разин воевал,* — Волга. *Дары Помоны... Флоры.* — *Помона* — богиня плодов и садов; *Флора* — богиня цветов.

К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву. Впервые — «Невск. альм.» на 1827 г., под заглавием «К друзьям», с разночтениями. *Походы воинства Христова.* — Имеются в виду военные походы рыцарей Ливонского ордена против Новгорода и Пскова.

Тригорское. Впервые — «Моск. вестн.», 1827, ч. I, № 2, с купюрами. *В стране, где вольные живали сыны воинственных славян.* — Тригорское, расположенное в Псковской губернии, вызывает в памяти Языкова дорогие для него воспоминания о древнем Пскове, который им рассматривается как очаг республиканской вольности. *Куда великая Ганза...* — В XIV и XV вв. Псков был экономически связан с *Ганзой* — торговым и политическим союзом северогерманских городов. *Где побеждающий Стефан...* — Имеется в виду осада Пскова (1581—1582) польскими войсками Стефана Батория. *Приют свободного поэта* — село Михайловское, куда был сослан Пушкин. *Богинь кастальских берегов.* — Согласно греческим мифам, кастальский ключ — источник поэтического вдохновения на горе Парнасе. *Меня обнявшая Наяда...* — *Наяда* — богиня рек, ручьев, источников. *Дары Эвтерпы.* — В греческой мифологии *Эвтерпа* — муза лирической поэзии и музыки.

Аделаиде. Впервые — «Невск. альм.» на 1829 г., в иной редакции, под заглавием «А — е».

К Виню. Впервые — изд. 1833 г., под заглавием «К В — ю». *Винь* — товарищ Языкова по Дерптскому университету.

Вечер. Впервые — «Славянин», 1827, ч. II, № 26.

Сомнение. Впервые — «Альбом северных муз» на 1828 г.

К Пельцеру. Впервые — «Невск. альм.» на 1828 г., под заглавием «К П — ру», с разночтениями. Карл *Пельцер* — товарищ Языкова по Дерптскому университету.

Олег. Впервые — «Сев. пчела», 1827, № 19, с разночтениями.

К м у з е. Впервые — «Славянин», 1827, ч. I, № 4.

Песня («Всему человечеству...»). Впервые — «Яз. арх.».

Песня («Из страны, страны далекой...»). Впервые — изд. 1833 г.

А. Н. Вульфу («Теперь я в Камби, милый мой!..»). Впервые — полностью — изд. «Academia». *Камби* — живописное местечко близ Дерпта, где Языков жил летом 1827 г. *Федоров Борис срамит Бориса Годунова.* — *Борис* Михайлович *Федоров* (1794—1875) — второстепенный поэт и журналист, написавший «Сцену из трагедии Годунов» (первое явление первого действия). Напечатана в альманахе «Памятник отечественных муз», изданном на 1827 г. Борисом Федоровым. *И бух на воды Рубикона.* — Перейти Рубикон — иносказательное выражение, означающее решимость совершить бесповоротный шаг; *Рубикон* — река в Италии, которую Юлий Цезарь перешел, вопреки запрещению сената. Это послужило началом гражданской войны между сенатом и Цезарем, приведшей к установлению империи в древнем Риме.

К Тихвинскому. Впервые — изд. «Academia». Алексей Васильевич *Тихвинский* — преподаватель русского языка в Дерптском университете. *На лоне девственных дриад.* — В греческой мифологии *дриады* — лесные нимфы.

П. А. Осиповой («Благодарю вас за цветы...»). Впервые — полностью в «Русск. арх.», 1867, № 5—6, с разночтениями. *Зане Языковым воспето.* — *Зане* — так как, потому что.

Катеньке Мойер («Благословенны те мгновенья...»). Впервые — «Славянин», 1827, ч. III, № 27, под заглавием «В альбом Катеньке Мойер».

К няне А. С. Пушкина. Впервые — «Сев. цв.» на 1828 г., под заглавием «К няне». *Ареевых наук питомец молодой.* — Имеется в виду А. Н. Вульф — дерптский студент, ставший гусаром.

Д. Н. Свербееву. Впервые — изд. 1833 г., под заглавием «К***». *Дмитрий Николаевич Свербеев* (1799—1874) — родственник и друг семьи Языковых, был в приятельских отношениях со многими писателями, в том числе и с Н. В. Гоголем. Перу Свербеева принадлежат двухтомные «Записки», вышедшие посмертно, в 1899 г. *Отцовским ларам.* — В римской мифологии *лары* — души предков, покровительствующие домашнему очагу. *Красноречивые рассказы про жизнь альпийских пастухов.* — Д. Н. Свербеев в начале 20-х гг. состоял на дипломатической службе в Швейцарии.

Ночь. Впервые — «Моск. вестн.», 1827, ч. V, № 20, с разночтениями.

Ручей. Впервые — «Невск. альм.» на 1829 г.

Графу Д. И. Хвостову («Почтенный старец Аполлона!..»). Впервые — «Славянин», 1828, ч. III, № 36, с разночтениями. *В тени-*

стых рощах Геликона. — *Геликон* — гора в Греции, посвященная Аполлону и музам; символ поэзии.

А. М. Языкову («Теперь, когда пророчественный дар...»). Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6. *К искусствам творческим, высоким и прекрасным* — цитата из монолога Чацкого. «Горе от ума» (д. II, явл. 5).

П. А. Осиповой («Плоды воспетого мной сада...»). Впервые — «Русск. арх.», 1867, № 5—6. *Как Мельпомена Ростовцева иль Княжнина.* — *Мельпомена* — муза трагедии. Языков имеет в виду трагедию Я. И. *Ростовцева* (1803—1860) «Князь Пожарский» и драматические произведения А. Я. *Княжнина* (1771—1829) — сына известного писателя Я. Б. Княжнина.

Элегия («Вы не сбылись, надежды милой...»). Впервые — «Невск. альм.» на 1828 г.

Кудесник. Впервые — «Невск. альм.» на 1828 г., с разночтениями. Сюжет заимствован из летописного рассказа «Повести временных лет» под 1071 г.

А. М. Языкову («Ты прав, мой брат, давно пора...»). Впервые — «Яз. арх.». *Яко пруги* — как саранча.

А. Н. Вульфу («Не называй меня поэтом...»). Впервые — альманах «Эхо» на 1830 г., под заглавием «Послание к А. Н. В — у», с разночтениями. Эпиграф взят из оды «К счастью» французского поэта Жана-Батиста Руссо (1671—1741). Послание к А. Н. Вульфу вызвано критическим отзывом Н. Полевого о стихотворениях Языкова («Московский телеграф», 1828 г., ч. XIX, стр. 127). В письме к брату Александру Михайловичу от 6 июня 1828 г. Языков писал: «Выходка Полевого произвела на меня свое действие: надобно же ознаменовать ее, первую, против моей музы, чем-нибудь стиховным, — и вот послание к В⟨ульфу⟩». *«Телеграфом»* — научно-литературный журнал «Московский телеграф» (1825—1834), издававшийся под редакцией Н. А. Полевого. *Р. А., канастером, вакштафом* — названия различных сортов табака. *В моем Киммерионе* — в пустынной глуши; от названия киммерийцев — кочевого народа, обитавшего в древности в северном Причерноморье. Строки от *«Но где ж она, восторгов сладость»*... до *«Прошел, прошел мой сон приятный!»* относятся к А. А. Воейковой. *Прежний доброхот... меня бранил во весь народ.* — Имеется в виду упомянутый выше критический отзыв Н. Полевого о стихотворениях Языкова. *«Славянин»... «Северной пчелы».* — *«Славянин»* — военно-литературный журнал, издававшийся в Петербурге А. Ф. Воейковым в 1827—1830 гг.; *«Северная пчела»* — реакционная политическая и литературная газета (1825—1859), издававшаяся Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. *«Московский вестник»* — историко-

философский и литературно-художественный журнал (1827—1830), издававшийся М. П. Погодиным. Журналу на первых порах оказывал поддержку А. С. Пушкин. *«Афеней»... отступник Пушкина... Благонамеренный московский.* — Имеется в виду *«Атеней*. Журнал наук, искусств и изящной словесности, с присовокуплением записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов», издавался в Москве в 1828—1830 гг. профессором М. Г. Павловым. Журнал неодобрительно отозвался об «Евгении Онегине», отсюда выражение «отступник Пушкина»; Языков уподобляет «Атеней» «Благонамеренному» — журналу, издававшемуся в Петербурге А. Е. Измайловым, к которому он относился крайне иронически, отсюда характеристика «Атенея»: «Благонамеренный московский». *Красен твой виссон.* — *Виссон* — одежда иудейских первосвященников; в широком смысле — парадная красная и белая одежда.

«Прочь с презренною толпою!..». Впервые — «Эхо» на 1830 г. *С Марсиаса содрал кожу.* — Согласно греческому мифу, козлоногий сатир, спутник бога Диониса — Марсий, состязавшийся в игре на флейте с Аполлоном, был побежден последним. Аполлон снял с него кожу и повесил ее в пещере. Языков уподобляет своих литературных противников и критиков Марсиасу (Марсию).

А. Н. Степанову. Впервые — «Невск. альм.» на 1829 г., под заглавием «А. Н. С — у», с разночтениями. Это стихотворение написано по случаю отъезда за границу для усовершенствования близкого приятеля Языкова по Дерптскому университету, студента-филолога, Александра Николаевича Степанова.

А. Н. Вульфу («Прощай! Неси на поле чести...»). Впервые — «Сев. цв.» на 1829 г. Это стихотворение посвящено русско-турецкой войне 1828—1829 гг., в которой принимал участие А. Н. Вульф. *За свободу Геллады пламенных сынов.* — Языков призывает сражаться в этой войне за освобождение Греции (Эллады) от турецкой зависимости; согласно Адрианопольскому договору, подписанному 2 сентября 1829 г., Турция признала независимость Греции. *Пожар Чесмы, чугун Кагула.* — *Чесма* — бухта в Эгейском море; здесь во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. русская эскадра 24—26 июня 1770 г. уничтожила турецкий флот; *Кагул* — река, впадающая в Дунай; здесь 21 июля 1770 г. русские войска одержали решающую победу над численно превосходящим противником.

Дева ночи. Впервые — «Невск. альм.» на 1829 г. *Пышный ток Родана... сребром выходит из Лемана.* — *Родан* — древнее название реки Роны, протекающей через озеро *Леман* — древнее название Женевского озера.

Развалины. Впервые — «Невск. альм.» на 1829 г., с разночтениями.

Барону Дельвигу. Впервые — «Сев. цв.» на 1829 г. Антон Антонович *Дельвиг* (1798—1831) — поэт, лицейский товарищ и близкий друг Пушкина, относившийся с большой симпатией к творчеству Языкова. *Его же ставишь на правеж. — Ставить на правеж* — публичное наказание плетьми.

Отъезд. Впервые — альманах «Подснежник» на 1829 г., под заглавием «Эпилог», с разночтениями. В этом стихотворении, посвященном предстоящему отъезду из Дерпта (1829), Языков вспоминает своих университетских товарищей и учителей; строки от *«Я помню вас. Тебя, герой...»* до *«И сладкой вольности беглец»* относятся к П. Н. Шепелеву; строки *«И ты!.. Тебя благословляю...»* до *«Неумолимо добивай»* — к А. Н. Вульфу; строки *«А ты, страдалец, скуки томной...»* до *«В нас водворяли просвещенье!»* — к А. Н. Тютчеву; строки *«Наставник наш, хвала и слава...»* до *«Нерукотворный мавзолей»* — к профессору государственного права Дерптского университета Г. Х. Дабелову (1768—1829).

«Пусть свободны и легки...». Впервые — «Яз. арх.». *И да здравствует София. — София* — по-гречески мудрость.

«Дороже почестей и злата...». Впервые — «Яз. арх.».

«Когда умру, смиренно совершите...». Впервые — альманах «Денница» на 1830 г., под заглавием «Прощальная песнь», в иной редакции.

«Разгульна, светла и любовна...». Впервые — изд. 1833 г.

Прощальная песня. Впервые — «Невск. альм.» на 1830 г., с разночтениями.

А. В. Тихвинскому. Впервые — изд. 1833 г., под заглавием «А. В. Т — у», с цензурными искажениями. *Огни дельфического бога* — в иносказательном смысле — огни поэзии; *дельфический бог* — Аполлон, храм которого находился в городе Дельфы. *Уставы жены хромого кузнеца.* — Подразумевается власть богини любви Афродиты — жены хромоногого бога Гефеста — покровителя кузнечного ремесла. *Богу просвещенья благословенный государь... поставил пламенный алтарь.* — Имеется в виду основание Александром I Дерптского университета (1802).

Послание к А — ву. Впервые — альманах «Комета» на 1830 г. Расшифровать фамилию адресата этого стихотворения не удалось. Судя по тексту, «А — в» — один из товарищей Языкова по Дерптскому университету.

К. К. Яниш. Впервые — «Литературная газета», 1830, № 37, под заглавием «Кар. Кар. Ян... (в альбом)». *Яниш* — девичья фамилия Каролины Карловны Павловой (1807—1893) — поэтессы и переводчицы. *Живительный и сладостный фиал.* — *Фиал* — чаша, кубок.

Элегия («Тот не поэт, в ком не пробудит...»). Впервые — «Моск. вестн.», 1830, ч. I, № 1.

Элегия («Язык души красноречивый...»). Впервые — «Моск. вестн.», 1830, ч. I, № 4.

Элегия («Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь...»). Впервые — «Невск. альм.» на 1830 г., с разночтениями.

А. И. Готовцовой. Впервые — «Денница» на 1831 г., под заглавием «Анне Ивановне». *Анна Ивановна Готовцова* — поэтесса, жившая в Костроме. Ее стихотворения, высоко оцененные Белинским, эпизодически появлялись в журналах и альманахах между 1826 и 1839 гг. А. С. Пушкин в 1828 г. написал «Ответ А. И. Готовцовой» («И недоверчиво и жадно смотрю я на твои цветы»). На текст стихотворения Языкова А. С. Даргомыжский сочинил известный романс «Влюблен я, дева-красота».

Графу Д. И. Хвостову («Итак — мне новая награда...»). Впервые — «Моск. вестн.», 1830, ч. I, № 3. *Гетеру музой.... во всеуслышанье зовет.* — *Гетера* — у древних греков женщина, ведущая свободный образ жизни.

Памяти А. Д. Маркова. Впервые — «Невск. альм.» на 1830 г., под заглавием «А. Д. М — у», с разночтениями. *Алексей Дмитриевич Марков* — преподаватель Горного кадетского корпуса, в котором учился Языков.

Пловец («Нелюдимо наше море...»). Впервые — «Денница» на 1830 г., с разночтениями.

Стихотворение положено на музыку композитором К. П. Вильбоа (1817—1882).

В своих воспоминаниях о В. И. Ленине Д. И. Ульянов пишет: «В 1888—1890 годах Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной...

Они пели дуэтом песню Языкова «Пловец» — «Нелюдимо наше море»...

А. Н. Татаринову («Здорово, брат! Поставь сюда две чаши...»). Впервые — «Моск. вестн.», 1830, ч. II, № 5, под заглавием... «К Ал. Ник. Тат — ву», с разночтениями. *Он, видевший учеными глазами златой Иран...* — Языков здесь имеет в виду своего университетского товарища В. Ф. Федорова (1802—1855), участвовавшего осенью 1829 г. в научной астрономической экспедиции на Арарат.

К А. Н. Татаринову («Не вспоминай мне, бога ради...»). Впервые — «Литературная газета», 1830, № 15, под заглавием «К Ал. Ник. Тат—ву».

Элегия («Мне ль позабыть огонь и живость...»). Впервые — «Моск. вестн.», 1830, ч. IV, № 13.

Водопад. Впервые — «Литературная газета», 1830, № 33, под заглавием «Пловец», с разночтениями.

На смерть няни А. С. Пушкина. Впервые — «Сев. цв.» на 1831 г., под заглавием «Элегия». *Там было трое* — Языков имеет в виду Пушкина, себя и А. Н. Вульфа.

Подражание псалму CXXXVI. Впервые — «Моск. вестн.», 1830, ч. III, № 11, под заглавием «Псалом 136», с разночтениями. *Псалом* — песнь, религиозное песнопение, входящее в состав псалтыря. Согласно библии, автором псалмов считается царь Давид. *В дни плена... на Вавилонских берегах.* — Вавилонский плен — период в истории древних евреев после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II и насильственного переселения части еврейского населения в Вавилонию. *Сион* — гора близ Иерусалима, где находилась столица древней Иудеи. *Напомяни сынам Эдома.* — *Эдом* — страна, расположенная на юге от Палестины; в данном контексте Эдом — враждебная страна.

Рассвет. Впервые — «Денница» на 1831 г.

Подражание псалму XIV. Впервые — «Денница» на 1831 г.

На смерть барона А. А. Дельвига. Впервые — «Сев. цв.» на 1832 г., под заглавием «А. А. Дельвигу», с цензурными искажениями.

Песня («Он был поэт: беспечными глазами...»). Впервые — «Сев. цв.» на 1832 г. Стихотворение посвящено памяти поэта А. А. Дельвига.

К К. Яниш («Вы, чьей душе во цвете лучших лет...»). Впервые — «Сев. цв.» на 1832 г., под заглавием «К—е К—е Я—ш», с разночтениями. *Зеленый лавр поэзии чужой.* — Имеется в виду переводческая деятельность поэтессы Каролины Павловой (К. К. Яниш). *Вы на златых струнах переиграли простые звуки струн моих.* — Имеется в виду перевод на немецкий язык стихотворений Языкова, сделанный Каролиной Павловой.

Бессонница. Впервые — «Сев. цв.» на 1832 г.

Им. Впервые — «Сев. цв.» на 1832 г., с разночтениями.

И. В. Киреевскому. Впервые — «Сев. цв.» на 1832 г., под заглавием «И. В. К.», с разночтениями. *Иван Васильевич Киреевский*

(1806—1856) — критик, журналист, философ, один из основоположников славянофильства.

Весенняя ночь. Впервые — «Одесский альманах» на 1831 г. *Татьяна Дмитриевна* — известная в конце 20-х гг. XIX в. цыганская певица.

Элегия (Татьяне Дмитриевне). Впервые — «Одесский альманах» на 1831 г., с разночтениями.

Перстень. Впервые — «Одесский альманах» на 1831 г.

Ау! Впервые — «Европеец», 1832, № 1, с цензурными искажениями.

Е. А. Свербеевой. Впервые — «Европеец», 1832, № 1, под заглавием «Катерине Александровне Свербеевой». *Екатерина Александровна Свербеева* — жена Д. Н. Свербеева.

И. В. Киреевскому («Поэт, вхожу я горделиво...»). Впервые — «Русск. ст.», 1886, № 7.

М. А. Максимовичу. Впервые — газета «Парус», 1859, № 1. *Михаил Александрович Максимович* (1804—1873) — профессор ботаники Московского университета; с 1834 г. — профессор русской словесности Киевского университета, составитель известных сборников украинских народных песен.

Воспоминание об А. А. Воейковой. Впервые — «Европеец», 1832, № 2.

Конь. Впервые — «Европеец», 1832, № 2.

Элегия («Ночь безлунная звездами...»). Впервые — «Европеец», 1832, № 2.

Пожар (А. Петерсону). Впервые — «Телескоп», 1831, ч. V, № 17. *Александр Петрович Петерсон* — приятель Языкова по Дерптскому университету.

С. С. Тепловой. Впервые — «Телескоп», 1832, ч. VII, № 3, под заглавием «С. С. Т — ой». *Серафима Сергеевна Теплова* — поэтесса 20-х гг. XIX в.

Поэт. Впервые — «Телескоп», 1832, ч. VII, № 2.

На смерть А. Н. Тютчева. Впервые — изд. 1833 г.

Кубок. Впервые — изд. 1833 г.

Камби. Впервые — изд. 1833 г.

Утро. Впервые — изд. 1833 г.

Стансы. Впервые — изд. 1833 г.

Пловец («Воют волны, скачут волны!..»). Впервые — изд. 1833 г.

В. А. Елагину. Впервые — изд. 1845 г., с авторской пометкой: «Москва, 1831 года». *Василий Алексеевич Елагин* (1818—1879) — брат И. В. и П. В. Киреевских по матери — Авдотье Петровне Елагиной (по первому браку — Киреевской).

В и н о. Впервые — альманах «Комета Белы» на 1833 г.

М е ч т а н и я. Впервые — «Комета Белы» на 1833 г., под заглавием «Деве», в иной редакции.

В альбом Маркевичу. Впервые — изд. «Academia». Николай Андреевич *Маркевич* (1804—1860) — украинский поэт и общественный деятель.

П о э т у («Когда с тобой сроднилось вдохновенье...»). Впервые — «Комета Белы» на 1833 г., с цензурными искажениями. *И царь Саул заслушается их.* — Согласно библейскому преданию, игра на гуслях, музыка, поэзия смягчали сердце злобного и мрачного царя Саула.

А. П. Е л а г и н о й. Впервые — «Парус», 1859, № 1.

Е. А. Т и м а ш е в о й. Впервые — «Комета Белы» на 1833 г., под заглавием «К ***». *Екатерина Александровна Тимашева* (1798—1881) — поэтесса. Ее салон в Москве посещали Пушкин, Баратынский, Языков.

Д. В. Д а в ы д о в у. Впервые — «Сочинения» Д. В. Давыдова, т. III, М., 1860.

А. Н. В у л ь ф у («Прошли младые наши годы...»). Впервые — «Денница» на 1834 г., под заглавием «А. Н. В—у», с разночтениями. *Вот это пестрое собрание моих рифмованных проказ.* — Имеется в виду первый сборник стихотворений Языкова, вышедший в свет в 1833 г.

Е. Н. М а н д р ы к и н о й. Впервые — «Моск. набл.», 1835, ч. IV, сент., кн. 2, под заглавием «Е. Н. М—ой». *Елена Николаевна Мандрыкина* — казанская знакомая Языкова.

А. А. Ф у к с. Впервые — «Моск. набл.», 1835, ч. III, авг., кн. 2. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Языково, 1834 года». *Александра Андреевна Фукс* — казанская поэтесса и этнограф.

Д. П. О з н о б и ш и н у. Впервые — «Моск. набл.», 1835, ч. IV, сент., кн. 2. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Елань, 1835 года». *Дмитрий Петрович Ознобишин* (1804—1877) — поэт и переводчик. *Полиглот* — человек, знающий много языков.

М о л и т в а. Впервые — изд. 1845 г., с авторской пометкой: «Елань, 1835 года». Посвящено сестре поэта Екатерине Михайловне, впоследствии жене А. С. Хомякова.

П. В. К и р е е в с к о м у. Впервые — «Моск. набл.», 1836, ч. VI, март, кн. 1, под заглавием «П. В. К—у». В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Языково, 1835 года». *Петр Васильевич Киреевский* (1808—1856) — младший брат И. В. Киреевского, собиратель фольклора — песен, былин, духовных стихов. Свои материалы присылали ему, кроме Языкова, А. С. Пушкин, В. И. Даль и др. П. В. Киреевский — один из основоположников славянофильства. *Тень стигийская, бывалой крепкой лени.* — Языков хочет сказать, что от его прежней лени осталась

одна лишь тень, которую он называет «стигийской», по названию реки Стикс, протекающей, согласно греческим мифам, в подземном царстве мертвых.

К***. Впервые — «Моск. набл.», 1836, ч. VII, май, кн. 2. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Елань, 1835 года». Адресат стихотворения неизвестен.

Д. В. Давыдову («Жизни баловень счастливый...»). Впервые — «Моск. набл.», 1835, ч. III, авг., кн. 2, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Елань, 1835 года». *Знать, Суворов справедливо грудь тебе перекрестил.* — Речь идет о том, что Суворов предсказал юному Денису Давыдову блестящую военную карьеру, о чем последний рассказывает в статье «Встреча с великим Суворовым». *Это фениксов костер.* — В древнеегипетской мифологии *феникс* — сказочная птица, обладавшая способностью при приближении смерти сгорать в гнезде и потом вновь возрождаться из пепла; *феникс* в широком смысле — символ возрождения, восстановления, обновления.

П. Н. Шепелеву («Он прищурился спесиво...»). Впервые — «Моск. набл.», 1836, ч. VI, март, кн. 2, под заглавием «К...». В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Языково, 1836 года».

Е. А. Баратынскому. Впервые — «Моск. набл.», 1836, ч. VI, апрель, кн. 1. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Языково, 1836 года».

Н. А. Языковой. Впервые — «Моск. набл.», 1836, ч. VI, апрель, кн. I. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Языково, 1836». *Наталья Алексеевна* — жена Александра Михайловича Языкова (брата поэта).

«Я помню: был весел и шумен мой день...». — Впервые — «Русская беседа», 1859, № 5.

Девятое мая. Впервые — «Москвит.», 1843, ч. IV, № 7. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Висбаден, 1839 года». *Девятое мая* — день именин Языкова. *Путешественник печальный, невеликий Одиссей.* — Говоря о своих скитаниях по заграничным курортам, Языков шутливо сравнивает себя с Одиссеем, чьи странствия описаны в знаменитой древнегреческой поэме «Одиссея».

Элегия («Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены...»). Впервые — «Москвит.», 1844, ч. I, № 1, с авторской пометкой: «Теодорсгалле, 1839 года». *Пройдет комедия: сын Брута или Гракха.* — Языков говорит здесь шутливо о бродячем актере, облаченном в так называемый древнеримский костюм. *Брут* и *Гракх* — политические деятели древнего Рима.

Элегия («Толпа ли девочек, крикливая, живая...»). Впервые — «Москвит.», 1843, № 4, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской

пометкой: «Ганау, 1839 года». В этом стихотворении дается описание немецкого города Ганау, в котором лечился Языков. *Золотой Сарай хлопочет и звонит.* — Языков шутливо называет цыганский обоз, проезжающий по улицам, «Золотым Сараем». *Ганавский огонь и гром.* — *Ганавский* — от названия города Ганау. *Осенняя Аврора.* — В римской мифологии *Аврора* — богиня утренней зари.

Крейцнахские солеварни. Впервые — изд. 1845 г., с авторской пометкой: «Теодорсгалле— Крейцнах, 1839 года». *Крейцнах* — город в Германии, известный своими соляными источниками. *Иксионским колесом* — в греческой мифологии так называлось вечно вертящееся огненное колесо в преисподней, к которому был прикован царь Иксион за свои преступления. Языков, вероятно, имеет в виду какие-нибудь лечебные процедуры, которые он в шутку сравнивает с пыткой на иксионском колесе.

Элегия («День ненастный, темный; тучи...»). Впервые — «Соврем.», 1843, т. XXIV, под заглавием «День ненастный», с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Теодорсгалле, 1839 года».

Пловец («Еще разыгрывались воды...»). Впервые — «Москвит.», 1841, ч. IV, № 8. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Теодорсгалле, 1839 года».

К стихам моим. Впервые — «Москвит.», 1842, ч. I, № 1. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Теодорсгалле, 1839 года».

Гастуна. Впервые — изд. 1845 г., с авторской пометкой: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста. 1839». *Гастуна* — старинное название Гаштейна — курорта в Австрии, известного своими целебными источниками. *Великий Парацельс.* — *Парацельс,* Филипп-Ауреол-Теофраст-Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541) — немецкий врач и естествоиспытатель.

Иоганнисберг. Впервые — «Соврем.», 1841, т. XXV, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста. 1839 года». *Иоганнисберг* — городок в Германии на правом берегу Рейна; славится своим вином. *Иванова гора* — так Языков называет на русский лад Иоганнисберг.

Графу В. А. Соллогубу. Впервые — альманах «Утренняя заря» на 1841 г,. с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста. 1839 года». *Владимир Александрович Соллогуб* (1813—1882) — русский писатель, обучавшийся в Дерптском университете. *По способу певца Вильгельма Телля, составим славное питье.* — Языков имеет в виду композитора Джоаккино Россини — автора оперы «Вильгельм Телль», имевшего славу тонкого гастронома.

Переезд через Приморские Альпы. Впервые — «Соврем.», 1842, т. XXVII, № 3, под заглавием «Переезд через Апеннины», с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста. 1839 года». *От Комских вод.* — Имеется в виду озеро Комо в Италии, у подножия Альп.

Морская тоня. Впервые — изд. 1844 г., с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1839 года». *Тоня* — участок водоема, предназначенный для лова рыбы с закидными неводами.

Маяк. Впервые — «Москвит.», 1841, ч. VI, № 12. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1839 года».

Буря. Впервые — «Соврем.», 1841, т. XXIV. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста. 1839 года».

Малага. Впервые — «Соврем.», 1842, т. XXIV, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1839 года».

Ницца Приморская. Впервые — «Москвит.», 1841, ч. II, № 3, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1839 года». *Сгоняет аквилон.* — *Аквилон* — северный ветер.

Корабль. Впервые — «Москвит.», 1843, ч. IV, № 7, без заглавия, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1839 года».

Ундина. Впервые — «Соврем.», 1841, т. XXII, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца. Декабря 26, 1839».

Ниццарке. Впервые — «Соврем.», 1842, т. XXVII, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста. 1840 года». *Ниццарка* — так Языков называет жительницу города Ниццы. *Милая Миньона.* — *Миньона* — один из наиболее поэтических женских образов, созданных Гете; персонаж из его романа «Ученические годы Вильгельма Мейстера». *Иакинфы золотые.* — *Иакинф* — драгоценный камень.

К. К. Павловой («Забыли вы меня...»). Впервые — «Москвит.», 1841, ч. I, № 2. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста. 1840 года». *Старый Диц.* — *Диц* — хозяин гостиницы в городе Ганау. *Гофрат* — надворный советник. *Деревянные тедески.* — Имеются в виду немцы (tedesco — немец по-итальянски). *Савона* — город в северной Италии, на берегу Генуэзского залива. *И вот он — островок... где он горит звездой Напо-*

леона. — Имеется в виду остров Эльба в Средиземном море, где в 1814—1815 гг. Наполеон находился в изгнании.

Морское купанье. Впервые — «Москвит.», 1841, ч. III, № 6, с разночтениями. В изд. 1845 г. датировано: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1840 года».

К Рейну. Впервые — «Соврем.», 1841, т. XXI. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1840 года». *Тебе привет из стран Биармии далекой.* — *Биармия* — легендарная страна в Приуралье, известная по русским и скандинавским преданиям IX—XIII вв.

Альпийская песня. Впервые — «Москвит.», 1842, ч. II, № 4, под заглавием «Гастуна», с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Вильдбад — Гаштейн. 1840 года». *На голос: Мальбрук в поход поехал.* — Речь идет о популярной французской шуточной песне: «Мальбруг в поход собрался», героем которой является английский генерал, герцог Мальборо (1650—1722).

Вечер. Впервые — «Соврем.», 1841, т. XXIV.

К. К. Павловой («В те дни, когда мечты блистательно и живо...»). Впервые — альманах «Литературный вечер в пользу семейства Пассека», 1844, с датой: «Март 1841. Ганау».

Элегия («Бог весть, не втуне ли скитался...»). Впервые — «Москвит.», 1841, ч. VI, № 11. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Швальбах. 1841 года».

Н. В. Гоголю. Впервые — «Москвит.», 1842, ч. III, № 6, под заглавием «Г***». В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ганау. 1841 года». *Гальм... Ленау.* — *Гальм,* Фридрих (псевдоним Франца-Иосифа Мюнх-Белинггаузена, 1806—1871) — австрийский поэт и драматург; *Ленау,* Николаус (псевдоним Намбша фон Штреленау, 1802—1850) — австрийский поэт и драматург.

Элегия («На горы и леса легла ночная тень...»). Впервые — «Москвит.», 1845, ч. II, № 3.

Элегия («Поденщик, тяжело навьюченный дровами...»). Впервые — сборник «Вчера и сегодня», 1845. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Ганау. 1841 года».

Гора. Впервые — «Москвит.», 1842, ч. V, № 9. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Вилдьбад — Гаштейн. 1842 года».

Изречение А. Д. Маркова. Впервые — «Москвит.», 1842, ч. IV, № 8. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Вильдбад — Гаштейн, 1842 года».

Море. Впервые — «Москвит.», 1843, ч. V, № 9, с разночтениями. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Венеция. 1842 года».

В е с н а. Впервые — «Москвит.», 1843, ч. V, № 10. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Рим. 1843 года».

Э л е г и я (И. П. Постникову). Впервые — «Москвит.», 1844, ч. IV, № 7, под заглавием «Элегия. И. П. П.». В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Вильдбад — Гаштейн. 1843 года». *Иван Петрович Постников* — врач, у которого лечился Языков.

Э л е г и я («Опять угрюмая, осенняя погода...»). Впервые «Москвит.», 1844, ч. V, № 9. В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Вильдбад — Гаштейн. 1843 года».

Э л е г и я («И тесно и душно мне в области гор...»). Впервые — «Москвит.», 1844, ч. VI, № 11, под заглавием «Горы». В изд. 1845 г. с авторской пометкой: «Вильдбад — Гаштейн. 1843 года».

К н я з ю П. А. В я з е м с к о м у. Впервые — «Современ.», 1844, т. XXV, с разночтениями. *Я родину свою и пел и межевал.* — Языков здесь шутливо намекает на свою службу в Межевой канцелярии, куда он поступил осенью 1831 г. и через два года вышел в отставку. *В те дни стихом... торжественно меня приветствовали вы.* — В 1833 г. П. А. Вяземский, будучи в Дерпте, обратился к Языкову с посланием («Я у тебя в гостях, Языков!»). *Спасибо вам, что вы... мгня и там не покидали.* — В 1838 г. Вяземский навестил больного Языкова в Ганау.

К. К. П а в л о в о й («Тогда, когда жестоко болен...»). Впервые — «Московский сборник», 1847. *На ваш отрадный мне возглас.* — Вероятно, имеется в виду стихотворное послание Каролины Павловой «Н. М. Языкову» («Невероятный и нежданный слетел ко мне певца привет», 1840 г.).

К. К. П а в л о в о й («Хвалю я вас за то, что вы...»). Впервые — «Московский сборник», 1847.

П о с л а н и е к Ф. И. И н о з е м ц е в у. Впервые — изд. «Academia». *Федор Иванович Иноземцев* (1802—1869) — хирург и терапевт, один из основателей Общества русских врачей в Москве, лечил Языкова и был с ним связан узами дружбы.

З е м л е т р я с е н и е. Впервые — «Москвит.», 1844, ч. V, № 10, с разночтениями. В изд. 1845 г. датировано: «Москва, 1844 года». *Всевышний граду Константина.* — Имеется в виду Константинополь — столица Византии. *Геллеспонтская пучина.* — *Геллеспонт* — древнегреческое название Дарданелл. *Обильно пелися литии.* — *Лития* — краткая молитва по усопшим.

Я. П. П о л о н с к о м у. Впервые — «Москвит.», 1845, ч. I, № 2. В изд. 1845 г. датировано: «Москва. 1844 года». *Благодарю тебя за твой подарок милый.* — *Яков Петрович Полонский* (1819—1898) прислал в дар Языкову первый сборник своих стихотворений «Гаммы», вышедший в 1844 г.

В. Н. Анненковой. Впервые — «Москвит.», 1845, ч. II, № 3. В изд. 1845 г. датировано: «Москва. 1844 года». *Варвара Николаевна Анненкова* (1795—1866) — поэтесса, обратившаяся в 1844 г. с посланием к Языкову.

А. Д. Хрипкову. Впервые — «Москвит.», 1845, ч. I, № 1. В изд. 1845 г. датировано: «Москва. 1844 года». *Александр Дмитриевич Хрипков* — живописец-пейзажист, приятель Языкова, обучавшийся в Дерптском университете. *Бывало, отдыхал муж доблести и боя.* — Имеется в виду А. П. Ермолов (1772—1861) — генерал, участник войн с Наполеоном, в 1816—1827 гг. главнокомандующий в Грузии и командир Отдельного кавказского корпуса.

А. П. Елагиной («Я знаю, в дни мои былые...»). Впервые—изд. 1845 г., с авторской пометкой: «Ноября 11 дня, 1844 года, Москва».

Подражание псалму. Впервые — «Москвит.», 1845, ч. I, № 1.

А. В. Киреевой. Впервые — «Москвит.», 1845, ч. I, № 2. *Александра Васильевна Киреева* (1812—1891) — великосветская красавица; в ее салоне собирались литераторы-славянофилы.

А. В. Киреевой («Тогда как сердцем мы лелеем...»). Впервые — «Москвит.», 1845, ч. I, № 2.

Константину Аксакову. Впервые — «Вестник Европы», 1871, № 9. *К. С. Аксаков* (1817—1860) — публицист, историк, писатель-прозаик и поэт; видный славянофил. *На пышную блудницу на Вавилонскую готов* — вероятно, имеется в виду Париж.

К не нашим. Впервые — «Вестник Европы», 1871, № 9. Об этом стихотворении см. вступительную статью (стр. XLV). Нельзя с полной уверенностью сказать, к кому конкретно относятся характеристики, данные Языковым в ст. *«И брат мой: жалкий ли старик»...* до *«Вы, люд заносчивый и дерзкой»*. В дневниковой записи А. И. Герцена за 17 декабря 1844 г. мы читаем: «Языков написал какие-то ругательные стихи на Чаадаева, Грановского и Герцена». Исходя из этого авторитетного свидетельства, можно предположительно отнести слова *Жалкий ли старик, ее торжественный изменник...* к П. Я. Чаадаеву (1794—1856), философу и писателю, другу А. С. Пушкина, автору «философических писем»; *Сладкоречивый книжник, оракул юношей-невежд...* — к Т. Н. Грановскому (1813—1855), историку и общественному деятелю прогрессивного направления; *Поклонник темных книг и слов...* — к А. И. Герцену.

К Чаадаеву. Впервые — «Вестник Европы», 1871, № 9, с разночтениями.

Элегия («Есть много всяких мук — и много я их знаю...»). Впервые — «Москвит.», 1845, ч. I, № 2. *Борей* — название северного

ветра у древних греков. *Тидид, муж крепости великой.— Тидей* в греческой мифологии — царь Аргоса, его сын Диомед (по отцу Тидид) — храбрейший герой «Илиады». *Седовласый врач* — вероятно, имеется в виду немецкий врач Копп, Иоганн-Генрих (1777—1858), у которого лечились Языков и Н. В. Гоголь.

А. В. Киреевой («Я вновь пою вас: мне отрадно...»). Впервые — «Москвит.», 1845, ч. II, № 3.

Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину *(Посвящается А. И. Тургеневу).* Впервые — «Московский сборник», 1846. Стихотворение посвящено открытию в 1845 г. памятника историку и писателю Н. М. Карамзину (1766—1826) на его родине в г. Симбирске. *А. И. Тургеневу* — Александр Иванович Тургенев (1785—1846), историк и литератор, брат декабриста Николая Ивановича Тургенева. *Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный* — цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Памятник». *Написал для нас он книгу книг.* — Имеется в виду двенадцатитомная «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Дальше идет поэтический пересказ главнейших событий, изложенных в труде Карамзина. *Вот сын тирана, — царь смиренник.* — Имеется в виду Федор Иванович — русский царь с 1584 по 1598 г., сын Ивана Грозного. *Бродяга царствует* — Лжедмитрий I (умер в 1606 г.). *Самозванец новый* — Лжедмитрий II (умер в 1610 г.). *Вот Михаил Скопин и братья Ляпуновы. — Михаил Скопин*-Шуйский (1587—1610) — князь, возглавивший борьбу с Лжедмитрием II; Прокофий и Захар *Лупяновы* — военачальники народного ополчения, организованного для освобождения Москвы от польских интервентов (1611—1612). *Реки... откуда он впервые увидел солнечный восход.* — Имеется в виду Волга, где родился Карамзин.

И. С. Аксакову. Впервые — «Соврем.», 1846, т. XLI, с разночтениями. *Иван Сергеевич Аксаков* (1823—1886) — поэт, публицист и общественный деятель, видный славянофил.

К баронессе Е. Н. Вревской. Впервые — «Русская беседа», 1859, № 5. *Евпраксия Николаевна Вревская* (1809—1883), рожд. Вульф — сестра А. Н. Вульфа, приятельница А. С. Пушкина.

Е. А. Свербеевой («Когда б досталась мне корона...»). Впервые — изд. «Библиотеки поэта».

К. К. Павловой («В достопамятные годы...»). Впервые — «Соврем.», 1846, XLIII, под заглавием «К... К... П—вой». *Чересчур неблагосклонно на меня глядите вы.* — Стихотворения Языкова «К не нашим» и «К Чаадаеву» вызвали резко отрицательный отзыв Каролины Павловой. Попытка Языкова восстановить прежние дружеские отношения с Павловой не имела успеха.

Сампсон (А. С. Хомякову). Впервые — «Московский сборник». 1846 г. *Алексей Степанович Хомяков* (1804—1860) — поэт, публицист и общественный деятель, один из вождей славянофильства. Стихотворение «Сампсон» представляет собой поэтическую обработку библейского сказания о гибели силача Самсона, коварно захваченного в плен филистимлянами.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

К А. Д. В—у. Впервые — изд. «Библиотеки поэта». Есть основание предполагать, что это стихотворение адресовано Александру Дмитриевичу Валуеву, симбирскому помещику, женатому на сестре Языкова — Александре Михайловне.

К А. А. Р—у. Впервые — изд. «Библиотеки поэта». Адресат неизвестен. *Измайлова журнал* — «Благонамеренный», журнал, издававшийся А. Е. Измайловым. *Остер, как Аруэт.* — Имеется в виду французский писатель и философ-просветитель Вольтер (1694—1778; псевдоним Франсуа-Мари-Аруэ). *Неумолимый враг безумцу Эпикуру.* — *Эпикур* (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист; его учение, основанное на разумном стремлении человека к счастью, было впоследствии неверно истолковано как стремление к низменным, чувственным наслаждениям. Языков иронически использует это вульгарное толкование Эпикура.

К***. Впервые — «Москвит.», 1848, ч. III, № 5, под заглавием «Об ней». Адресат стихотворения неизвестен.

«Увенчанный и пристыженный вами...». Впервые — в книге «Е. А. Баратынский. Материалы для биографии». Под редакцией Ю. Н. Верховского, 1916.

К*** («Живые, нежные приветы...»). Впервые — «Москвит.», 1849, ч. II, № 5. Адресат стихотворения неизвестен.

К*** («Милы очи ваши ясны...»). Впервые — «Москвит.», 1848, № 9, под заглавием «Послание». Адресат стихотворения неизвестен.

«Вы скоро и легко меня очаровали...». Впервые — «Москвит.», 1849, ч. I, № 2. Адресат стихотворения неизвестен.

СКАЗКИ, ПОЭМЫ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

Сказка о пастухе и диком вепре. Впервые — «Моск. набл.», 1835, ч. IV, сент., кн. 1. *Подобно сфинксу, век пожрет его.* — В греческой мифологии *сфинкс* — крылатое чудовище с туловищем льва и с головой женщины, пожирающее путников, не способных разгадать его загадки. *Хлопают фузеи.* — *Фузея* — кремневое ружье.

Жар-Птица. Впервые полностью — в 1857 г. Отдельными частями печаталась в пушкинском «Соврем.», 1836, т. II, «Моск. набл.», 1836, ч. VIII. В изд. 1845 г. опубликованы первые 14 явлений, причем в этот отрывок механически включена «Сказка о петухе и диком вепре», взамен рассказа о Петре I, к деятельности которого Языков начал отрицательно относиться в 40-х гг. под влиянием славянофильских теорий. (Об этом см. вступительную статью.) *Хоть самого Сократа.* — *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ. *Спартански смел и краток.* — Жители древнегреческого государства Спарты, по преданию, отличались суровым образом жизни, воинственностью и немногословием. *Судить его шемякинским судом.* — *Шемякин суд* — несправедливый, корыстный суд (по заглавию сатирической повести XVII в. о судье Шемяке). *От Кяхты до Богдада, от Колы до Помпеева столба.* — *Кяхта* — город в Бурят-Монголии; *Кола* — древнее русское поселение на Кольском полуострове; *Помпеев столб.* — Имеется в виду Помпеева колонна близ Александрии в Египте, сооруженная префектом Помпеем в честь римского императора Диоклетиана (III век). *Под именем Мельмота.* — *Мельмот* — герой легенды о вечно странствующем человеке, продавшем душу дьяволу за бессмертие. Эта легенда была использована английским писателем Чарльзом Робертом Метюрином (1782—1824) в романе «Мельмот-скиталец». *Второго Казановы.* — *Казанова*, Джованни-Джакомо (1725—1798) — итальянский авантюрист, автор двенадцатитомных «Мемуаров». *Мудрым, как Улисс.* — *Улисс*, или Одиссей, — герой древнегреческого эпоса, знаменитый своим умом, хитростью и изобретательностью. *Ты сердишься, Юпитер* — первая половина древней поговорки, гласящей: «Юпитер, ты сердишься, значит ты не прав». В основе этой поговорки лежит обращение Прометея к богу Зевсу (Юпитеру): «Ты берешься за молнию вместо ответа, значит ты не прав».

Сержант Сурмин. Впервые — «Москвит.», 1845, ч. I, № 1. *Противу галлов.* — Галлия — древнее название современной Франции; *галлы* — французы. *Беднее Ира.* — *Ир* — персонаж из «Одиссеи» Гомера, являющийся воплощением нищеты.

Отрок Вячко. Впервые — «Библиотека для воспитания», 1845, ч. III. Сюжет заимствован из летописного рассказа «Повести временных лет» под 968 г. об осаде Киева печенегами во время княжения Святослава Игоревича. Имя отрока, совершившего подвиг, в летописи отсутствует. Языков назвал его Вячко. *Изок... необычайно жарок.* — *Изок* — название месяца июня. *В земле Сиканской.* — *Сикания* — Сицилия. *Претич за Днепром.* — *Претич* — киевский воевода. *Когда дождемся Святослава.* — В 968 г., к которому приурочено дей-

ствие «Отрока Вячки», киевский князь Святослав Игоревич предпринял поход в Болгарию Дунайскую. *Бискупа Лаберта.* — *Бискуп* — епископ.

Липы. Впервые — сборник «Утро», 1859. Эпиграф — из предисловия к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. *Его большой бузанский пашалык.* — В султанской Турции *пашалык* — провинция, управляемая пашой. *«Вертера» читала.* — Имеется в виду роман Гете «Страдания молодого Вертера» (1774).

ПИСЬМА

ПИСЬМА К РОДНЫМ

Печатаются по автографам, хранящимся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Впервые опубликованы Е. В. Петуховым в книге «Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829)», СПб., 1913.

№ 1. *...в стихотворениях Корнера.* — *Кернер*, Теодор (1791—1813) — немецкий поэт, прославившийся своими патриотическими стихотворениями, созданными в период войны с Наполеоном. *Пришли Корнеля... я решился перевесть «Радогуну».* — *Корнель*, Пьер (1606—1684) — французский драматург; *«Родогюна»* (1645) — одна из трагедий Корнеля. *...сидящая на высоте.* — Под этими словами Языков подразумевает поэтическую славу. *...Грудев тоже...* — *Грудев* — секретарь президента Академии наук С. С. Уварова, приятель Языкова. *Грибовского... отдал Плавильщикову...* — Имеется в виду книга М. *Грибовского* «О состоянии крестьян господских в России»; В. А. *Плавильщиков* — петербургский книготорговец. *«Прогулки за границу».* — Имеется в виду книга писателя П. И. Сумарокова — «Прогулка за границу», СПб., 1821. *Каратыгин... очень хорош в «Сыне любви».* — В. А. *Каратыгин* (1802—1853) — актер-трагик; *«Сын любви»* — пьеса Августа Коцебу. *Ларив советует артисту...* — *Ларив*, Жан (1747—1827) — французский актер-трагик, автор книги «Курс декламации». *...Доказывает и Семенова.* — Е. С. *Семенова* (1786—1849) — трагическая актриса. *Кто ж будет учить Каратыгина, когда Катенин запрещен в столицах?* — В. А. *Каратыгин* обучался актерскому мастерству у поэта и переводчика П. А. *Катенина.* За политическую неблагонадежность Катенин был, по приказанию Александра I, выслан из Петербурга 7 ноября 1822 г. с запрещением въезда в обе столицы. Внеш-

ним поводом высылки Катенина послужило его «неприличное поведение» в театре (он освистал не понравившуюся ему актрису). ...*Дай бог ему ⟨Каратыгину⟩ Гнедича.* — Поэт и переводчик Н. И. *Гнедич* (1784—1833) был, так же как и Катенин, тонким знатоком театра; у него обучалась сценическому искусству упомянутая выше Е. С. Семенова. ...*одного из родных моего Борга.* — Карл-Фридрих фон дер *Борг* (1794—1848) — поэт, переводивший на немецкий язык произведения Крылова, Пушкина, Ф. Глинки, И. И. Дмитриева, Языкова и др. ...*не забудь прислать Озерова и Руслана.* — Имеются в виду сочинения драматурга В. А. Озерова (1769—1816) и поэма Пушкина «Руслан и Людмила» (1820). ...*мое новое стихотворение... отдай Воейкову.* — А. Ф. *Воейков* (1777—1839) — поэт, критик и журналист, издававший приложения к газете «Русский инвалид» под названием «Новости литературы», в которых часто печатался молодой Языков. *«Заглавие... «Гаквин».* — Замысел поэмы *«Гаквин»* остался незавершенным. *Гамс собирается...* — Александр *Гамс* — товарищ Языкова по Дерптскому университету. *Гофману почтение.* — А. Л. *Гофман* — сослуживец брата Языкова, Александра Михайловича.

№ 2. ...*купи и пришли... «Нестора», пер. Языкова.* — «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Шлецером». Пер. с нем. Д. Языкова, 3 части. СПб., 1809—1819. *Перевощиков мне советует.* — В. М. *Перевощиков* — профессор Дерптского университета по кафедре русской словесности. ...*Замечания Куницына... и ответ Розенканфа...* — А. П. *Куницын* (1783—1840) — профессор-юрист, автор двухтомного труда «Право естественное», запрещенного правительством Николая I; Куницын — один из любимых учителей Пушкина по Царскосельскому лицею. Г. А. *Розенканф* (1762—1832) — русский юрист. ...*читал Голикова.* — И. И. *Голиков* (1735—1801) — историк, написавший «Деяния Петра Великого...» в двенадцати томах. *Говорят, вышла «История Малороссии» Каменского...* — Имеется в виду «История Малой России...» Д. Н. Бантыш-Каменского, вышедшая в 1822 г. *Древние русские стихотворения Цертелева... даже издание оных Калайдовича...* — Языков, вероятно, имеет в виду «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Н. А. Цертелева (1819) и «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные...» (К. Калайдовичем) (1818). *Пришли поскорее Цида и Альманах...* — Речь идет о трагедии П. Корнеля «Сид» в переводе П. А. Катенина и литературном альманахе «Полярная звезда», издававшемся А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым. *Таппе сокр⟨ащенного⟩ Карамз⟨ина⟩.* — Имеется в виду сокращенный перевод на немецкий и французский языки «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина,

изданный Августом Таппе. *Новую пьеску Пушкина «К войне».* — Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Война» (1821), напечатанное в «Полярной звезде» на 1832 г. под заглавием «Мечта воина». *Кто играл в «Циде» Шимену?* — *Шимена* (Химена) — героиня трагедии «Сид» Корнеля. *Крейс-герихта* — окружного суда (нем.).

№ 3. ...получил Кайданова и Арсеньева. — Имеются в виду учебники: «Краткое начертание всемирной истории» *Кайданова* и «Краткая всеобщая география» Константина *Арсеньева. Заметь Дельвигу. что в его сонете....* — Имеется в виду сонет А. А. Дельвига, посвященный Языкову («Младой певец! Дорогою прекрасной...») *...о происшествиях в Казанском университете...* — Когда Языков писал письмо (февраль 1823 г.), в Казанском университете происходил позорный суд над профессором правоведения и ректором университета Г. И. Солнцевым, обвиненным в том, что его лекции «противоречат духу священного писания». Этот суд был затеян по распоряжению попечителя Казанского учебного округа — мракобеса М. Л. Магницкого. *Какую поэму Тассову перевел Батюшков?* — К. Н. *Батюшков* (1787—1855) перевел отрывки из поэм «Освобожденный Иерусалим» итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595).

№ 4. *Журнал изящных искусств.* — Имеется в виду нерегулярно выходивший в 1823 и 1825 гг. журнал, посвященный вопросам искусства и литературы. Журнал издавался В. И. Григоровичем.

№ 5. *...поздравляю тебя с приездом Петра... славном агрономе...* — Речь идет о старшем брате Языкова — Петре Михайловиче, геологе по образованию. *Где победить легко, там не славна победа* — цитата из трагедии Корнеля «Сид» (д. II, явл. 2). *Сюда еще приехал... Илличевский.* — А. Д. *Илличевский* (1798—1837) — стихотворец, товарищ А. С. Пушкина по Царскосельскому лицею. *Не пришлешь ли... «Историю» Сегюра...* — Луи-Филипп *Сегюр* (1753—1830) — французский историк.

№ 6. *...вследствие смерти г-жи Мойер.* — М. А. *Мойер* (рожд. Протасова) — племянница В. А. Жуковского, умерла 19 марта 1823 г. *...почтеннейшего Василия Васильевича.* — В. В. Любарский — горный инженер, друг братьев Языковых. *...Не присылаешь Филарета...* — Имеется в виду «Житие преподобного Сергия Радонежского» митрополита московского Филарета.

№ 7. *...как читает лекции Парот?* — *Паррот*, Егор Иванович (Георг-Фридрих, 1767—1852) — физик, академик, первый ректор Дерптского университета. *...меня восхищает Эверс.* — *Эверс*, Иоганн-Филипп (1781—1830) — историк и юрист, профессор, а затем ректор Дерптского университета. *... амврозическую пищу моего ума...* — От слова

амврозия, обозначавшего в греческой мифологии пищу богов. *...подражать... Грею...* — *Грей,* Томас (1716—1771) — английский поэт. *С буквой Д.* — Имеется в виду М. Н. Дирина, которой Языков посвятил целый ряд стихотворений. *...повесть о самозванцах.* — Имеется в виду «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» М. М. Щербатова (1733—1790). *Пришли мне «Братьев-разбойников» и замечание цензора на стихи Олина...* — Языков, очевидно, знал по слухам о поэме А. С. Пушкина «Братья разбойники» (1821—1822), ибо ее полный текст был сожжен автором; отрывки поэмы были напечатаны позже, в «Полярной звезде» на 1825 г.; В. Н. *Олин* (1788—1840) — литератор и издатель.

№ 8. *...Путешествие из Д. в Р.* — Имеется в виду небольшая шуточная поэма Языкова «Чувствительное путешествие в Ревель»; буквы «Д» и «Р» обозначают: Дерпт и Ревель. *Недавно читал я книжку очень любопытную и запрещенную...* — Имеется в виду Conjuration de quatre-vingt seize gentilhomme polonais, écossais, suédois et français contre le gouvernement russe, et mossacrés dans les ruines du château de Macijowike; traduit de l'anglais par Alfred F. Paris, 1821. (Заговор против русского правительства 96 польских, шотландских, шведских и французских дворян, зарезанных в развалинах замка Мациовике; труд, переведенный с английского Альфредом Ф. Париж, 1821.) Название этой книжки установлено Е. В. Петуховым («Яз. арх.», стр. 460) при содействии Н. Д. Чечулина. *...как заговор Катилины.* — *Катилина,* Луций Сергий (108—62 до н. э.) — политический деятель древнего Рима, руководитель заговора, направленного против правящей верхушки римского сената. Сам Катилина стремился к захвату личной власти.

№ 9. *⟨П. М. Языковой⟩. Прасковья Михайловна Языкова* — сестра поэта.

№ 10. *Пусть все идет своим порядком Иль беспорядком, все равно* — цитата из стихотворения П. А. Вяземского «Мои желания». *...не так, как у Дмитриева.* — П. И. *Дмитриев* (1760—1837) — поэт и баснописец. *...принадлежат Ивану Ивановичу.* — Имеется в виду И. И. Дмитриев. *...перевод Жуковского из 4 действия «Орлеанской девы».* — Имеется в виду отрывок из трагедии Фридриха Шиллера «Орлеанская дева» в переводе В. А. Жуковского, напечатанный в альманахе «Полярная звезда». *«Иванов вечер» напечатан под именем Дунканова.* — Имеется в виду баллада В. А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», в которой цензура усмотрела оскорбление православной церкви, так как свидание любовников назначается в Иванов вечер, то есть в канун церковного праздника в честь Иоанна Крестителя. Жуковский был принужден заменить Иванов вечер несуще-

ствующим Дункановым. *...повесть из Голдшмита...* — *Голдсмит*, Оливер (1728—1774) — английский прозаик, драматург и поэт; под «повестью», быть может, подразумевается «Приключения странствующего актера». *...прочесть целого Лебо и Гиббона...* — *Лебо*, Шарль (1701—1778) — французский историк, автор «Истории Восточной Римской империи»; *Гиббон*, Эдуард (1737—1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи». *...разбор «Ист⟨ории⟩ гос⟨ударства⟩ Рос⟨сийского⟩» Лелевеля...* — Имеется в виду статья польского историка и прогрессивного общественного деятеля Иоахима Лелевеля (1786—1861) об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, напечатанная в журнале «Северный архив». *...киевского жителя Каченовского.* — М. Т. *Каченовский* (1775—1842) — историк и литературный критик, написавший разбор предисловия к «Истории государства Российского» под заглавием «От киевского жителя к его другу». *...подобную «Валленштейну» Шиллерову.* — Имеется в виду драматическая поэма «Валленштейн» Фридриха Шиллера, состоящая из трех частей: «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна». *...прочесть... Кальдерона...* — *Кальдерон* де ла Барка, Педро (1600—1681) — испанский драматург. *...сказал Гелти...* — *Гельти*, Людовик-Генрих-Кристоф (1748—1786) — немецкий поэт... *...читать Плетнева, Туманского...* — П. А. *Плетнев* (1792—1865) — поэт и критик; В. И. *Туманский* (1802—1860) — поэт. *Отечества и дым нам сладок и приятен* — цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа». *...перевод «Пустынника» Даленкурова.* — *«Пустынник»* («Отшельник») — роман французского писателя Шарля д'Арленкура (1789—1856).

№ 11. *...какое глупое предисловие!* — Имеется в виду статья П. А. Вяземского «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», предпосланная вместо предисловия к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина в издании 1824 г.

№ 12. *...торопить нашего кунктатора.* — *Кунктатор* — медлитель; так называли римского полководца Фабия Максима Квинта (III в. до н. э.), применявшего в сражениях тактику изматывания сил противника. *...Голицын отлучен от министерства.* — В 1824 г. с поста министра народного просвещения был отставлен мракобес князь А. Н. Голицын (1773—1844). *Шишков, А. С.* (1754—1841) — писатель и реакционный государственный деятель. *Б.-К.* — Д. Н. Бантыш-Каменский. *...вроде Шильдгарольда и Дон Жуана...* — Имеются в виду поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Дон-Жуан». *Цветы Дельвига.* — Имеется в виду литературный альманах А. А. Дельвига «Северные цветы», который начал выходить в Петербурге с 1825 г.

Рылеев кончил своего «Войнаровского»... — Поэма К. Ф. Рылеева «Войнаровский» вышла в свет в 1825 г. *...лорд Байрон умер.* — *Байрон* умер в Греции 19 апреля 1824 г. *Целый пансион сумасшедших.* — Имеется в виду психическая болезнь поэта К. Н. Батюшкова.

№ 13. *...Грибоедов переводит «Фауста».* — Имеется в виду перевод А. С. Грибоедова «Пролога в театре» из I части «Фауста» Гете; он был напечатан в «Полярной звезде» на 1825 г. под заглавием «Отрывок из Гете». *...мое почтение... Одоевскому...* — А. И. *Одоевский* (1802—1839) — поэт-декабрист.

№ 14. *Сюда приехал ...студент ....приятель Пушкина.* — Имеется в виду А. Н. Вульф.

№ 15. *...получил от Дюка...* — *Дюк* (видимо, от французского слова duc — герцог) — семейное прозвище брата Языкова — Александра Михайловича.

№ 16. *...у Ших⟨матова⟩...* — С. А. Ширинский-*Шихматов* (1783—1837) — поэт, автор громоздких героических поэм на темы из русской истории. *Грис не приложил примечаний.* — И. *Грис* — переводчик на немецкий язык драматических произведений Кальдерона. *...Ел⟨изавете⟩ Петр⟨овне⟩, и рисовальную тетрадку для Катуши.* — *Елизавета Петровна* (рожд. Ивашева) — жена старшего брата Языкова, Петра Михайловича; *Катуша* — сестра Языкова, Екатерина Михайловна. *...Тикова повесть...* — *Тик*, Людвиг (1773—1853) — немецкий писатель-романтик. *Мне смертельно надоедает Аладьин.* — Е. В. *Аладьин* — издатель «Невского альманаха».

№ 17. *...Велингтон в П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨ург⟩ ездил.* — *Веллингтон*, Артур Уэлсли (1769—1852) — английский государственный деятель и полководец; в 1826 г. Веллингтон был послан в Россию с официальным визитом (для поздравления Николая I с восшествием на престол). *...и «Венцеслав» и «Гражданское мужество»...* — *«Венцеслав»* — трагедия французского драматурга Жана Ротру (1609—1650) в переводе А. А. Жандра; *«Гражданское мужество»* — ода К. Ф. Рылеева, написанная в 1823 г. и запрещенная цензурой; Языков имеет в виду список этой оды. *...речь Магницкого в Казани...* — Имеется в виду речь попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, произнесенная 15 сентября 1825 г., в которой он восхвалял свои действия по разгрому Казанского университета.

№ 18. *...судьба несчастных возмутителей...* — Имеются в виду декабристы; кроме пяти повешенных руководителей восстания, свыше 100 декабристов было сослано в Сибирь. *Ирод может истребить...* — *Ирод* — мучитель, изверг, от имени царя Иудеи Ирода, которому евангелие приписывает избиение младенцев в городе Вифлееме. *Рад ли Ник⟨олай⟩ Ильич...* — Татаринов, сын которого Александр посту-

пил в 1826 г. в Дерптский университет. Языков посвятил А. Татаринову несколько стихотворений.

№ 19. *...новый устав о цензуре...* — В 1826 г. был введен свирепый цензурный устав, получивший название «чугунного». *...монах Высокой Порты* — турецкий султан (*Высокая Порта* — официальное название правительства султанской Турции).

№ 20. *...Пушкин написал... поэму «Стенька Разин».* — Имеются в виду «Песни о Стеньке Разине», не пропущенные цензурой и при жизни Пушкина не печатавшиеся.

№ 21. *...некто Соболевский.* — С. А. *Соболевский* (1803—1870) — литератор, приятель Пушкина. *Бирюч* — вестник, глашатай. *...поэму «Мазепа»...* — Имеется в виду «Полтава», законченная Пушкиным в ноябре — декабре 1828 г. *...Гнедичев перевод «Илиады» скоро явится в свет...* — *«Илиада»* Гомера в переводе Н. И. Гнедича вышла в свет в 1829 г. *...Погодин перестает заниматься изданием «Московского вестника»...* — этот слух не подтвердился; журнал под редакцией М. П. Погодина продолжал выходить до 1830 г. *...Шевырев печатает свой перевод «Валленштейна»...* — *С. П. Шевырев (1806—1864)* — филолог, критик и переводчик, впоследствии славянофил, опубликовал в 1828 г. свой перевод I части драматической поэмы Шиллера «Валленштейн» — «Лагерь Валленштейна». *...Воейков прибавил еще несколько лиц... в свой «Дом сумасшедших»...* — Имеется в виду сатира А. Ф. Воейкова на литераторов 1810—1830 гг., носящая заглавие «Дом сумасшедших». *Картины Кипренского...* — Живописец и портретист О. А. *Кипренский* (1782—1836). *...под начальством танты...* — *Танта* — ироническое прозвище тетки жены Ф. В. Булгарина (от франц. или нем. Tante).

ПИСЬМА К В. Д. КОМОВСКОМУ

Печатаются по автографам, хранящимся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Впервые опубликованы М. Азадовским в «Литературном наследстве», № 19/21, Москва, 1935.

Василий Дмитриевич Комовский (1803—1851) — приятель братьев Языковых, литератор и переводчик, служил в Главном управлении цензуры.

№ 1. *...не поблагодарил вас за прекрасный подарок.* — В. Д. Комовский прислал в дар Языкову свой перевод «Истории древней и новой литературы» Фридриха Шлегеля (1772—1829) — немецкого поэта, критика и филолога. *«Наложница» явится к светлому воскресенью.* — Имеется в виду поэма Е. А. Баратынского, вышедшая в

1831 г. *...справиться у Грефа...* — *Греф* — петербургский книготорговец, в магазине которого продавались иностранные издания.

№ 2. *Греч, дескать, отлучил Булгарина от издания «Пчелы» и «Сы⟨на⟩ о⟨течества⟩».* — Н. И. *Греч* (1787—1867) и Ф. В. *Булгарин* (1789—1859) совместно издавали реакционную газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества». Слух об их размолвке не подтвердился. *Загоскин возвратился сюда...* — М. Н. *Загоскин* (1789—1852) — романист и драматург, назначенный в 1831 г. директором московских театров вместо Ф. Ф. Кокошкина. *Полевой возится с 3 т⟨омом⟩ своей «Истории»...* — Имеется в виду «История русского народа» в шести томах, написанная Н. А. Полевым (1786—1846) — журналистом, писателем и историком. *Вам ее доставит Смирдин.* — А. Ф. *Смирдин* (1795—1857) — петербургский издатель и книготорговец. *...у которого взял 100 экз. Ширяев...* — *Ширяев* — московский книготорговец. *Что Булгарин... ничего не сказал о «Борисе Годунове»?* — В 1831 г. вышла из печати трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов». *Пишет ли вам брат...* — Имеется в виду Александр Михайлович Языков.

№ 3. *...как получается позволение издавать журнал?* — Речь идет об издании журнала «Европеец», задуманном И. В. Киреевским, которому покровительствовал Языков. По распоряжению Николая I «Европеец» был в 1832 г. запрещен после выхода двух номеров. *...Пушкин пожалован в историографа...* — Речь идет о том, что в 1831 г. Пушкин был зачислен в министерство иностранных дел и ему был открыт доступ в архивы для исторических изысканий.

№ 4. *...о печатании повестей А. Бес⟨тужева⟩ и повестей же Даля; одну из сих последних (именно о Сержанте) я знаю...* — Речь идет о вышедших в 1832 г. «Русских повестях и рассказах» писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского (1797—1837) и о «Русских сказках» В. И. Даля (1801—1872). Сатирическая сказка Даля «О Иване молодом сержанте, удалой голове, без роду, без племени, спроста без прозвища» послужила поводом для конфискации книги и ареста ее автора. *...так же как испанский процветал при Филиппе II!* — «Золотой век» испанской литературы, породивший творчество Сервантеса, Лопе де Вега, Тирсо де Молина и др., совпал с царствованием Филиппа II (1556—1598).

№ 5 *...плоды благостного труда вашего...* — В. Д. Комовский принимал деятельное участие в издании первого сборника стихотворений Языкова, вышедшего в начале 1833 г. *Здесь получены и стихотворения П. Катенина...* — В 1832 г. вышли в свет «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина». *Собирание стихов.* — Речь идет о собирании народных песен.

№ 1. Печатается по автографу, хранящемуся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отрывки из этого письма были опубликованы, с некоторыми ошибками, М. Семевским в журнале «Русский архив» за 1867 г. и Е. В. Петуховым в «Языковском архиве». *...известия о нашем Бейроне.* — Имеется в виду А. С. Пушкин. *...в стране, видевшей лучшее...* — Имеется в виду Тригорское, в котором Языков гостил летом 1826 г. *...манит и блазнит меня посылать стихи...* — С начала 1827 г. Пушкин принимал деятельное участие в издании журнала «Московский вестник». *Пример тому сам Полевой...* — Имеется в виду редактор журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевой. *Пельцер... уехал...* — Карл *Пельцер* — товарищ Языкова по Дерптскому университету. *...Адеркас... беспокоится.* — Ф. В. *Адеркас* — профессор кафедры военных наук в Дерптском университете. *...знаменитого актера Вурма...* — *Вурм,* Альберт-Алоиз-Фердинанд (1783—1834) — немецкий комический актер.

№ 2. Печатается по автографу Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Опубликовано И. А. Бычковым в журнале «Русская старина», 1903 г., III.

№ 3. Печатается по автографу Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Опубликовано И. А. Бычковым в «Русской старине» (1903, III). В данном письме восстанавливается пропущенный И. А. Бычковым абзац, начинающийся словами: *«Наполеон называл людей...» ... покойного Валерьяна...* — Имеется в виду брат А. Н. Вульфа — Валерьян Николаевич (1812—1844). *...моих новых стихотворений.* — В 1845 г. вышел в свет сборник «Новых стихотворений» Н. Языкова. *...альбом баронессы Вревской...* — Евпраксия Николаевна Вульф (в замужестве *Вревская*) — сестра А. Н. Вульфа.

№ 4. Печатается по автографу Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Опубликовано И. А. Бычковым («Русская старина», 1903, III). В данном письме восстанавливается пропущенный И. А. Бычковым абзац, начинающийся словами: *«На твое известие о голоде...» ...альбом, в котором заключаются стихи Пушкина...* — Имеется в виду альбом Е. Н. Вульф (Вревской). *О проклятые и смердящие власти.* — Языков не совсем точно цитирует фразу из «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского (1528—1583). В подлиннике сказано так: «О смрадящие и проклятые власти!» *...знаменитого Присница...* — *Присниц,* Винцент (1799—1851) — немецкий врач, широко применявший метод водолечения.

ПИСЬМА К Н. В. ГОГОЛЮ

Опубликованы В. Шенроком в декабрьской книжке журнала «Русская старина» за 1896 г. По этому источнику печатаются четыре письма Языкова к Н. В. Гоголю.

№ 1. *...принесли мне твое письмо.* — Имеется в виду письмо Гоголя из Ниццы от 15 февраля 1844 г. *Распоряжение моими утрами...* — Имеется в виду то место из письма, в котором Гоголь рекомендует «разделить утро на две половины», посвятив их постоянному чтению религиозных книг. *...Б. — сей английский милорд...* — Имеется в виду Н. Н. Боборыкин (1812—1888) — поэт-дилетант, знакомый Гоголя. *...увижусь с Шевыревым и попрошу от него книгу.* — «О подражании Христу». *Надежда Николаевна Шереметева* — урожденная Тютчева (1775—1850), тетка поэта Ф. И. Тютчева; дружила с Гоголем. *Мой поклон Василию Андреевичу. Что «Одиссея»? Благодарю за «Наль и Дамаянти».* — Имеется в виду В. А. Жуковский, который в 1842 г. начал переводить «Одиссею» Гомера. «Наль и Дамаянти» — поэма Жуковского, представляющая собой свободную художественную обработку отрывка древнеиндийской эпической поэмы «Махабхáрата». *...собрание слов от П. М.* — Имеется в виду брат Языкова — Петр Михайлович, снабжавший Гоголя словарными и фольклорными материалами Поволжья.

№ 2. *Указ 15-го апреля 1844 г.* — Вероятно, имеется в виду указ не от 15 апреля, а от 15 марта «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов», усложняющий процедуру выезда за границу. *...статье о современных русских стихотворцах...* — Имеется в виду статья Гоголя «В чем же, наконец, существо русской поэзии», над которой он начал работать в 1844 г.

№ 3. *О «Москвитянине» на будущий 1845 г.* — Языков предполагал, что М. П. Погодин передаст редактирование журнала «Москвитянин» И. В. Киреевскому. *...М. С. Щепкин... я показал ему строки твоего письма...* — *М. С. Щепкин* (1788—1863) — актер, основоположник сценического реализма в русском театре; Гоголь в письме к Языкову от 12 ноября 1844 г. выражал свое неудовольствие Щепкиным, который не послал Гоголю обещанных книг. *Граф И. П. Толстой уехал...* — *Иван Петрович Толстой* (1810—1873) — брат А. П. Толстого, прокурора святейшего синода. *Посылаю тебе еще одно мое стихотворение...* — Имеется в виду послание «К Чаадаеву».

№ 4. *...стихи мои пародируются...* — Вероятно, имеются в виду стихотворные пародии Н. А. Некрасова «Послание к соседу» и «Послание к другу из-за границы». *П. В. уехал.* — Имеется в виду Петр Васильевич Киреевский.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ
СОЧИНЕНИЙ Н. М. ЯЗЫКОВА

Стихотворения Н. Языкова. СПб., 1833.

56 стихотворений Н. М. Языкова. М., 1844.

Новые стихотворения Н. Языкова. М., 1845.

Жар-Птица, драматическая сказка Н. М. Языкова. СПб., 1857.

Стихотворения Н. М. Языкова. При них приложены его портрет, facsimile, сведения о его жизни и значении и написанное о нем в разных периодических и других изданиях. Ч. I—II. СПб., 1858.

Стихотворения Н. М. Языкова. М., 1887.

Стихотворения Н. М. Языкова. «Дешевая библиотека» А. С. Суворина, с портретом и биографией. Т. 1—2. СПб., 1898.

Н. М. Языков. Лирические стихотворения. Акционерное общество «Универсальная библиотека». М., 1916.

Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. «Academia», 1934.

Н. Языков. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и комментарии М. Азадовского. «Библиотека поэта» (Малая серия). «Советский писатель», 1936.

Н. М. Языков. Собрание стихотворений. Вступительная статья, редакция и примечания М. К. Азадовского. «Библиотека поэта» (Большая серия). «Советский писатель», 1948.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТИХОТВОРЕНИЙ Н. М. ЯЗЫКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения неизвестных лет

СКАЗКИ, ПОЭМЫ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

ПИСЬМА

Н. М. ЯЗЫКОВ

Стихотворения

Редактор Р. Софронова
Технический редактор
М. Кондратьева
Корректор А. Большаков

Сдано в набор 14/IV 1958 г.
Подписано к печати 8/II-1959 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ = 17,375
печ. л. = 28,49 усл. печ. л.
Уч.-изд. 28,62 + 1 вкл. = 28,67 л.
Тираж 15 000 экз. Зак. № 3113
Цена 9 р. 25 к.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29
Отпечатано с матриц
тип. № 1 „Печатный Двор"